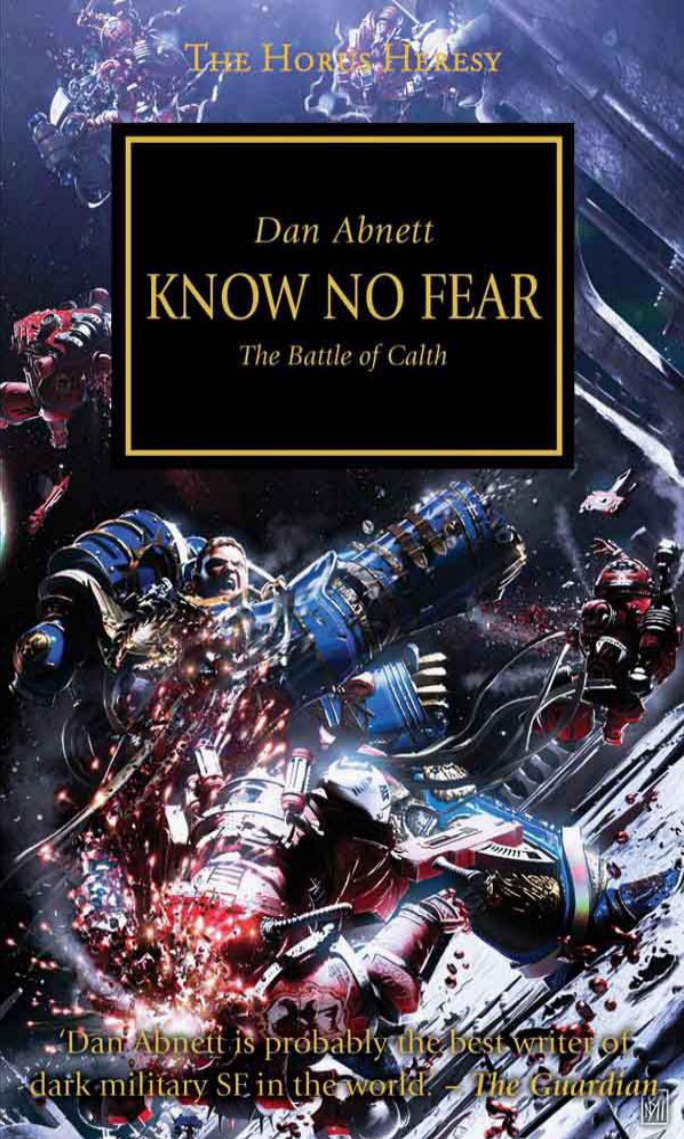

A dynamic and intense battle scene from the Warhammer 40,000 universe. In the center, a large Imperial Guard tank, possibly a Rhino or Crusader, is being assaulted by a massive, multi-limbed Ork weapon. The tank is heavily damaged, with bright orange and red explosions erupting from its side. Several Imperial Guard soldiers in red and white armor are visible, some on foot and others in the air, engaged in combat. The background is a dark, industrial environment with metallic structures and a hazy, smoke-filled atmosphere. The overall tone is gritty and action-packed.

THE HORUS HERESY

Dan Abnett

KNOW NO FEAR

The Battle of Calth

'Dan Abnett is probably the best writer of dark military SF in the world.' – *The Guardian*

Annotation

Не ведающий о возникновении и распространении Ереси, но несколько озадаченный приказами Хоруса, примарх легиона Ультратаринов Робаут Жиллиман возвращается в Ультратар с намерением мобилизовать своих воинов, чтобы отразить массированное вторжение орков в систему Веригуан. В это время предполагаемый союзник Ультратаринов в этой битве, легион Несущих Слово, организует вторжение на Калт, второй по значимости мир системы Ультратар, разметаив флот защитников и истребляя всех, кто встанет на их пути. Это худший сценарий из тех, что Жиллиман мог себе представить. Значит, его брат Лоргар решил поставить точку в их ожесточенном соперничестве таким вот безумным способом. Но лишь когда предатели вызывают своих демонических хозяев и на Ультратаринов обрушиваются орды Хаоса, Робаут понимает, как далеко

зашло безумие его брата. А еще он понимает, что в этой борьбе ни одна из сторон не сможет победить...

- Дэн Абнетт

- THE HORUS HERESY®

- Действующие лица

-

- УКАЗАНИЕ ЦЕЛИ

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- АБСОЛЮТНОЕ//ПОДАВЛЕНИЕ

- 1

- 2

- 3

- УБИЙСТВО//СИСТЕМЫ

- 1

- 2

- 3

○ ПОРАЖЕНИЕ//ЦЕЛИ

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 9
- 10

○ УШКУЛ//ТУ

- 1
- 2
- 3

○ ГИБЕЛЬНЫЙ ШТОРТ

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ УНИЧТОЖЕНИЕ

- ЭПИЛОГ
-

Дэн Абнетт НЕ БЕДАЯ СТРАХА Бумба за Калт

Релу Макниллу и Арзелу
Делбски-Богдену

В усталости нами
овладевают и давно
преодоленные понятия.

Философарх Ницше,
приблизительно 192

Они мертвы и не оживут;
они призраки и не восстанут;
пока ты не принесешь им
разрушение и не сотрешь
память о них.

Апокрифы Терры,
дата неизвестна

THE HORUS HERESY®

Это легендарное время.

Галактика в огне. Грандиозные замыслы Императора о будущем человечества рухнули. Его возлюбленный сын Хорус отвернулся от отцовского света и обратился к Хаосу. Армии могучих и грозных костических десантников Императора схлестнулись в безжалостной братоубийственной войне. Некогда эти непобедимые воины как братья сражались плечом к плечу во имя покорения Галактики и приведения человечества к свету Императора. Ныне их раздирает вражда. Одни остались верны Императору, другие же присоединились к Боителю. Величайшие из костических десантников, командиры многотысячных легионов --- примархи.

Величественные сверхчеловеческие существа, они --- венцы гениальной инженерии Императора. И теперь, когда они сошлись в бою, никому неизвестно, кто станет победителем. Миры полыхают. На Исстваане-V предательски

ударом Хорус практически уничтожил
три верных Императору легиона. Так
начался конфликт, ввергнувший
человечество в пламя гражданской войны.
На стелу чести и благородству пришли
измена и коварство. В тених поджигают
убийцы. Собираются армии. Каждому
предстоит принять чью-либо сторону или
же сгинуть навек.

Хорус создает армаду, и цель его —
сама Терра. Император ожидает
возвращения блудного сына. Но его
настоящий враг — Хаос, изначальная сила,
которая жаждет подчинить человечество
своим изменчивым прихотям. Крикам
невинных и мольбам праведных вторит
жестокий стех Темных Богов. Если
Император проиграет войну, человечеству
уготованы страдания и вечное проклятие.

Эпоха разума и прогресса миновала.

Наступила Эпоха Тьмы.

Действующие лица

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЕГИОН, УЛЬТРАМАРИНЫ

Робаут	Жиллиман	---	примарх
Тринадцатого легиона			
Таврон	Никогим	---	метрарх
Ультратара	(Сарамант),		чемпион
примарха			
Эйкос	Ламиаг	---	метрарх
Ультратара (Конор), чемпион примарха			
Юстарий --- почтенный гредноут			
Телемехр --- гредноут «Контеллитор»			
Марий Гейдж --- магистр оргена,			
Первый орден			
Рем Вентан --- капитан, Четвертая			
рота			
Киүз Селатон --- сержант, Четвертая			
рота			
Лирос Сиганс --- младший капитан,			
Четвертая рота			
Архо --- сержант, Четвертая рота			
Анкрион --- сержант, Четвертая рота			

Барка --- сержант, Четвертая рота
Нарон Ваттиан --- скаут, Четвертая
рота
Саур Дамокл --- капитан, Шестая
рота
Дотициан --- сержант, Шестая рота
Бразеллен --- Шестая рота
Андром --- Шестая рота
Эвексиан --- капитан, Седьмая рота
Амант --- Седьмая рота
Лорхас --- капитан, Девятая рота
Эфон --- капитан, Девятнадцатая
рота
Эрикон Гай --- капитан, Двадцать
первая рота
Тилос Рубио --- Двадцать первая рота
Гонория --- капитан, Двадцать
третья рота
Тей Сулл --- капитан, Тридцать
девятая рота
Грев --- сержант, Тридцать девятая
рота
Кен Андрей --- магистр ордена,
Шестой орден
Кчорг Эмпион --- магистр ордена,
Девятый орден

Варег --- магистр ордена,
Одиннадцатый орден
Экрит --- капитан, Сто одиннадцатая
рота
Фрасторекс --- капитан, Сто
двенадцатая рота
Анхиз --- сержант, Сто двенадцатая
рота
Шараг Антоли --- магистр ордена,
Тринадцатый орден
Таэрон --- капитан, Сто тридцать
пятая рота
Эониг Туель --- сержант, Сто
тридцать пятая рота
Эвидо Банзор --- магистр ордена,
Шестнадцатый орден
Гевтоник --- капитан, Сто
шестьдесят первая рота
Яэр --- аптекарь, Сто шестьдесят
первая рота
Керсо --- Сто шестьдесят первая рота
Бормар --- Сто шестьдесят первая
рота
Забон --- Сто шестьдесят первая рота
Антерос --- Сто шестьдесят первая
рота

Гонорий Люциель --- капитан, Двести
девятая рота

СЕМНАДЦАТЫЙ ЛЕГИОН НЕСУЩИХ СЛОВО

Лорзар Аврелиан --- примарх
Семнадцатого легиона

Кор Фазрон --- Черный Кардинал

Эреб --- Темный Апостол

Арзел Тал --- Гал Ворбак

Эссембер Зот --- Гал Ворбак

Федрал Фелл --- командующий

Морнал Ксир --- командующий

Хол Белоф --- командующий

Малок Карто --- Апостол при Хол
Белофе

Сором Чур

Ултор Нул

КУЛЬТЫ

Ушметар Каул --- «Братство Ножа»

Криол фоуст --- доверенный
лейтенант

Ценвар Каул --- Обратная Семья

Джехарванат --- Кольцо

Каул Мандари --- Генный Рог

Вил Тем --- геннонареченный

ГРАЖДАНЕ ИМПЕРИУМА

Ул Кехал Хесст --- сервер управления,
Механикул

Меер Эгв Таурен --- магос-аналитик

Улдорт --- магос

Арүк Серотиг --- мастер-скитарий

Киратика --- скитарий

Сазар Боган Зедофф --- капитан
корабля «Честь Макразге»

Пелот --- магос-представитель,
«Честь Макразге»

Уон Гомлег --- капитан корабля,
«Святость Сараманта»

ИМПЕРСКАЯ АРМИЯ

Полковник Спарзу --- Десятый
Неридский
Бор Хеллок --- сержант, Шестьдесят
первый Нутинский
Догент Кранк --- Шестьдесят первый
Нутинский
Бейл Рейн --- Шестьдесят первый
Нутинский

ГРАЖДАНЕ КАЛТА

Сенешаль Арбут
Олл Перссон
Графт --- рабочий-сервитор
Гебет Зибес
Кэмм
Нив Рейн
Последующий документ ---
хронологическая запись, скопированная
из оперативной сводки Ультима (XIII)
1136.271.v и текстов примарха Робаута
Жиллимана.

Исключительно для пользования
Агентус Астартес, обладающих допуском.

УКАЗАНИЕ ЦЕЛИ

фаза Планирования, она же состояние подготовки, является жизненно важным сегментом ведения любой войны. Несмотря на то что воин должен быть готов сражаться в любых обстоятельствах, без предупреждения и подготовки, он наиболее эффективен, когда готовится и составляет план войны, учитывая специфические черты противника... Как я уже отмечал ранее, это --- война как наука или искусство. Зачастую сражение выигрывается еще до первого выстрела или же даже оповещения о нем.

Жиллиман.

Примечания

к

Воинской

кодификации, 7.3.11

[отметка: --- 136.57.07]

Кто умер первым?

В большинстве хроник бюджет употянута смерть Гонория Луциеля (капитан, Двести девятая рота) и семнадцати прочих от руки Сорота Чұра на ротной палубе крейсера «Самофракия» на отметке --- 00.19.45, однако на самом деле это были не первые боевые потери.

Примерно за сто тридцать шесть часов (звездных) до начала отсчета в качестве подготовительного этапа к атаке на Калт взята на абордаж и уведена с Аногея Тармұса мобильная база «Кампанила».

Казнены три тысячи семьсот девять членов экипажа, включая капитана, навигатора, начальника эшелонного порта, двух фабрикаторов с сортировочной станции и охранявший палубу наряд Десятого полка Неридских Регуляторов.

Предоставленное припарху Жиллиману около отметки 01.30.00

подтверждение потери «Кампанилы» указывает на проведенное противником планирование и обнаруживает то, что примарх Жиллиман называет подготовительной фазой, опровергая заявления о лежащей в основе конфликта ошибке или несчастном случае.

Это доказывает «предварительный злой умысел» со стороны неприятеля и пригает сил примарху Жиллиману, поскольку избавляет от сожалений при сопротивлении или нанесении ответного удара всей военной мощью. Больше нет смысла пытаться вразумить брата, поскольку этот брат на самом деле пытается его убить вовсе не по ошибке.

Лоргар изначально планировал войну.

Обстоятельства потери «Кампанилы» в подробностях неизвестны /и одинокий в этом мраке, перегруженный и скрипящий кораблик, который замедляет ход и линует по дуге внешние луны, несся более трех с половиной тысяч дуг /поскольку с ее обломков не получена запись бортового журнала или кассета самописца /на него в ночи проникло нечто, сделанное

в ночи, сделанное из ночи, тьма с глазами
и зубами, холодная, словно пустота,
брызжащая через все шлюзы, уплотнения
люков и вентиляционные трубы, будто
сжатое масло/ хотя предполагается, что
ее догнал и захватил со всей командой
боевой корабль Семнадцатого легиона /все
они кричали, ослепнув и задохаясь, нигде
бежать, нет спасения, ни одна дверь не
открывается, кроме тех, что ведут в
лишенный воздуха открытый космос, а
созданное из ночи нечто заполняет
«Кампанилу», каждую каюту и палубу,
каждую камеру и коридор, словно черная
бурая вода, захлестывающая подземное
жилище, ослепляет, душит и
затапливает все, заполняет комнаты,
заполняет рты, заполняет уши, заполняет
желудки, сваривает мозги, гасит
стрельбу, тупит клинки, поглощает
крики смерти и сопротивления, уносит
волны прочь и смеется в ответ
издевательскими голосами, которые
убеждают, что эти крики -- всего лишь
камерная музыка для темных монархов, с
которых человечество лишь начало

результат/ так что оказалось возможным
использовать швартовочные коды для
проникновения к сортировочной
платформе.

На отметках --- 136.14.12, а затем ---
135.01.20 и --- 122.11.35 Управление системы
Калта фиксирует отклонения курса
«Кампанилы».

На отметке --- 99.21.59 зафиксирована
потеря вокс-контакта.

Спустя два часа Управление системы
Калта присваивает «Кампаниле» статус
«повод для беспокойства», а магистр порта
принимает решение выслать поддержку на
перехват, если до конца смены не будет
новой информации. В этот день в
Веригийской системе в связи с
соединением флотилий находится сто
девятью две тысячи единиц корабельного
сообщения.

Поддержки на перехват не
высылается, поскольку на отметке ---
88.10.21 «Кампанила» возобновляет передачу
кода.

Экипаж «Кампанилы» числится в
списках погибших в бою, хотя с тех пор их

никто не видел /но их видели, однако не в том обличье, в котором их, лишенных голоса, можно было бы узнать.

[отметка: --- 124.24.03]

Первые корабли приближающегося флота подтянули свои покрытые вмятинами корпуса к тормозным станциям и остановились у верхней швартовочной станции над городом Нутин. Эти боевые корабли проделали долгий путь, уничтожив великое множество различных существ, и гордо несут цвета и символику Семнадцатого легиона.

Люциель открывает люк воздушного шлюза. Его работа назначена обеспечивать непосредственную безопасность Нутинского верхнего опорного пункта. Он сам просил об этом задании.

Высокий, как будто его несет на плечах еще один крупный человек, широкий, как три атлета-тяжеловеса, облаченный в кератитовую броню блестящего доспеха «Претор», которая еще увеличивает габариты тела, Люциель

открывает люк воздушного шлюза.

В исходящем изнутри свете он оказывается сине-золотым. На голове --- облегающий шлем. По ту сторону щелей визора глаза Люциеля реагируют так же быстро, как и встроенная в оправу щелей оптическая аугментика. Бессознательные боевые инстинкты работают независимо от него: открыто новое пространство, и он должен остотреться и просчитать возможные угрозы. Шлюзовой отсек, шестьдесят кубометров, настил с гравиподдержкой, самогерметизирующаяся бронированная обшивка, нейтральные нормализованные атмосферные условия (хотя Люциель чувствует спад давления в конце рабочих циклов воздушных насосов). На противоположном конце шлюзового отсека находится встречный люк.

Перед гверью стоит фигура. Другой костодесантник в полном боевом облачении.

Люциель принадлежит к Тринадцатому легиону, он Ультратарин. Синий с золотым, цвета чистые и отчетливые. Броня отполирована до

шелковистого блеска. Тип «Претор» — новый вариант, который локально изготавливается в Веридийской Кузнице, однако еще не является официально принятой моделью в Легионес Астартес.

Второй — из Семнадцатого легиона, Несущий Слово. Тип его доспеха — четвертый, «Максимус», созданный для утверждения имперского господства. Улучшенная нагрудная броня и угловатые очертания шлема легко узнаваемы.

Но не их цвета. Темно-багряный с серо-стальным. Выполненные темными лаком ротные обозначения и сетка отделения практически не поддаются расшифровке, как будто их стерли или нечетко нанесли. Куда делся вытравленный плазмой серый цвет прежней раскраски?

Несущего Слово почти невозможно узнать. На какую-то наносекунду он кажется Люциелю незнакомцем, угрозой.

Трансчеловеческие реакции включаются произвольно. Уровень адреналина взлетает, чтобы сократить и без того потрясающее время реакции.

Мышцы вспоминают. В набегренной
нобуре Люциеля его болтер, хорошо
стазанный черный пимбұл в мире оружия.
Капитан может выхватить его,
прицелиться и выстрелить менее чем за
секунду. Дистанция шесть метров, цель
ничем не заслонена. Вероятность промаха
нулевая. Усиленная спереди броня
«Максимуса» может остановить масс-
реактивный снаряд, поэтому Люциель
будет стрелять дважды, целясь по щелям
визора. Рукав-оболочка воздушного шлюза
восстанавливается самостоятельно и
перенесет лазерный огонь, однако заряд
болтера разорвет ее, так что Люциель
готовится к взрывной декомпрессии в
случае рикошета или неточного
попадания. Повинуясь простейшему
подсознательному нейромпульсу,
электромагниты на подошвах
накапливают заряд, чтобы прикрепиться к
пластинам пола.

Люциель размышляет теоретически,
но, разумеется, тут нет никакой теории.
Не существует тактического прецедента
боя одного костического десантника с

дрүгим. Сама идея нелена. Он мыслит практически, и именно это указывает ему на щели визора. Менее чем за полторы секунды он может произвести аккуратный выстрел в голову, выпустив два заряда для надежности, и, вероятно, сохранить целостность атмосферы шлюза.

Все это прокручивается в мозгу детально, инстинктивно и непроизвольно меньше чем за наносекунду.

Несущий Слово поднимает правую руку. Куда он тянется? К основному оружию, плазменной пушке, которую нужно потянуть, чтобы высвободить из кобуры?

Рука раскрывается ладонью вперед, словно цветок, на крохотных кольчужных звеньях мерцает свет.

--- Люциель, --- произносит Несущий Слово. --- Брат.

--- Чүр, --- отвечает Люциель, его голос выходит из динамика шлема рычанием. --- Брат, --- добавляет он.

--- Ряд встече, --- говорит воин Сетнадцатого легиона, делая шаг вперед.

--- Давно не виделись, --- произносит Люциель, двигаясь навстречу.

Они обнимаются, защита на предплечьях лязгает о спинную броню.

--- Скажи, брат, --- спрашивает Люциэль, --- что нового ты научился убивать с момента нашей прошлой встречи?

[отметка: --- 116.50.32]

Эониг Тиель, Ультратарин.
 подверженный дисциплинарному
 взысканию, садится в сине-золотой
 «Грозовой ястреб» в двух тысячах
 километров к югу от Нулина. Солнце ---
 звезда под названием Веригия --- лишь
 перламутровая точка в бледном небе.
 Прекрасная звезда, как слышал Тиель.
 Прекрасная звезда и превосходный мир.

Перед ним солнечный свет озаряет
 матовый металл Нузины Дера Карен,
 района заводов и сборочных цехов. Простые,
 опрятные и утилитарные постройки
 выпускают в чистое небо пряжи белого
 пара через круглые трубы и вращающиеся
 на крышах вентиляторы. Между
 заводочных залов сохранены островки леса,
 где рабочие могут отдыхать в перерывах
 между стенами.

На западе, словно луна, только что
 взошла одна из орбитальных верфей, всего
 лишь туманный призрак, низко висящий в

небе. Тцелю известно о сущестовании еще
восьми. Вскоре, возможно через два или
три десятилетия, Калт сравнится по
объему выпускаемой продукции с Макрагге.
Уже ходят разговоры о проекте
сверхорбитальной платформы. Как на
Терре. У Терры есть сверхорбитальные
платформы. Они есть у ведущих миров
Империума. Калт станет одним из
ведущих миров сектора Ультрамар,
припкнүв к Макрагге, Сараманту, Конору,
Оккюге и Аяксу, и вместе с ними будет
управлять обширным пространством
сегмента Ультима, став одной из опорных
точек грядущей цивилизации.

Калт — воплощение награды за
столетия войн.

И по этой причине Калт не должен
насть. Из-за своего статуса части
гоминиона Ультрамар. Из-за способности
производить корабли и наличия мира-
кузницы.

От Хорүса получены данные разведки.
Теоретическое опознано. Тцель полагает,
что это, должно быть, куда больше, чем
теоретическое, раз предприняты такие

сборы и приготовления, если только
новоявленный не рвется
продемонстрировать свое главенство.
Чтобы мобилизовать Тринадцатый,
крупнейший из всех легионов, ради
одиночного военного действия, нужно
иметь яйца. Чтобы говорить Робауту
Жиллиману, примарху, которому меньше
всего нужно кому-то что-то
демонстрировать, как он должен
исполнять свой долг, требуются яйца из
адамантия. А чтобы предположить, что
Жиллиману может потребоваться
помощь...

Хорус — великий человек. Тиелю не
стыдно это признать. Тиель видел его,
служил с ним и восхищался им. Его
назначение на пост магистра войны вполне
разумно. Как бы там себя ни обманывали
прочие примархи, это мог быть лишь кто-то
из трех, может быть, четырех. Стать
воплощением Императора, его
полномочным представителем? Только
Хорус, Жиллиман, Сангвиний и, быть
может, Дорн. Любые другие притязания на
это место — просто бред. Но даже если

сүзүмү күзү до четверых, Дорн был
слишком суровым, а Сангвиний чересчур
неземным созданием. Либо Хорус, либо
Жиллиман. Хорус всегда обладал
пылкостью и харизмой. Жиллиман был
более беспристрастен и вдумчив.
Возможно, это-то все и решило. Как и то
обстоятельство, что на Жиллимане уже
лежала ответственность. Наполовину
созданная империя. Ультрамар.
Управление. Население. Культура.
Жиллиман уже превзошел статус
полководца, Хорус же все еще оставался
истребителем миров и покорителем
врагов.

Возможно, Воитель Хорус осознает
это несоответствие — что даже после
триумфального избрания его опережает
брат, который уже не стремится к
почестям магистра войны. Может быть,
именно поэтому Хорусу нужно
использовать свою власть и отдавать
приказы Тринадцатому. Вероятно, из-за
этого он объединяет их с Семнадцатым, с
легионом, с которым им никогда не было
уютно.

Или, возможно, новый проявил творческий подход и увидел шанс для отребья Лоргара поднабраться блеска славы Жиллитана -- объединятся, и перед ними будет наглядный пример.

Эониг Тиель, Ультратарин, произнес эти мысли вслух.

Дисциплинарное взыскание он получил не за них.

[отметка: -- 111.02.36]

Они грузят ящики с боеприпасами в доках на южном побережье реки Борос. С той стороны широкой серой полосы воды на них глядит город Нутин.

Работа тяжелая, однако люди, Имперская Армия, спешат, все до единого. После погрузки обеденный перерыв, выпить напоследок, а потом вылет на орбиту.

Обшарпанные металлические ящики, похожие на маленькие гробы, наполнены лазерными винтовками местной модели «Шлютигатор-VJ» -- улучшенный вариант, штампованный на Веридийской Кузнице. Люди надеются, что воспользуются оружием в ближайшие две

недели.

Вдоль устья дует ветер, несущий запахи моря и береговых землечерпалок. Все люди принадлежат к Нуминскому Шестьдесят первому, к регулярной пехоте. Некоторые из них -- ветераны Великого крестового похода, прочие же -- призванные из-за критических обстоятельств новобранцы.

Сержант Хеллок поддерживает боевой дух.

-- Это будут зеленокожие? Зеленокожие? -- все допытываются новички.

Они слышали о зеленокожих. Он заверяет, что это не так.

-- Это упражнение по совместной работе, -- говорит Хеллок. -- Боевая демонстрация силы. Ультратар сыграет тутскүлами.

Хеллок лжет. Он поджигает палочку табака и закуривает в тени хвостовой балки. Ворота темно-синего полевого мундира расстегнут, чтобы высыхал пот на ключицах. Сержант в хороших отношениях с капитаном, и тот ему

доверяет. У Хеллокова капитана есть
групп в Девятой роты Ультратаринов,
такое братание поощряется.
Трансчеловеческий групп капитана
говорит, что угроза носит совсем не
теоретический характер. Он называет ее
«вероятной вылазкой со стороны
ксеновладений Гаслакха», гермове
описания не придумаешь. Зеленые ублюдки.
Ублюдочные орки. Ублюдочные ублюдки
собираются на краю сектора и набираются
стелости прийти и разграбить Калм. Ни
хрена не теоретически.

Поэтому вы берете весь голбанный
Тринадцатый вместе с голбанным
Семнадцатым, а еще все подразделения
Армии, какие можете раздобыть, и
бросаете их на ксено-мать-их-владения
ублюдка Гаслакха, спасибо за это большое.
Проводите по их драгоценным
ксеновладениям убивающие целые системы
силы приведения к Согласию, валите их,
пока они не завалили вас, и в то же время
гробите их варварскую империю. Просто
убиваете. Мертвы, пропали, пока-пока,
отрахнуть руки, больше никакой угрозы.

теоретической или хрен знает какой
группой.

Берете силы приведения к Согласию
таких размеров, каких не видели с
момента Уллнора или ранних дней
Великого крестового похода, два полных
легиона лучших бойцов Императора,
направляете их на знойное зеленое сердце,
тухлый зеленый мозг и хренов зеленый
хребет ксеновладений Гаслакха, и с ними
покончено.

Так все это видится сержанту
Хеллоку.

Имя сержанта Хеллока -- Боу. Никто
из подчиняющихся ему людей этого не
знает, и только один-два выживших
впоследствии узнают его, прочитав в
списках погибших.

Боу Хеллок умрет через два дня.
Его убьет не орк.

[отметка: -- 111.05.12]

Сержант Хеллок отошел покурить.
Люди замедляют шаг. У них болят руки.

Бейл Рейн -- самый молодой из них.
Он совсем зеленый, прошел недельную

ускоренную подготовку. За шесть недель до
сезонного отлета ему туманно
обещали дать час на прощание с невестой.
Мысль, что он ее не увидит, невыносима.
Он уже подозревает, что то было пустое
обещание.

Нив на том берегу реки, ожидает его
на общей пристани, ждет, когда он
помашет рукой из-за ограждения парома.
Он едва может сдерживаться при мысли,
что ее ждет разочарование. Она прождет
всю ночь в надежде, что он просто
опаздывает. Стелнее. В черной реке
появятся желтые отражения заводских
дымовых труб. Она замерзнет.

От этой мысли у него болит сердце.

--- Подними воротник, --- говорит ему
Кранк, дернув за ухо. Кранк старше, он
ветеран.

--- От работы на солнце, --- ворчит
он, --- ты обгоришь, парень. Фуражку ниже,
воротник выше, даже если потеешь. Ты не
хочешь обгореть. Уж поверь мне. Это хуже,
чем разбитое сердце.

[отметка: не указано]

«Отметка Калта» обозначает две вещи. Во-первых, в боевом протоколе Тринадцатого легиона она относится к прошедшему времени сражения (в траннских (звездных) часах). Все операции и акции Ультратарина за этот период доступны для изучения в архивах, и отметки прошедшего времени используются для поиска и навигации. Инструктор может отослать новицата к «отметке Оракса: 12.16.10», имея в виду десятую секунду шестнадцатой минуты двенадцатого часа записи приведения Оракса к Согласию. Обычно отсчет начинается либо со времени отдачи приказов по операции, либо с ее фактического начала, однако на Калте он ведется с момента, когда Жиллитан отдал приказ об ответном огне. По его словам, все, что произошло ранее, было не битвой, а всего лишь предательством.

Во-вторых, «отметкой Калта» называют вызванные солнечной радиацией ожоги, которые получили многие участники сражения, в первую очередь люди (особенно не трансчеловеческие

войска).

Спустя много лет последние
выжившие из ветеранов все еще
отказываются от трансплантационного
восстановления и с гордостью носят свои
отметины.

[отметка: --- 109.08.22]

Рем Вентан, капитан Четвертой, руководит сборами в провинции Эрүд. Предполагается, что это честь, но у него нет такого ощущения.

Работа кажется канцелярской. Работа кажется трудом бюрократа или администратора. Кажется, что примарх преподает ему очередной ценный урок о связанной с трансчеловечностью ответственности. Учись гордиться работой по управлению так же, как и войной. Чтобы быть правителем не хуже, чем командиром.

Рем Вентан это понимает. Когда война закончится, ведь в конце концов она должна закончиться, когда не останется врагов, с которыми нужно покончить, и племов, которые нужно покорить, что тогда делать создавшим Империи транслюдям?

Уйти на пенсию?

Зачахнуть и умереть?

Стать обузой? Кровавый
напотинанием о былых, более грубых
временах, когда человечеству требовалось,
чтобы для него выковали империю
сверхлюди? Война приемлема, когда
является необходимым средством для
выживания. Когда потребность в ней
отпадает, становится неприятным сам
факт, что когда-то такой инструмент
был нужен.

--- В этом заключена великая
ирония, --- сказал Жиллиман своим
капитанам и магистрам всего неделю
назад. --- Легионы Астартес созданы
убивать, чтобы добиться победы и мира, в
котором им не найдется места.

--- Ошибка в концепции? --- спросил
Гейдж.

--- Необходимое бремя, --- предположил
Сиданс. --- Я строю ваш храм, зная, что не
буду молиться в нем.

И на то и на другое Жиллиман
покачал головой.

--- Мой отец не совершает настолько
больших ошибок, --- сказал он. ---
Космические десантники преуспевают на

войне, поскольку их создавали, чтобы они преуспевали во всем. Каждый из вас станет лидером, правителем и господином своего мира и применит свои трансчеловеческие таланты в управлении и культуре, поскольку сражений больше не будет.

Рем Вентан знает, что примарх искренне в это верит. Но он сомневается, что примарх вроде Ангрона или Рюсса с такими же оптимизмом смотрит на перспективу мирного будущего.

--- Чему вы улыбаетесь? --- спрашивает стоящий рядом Селатон.

Рем бросает взгляд на сержанта.

--- Я улыбался?

--- Вы смотрели на инфопланишет и улыбались, сэр. Я гадал, что такого забавного в декларативном списке восьмидесяти сверхтяжелых единиц бронетехники.

--- Мало чего, --- соглашается Рем.

По ту сторону наблюдательной атбразуры массопогрузочные машины затаскивают четырехсоттонные танки в чрева громоздких подъемных кораблей.

[отметка: --- 108.56.13]

Брат Браэллен молод и еще ни разу не сражался с зелеными. В отличие от капитана. В залитом солнечным светом лагере на Уросенских холмах проходит импровизированная тренировка в ожидании сигнала собираться и грузиться на борт.

--- Орк, в теории, --- говорит капитан Датокл.

--- В голову или позвоночник, масс-реактивными, --- отвечает Браэллен. --- Или в сердце.

--- Угуот, --- ворчит сержант Домициан. --- Выстрел в сердце его не остановит. Нет гарантии. Грязные твари поглощают повреждения, даже от болтеров.

--- Значит, череп или позвоночник, --- исправляется Браэллен.

Датокл кивает.

--- Орк, на практике? --- спрашивает он.

--- Что у меня есть? --- уточняет Браэллен.

--- Твой болтер. Боевой меч.

--- В череп или позвоночник, ---
говорит Браэллен, --- или в оба места,
куда угодно, лишь бы сработало. Как
можно больше повреждений. Если дойдем
до ближнего боя, обезглавить.

Датокл кивает.

--- Мой тебе совет, не позволяй им
подобраться настолько близко, ---
произносит Домициан. --- У них хватает
силы. Они тебе конечности поотрывают.
Чногда проклятые твари продолжают
двигаться, даже лишившись головы или с
раскрытым черепом. Нервные корешки
или что-то в этом роде. Если можешь,
держи их на расстоянии --- дальнобойным
оружием, огнем болтера. Как можно
больше повреждений.

--- Хорошая рекомендация, --- говорит
капитан Датокл своему сидящему
сержанту. Он смотрит на стоящих кругом
братьев. --- Ее дает человек, который
сражался с зеленокожими на шесть раз
больше, чем я. Шесть ведь, Дом?

--- Полагаю, что семь, благодарю вас,
сэр, --- откликается Домициан. --- Но если

вас это не огорчает, то и меня тоже.

Датокл улыбается.

--- Впрочем, ты упустил одно предостережение в практической оценке, --- говорит он.

--- Разве, сэр? --- спрашивает искренне удивленный Домициан.

--- Кто знает? --- интересуется капитан.

Браэллен поднимает руку.

--- Считать патроны, --- произносит он.

Домициан смеется и досаждает на самого себя. Как он мог забыть этот основной момент?

--- Просветишь остальных, брат Браэллен? --- подсказывает капитан Датокл.

--- Подсчет боекомплекта, --- говорит Браэллен. --- Максимум повреждений, максимум вреда, но следите за счетчиком зарядов и старайтесь соотносить наносимый урон с нормой боеприпасов.

--- Почему? --- спрашивает Датокл.

--- Потому что, когда речь идет об ошибках, --- произносит Домициан, --- их

всегда чертова куча.

Брату Андросу также еще не приходилось сражаться с зеленокожими. Когда капитан распускает группу и отправляет всех по делам, он беседует с Браэлленом.

Их обоих недавно перевели из резервных рот, и они готовы окончить период ученичества, послужив на линии боевых действий. Оба благодарны и горды, что им дали места в Шестой роте, возможность служить под началом Саура Дамокла и нанести на синее поле своих наплечников, пусть даже и временно, ротную эмблему — белую змеящуюся шестерку.

[отметка: -- 99.12.02]

У Олла есть земля в гельме возле Нериды.

Это примерно двадцать гектаров хорошего наносного чернозема. Эти гектары — наделы за службу. Олл служил, и у него есть подтверждающий это пожелтевший формуляр на дне сундука в кладовке. Славные годы службы.

маршировки под штандартном
Императора.

Олл из Армии.

Его служба окончилась на Хризофаре
восемнадцать стандартных лет назад.
Тогда его звали «рядовой Перссон». У него
есть бутаги, лента за выслугу, штатн в
фортүляре и нагел, размеры которого
пропорциональны годам службы. Армия
всегда округляет в меньшую сторону.

Олл провел два года на корабле-
скотовозе, шедшем от Хризофара к
Калтү. Во всех листовках и плакатах
Ультратар называли Новой Империей.
Лозунг казался несколько нелояльным, но
указывал путь. Богатое новое скопление
тиров, которое великий Жиллитан привел
к Согласию и превратил в сильную
пограничную республику, выглядело как
новая империя. Плакаты пытались
привлечь поселенцев и колонистов,
которые стремились к Краю под защитой
экспедиционных флотов. Приезжайте в
Ультратар и разделите с нами будущее.
Постройте новую жизнь на Калте.
Поселитесь на Октавии. Новые тир.

Новые судьбы!

Если вы выбирали себе нагел за службу на развивающемся мире в роде Калта, администрация оплачивала вам переезд. Олл прибыл вместе с тысячей людей, которым предстояло стать его соседями. Когда он добрался до Калта, то уже был известен как Олл, и только те, кто замечал выцветшую татуировку на левом предплечье, знали, что в прошлом он был профессиональным убийцей.

Термоядерные электростанции Нериды дают энергию, питающую лампы, которые освещают Нутин и крепость Калкас. Станции нагнетают воду из реки, чтобы смывать угольную грязь с турбин, и согревают гелту насыщенную черной жижей, из-за чего речная долина является одним из наиболее плодородных мест на планете. Хорошая земля. Во влажном воздухе всегда воняет свеклой и капустой.

У Олла нет жены, он занят только тяжелым трудом. Он выращивает яркие цветы, которые украшают дома и петлицы знати Нутина, а затем, после смены сезона, снимает второй урожай

темнотравья для полотняной промышленности. Для обоих урожаев нужны сезонные рабочие руки. Олла нанимает молодых мужчин и женщин из окрестных семей: девушки срезают и упаковывают цветы, а юноши собирают и скатывают темнотравье. Он контролирует их при помощи бывшего армейского погрузочного сервитора по имени Графт. Графта нельзя запрограммировать так, чтобы он не называл его «рядовой Перссон».

На шее Олла на тонкой цепочке висит старый катерический символ, подарок жены, которую он только-только начал узнавать, когда она умерла и ей на стену пришла жизнь в Армии. Символ и вера — две причины, по которым он приехал в Ультратар. Он чувствует, что здесь, в сегменте Ультима, легче верить.

Так предполагается, во всяком случае.

Некоторые из его соседей, которые прожили рядом восемнадцать лет и детей которых он нанимает на работу, слеются над его верой. Называют «богобоязненным».

Прочие же вместе с ним посещают

маленькую часовню на крошке полей.

Сейчас сезон темнотравья, и мушкетеры с мальчишками находятся в полях. Впереди две недели тяжелого труда.

Сегодня в небесной вышине много кораблей. Войсковые транспорты. Перевозчики боеприпасов. Они пролетают мимо, и Олл жмурится на солнце. Он узнает их. Фермер, колонист, верующий — кем бы он ни был, внутри он все еще «из Армии».

Он узнает их.

И испытывает старое ощущение, которое напоминает ему о висящей над катином лазерной винтовке.

[отметка: --- 68.56.14]

В Баррморе, к востоку от реки Борос, сто одиннадцатая и сто двенадцатая роты Ультратарина размещены в городах-префабриках на краю леса. По команде магистра Одиннадцатого ордена Вареда они сядут в «Лэндрейдеры», «Рино» и глинобазные наступательные «Рино» и отправятся в порт Нутин на погрузку.

Командование Сто одиннадцатой
недавно перешло к Экриту от Бриенга,
который пал на Эмексе. Это была тяжкая
потеря для роты. Экрит -- хороший
начинающий командир. Он жаждет
настоящего боя, который вернет Сто
одиннадцатую в форму и
продемонстрирует им, что он достойная
замена любимому Бриенгу.

-- Никогда не видел человека,
который бы так рвался преодолеть
трудности, -- произносит Фрасторекс,
капитан Сто двенадцатой. -- А вы,
сержант Анхиз?

-- Нет, сэр, -- отвечает Анхиз.

Они присоединились к Экриту на
насыпи под деревьями. Она образует
естественную наблюдательную площадку.
Им видна пойма реки, лагеря рот Несущих
Слово, которые совершили высадку
прошлой ночью, палаточные городки
Армии и площадки титанов. Боевые
машины отключены, они дремлют, стоя
рядами, словно гигантские металлические
деревья. По магистрали внизу с грохотом
движется колонна бронетехники и

буксируемых артиллерийских орудий.
Мелькают низко летящие перехватчики.
Синяя дымка.

Экрит ухмыляется. Фрасторекс ---
ветеран, старик. Экрит понимает, что
Варег возложил на Фрасторекса роль
наставника на время перелета. Рота ---
это немало, командование ею нельзя
принять с легкостью.

--- Знаю, не следует торопить войну, ---
говорит Экрит. --- Знаю, знаю. Я читал
Махулия, Антакса, фон Клаузевица...

--- И Жиллимана, надеюсь, ---
замечает Фрасторекс.

--- Слышал о нем, разумеется, ---
отвечает Экрит.

Они смеются. Даже стоящий
навытяжку Анхиз вынужден скрыть
улыбку.

--- Мне нужно сосредоточить своих
людей на цели. Практической угрозе, не
теории. Пока им не потребуются мой
личный пример, я могу только
произносить множество воодушевляющих
речей.

Фрасторекс вздыхает.

--- Сочувствую. Полню, как принял командирский жезл после смерти Некта. Мне нужен был лишь первый соперник, чтобы пролить кровь. Проклятье, я в нем нуждался. Мне было необходимо, чтобы они сплотились вокруг меня против врага, а не объединились против меня, как чужака.

Экрит кивает.

--- Это правильно, сержант?

Анхиз задумывается.

--- Совершенно верно, сэр. Теория --- только звук. Концентрация на битве заставляет людей забывать о прочих делах. Это отличный способ привязать их к новому командиру. Дайте им знакомое ощущение. Разумеется, в случае капитана Фрасторекса ему так и не удалось сплотиться с нами или доказать свою достойность.

Все трое громко хохочут.

--- Хотелось бы, чтобы с организацией дела обстояли получше, --- говорит Экрит. --- Масштабы этой мобилизации стихотворны. Только логистика все тормозит.

--- Говорят, что ты улетаешь сегодня, ---
--- произносит Фрасторекс. --- Самое позднее
--- завтра. Что потом? Две недели на
корабле, и будешь по самые уши в крови
орков.

--- Жду не дожусь, --- говорит Экрит. ---
--- Потому что здесь никогда ничего не
произойдет.

[отметка: --- 61.20.31]

Если начинаете множить, а
заканчиваете одной победой, то
промежуточные затраты приемлемы.

Жиллиман перечитывает
написанное. Эта мысль изначально
принадлежит не ему: ее произнес член
племени воинов Т'Ванти. Он всего лишь...
отшлифовал ее.

Он даже не уверен, думает ли он так
же, однако все военные концепции и
афоризмы стоит записывать, хотя бы для
того, чтобы понять, как мыслит враг.

Племена воинов верили в это. Они
были благородными союзниками,
одаренными бойцами. Разумеется,
низкотехнологичными, и близко ничего

похожего на его легион. Т'Ванти согласились служить в качестве ауксильев. Со стороны Жиллимана это был дипломатический ход. Если он позволяет аборигенам разделить с ним победу, они смогут принять на себя ответственность за поддержание Согласия на своей планете. Однако в тот день перемещения орков были необъяснимы, но толпе проходили непредсказуемые всплески своеволия. Вопреки всякому здравому смыслу они повернули на запад. Силы Жиллимана задержались на целый день. Племена воинов двинулись вперед самостоятельно и заняли холм в Кундүки, в буквальном смысле слова обезглавив командование зеленокожих.

Казалось, что Т'Ванти наслаждаются своими достижениями и абсолютно не замечают потери восьмидесяти девяти тысяч человек.

Жиллиман задумчиво вертит в пальцах стилус. Чтобы погибнуть в таких количествах, нужна дисциплина. Это одна из причин, по которым в его покоях на стене висит кордүлүс, клинок Т'Ванти. Он

полагает, что у него наиболее дисциплинированная военная сила в Империи, что вполне справедливо, учитывая качества прочих легионов. Но он не уверен, что даже его Ультрамарины смогут проявить столь высокий уровень дисциплины, уровень Т'Ванти.

— Им никогда не придется этого сделать, — размышляет он вслух.

Жиллитан откидывается назад. Кресло изгибается, поддерживая бронированную громаду его тела. Он имеет облик человека, но является гораздо больше, куда больше, чем даже гиганты-транслюги из его легиона. Он — примарх. Во вселенной осталось лишь семнадцать подобных ему существ.

Он — тринадцатый сын Императора человечества. Владыка Ультрамарины, Тринадцатого легиона. Среди себе подобных он один из наиболее человеческих. Некоторые больше похожи на ангелов. Некоторые... наоборот.

Уздалека его можно спутать со мертвым. Только приблизившись, осознаешь, что он куда больше походит на

бога.

Говоря кратко, он красив. Красив, как регент на старинной монете, как хороший меч. Но в нем нет привлекательности ритуального оружия, как в Фүлгрите. Он не ангел, как Сангвиний. В нем нет пронзающей сердце ангелоподобности. Его красота иная.

У него твердо очерченный подбородок, как у преданного долгу брата Дорна. Они оба наделены аристократизмом. Присутствует огромная сила Ферруса и живучесть Мортариона. В глазах порой мелькает шальной блеск Хана, а иногда — постепенность Льва. Как говорят многие, в форме его носа и лба есть энергия и победительность Хоруса Лүперкала.

Нет той горечи, что отражает Коракса, нет затравленного отчаяния, которое терзает несчастного Конрада. В нем никогда не бывает нарочитой таинственности, окутывающей Магнуса или Альфария, и он более открыт, чем погруженный в себя Вүлкан. Он одарен, чрезвычайно одарен даже по меркам примархов. Ему известно, что широта его

познаний тревожит более прямодушных, несгибаемых братьев, вроде Лоргара и Пертурabo. Он никогда не проявляет вспышек ярости Ангрона, его глаза не горят сумасшедшим блеском Рүсса.

Он многого достиг и знает это. Порой ему кажется, что это недостаток, в котором он должен оправдываться перед братьями, но потом он чувствует вину за то, что извинялся. Мало кто из них на самом деле доверяет ему, поскольку, как он чувствует, они всегда задают, что он собирается извлечь для себя из соглашения или сотрудничества. У еще меньше тех, кто его любит, — своими друзьями он считает только Дорна, Феррүса, Сангвиния и Хорүса.

Некоторые из его братьев довольствуются ролью инструментов Крестового похода, которыми они стали. Чьные даже не задумываются и не знают, что являются таковыми. Ангрон, Рүсс, Феррүс, Пертурabo... Они — всего лишь оружие, и не желают ничего сверх этого. Им известно их место, и они согласны оставаться на нем, как Рүсс. Или же они

понятия не имеют, что может быть другая желаемая роль, как Анжрон.

Жиллиман полагает, что ни один из них не был создан для того, чтобы стать только оружием. Ни одна война не может длиться вечно. Император, его отец, растил не одноразовых сыновей. Зачем ему было надеяться их такими талантами, если им было предначертано стать ненужными после окончания войны?

Он вертит стилус в руке и перечитывает то, что написал. Он много пишет. Кодифицирует все. Информация — это власть. Техническая теория — это победа. Он намеревается собрать и систематизировать их все. Когда война закончится, быть может, у него найдется время преобразовать свои архивы в некую формальную кодификацию.

Он осознанно пользуется стилусом, записывая вручную. Стилус делает пометки прямо на люмопластиковой поверхности инфопланишета, но даже это считается архаичным. Клавиши кажутся безликими, а вокс-рекордеры или секретарские рубрикаторы никогда его не

устраивали. Какое-то время он пробовал
мысленную передачу и одно из более
современных телеоперьев, но и то и другое
оказалось неудовлетворительным. Стилю
останется.

Жиллиман вертит его в руке.

В его покоях тихо. Через
расположенные за его спиной огромные
двери из тонированного армогласа ему
видно магистров оргенов, которые
собираются на аудиенцию. Они ожидают
его вызова. Предстоит много работы. Они
думают, что он пребывает в праздности,
пишет заметки и не следит за потоком
информации.

Забавно, что они все еще его
недооценивают.

Он писал заметки по военным
обычаям Т`Ванти семнадцать минут, но
в то же время просмотрел и отметил
пятнадцать сотен информационных
бюллетеней и сводок, выведенных на
второстепенные экраны слева от него.

Он видит и связывает все.

Информация -- это победа.

[отметка: -- 61.25.22]

Магистры орденов ожидают своего притарха. Они видят его из вестибюля сквозь тонированный армоглас дверей. Он сидит, словно памятник посреди пустой часовни. Время от времени его рука двигается, когда он делает пометку на парящем планшете при помощи старинного пера. Помещение, покои Жиллимана, обставлено строго и скудно. Стальные перекрытия и ребристые адамантовые стены. На дальнем конце -- стена из кристалфлекса, через которую видно орбитальное пространство. Мерцают звезды. С сияющего внизу мира сквозь черноту доходит свет.

Марий Гейдж -- первый магистр. Еще не все собрались. Уже прибыло двенадцать, и это уже немало. К концу дня их станет двадцать.

Тринадцатый легион, крупнейший из Легионес Астартес, разделен на ордена -- пережиток древней полковой организации гротовых воинов. Каждый орден состоит из десяти рот. Рота является основной единицей -- тысяча легионеров плюс

вспомогательные силы, которых возглавляет старший капитан. Как Гейдж часто слышал от примарха, одной роты более чем достаточно для большинства задач. Есть старинное изречение, популярное в Тринадцатом. Возможно, оно хвастливо, высокомерно и неприменимо к некоторым противникам вроде орков или эльдар, однако в его основе лежит истина.

Чтобы захватить село, пошлите легионера; чтобы захватить город, пошлите отделение; чтобы захватить мир, пошлите роту; чтобы покорить цивилизацию, пошлите орден.

Сегодня на Калте соединятся для отправки двадцать из двадцати пяти орденов Тринадцатого. Двести рот. Двести тысяч легионеров. Оставшиеся будут поддерживать гарнизоны по всему Матистам Мирам Ультратара.

Подобный сбор является не беспрецедентным, однако редким. Тринадцатый не давал общий обед на столько персон с первых дней Великого крестового похода.

А к их массе еще добавился

эквивалентный пяти оргенам

Семнадцатый, легион Несущих Слово.

Мощь, избыточная почти до
стешного. Что же такого, по мнению
магистра войны, есть в запасе у
ксеновладений Гаслакха?

--- Надеюсь, --- произносит Кен Амрей,
магистр Шестого оргена, --- надеюсь, ---
громко повторяет он, --- что мы
обнаружим крупнейшее гнездо зеленокожих
в известной части космоса.

--- Надеешься на проблемы? ---
удивленно спрашивает Гейдж.

--- Примечание 56.XXJ, --- говорит
Варед из Одиннадцатого. --- Никогда не
желайте опасности. Опасность не
нуждается в вашей помощи. Не
существует судьбы, которую опасно
испытать, однако активное стремление к
войне никогда не укрепляет боевой дух.

Амрей хмурится.

--- Я бы лучше немного поискусал
судьбу, --- говорит он, --- чем тратил время
ради чужой славы.

--- Кого именно ты имеешь в виду? ---
интересуется Гейдж.

Андрей смотрит на него. Шрам пересекает левый глаз и загибает вниз уголок рта. Когда он улыбается, это почти незаметно.

— Это приведение к Согласию служило достижению двух целей, ни одна из которых не является военной, — произносит он. — Мы должны добавить немного блеска к тяжеловесной репутации Несущих Слово, поработав совместно с ними. И мы должны продемонстрировать авторитет Хоруса, перебрасывая по его прихоти двадцать полных орденов.

— Андрей, это теоретическая или практическая оценка? — спрашивает Банзор, и все магистры смеются.

— Вы же видели тактические сводки Зеленокожие Гаслакха — это смешно. Сомнительно даже, что они вообще двинулись к Голсорию. Исходящая от них угроза переоценена. Я мог бы взять одну роту из резерва и стянуть их за неделю. Дело в самоутверждении и демонстрации авторитета. Дело в том, что Хорус хвалится своим положением.

Раздается приглушенный шум

голосов, многие соглашаются.

--- Хорус Лүперкаль, --- произносит
Марий Гейдж.

--- Что? --- переспрашивает Андрей.

--- Хорус Лүперкаль, --- говорит
Гейдж. --- Или Воитель Хорус, или
магистр войны. Возможно, ты не
считаешь его более достойным, чем наш
примарх, однако Император считает и
пожаловал ему звание. Даже в
неформальной обстановке, среди нас, как
сейчас, ты будешь говорить о нем
уважительно. Он Воитель, Андрей, наш
главнокомандующий, и если он говорит,
чтобы мы отправлялись на войну, мы
отправляется.

Андрей замирает, а затем кивает.

--- Мои извинения.

Гейдж кивает в ответ. Он
оглядывается вокруг. Собралось
четырнадцать магистров орденов. Он
поворачивается к дверям.

Те открываются. Их раздвигают
скрытые под полом гидравлические
поршни.

--- Заходите, --- зовет Жиллиман. --- Я

вижу, что вы там беспокоитесь.

Они входят, Гейдж идет вперед. Сопровождающие и ветераны остаются снаружи.

Жиллитан не поднимает глаз. Он делает стилусом очередную пометку. На невидимых гололитических панелях слева от него бегут строчки данных.

Внутри покоев открывающийся через кристалфлексовую стену вид стал более эффектным. Внизу блестит на солнце далеко растянувшийся громадный корпус флагмана «Честь Макразге». Двадцать шесть километров полированной брони из кератита и стали. Сбоку, словно серебристо-синие клинки, поблескивают стоящие на второстепенных швартовочных точках восемнадцать барж, каждая размером с город. На верхних уровнях, удерживаемые гравитацией, словно луны, сияют десантные корабли, транспорты, балкеры Механикум, крейсера, гранд-крейсера и линкоры. Пространство между ними насыщено мелкими кораблями и грузоперевозчиками, которые снуют между трюмами и

причалами.

Внизу грузовые люггеры поднимают с орбитальных платформ военную технику. Они похожи на муравьев-листорезов и скорпионов, которые тащат клешнями превосходящую их размерами добычу.

Ниже фрегат проверяет свои двигатели в ближайшем орбитальном кармане.

Еще ниже Калт, бело-синий в отраженном солнечном свете. В его сиянии вспыхивают зеркальные булабочные острия -- это всплывают в солнечный луч поднимающиеся с поверхности челноки.

Гейдж прокашливается.

-- Мы не хотели вас беспокоить, примарх, однако...

-- ...многое нужно сделать, -- заканчивает Жиллиман. Он бросает на первого магистра взгляд. -- Я следил за потоком данных, Марий. Ты думал, что нет?

Гейдж улыбается.

-- Ни секунды, сэр.

Сотня дел одновременно. Способность примарха заниматься сразу множеством

задач почти нүгает.

--- Мы хотели удостовериться, что от вас не укрылась ни одна мелочь, --- говорит Эмпион из Девятого. Самый толстой. Получивший назначение самым последним.

Гейдж прячет улыбку. Несчастный глупец все еще не отучился недооценивать.

--- Думаю, что нет, Эмпион, --- произносит Жиллиман.

--- «Самофракция»...

--- Нүждается в дальнейшем освидетельствовании двигателей, --- отвечает Жиллиман. --- Я велел капитану Кулаку выделить сервиторов с орбитального кармана 1123. Да, Эмпион, я это видел. Я видел, что «Млатус» перегружен на восемьдесят две сотни тонн, и рекомендую начальникам станции перенаправить Сорок первый Эспандорский на «Высокое восхождение». Сборы провинции Эруд отстают от графика на шесть минут, поэтому Вентану нүжно, чтобы сенешаль Арбут повысила скорость обработки грузов в порту Нүтина. Шесть минут растянутся на следующие два дня.

Колофраксису требуется поставить
корабль в строй. Провинция Карен
опережает график, поэтому я доволен
капитаном Таэроном из Сто тридцать
пятой, хотя и сомневаюсь, что он
подготовился к ливню, который обещан
позднее сегодня, так что он должен быть в
курсе, что состояние поверхности
ухудшится. К слову о Сто тридцать
пятой: прилетит сержант Туель. Он
подвергнут дисциплинарному взысканию.
Когда он прибудет, отправьте его ко мне.

--- Этот дисциплинарный вопрос
может быть решен на уровне магистрата,
сэр, --- говорит Антоли. Тринадцатый его,
и эта роль вынадает ему.

--- Когда прибудет, отправьте его ко
мне, --- повторяет Жиллиман.

Антоли бросает взгляд на Гейджа.

--- Разумеется, мой примарх.

Жиллиман поднимается на ноги и
смотрит на Антоли.

--- Антоли, я просто хочу с ним
поговорить. И --- да, Марий, я снова влезаю
в телочи. Простите меня. Погрузка армии
--- скрупулезное, но утомительное занятие.

мне хотелось бы немного отвлечься.

Магистры улыбаются.

--- Когда представление главных гостей? --- спрашивает Жиллитан.

--- Флот примарха Лоргара совершал переход в систему с полуночи по времени Калта, --- говорит Гейдж. --- Первые корабли сопровождения собираются. Как мы понимаем, примарх пересекает границу света и тени в системе, приближаясь в реальном пространстве на большой скорости.

--- Итак... осталось шестнадцать часов?

--- Шестнадцать с половиной, --- отвечает Гейдж.

--- Я округлял в меньшую сторону, как Артия, --- говорит Жиллитан. Все стеются. Примарх смотрит через кристалфлексовую стену. Среди рядов блестящих, словно полированные клинки мечей, звездолетов уже присутствует россыпь более темных кораблей, похожих на окровавленное оружие, которое ожидает чистки.

Первые боевые корабли Лоргара.

которые швартуются и маневрируют, занимаемая места в строю.

--- Получены приветствия от прибывающих капитанов и командующих, --- сообщает Гейдж. --- Эреб просит об аудиенции в удобное для вас время.

--- Он может немного подождать, --- произносит Жиллиман. --- Это довольно унылый человек. Я бы предпочел вытерпеть их всех, но за один раз.

Магистры снова смеются.

--- Подобная бестактность уместна только в нашем кругу, --- напоминает Жиллиман. --- Эта операция спланирована так, чтобы продемонстрировать эффективность новой эпохи. Она целиком спланирована для того, чтобы прославить моего брата Хоруса и укрепить его авторитет.

Жиллиман смотрит на Андрея, который улыбается, и на Гейджа, который глядит в сторону.

--- Да, Марий, я слышал. И вот что. Андрей был прав. Это представление, полная и, в сущности, трата времени. Но --- и это главное --- Хорус является

магистром войны. Он заслуживает прославления, а его авторитет нуждается в укреплении. Но в то же время, Андрей, Марий также был прав. Ты всегда будешь говорить о магистре войны с почтением.

--- Да, мой примарх.

--- И последний вопрос, --- говорит Жиллиман. --- Шесть с половиной минут назад произошел сбой сигнала вокса. Детали записаны. Возможно, искажение из-за солнечной вспышки, но я прошу кого-нибудь проверить. Для всего мира это прозвучало как пение.

[отметка: --- 61.39.12]

Помехи проверены и списаны на солнечные искажения. Вокс-артефакт. Пустота постоянно потрескивает и нашептывает в слышимом и электромагнитном диапазонах.

Спустя полчаса специалист на борту «Касторекса» докладывает о том, что слышит в воксе поющие голоса. Через двадцать минут песнопения на одиннадцать секунд блокируют основную орбитальную информационную передачу.

Источник песнопений не установлен.

Часом позже происходят еще два всплеска, не имеющие источника.

Через час после этого Управление связи сообщает о «серии поломок» и предупреждает, что «в течение дня возможны дальнейшие искажения связи, пока проблема не будет выявлена».

Еще через час на ночной стороне Калта начинается первый из дурных снов.

[отметка: --- 50.11.11]

Существует множество признаков. Существует множество предзнаменований. Принимая во внимание выдающуюся тщательность, с которой Тринадцатый легион проводит свои приготовления, возможно было бы считать трагедией или некомпетентностью тот факт, что так мало из всего этого было замечено.

В данном случае простая истина заключается в том, что Ультратарин не знает, что нужно искать.

На поверхности Калта в утренних лучах Тилос Рубио вместе со своим отделением ожидает погрузки на

транспорты. Они все принадлежат к двадцать первой роте, подчиняясь капитану Гаю.

У Рубио болит голова. Боль за глазами. Он не обращает на нее внимания. На короткое мгновение он призадумался, не сообщить ли о ней аптекарию, но не делает этого. В ходе подготовительной фазы они двигались несколько дней без перерывов на отдых. Не было возможности отключить высшие психические функции и поспать или хотя бы провести восстановительную медитацию.

Он списывает боль на естественную усталость. Очередное проявление слабости человеческой плоти, которое в течение часа выявит и нейтрализует его трансчеловеческая биология.

Это не усталость. Впоследствии Рубио пожалеет, что не обратил внимания на свое недомогание. Пожалеет об этом куда сильнее, чем обо всем остальном, что произойдет на Калте. Сожаления будут терзать его до самой смерти, еще много лет.

После смерти и резни, после стрельбы

и убийства, когда судьба совершит
необычный ход и выведет его с поля боя,
когда наконец появится возможность
подумать, Тилос Рубио поймет, что в
своей решимости следовать эдиктам
Императора он оставил без внимания
жизненно важное предупреждение.

Он не одинок. Среди примерно двухсот
тысяч Ультратаринов, которые находятся
в этот день на Калте и вокруг планеты,
присутствуют сотни одаренных
личностей вроде него, покорно и
самоотверженно принявших понижение до
ординарных званий. Все они игнорируют
головную боль.

В отличие от Рубио, мало кто
проживет достаточно долго, чтобы об
этом пожалеть.

[отметка: -- 28.27.50]

-- Я просил о праве присоединиться к наступлению, -- говорит Сорот Чур.

Впервые с начала встречи Люциель чувствует в поведении друга неловкость.

И впервые он задумывается о том, что они вовсе не друзья. Как бы лучше сказать? Товарищи, быть может?

Они встречались однажды, восемь лет назад. Их роты случайно сблизились при обороне Гантовании Себрос, последнего из городов-башен Каскиана. Четыре терранских месяца они плечом к плечу отбивались от насекомоподобных созданий, чьего названия и языка они так и не узнали. Товарищи в силу обстоятельств.

Обстоятельства принимают решения за всех нас.

Простая, без прикрас, истина состоит в том, что Тринадцатый легион Астартес Ультратарин и Семнадцатый легион Астартес Несущие Слово не близки друг другу. Невзирая на внешнее сходство,

они совершенно разные по организации и боевой идеологии. Они настолько же различаются между собой, как и возглавляющие их примархи.

Всякому глупцу видно, что изначальной целью Императора при сотворении его сыновей и легионов было создать многообразие боевых сил, которые станут дополнять и украшать друг друга. Предполагалось, что различные сильные стороны и характеры будут сиять в контрасте. В единообразии слабость.

А поскольку братья разные, они конфликтуют. Существовать соперничество и споры, ссоры и перебранки, зависть и состязание. Это также задумано как часть здорового естественного процесса Легионес Астартес. Таков замысел Императора. Пусть сыновья соревнуются. Пусть Легионы бросают друг другу вызов. Так они будут подстегивать друг друга. Так они будут работать лучше. Император и его старейшие, мудрейшие сыновья всегда рядом, чтобы остановить зашедшие слишком далеко события.

Гонорий Люциель и Сорот Чур стоят на наблюдательной палубе над главным трюмом крейсера «Самофракия». Они поприветствовали друг друга с уважением и симпатией и провели день, наблюдая за распределением потока персонала Армии и боеприпасов с боевого транспорта Чура на десантные корабли, за которыми наблюдает Люциель. Они похожи --- сходного телосложения, одного звания. Один красный, другой синий, как будто они отпечатаны одинаковыми заводскими прессами, а затем обработаны разными красками.

--- Думаю, мы близки, --- говорит Чур. --- Надеюсь, что не ошибаюсь.

--- Так и есть, --- соглашается Люциель. --- Было честью служить вместе с тобой на Каскиане.

--- А стало быть, мы... необычные, --- делает смелое замечание Чур.

Люциель смеется.

--- Ты просил о праве прилечь к наступлению, --- произносит он. --- Полагаю, твой притарх проявил благосклонность?

--- Да.

--- Так же как и мой, --- отзывается Люциель, --- когда я просил об обязанности обеспечивать непосредственную защиту Нутинской верхней станции. Нам отвели роль послов, брат.

--- Мне тоже так кажется, --- кивает Чур, испытывая облегчение, что спустя несколько проведенных в обществе других другая часов об этом наконец зашла речь.

--- Думаю, мы с тобой --- единственная настоящая точка соприкосновения между нашими легионами, --- говорит Люциель. --- Неудивительно, что мы должны постыгнуть к общему взаимодействию.

Они идут по палубе под грохотными ударами ребер-сводов трюма.

--- Гордость моего легиона получила удар, --- произносит Чур.

--- Разумеется, --- отвечает Люциель. --- Уязвлена, я бы сказал. И это --- лекарство. Наши легионы будут нести службу плечом к плечу, прилагая совместные усилия, и тем самым спланироваться. Примером этого в миниатюре служит наш опыт.

--- Говорили, что это маневры, ---

откликается Чур. — Что Хорус израет властью, отдавая приказы двум своим братьям, в особенности тому, кто и так достаточно могуч. Но это все дым. Думаю, что Хорус демонстрирует замечательную проницательность. Он знает, что при нынешнем положении дел единство любого строя, образованного Несущими Слово и Ультратарином, будет неполным.

— Очевидно, что в своей бесконечной мудрости Хорус изучил рапорт о Каскианской кампании.

— Думаю, что да.

Может потребоваться много времени, чтобы гурная кровь растворилась. Порой ее необходимо выпустить. Суть разногласий, удара по гордости, проста. Неудовлетворенный продвижением и работой Семнадцатого в ходе Великого крестового похода, Император отправил Ультратаринов покарать их. Это была абсолютная унижительная выволочка, проистекавшая из отвращения Императора к фанатизму Несущих Слово, в особенности когда дело

дошло до почитания его собственной
персоны как божества. Истина
Императора была светской истиной. Он
терпел набожное отношение в кругу своих
сыновей, но не более того.

Возможно, Ультратаринат не
повезло, что их использовали таким
образом. Не просто какой-то легион, а
крупнейший, наиболее светский, наиболее
эффективный, наиболее
дисциплинированный. Наиболее успешный,
хотя с этим можно было поспорить.

Люциель склонен к сочувствию. Он
несколько раз беседовал по этому поводу
наедине с притархом, поскольку
Жиллимана это тоже явно беспокоило.
Неуютно выступать в роли инструмента
унижения и примера для подражания.
Жиллимана тревожит, что его
отношения с Несущими Слово никогда не
исправятся. Это стало понятно, поскольку
он раз за разом расспрашивал Люциеля,
единственного офицера Тринадцатого,
который когда-либо добивался
относительного доверия офицера
Семнадцатого.

Убо Несущие Слово всегда были лишь
верны и преданны. Люциель это знает. У
него нет сомнений в абсолютной верности
Чура. Их преданность была поставлена под
сомнение и очернена самим ее объектом.

Хорус Луперкаль демонстрирует
свою мудрость и проницательность с
самого начала управления. Он излечивает
раны. Активно работает над тем, чтобы
притупить два крупнейших легиона и
забыть горький раскол.

— На Каскиане, — говорит Люциель, —
я многому у тебя научился, Сорот.
Научился поражаться звездам и ценить
внушающее стирание масштабы нашей
галактики.

— А я учился у тебя, — отзывается
Чур. — Учился плотному анализу и оценке
врагов, и это изменило мои воинские
способности.

Их слова искренни. На Каскиане Чур
напомнил Люциелю о месте того в
огромной вселенной. Хотя он и не пытался
обратить капитана Ультратаринов в
какую-либо духовную истину, но смог
помочь тому тельком увидеть

неописуемое костическое таинство, которое напоминает смертному, пусть даже могучему трансчеловеку, о его крохотном месте в великом творении и создает пульс, живое сердце любой веры. В результате Чур дал Люциелю видение мира, которое благотворно утало представление капитана о себе перед лицом вселенной. Это указало Люциелю на его место и наполнило о цели.

Взамен Люциель продемонстрировал Чурю строгость теории и практики, крепкой выучки, которая пронзала покров духовности желанным прагматизмом. Люциель напомнил Чурю, что тот сверхчеловек. Чур напомнил Люциелю, что тот всего лишь сверхчеловек. От обмена точками зрения они оба неизмеримо выиграли.

--- Мне доставит огромную радость, --- говорит Люциель, --- если наши братья с обеих сторон в итоге оценят по достоинству обоюдные различия, как это сделали мы.

--- Я не сомневаюсь, --- отвечает Чур, --- что этот сбор положит конец

враждебности между нашими легионами.

[отметка: --- 26.43.57]

Эониг Туель, подвергнутый дисциплинарному взысканию, ожидает собеседования. Он уже несколько часов на борту «Чести Макрагге».

Ему велели ждать. Он ждет, что его вызовут к Шарату Антоли, магистру XIII ордена. Он готов к этому. Будет безжалостный выговор, за которым последуют дисциплинарные обязанности.

Однажды его уже подвергал этому Таэрон, капитан его роты. В ходе собеседования Туель допустил промах, попытавшись оправдаться в своих поступках. Когда его вызовут к магистру ордена Антоли, он не повторит этой ошибки.

Туеля обязали ждать в огромной приемной на сороковой палубе. Это стендовый арсенал, увешанный оружием. В центре помещения на возвышениях располагаются отполированные тренировочные клетки.

Спустя три часа ожидания в

идеальной неподвижности он сдается, снимает шлем и начинает прохаживаться по пустому залу, восхищаясь оружием на стенах. В основном это клинки, многие из которых сработаны мастерами. Они представляют собой вершину оружейного искусства тысячи культур. Это образцовое собрание, сюда приходят наиболее высокопоставленные офицеры Тринадцатого. Чтобы изучить виды оружия, потренироваться и попрактиковаться с ними, тем самым улучшив теоретические и практические навыки.

Тиель знает, что ему вряд ли удастся когда-либо еще так приблизиться к подобным совершенным образцам. Он борется с соблазном взять какое-нибудь оружие и изучить его. Ему хочется почувствовать сравнительный вес, индивидуальности баланса.

Когда ожидание затягивается и никто не приходит, Тиель протягивает руку к подвешенному у стены на гравитационном крюке дуэльному мечу.

— Сержант Тиель?

Тиель замирает и быстро отдергивает руку. В зал вошел палубный офицер в церемониальном костюме.

--- Да?

--- Меня просили сообщить вам, что ждать осталось недолго.

--- Я буду ждать столько, сколько потребуется, --- отвечает Тиель.

--- Что ж, --- пожимает плечами офицер, --- осталось недолго. На первое место вышли вопросы логистики. Примарх вскоре вызовет вас.

Он поворачивается, чтобы уйти.

--- Подождите: примарх?

--- Да, сержант.

--- Я ждал, что меня вызовут к магистру оргена Антоли, --- говорит Тиель.

--- Нет, к примарху.

--- А-а, --- произносит Тиель.

Палубный офицер ждет еще мгновение, приходит к выводу, что беседа окончена, и уходит.

Примарх.

Тиель медленно выдыхает. Можно считать, что его проблемы практически

самые серьезные, какие вообще могут быть.

Что означает...

Он снимает дуэльный меч. У клинка необычный баланс. Туель дважды взмахивает им, а затем поворачивается к ближайшей тренировочной клетке.

Останавливается. Разворачивается обратно.

Проклятие можно с одинаковым успехом заработать как за часть, так и за все вместе.

Он берет рафианскую саблю, вдвое короче меча, но почти такую же тяжелую. Держа в каждой руке по клинку, он идет к клетке.

--- Тренировка, режим одиночного спарринга. Двойное оружие, восьмой уровень сложности. Выполнять.

Клетка с гудением оживает, вокруг него поднимается система арматуры, с лязгом начинающая вращаться.

Туель приседает на корточки. Он поднимает два бесценных клинка.

Их вылет отложен. Какой-то малый штурм над провинцией Карен. Небо на востоке становится красно-лиловым, словно налитый кровью синяк.

Сержант Хеллок велит им устроиваться на ночлег и ждать вызова. Вылет отложен, но не настолько, чтобы позволить рядовому Бейлу Рейну покинуть позицию и пойти повидаться со своей девушкой.

--- Согласно уставу, никаких исключений, --- говорит сержант. Затем он слегка сдается. --- Извини, Рейн. Знаю, что ты надеялся.

Бейл Рейн садится и прислоняется спиной к погрузочному поддону. Он начинает думать, что проведет остаток жизни, глядя на лицо сержанта Хеллока, и больше не увидит Нив.

Вряд ли он мог оказаться дальше от истины.

--- Это что --- пение? --- спрашивает Кранк. Он поднимается.

--- Это пение, --- произносит он.

Рейн тоже его слышит. В двухстах метрах, по ту сторону какого-то

отражения периметра, находится полевой лагерь, занятый подразделениями Армии, которые прибыли с Семнадцатым. Толпа оборванцев, так они выглядят. Просто какие-то проходитцы с окраинных миров. От таких только и ждешь, что они будут семенить по пятам за фанатичными Несущими Слово. Когда они выгружались, то заработали немало критических комментариев сержанта Хеллока, которые касались формы одежды, построения, обслуживания оборудования и парадной дисциплины.

— О, ну это просто неприлично, — говорит Хеллок, поджигая палочку лху и наблюдая, как те высаживаются из десантных модулей. — Они похожи на голбанных бродяг. На тупых, как дерьмо, охотников с мира, расположенного в заднице Галактики.

Солдаты с другой планеты и впрямь не выглядят многообещающе. Они оборваны. В них есть какая-то дикость, как будто они слишком долго были лишены чего-то жизненно необходимого. Их кожа бледная, а телосложение худощавое. Они

похожи на растения, которые чахли без света в пещере. Похожи на дикарей.

--- Как раз то, что нам надо, ---
произносит Хеллок. --- Дикие
вспомогательные подразделения.

Они поют, скандируют. Это не приятные или привлекательные звуки. В сущности, их довольно неприятно слышать.

--- Похоже, это придется прекратить, --- говорит сержант. Он даст каблукот окурок палочки лхо.

Он движется через площадку, чтобы потолковать с командиром другого подразделения. Пение раздражает его.

[отметка: -- 20.44.50]

Капли дождя вырываются из сухого воздуха, словно болтерные заряды. Они разбиваются, как будто черное стекло, об обтекатель спидера, который Селатон гонит по магистрали Эрүд.

Повсюду пыль: высохшая до рассыпчатости земля, затвердевшая корка пыли на металле, пыль в воздухе, поднятая челноками, машинами и военным транспортом. Плоский ландшафт бледен и едва освещен. Небо странно потемнело, потумнело. С пассажирского места бронированного спидера Вентану видно далекую линию холмов, покрытых зеленью.

С юга надвигается ливень. По воксу говорят, что в Карен уже болото.

Пройдет не так уж много времени, и здесь тоже будет болото, думает Вентан. Свет такой странный. Небо такое темное, а земля такая светлая. Капли дождя похожи на стеклянные бусинки, на слезы. Они разлетаются об него, о броню, о

спидер, оставляя полосы влажной черноты на налете белой пыли, которым за день покрылись все поверхности.

Капли дождя бьют по пыльной земле, по магистрали, по шероховатой обочине, оставляя миллионы крохотных входных отверстий, похожих на черные воронки, и маленькие белые облачка. Вдалеке, в нижних слоях тучи, словно прослойки блестящей руды в угле, сверкают мелкие серебристые нити молний.

Селатон управляет по-игуотски. Спидер — тяжелая двухместная машина с передними турелями, ее кобальтово-синяя броня покрыта хлопьями пыли, а также вмятинами и царапинами от долгой службы. Кабина открыта. Гравитационные платформы отталкиваются от земли, а силовая тяговая установка обладает сверхмощностью, чтобы переносить окружающую ее броню.

Это легкий разведывательный аппарат, пригодный, чтобы выбраться из неприятностей. Вентан затребовал его на день в качестве транспорта для личного состава.

И вот теперь Селатон управляет ил
по-игуотски.

Он выжимает практически
максимальную горизонтальную скорость,
оставляя позади них на плоской и прямой
дороге белый пыльный след. Дождь
пытается прибить пыль, но та слишком
плотная. На расположенном слева от
водителя навигационном дисплее моргает
карта маршрута. Дисплей укреплен и
защищен решеткой от износа. Спидер ---
рабочая машина, вдоль всех сварных швов
тянется голый металл.

Предполагается, что держащийся
курсор на подсвеченном дисплее --- это они.
Вытравленная линия --- магистраль.
Внизу экрана клякса --- это станция Эрүд.
Наверху треугольный значок.

Перед курсором на линии появляется
красный предупредительный пунктир.

--- Медленнее, --- произносит Вентан
по каналу шлема.

--- Слишком быстро? --- откликается
Селатон, в его голосе нетерпеливое
веселье.

Вентан даже не смотрит вниз. Он

стучит по экрану навигатора.

Селатон бросает туда взгляд, замечает и немедленно сбавляет газ. Они приближаются к хвосту сборной автоколонны. Хотя они снижают скорость, но все равно попадают в пыльное облако за движущейся колонной.

Селатон поворачивает, пересекает центр магистрали и начинает обгон. Тяжело двигающиеся пехотные транспорты, двадцатиколесники, буксируемая артиллерия, нагруженные танковые транспортеры. Все громогласные машины мелькают мимо и остаются позади, оказываясь в поле зрения на секунду, пока они движутся в странном освещении, в воздухе, который одновременно сух от пыли и влажен от дождя. Военный грузовик, пропал. Военный грузовик, пропал. Военный грузовик, пропал. В награду им вслед звучат радостные вопли и гиканье солдат Армии, машущих из транспортных.

Теперь мимо проносятся самоходные орудия, загравшие стволы вверх, словно обнюхивая небо. Десять, двадцать,

тридцать единиц. Проклятая колонна
длиной в сорок километров. «Теневые
мечи», «Минотавры», новая бронетехника
типа «Инфернус» и полковые
транспортёры.

Вентан наблюдает, как на
обтекатель спидера ползут и грозят
чёрные от сажи бусинки дождя.

Ему пришлось оставить Сиданса за
старшего в Эрүде, под прикрытием
надежных сержантов вроде Архо, Анкриона
и Барки. Нужно кое-что уладить с
сенешалью Нүтина. Местная политика.
Вентан ненавидит местную политику, но
это распоряжение пришло напрямую из
аппарата примарха. Портовые дела.
Скорость обработки грузов. Дипломатия.

Вентан знает, как обращаться с
болтером.

Это очередное бесхитростное
упражнение в рамках обучения их иным
искусствам, которые однажды
потребуются им в жизни. Учётливость.
Эффективное управление. Власть. По
суду, все, что не включает в себя болтер.
Тут повсюду видны следы руки

Вентана по широкой дуге.

Они проезжают через движущиеся тени. Тень, солнце, тень. Солнце. В каждой из теней темно, словно под землей. Титаны покрыты спекшейся коркой пыли. Они выглядят изношенными, напоминая ветхих металлических узников, гигантских каторжников, которые, шаркая, бредут в тюрьму.

Ули к виселице.

Странный резкий солнечный свет падает на верхние поверхности и окна кабин. Блеск в глазах. Убийственный взгляд. Древние колоссы, пережившие все войны, покорно маршируют на следующую.

Вентан обнаруживает, что смотрит вверх, смотрит назад, глядя на остающиеся позади машины. Даже он впечатлен. Сорок семь титанов. Он слышит тектонический грохот их шагов поверх воя двигателей спидера.

Самые крупные из них занимают всю магистраль. Движущаяся навстречу колонна транспорта снабжения вынуждена съехать на обочину и ждать, пока те пройдут. Регулировщики машут жезлами

и фонарями.

Селатон в спешке сильно потянул рукоятку. Обочина занята неподвижными транспортными, так что он тянет ее еще дальше, пересекая границу магистрали, обочину, дренаж и кювет, съезжая с дороги в кустарник, вновь набирая скорость и вздымая хвост серой пыли. Он увеличивает мощность гравитационных элементов, поднимается еще на пятьдесят сантиметров, отделяясь от рельефа местности, и снова дает газу. Они закладывают вираж, снова набирая ускорение. Привод спидера воем. Они двинутся параллельно магистрали.

Вентан оглядывается.

Ему кажется, что один или два титана поворачивают массивные головы, чтобы посмотреть с угрюмым пренебрежением. Кто там несется мимо в крохотном спидере? Почему они столь нетерпеливы?

Куда они двинутся в такой чертовой спешке?

Голофүзикон. Оказывается, что он треугольный, как значок.

Пирамида. На самом деле это пирамида, установленная на три пирамиды меньшего размера, каждая из которых подпирала один из углов большой. Она сложена из гладкотесаного кремневого камня. Бентан отмечает, что здание впечатляет как размерами, так и планировкой.

Возможно, оно даже красиво. Он не уверен. У него нет опыта подобных определений.

Здание видно за десять километров. Магистраль Эрүг проходит мимо него, соединяясь с подъездными дорогами самого Голофүзикона и города служебных и гарнизонных сооружений. На горизонте встает сияющий силуэт Нүтина.

Голофүзикон, величественный и громадный, возвышается посреди равнины. Несмотря на окружающую его обширную застройку, он все равно выглядит новым, словно его только что построили и теперь он ожидает, когда же вокруг раскинется город.

Или как будто его сослали в пустыню
в наказание.

Дождь ненадолго прекратился. Дует
ветер. Свет ярко блестит на обращенных
к солнцу поверхностях монолита. Другие
стороны — в густой коричневатой тени,
подчеркивая идеальную геометрию.

Подъездные пути — это проспекты,
увешанные трепещущими и хлопающими
на ветру знаменами. Золотистые мачты,
позолоченные опоры балдахинов, подставки
для ламп. На знаменах гербы Пятисот
Миров Ультрамара, Терры, Империи и
Тринадцатого. Вентан не видел столько
знамен в одном месте с тех пор, как
просматривал пикеты с Уланорского
Триумфа.

А еще вокруг разбиты сады. Они очень
зеленые. Вода из реки Борос была при
помощи ирригации проведена на сухие
равнины, чтобы создать оазис.
Переливаются бассейны. Системы
орошения наполняют воздух брызгами.
Образуются миниатюрные радуги.
Покачиваются пальмы.

— Сбавь ход, — говорит Вентан.

Они проезжают под хлопающими знаменами, сквозь прохладную темноту под громадной аркой и wpływают во внутренний двор. Здесь находится огромный лестничный марш, словно проход для храмовых процессий. На стенах внутреннего двора висят новые знамена. Видны другие машины, а также точки --- люди, которые кажутся карликами в громадном заткнутом пространстве. По обе стороны от основного марша медленно и плавно движутся моторизованные лестницы с керамитовыми ступеньками.

Они спешиваются. Освобожденный от их веса спидер покачивается, словно маленькая лодка. Чтобы позаботиться о машине, приближаются одетые в ливреи слуги.

Вентан начинает подниматься по ступеням, сержант следует за ним. Он отстегивает и снимает шлем, вдыхает нефильтрованный воздух, ощущая на лице тепло и свет.

--- Голофүзикон, --- произносит Селатон.

--- Универсальный музей, --- говорит

Вентан.

--- Это я понял.

Вентану для таких мест не хватает терпения --- или интереса. Он готов признать это изъяном своего характера.

Они доходят до верха огромного марша. К концу такого подъема на солнцепеке обычный человек, будь он даже в превосходной форме, уже бы запыхался. Их же шаг, напротив, стал быстрее к концу подъема.

Мраморная платформа и широкий вход. По ту сторону --- громадное просторное каменное пространство, освещенное естественным светом через прорези в крыше. Прохлада. Повсюду эхо приглушенных голосов.

Вентан заходит через широкий вход. Он прямоугольный, вытянутый по горизонтали. Кромка проема над головой имеет тридцать метров в ширину.

Есть и другие посетители, крошечные фигурки посреди огромного пространства. По сторонам громадного зала идут альковы, подиумы, постаменты, стены. Экспонаты, вероятно. Возле них и

собираются посетители. Для чего
сооружать такое колоссальное здание, а
потом расставлять горстку экспонатов по
краям?

--- Чем это должно быть? ---
интересуется Селатон.

--- Я не претендую на понимание
больших замыслов, --- отвечает Вентан.

К ним приближаются новые слуги в
лифтах.

--- Чем мы можем быть полезны, сэр? ---
спрашивает один из них.

--- Вентан, капитан, Четвертая
роты, Первый орден, Тринадцатый, ---
произносит Вентан. --- Я ищущ...

Он запотнул имена.

--- ...сенешалей Арбут, Дариала и
Этервина. Или, в сущности, любого
старшего муниципального служащего, в
окружении которого находится порт.

--- Они все в здании, --- откликается
слуга.

К сетчатке его глаз явно напрямую
подключена какая-то инфосистема.
Вентан видит это по легкой
остекленелости, с которой глаза человека

расфокусируются, чтобы проверить имена.

--- Вы можете их привести? ---
интересуется Вентан.

--- Они весь день на заседании, ---
отвечает слуга. --- Это срочно?

Вентан тщательно подбирает
следующее слово. Он ставит на первый
план не столько это слово, сколько паузу,
которая означает: «Я одет в боевой доспех,
вооружен и изю всех сил стараюсь быть
вежливым».

--- Да, --- произносит он.

Слуги торопливо удаляются.

Ультрамарины ждут.

--- Сэр, это ведь... --- начинает
Селатон.

--- Да, --- отвечает Вентан.

Вентан идет к далекой фигуре,
которую они узнали. Она стоит на коленях
перед одним из постаментов с
экспонатами. На почтительном
расстоянии ожидают слуги.

Коленопреклоненная фигура видит
Вентана и поднимается на ноги.
Шестерни и моторы ее доспеха издают
гул. Воин выше и шире Вентана, громада

Его доспеха мастерски сработана и роскошно отделана золотыми крыльями, львами и орлами. Он опирается на палаш длиной с обычного человека.

— Лорд чемпион, — произносит Вентан, салютуя.

— Капитан Вентан, — отзывается гигант. Он воздерживается от салюта, вручает грозный меч оруженосцу и сжимает руки закованную в сталь кисть Вентана.

Вентану льстит, что его узнала столь благородная личность.

— Почему ты здесь? — спрашивает колосс. — Я полагал, что ты руководишь сборами Эруга.

— Вы хорошо информированы, тетрарх, — отвечает Вентан.

— Информация — это победа, брат мой, — произносит тетрарх и смеется.

Вентан объясняет свое задание, дипломатическую миссию.

Тетрарх слушает. Его зовут Эйкос Лампаг. Он находится в чине тетрарха, а также чемпиона притарха. Четыре тетрарха представляют четыре

господствующих мира, которые руководят княжествами Ультратара под властью Макразге: Сарамант, Конор, Окклюду и Аякс. Княжество Латуага -- Конор, мир-кузница. Тетрархи -- четверо князей Ультратара, они правят Пятьюстами Мирами, находясь в иерархии ниже Жиллимана и выше магистров орденов с планетарными лордами.

-- Я знаю сенешалей, -- говорит Латуаг. -- Я могу представить тебя.

-- Я был бы признателен, мой повелитель, -- отзывается Вентан. -- Это было бы целесообразно.

Половина лица Эйкоса Латуага, правая его половина, героически красива. Другая -- бесшовно вставленный в плотный бледный безликий фарфор, элегантное подобие отсутствующего лица. Левый глаз -- механизм с золотым зрачком, который вращается и движется в орбите, словно старинный оптический прибор.

Латуаг получил ужасную рану при обороне Батора. Визжащие сюрикены разнесли его череп и расчленили тело, однако почтительные агенты Механикум

кузницы Конор воссоздали тетрарха из уважения к его службе и хорошему управлению их миром.

Говорят, что без их помощи он бы сейчас обитал в корпусе гредноута.

--- Тебе нравится Голофүзикон, Вентан? --- интересуется могучий чемпион. Его свита сервиторов, оруженосцев, советников и боевых братьев безмолвна и неподвижна. Все они в богатом церемониальном облачении.

--- «Нравится», повелитель?

--- Ну, ты его оценил?

--- Я не задумывался об этом, повелитель.

Латиаг улыбается способной на это половиной лица.

--- Я чувствую сдержанность, Рем, --- произносит он.

--- Вы позволите говорить откровенно? --- спрашивает Вентан.

--- Говори.

--- Повелитель, я бывал на многих тирах, имперских и неимперских. Думаю, что уже потерял счет всем тем вместилищам мудрости, что мне

показывали. На каждом мире, у каждой цивилизации есть своя великая библиотека, свое хранилище чудес, свой архив информации, своя коллекция знаний, свой ларец всех тайн. Сколько может быть абсолютных архивов универсального знания?

--- Звучит так, как будто ты внал в уныние, Рем.

--- Прошу прощения.

--- Сохранение культуры важно, Рем.

--- Информация --- это победа, повелитель.

--- Именно так, --- говорит Латиас. --- Нам необходимо хранить то, чему мы научились. Также мы очень многое узнали во время Великого крестового похода, получив архивы согласных цивилизаций.

--- Я понимаю, что...

Латиас спокойным жестом поднимает руку.

--- Я не делаю тебе выговор, Рем. Я понимаю важность тщательного сбора информации, но в то же время устал от чрезмерного почтения, которое проявляют к текстам вроде этого. О, так вы говорите,

что это очередное хранилище самых
потайных секретов? Прошу вас, скажите
мне, какие у вас там могут быть секреты,
которых я не узнал в тысяче крипт
наподобие этой?

Они стеются.

--- Знаешь, что мне здесь нравится,
Рем?

--- Нет, повелитель. Что?

--- Здесь пусто, --- говорит Ламиаг.

Голофүзикон был заказан тридцать
лет назад, в ходе развития Нүтина. Он
маложе, чем они оба, маложе срока их
службы. Строительные работы
завершились совсем недавно. Кураторы
только начали завозить экспонаты и
данные для демонстрации и хранения.

--- Обычно они такие древние, не
правда ли? --- замечает Ламиаг. ---
Пыльные гробницы информации, закрытые
и охраняемые бесчисленные века; чтобы
попасть в них, нужны специальные ключи и
ритуалы, да еще вся эта утомительная
таинственность. В этом же месте мне
нравится его пуста. Его предназначение.
Это проект, Рем. Великое начинание.

которое смотрит вперед, а не назад. Оно открыто и готово наполниться будущим человечества. Однажды оно станет универсальным музеем и, быть может, встанет в один ряд с библиотеками Терры как одно из величайших хранилищ информации в Империи. Сейчас же это созданное из камня стремление. Обдуманное заявление о нашем намерении создать крепкую и утонченную культуру, поддерживать ее, вести ее летопись, изучать ее.

— Это музей будущего, — произносит Вентан.

— Неплохо сказано. Так и есть. Музей будущего. На данный момент это именно он.

— Вы поэтому сюда пришли? — спрашивает Вентан.

Латиас указывает на экспонат, который он осматривал, когда пришел Вентан. В стерильном сенсорном поле находится стабилизированный лоскут поврежденного огнем знамени. Тепло тела активирует гололитическое табло, показывающее изначальные детали.

Это часть штандарта, который Ламиаг нес на Баторе. Этот экспонат, один из тщательно отобранных нескольких первых сотен, чествует его и его достижение, увековечивая ту великую битву.

— У меня запланированы служебные поездки, которые уведут меня от Ультратара самое меньшее на десять лет, — произносит Ламиаг. — Я почувствовал, что должен прийти и взглянуть на это перед отправлением. Увидеть собственными глазами.

Он смотрит на Вентана.

— Ну, живым глазом и тем, что глядя на меня сделали Механикум.

Какое-то время они беседуют о сборах и о грядущей кампании. Никто не упоминает о Семнагцатом.

— Говорят, что скоро Калт назовут старшим миром, — произносит затем Ламиаг. — Он быстро развивается, а его сильные стороны очевидны. Верфи. Производство. Его статус повысят, и он будет управлять собственным владением.

— Меня это не удивит, — отвечает

Вентан.

--- Также у него будет собственный тетрарх, --- продолжает Латиаг. --- Будучи старшим миром, он будет обязан назначить военного губернатора, а также предоставить примарху челниона и его почетную гвардию.

--- Разумеется.

--- Ходят разговоры об Эфоне. Эфоне из Девятнадцатой. Как о возможном кандидате на этот пост.

--- Эфон --- хороший кандидат, --- соглашается Вентан.

--- Рассматриваются и другие кандидатуры. Как мне сказал наш возлюбленный примарх, выбор тетрарха --- это своего рода искусство.

--- И он уже не будет называться тетрархом, не так ли? --- говорит Вентан. --- Возможно, когда вас будет пятеро, вы все станете квинтархами?

Латиаг снова смеется.

--- Может быть, они придумают другой титул, Рем, --- произносит он. --- Не привязанный к числам. Калт будет не последним, а всего лишь следующим.

Ультратар растет. Но мере встречи с будущим и заполнения этого Голофүзикона у нас станет больше Пятиста Миров и больше пяти княжеств. Как и эти пустые залы, мы должны быть готовы приспособиться к грядущим переменам и расширению.

Он оборачивается. К ним приближаются фигуры в глиняных бледно-зеленых облачениях в сопровождении слуг.

— А вот и сенешали, — говорит чемпион примарха. — Позволь мне тебя представить, чтобы ты мог выполнить свою работу.

[отметка: -- 16.44.12]

В орбитальной Сторожевой Башне сервер управления Ул Кехал Хесст общается с ноосферой.

Код говорит. Он бормочет.

Складки достигающего пола облачения Механикум настолько жесткие, что кажется, будто он высечен из камня. Он стоит на вершине Сторожевой Башни, которая столь же пряма и изящна. Башня отбрасывает тень на крепость Калкас, бронированную цитадель, которая стоит напротив Нүтина по другую сторону сверкающего простора Бороса. Это кольцо стен и зубчатых башен, полноправный город, но в то же время и оборонительный сателлит, телохранитель, который приставлен пребывать за плечом Нүтина и оберегать его от вреда.

В Сторожевой Башне трудится десять тысяч человек, а еще пятьдесят тысяч -- в окружающих ее оружейных башенках и административных зданиях.

Это сигнализатор, его ноосферная архитектура разработана на миреткузнице Хесста, Коноре, и поддерживается при помощи технологий, которые напрямую поставляются фабриками Марса.

Командная палуба Сторожевой Башни обширна и кишит персоналом. Окна с поднятыми противовзрывными ставнями смотрят на реку и город с одной стороны и на равнину с другой. Хесст может взглянуть на поток движения в костопорте, на пыль, которую подняли перегруппировкой на равнине, на светлую землю и потемневшее грозное небо, однако виды его не интересуют.

Башня поддерживает собственную сеть манифольда и загружает информацию для Хесста и прочих агентов со скоростью, эквивалентной ноосферной трансляции восьмисот боевых титанов. Шестьдесят модерати высшей квалификации, которые работают во встроенных в палубу атмическисаркофагах из бронестекла, помогают амортизировать поток и расчленять его

для восприятия.

С этой палубы, с этой вершины Хесст может -- при помощи простой кодовой команды по постоянно находящемуся при нем ММУ -- отдать приказ ввести в бой планетарную оружейную сеть. Ввести пятьдесят тысяч оружейных постов наземного базирования, включая шахтные пусковые установки и автоматизированную плазменную артиллерию, а также башенные и зенитные орудия, полевые станции, полярные огневые точки. Он может активировать системы громадных пустотных щитов, которые зонтиком накрывают первостепенные жилые центры Калма. Может ввести в строй девятьсот шестьдесят две орбитальные платформы, в число которых входят системы внешней защиты и нацеленные на поверхность изолирующие сети. Более того, он способен взять под контроль и координировать все доступные наземные силы, а также все флотские соединения, собирающиеся на высокой орбите или на верфях.

Все это означает, что сегодня,

вследствие объединения, сервер Хесст обладает непосредственным личным контролем над большим объемом огневой мощи, чем Воитель Хорус. Или, возможно, чем сам Император.

Эта мысль не впечатляет сервера Хесста и не вызывает в нем волнения. Тем не менее Хесст знает, что магос Меер Эгв Таурен считает повышение его уровня адреналина.

Таурен молода и расторопна, она высокого роста и полностью модифицирована. Она преуспела в продвижении по эволюционным ступеням Механикум и действительно хорошо выполняет свою работу. Она надзирает за аналитиками. Хессту она нравится. Он редко допускает эмоции, однако в моменты, когда решает или поддается, всегда отмечает теплоту, с которой он ее воспринимает. Ее модификации технически привлекательны, а базовая органика обладает несомненной эстетичностью.

<Вы нагреваетесь>, --- говорит она ему двоичным кодом, микросекундной

передачей в личном прямом режиме. Передача невербальна, однако во всплеске содержатся кодовые знаки для Хесста и перегружающей свои приводы боевой единицы-титана.

«Ну в коей мере. Размышление: просто сегоднешний день требует больших затрат сил».

Таурен кивает. Она призраком дублирует его наблюдения. Он знает, что она присутствует у него за плечом в манифольде, так же как стоит рядом на палубе в плотском мире. Ее пальцы трепещут, касаясь невидимых клавиш и координируя данные при помощи тончайшей гантики. Сегоднешние трудности в том, чтобы не стрелять.

При объединении двух флотов плотность движения над Калтом особенно высока. По сути, все это движется, следуя нестандартным или скорректированным маршрутам сообщения, экстраординарным ситуационным изменениям скорости, курса и дистанции, которые не закодированы в регулярном наблюдательном регистре. Это

одноразовые вещи, годные на один день и отвечающие за безопасную и уверенную организацию огромной армады.

Оружейная сеть Калта обладает многочисленными резервами и многоуровневыми форматами перекрестных проверок и авторизации. Ее невозможно использовать неправильно или по ошибке силами одного индивида -- ни Хесста, ни сорока прочих серверов Сторожевой Башни, ни шести тысяч двучсот сепидесяти восьми лагосов и агентов, размещенных на станциях по всей планете, ни гарнизонных командиров Армии или местных дивизионов. Ничто не может произойти без его персонального разрешения.

Всякий раз, когда корабль прибывает, движется, проходит мимо другого, присоединяется к формации, заходит на сортировочную станцию, начинает дозаправку или же вращение на месте для проверки двигателей, раздается сигнал тревоги. Любое нестандартное движение или система маневров активирует сеть, и Хесст должен отклонить запрос на открытие огня.

На самом деле это великолепный тест и демонстрация сети Калта, однако это становится утомительным. С вершины Сторожевой Башни сервер Хесст контролирует эффективную огневую мощь крупной флотилии, распределенную по поверхности и орбите. Система сверхчувствительна, и ничто не сможет заставить ее врасплох и тем самым получить преимущество. Любая нестандартная ситуация запускает автоматический расчет огня сети, и Хесст должен лично отменять его в дискреционном режиме. Сейчас он делает это от восемнадцати до двадцати пяти раз в секунду.

Таурен знает, что стандартной оперативной практикой Механикум для подобных условий, которую рекомендуют как магистры кузниц Конора, так и верховные агенты Марса, является временный обход многоузловой автоматике сигнальных процессоров сети и -- на время маневрирования флота -- перенаправление управления санкционированием на автоматические

станции. Предоставить разумным
машинам платформ нести это бремя на
своих плечах. Дать им проводить
перекрестные проверки непрерывно
загружаемых данных. Дать проверять
швартовочные коды и регистрационные
отметки движения.

Также ей известно, что Хесст —
целеустремленная личность и очень
гордится собственной работой и
обязанностями сервера. Планетарная сеть
Калта оптимизирована таким образом,
чтобы работать на многоузловой
автоматике с предоставлением
окончательной санкции на все операции со
стороны сервера или серверов.
Переключиться на одну лишь автоматику
значит признать слабость живого мозга.
Обратиться к одной лишь машине, а не
биоинженерному синтезу. Признать
границы человека и подчиниться
беспристрастной эффективности
холодного кода.

Они это обсуждали. Обсуждали даже
при помощи плотских голосов и голосовых
связок, не подключаясь. Хесст обладает

чистейшим видением мечты Механикум, и она преклоняется перед ним за это. Это не преклонение перед машиной, как думают столь многие немодифицированные в обществе. Это использование машины для расширения человечности. Анофеоз через синтез. Отступить и позволить делать всю работу машинам отворачиваясь для Хесста. Возможно, эта идея кажется ему более ужасной, чем показалось бы немодифицированному человеку.

<Вы же знаете, это не признание неудач> --- передает она, продолжая позавчерашнюю беседу, словно с тех пор не прошло ни секунды.

Он соглашается с ней, опознавая добавленный к ее коду разговорный маркер, который вновь открывает файл с тем диалогом.

<На самом деле это рекомендованная Марсом практика>.

Хесст кивает.

<Если мы создаем системы, которыми не можем управлять, какой смысл их строить? Скажите, к чему это

ведет, магос Таурен?>

<К самоуничтожению. Отречению от сознания>.

--- Именно, --- произносит Хесст.

Ее удивляет использование им человеческого голоса, однако она мгновенно понимает, что он переключился с двоячного кода ради символичности. Это ее забавляет, и она демонстрирует свое веселье при помощи выражения лица.

--- Вы думаете, что дело в моей гордости, Мерс? --- спрашивает он.

Она пожмает плечами. Как и он, она все так же делает незаметные гантимические движения и очищает поток данных ноосферы.

--- Я полагаю, что никто, даже агент уровня сервера или выше, никогда не проводил подобную операцию в одном лишь дискреционном режиме. Я полагаю, что вы пытаетесь поставить своего рода рекорд. Или пытаетесь завоевать медаль. Или пытаетесь надорвать главный орган.

Ее голос чист, так же как и код. Порой ему хочется, чтобы она побольше говорила.

--- Это простой вопрос безопасности и эффективности, --- говорит он. --- Сеть создана многоузловой. В этом ее сила. У нее нет единого сердца и единого мозга. Она глобальна. Захватите любую точку, даже эту Сторожевую Башню, даже меня --- и любой сервер или магос того же уровня сможет перехватить управление. Сеть подстроится и распознает полномочия следующего в цепочке. Эта башня может рухнуть, но сервер на дальнем краю планеты мгновенно придет на смену. Многоузловое резервирование --- идеальная система. Нельзя убить то, у чего нет центра. Так что я предпочел бы никоим образом не ослаблять целостность системы планетарной обороны, пренебрегая осторожностью и передавая надзор за посадками орбитальными машинами.

--- Ожидается, что это объединение продлится еще день или два, --- замечает она. --- Когда вы хотите, чтобы я сценила вас? До или после того, как вас парализует и вы упадете на пол?

Таурен понимает, что он не слушает.

Его внимание поглощено загроужаемыми данными.

--- В чем дело? --- интересуется она.

--- Мусорный код.

Любая сложная информационная система будет производить мусорный код как следствие внутренней деградации. Ей это известно. Она удивляется, что он имеет в виду, и встатривается в манифольд.

Она видит мусорный код, тускло-янтарные прожилки зараженных данных в массиве здоровой информации. На два процента больше, чем в любой проекции, рассчитанной аналитикатами для ноосферы Калта, даже учитывая необычные обстоятельства нынешнего дня. Это неприемлемая разница.

<Система фильтрации не вычищает его. Я не знаю, откуда он исходит>.

Он вернулся к треску двоичного кода. На слова нет времени.

[отметка: --- 15.02.48]

Криолу Фоусту дали клинок, однако тот оказался неудобным в использовании.

Вместо этого он пользуется пистолетом. Жертвователей нужно убивать быстро и аккуратно. Нет времени дурачиться с ножом.

Снаружи убежища назначенные офицеры воодушевляют людей песней. Пение заполняет воздух. Им рекомендовали использовать виолы и катары, тамбуры, трубы, рожки и бубенцы. Предполагается, что это должно звучать как празднество. Канун сражения, славные союзники, предвкушение славы, вся эта чужья. Предполагается, что это звучит радостно.

Так оно и есть, однако среди шумного пения Фост слышит ритуальную тему. Слышит, поскольку знает, что она там спрятана. Старые слова. Слова, которые были старыми еще до того, как люди научились разговаривать. Мощественные слова. Их можно положить на любой мотив, на хоровое пение боевого гимна Армии. Они точно так же сработают.

Пение громкое. Это немалая суматоха — шесть тысяч человек в одном

только этот угол стотральной площади.
Достаточно шума, чтобы в нем утонуть
выстрелы.

Он нажимает на спусковой крючок.

Матово-серый автоматический
равняет, дергается в руке и вгоняет один
заряд в висок, к которому приставлен.
Забрызгивая китель, разлетаются кровь и
мозговое вещество. Коленопреклоненный
человек заваливается набок, как будто его
тянет вниз вес пробитой головы. В воздухе
висит кровавая дымка и смешанный запах
фицелина и обгорелой плоти.

Фост глядит на человека, которого
только что застрелил, и шепчет
благословение — таким одаряют путника,
отправляющегося в долгое и трудное
странствие. На этот раз милосердие
чуть не опоздало. Глаза человека уже
начали растекаться.

Фост кивает, и двое назначенных
офицеров делают шаг вперед, чтобы
оттащить труп. Теперь на участке
земли с одной стороны лежат тела семи
жертвователей.

Вперед с каменным лицом выходит

следующий, невозмутимо приближаясь к
неминуемой смерти. Фоуст обнимает его
и целует в щеки и губы.

Затем отступает назад.

Как и семеро его предшественников,
человек знает, что делать. Он
подготовился. Он раздет до форменных
брюк и нижней рубашки. Все остальное,
даже ботинки, он отдал. Братство Ножа
пользуется всем снаряжением, какое
может собрать или добыть: панцирями,
бронезилетами, баллистической тканью,
иногда кольчугами. Для защиты от
непогоды сверху обычно накинута плащ или
китель, всегда темного-серого или черного
цвета. Более не нуждаясь в полевой
экипировке, человек отдал хорошую
куртку, перчатки и броню тем, кто
может воспользоваться ими позднее. Как
и его оружием.

Он держит бутыль.

В его случае это питьевая бутылка из
синего стекла с притертой пробкой.
Внутри плавает приношение. Человек
перед ним использовал флагу. До него ---
приспособление для восполнения потери

жидкости из медицинского набора.

Он открывает ее и сливает воду сквозь пальцы, так что находившаяся внутри полоска бумаги падает ему на ладонь. В момент, когда она извлекается из суспензии гидролитической жидкости и вступает в контакт с воздухом, бумага начинает нагреваться. Края начинают тлеть.

Человек роняет бутылку, делает шаг вперед и преклоняет колени перед вокс-передатчиком. Клавиатура готова.

Он смотрит на полоску бумаги и трясется, читая написанные на ней символы. Над краем ленты начинается тонкий белый дымок.

Дрожащей рукой человек начинает по одной букве вводить на клавиатуре передатчика слово. Это имя. Как и те семь, что были до него, его можно записать человеческими буквами. Можно записать в любой языковой системе, точно так же, как и положить на любой мотив.

Криол Фоуст — по-настоящему образованный человек. Он один из очень немногих членов Братства, кто активно

стремился к этому моменту. Он родился и вырос на Терре в богатом семействе торговцев и защищал его интересы среди звезд. Ему всегда чего-то не хватало --- когда-то он полагал, что это богатство и успех. Затем решил, что это знание. И наконец осознал, что знание --- лишь очередной механизм достижения власти.

Он жил на Марсе, когда его нашли и завербовали Знающие. Но крайней мере, так думали они сами.

Фоусту было известно о Знающих. Он особо изучал оккультные органы, тайные общества, закрытые логи, хранящие знания от непосвященных. Большинство из них было старо, зародилось в Эру Раздора или даже раньше. Большинство было легендами, а оставшиеся --- шарлатанством. Он прибыл на Марс в поисках Просвещенных, однако те оказались абсолютной выдумкой. Знающие, впрочем, существовали на самом деле. Он задавал слишком много вопросов и обращался к поставщикам информации в поисках слишком большого количества запретных трудов. Он заставил их

заметить его.

Если Знающие когда-то и были настоящим орденом, то эти люди -- нет. В лучшем случае -- какими-то дальними незаконнорожденными правнуками. Однако они знали вещи, которых не знал он, и он был согласен учиться у них и терпеть театральные ритуалы и напыщенные тайные церемонии.

Спустя несколько месяцев, став обладателем нескольких бесценных томов греховных идей, которые до того принадлежали Знающим, Фоуст отправился к окраинам. Знающие не преследовали его с целью вернуть свою собственность, поскольку он позаботился о том, чтобы они были не в состоянии это сделать. Сброшенные в теплоотвод реактора улья на Кората Монс тела так и не нашли.

Фоуст двигался в запретные сектора, где все еще продолжался Великий крестовый поход, подалее от безопасности приведенных к Согласию систем. Он направлялся к Святым Мирам, где в покоренных системах активно

набирал армии добровольцев
величественный Семнадцатый легион,
Несущие Слово.

Несущие Слово особенно
заинтриговали Фоуста. Заинтриговали
своим необычным восприятием. Они были
одними из восемнадцати, одними из
Легионес Астартес, а стало быть ---
центральным элементом
инфраструктуры Империи, однако лишь
они одни, казалось, проявляли религиозный
фанатизм.

По мнению Фоуста, Имперская
Истина была ложью. Дворец Терры упорно
навязывал рациональный и прагматичный
образ галактики, хотя любому взгляду
было видно, что Император опирается на
аспекты реальности, которые явно
нестественны. Например, на духовный
гар. На эмпиреи. Казалось, только
Несущие Слово поняли, что подобные вещи
--- больше, чем просто полезные аномалии.
Это доказательство великой и
отрицаемой загадки. Свидетельство
существования некоторой
трансцендентной реальности-за-

реальностью, возможно, какой-то божественности. Все Легионес Астартес основывались на нерушимой вере, однако лишь Несущие Слово верили в божественное. Они поклонялись Императору как аспекту некоей высшей силы.

Фоуст был согласен с ними во всем, кроме одного. Во вселенной были существа, достойные высшего преклонения и почитания. Император же, невзирая на все его способности, просто не был одним из них.

В Облаке Аквары, на Званане --- Святом Море, все еще пребывавшем в дышном мраке после приведения к Согласию Несущими Слово, Криол Фоуст прилкнул к Братству Ножа и начал служить притарху Семнадцатого.

Он был способным. Его обучали на Терре. Он не был дикарем с захолустной планеты, поднимаваемым лишь грубым фанатизмом. Он быстро поднялся из низов до назначенного офицера, затем до надзирателя, а оттуда к своему нынешнему положению доверенного

лейтенанта. Это называется маджир. Его поручителем и начальником был легионер Несущих Слово по имени Арүн Ксен, и с его помощью Фоуст удостоился нескольких частных аудиенций у Аргела Тала из Гал Ворбак. Он посещал службы и слушал, как говорит Аргел Тал.

Ксен дал Фоусту его ритуальный клинок. Это благословленный Темными Апостолами атам. Самая красивая вещь, какой он когда-либо владел. Когда он держит оружие в руке, из окружающей темноты шипят заветные ненароком божества.

Братство Ножа так называется не потому, что в бою предпочитает работать клинками. Название не дословное. На гуалекте Святых Миров Братство называется Ушметар Каул: «острое лезвие, которым можно рассеять ложную реальность и оттянуть ее в сторону, чтобы открыть бога».

Фоуст отвлекся. Жертвователю закончил вводить восьмое иля. Бумажная полоска пылает у него в руке. Из пальцев выпадают дымящиеся кусочки. Он

трасется, слясь не закричатъ. Глаза
сварились в глазницах.

Фоуст приходит в себя. Он
поднимает пистолет, чтобы принести
милосердие, но магазин пуст. Он
отбрасывает оружие и пускает в ход
атам, который дал ему боевой брат Ксен.

Это милосердие более грязное.

Теперь восемь имен в системе.
Восемь имен транслируются в
информационный поток имперской
коммуникационной сети. Ни один фильтр
или ноосферный барьер их не задержит,
поскольку они составлены из обычных
символов. Это не ядовитый код. Не
вирусные данные. Но когда они окажутся в
системе и в особенности когда их прочтет
и впитает ноосфера Механикум, то
начнут разрастаться. Станут тем, что
они есть. Перестанут быть сочетаниями
букв и обретут значения.

Едкие. Заразные. Нестираемые.

Их восемь. Священное число. Октет.

И может быть и больше. Восемь раз
по восемь восьмью восемь...

Маджир Фоуст делает шаг назад.

стирает с лица кровь и поцелует
приветствует у вокс-передатчика
следующего человека.

[отметка: -- 14.22.39]

Все еще находясь в двенадцати часах
от орбитального пространства Калта,
автомобильная база «Калпанила» совершает
серию корректировок курса и начинает
финальную фазу Приближения к планете.

[отметка: -- 13.00.01]

-- Могу заверить вас, сэр, -- говорит сенешаль Арбут, -- рабочие гильдии полностью осведомлены о важности данного предприятия.

Женщина неожиданно молода, она невзрачна и деловита. Ее одеяние серого цвета.

Сержант Селатон пересматривает свою оценку. Что ему о ней известно? Она не столько невзрачна, сколько не украшена. Ни косметики, ни бижутерии. Волосы коротко подстрижены. По его опыту, высокопоставленные женщины куда сильнее тяготеют к декору.

Они сопровождали ее от Голофүзикона до порта, следуя за официальным транспортом на своем спидере. Она -- член торгового комитета легислатуры. Дариал и Этервин наделены большей властью, однако они оба настаивают, что у Арбут куда более эффективные взаимоотношения с низовыми

составом гильдии. Ее отец был грузчиком. Порттовый район суматошный и шумный. Гро�агные полуавтоматические погъелники и краны, некоторые из которых напoтинают четвероногих титанов, переносят грузовые штабели на гигантским полевым грузопогъелникам.

Кажется, капитан Вентан утомился от усилий. Он стоит сбоку, наблюдая, как темелкие летучие машины и курьерские суда снуют над портом, словно стрекозы над прудом. Он предоставляет вести разговор Селатону.

--- При всем уважении, --- говорит Селатон, --- члены гильдии и портовики отстают от согласованного графика. В зонах сбора начинаются заторы.

--- Это официальная жалоба? --- спрашивает она.

--- Нет, --- отвечает он, --- однако она передана от примарха. Если вы замолвите словечко, мой капитан будет признателен. На него давят.

Она быстро улыбається.

--- На всех нас давят, сержант. Гильдии никогда не проводили погрузку

военной техники такого масштаба. Расчетный график был настолько точным, насколько это возможно, но это всего лишь расчет. Портовый персонал и загрузчики неизбежно будут сталкиваться с непревзойденными задержками.

--- У тем не менее, --- произносит Селатон. --- Обращение к их бригадирам. От члена городской легислатуры. Небольшая мотивация и признание их стараний.

--- Просто чтобы быть в курсе --- каково отставание? --- интересуется Арбут.

--- Когда мы прибыли в поисках вас, было шесть минут, --- отвечает он.

--- Это шутка?

--- Нет.

--- Шесть минут --- это... Простите, сержант. Шесть минут --- это ничто. Это даже не допустимая погрешность. Вы прибыли за мной и выдернули меня с церемоний Голофюзикона из-за шестиминутной задержки?

--- Сейчас это двадцать девять минут, --- отзывается Селатон. --- Не хочу

показаться грубым, сенешаль, однако эту
операцию возглавляет легион.
Допустимые отклонения меньше, чем в
торговой или обычной военной ситуации.
Двадцать девять минут находятся на
границе омерзительного опоздания.

--- Я поговорю с бригадиром, ---
произносит она. --- Посмотрю, есть ли
какие-то резервы, которые они смогут
привлечь. Погода была плохой.

--- Я знаю.

--- У еще какой-то инцидент со сбоями в
системе. Мусорная информация.
Испорченные данные.

--- Это также случается. Я уверен,
что вы сделаете все, что в ваших силах.

Она смотрит на него и кивает.

--- Ждите здесь, --- произносит она.

[отметка: --- 11.16.21]

--- По вашему взвешенному мнению? ---
интересуется Жиллиман.

Магос Пелом --- старший
представитель служащих Механикум на
борту флагмана «Честь Макрагге», и ему
только что потребовалось донести до

притарха щекотливые новости. Прежде чем ответить, он на мгновение задумывается. Он не хочет опорочить свое ведомство некомпетентными суждениями, однако он служил притарху достаточно долго, чтобы понять, что из попыток подсластить пилюлю никогда не выходит ничего хорошего.

--- Обнаруженная нами проблема с мусорным кодом является помехой, сэр, --- произносит он. --- Это прискорбно. Особенно в такой день, как сегодня. Подобные вещи случаются, не стану притворяться и утверждать обратное. Естественная деградация. Ошибки кода. Они могут произойти без предупреждения по множеству причин. Механикунт чрезвычайно сожалеет, что мы поражены ими в ходе этого события.

--- Причина?

--- Возможно, сам по себе масштаб объединения? Именно потому, что сегодняшней день столь важен. Простой массив информации...

--- Это пропорционально? --- спрашивает Жиллитан. --- Это

пропорциональный прирост, которого вы могли бы ожидать?

Магос Нелом колеблется. Его имплантаты-механогендриты подрагивают.

--- Немного выше. Совсем немного.

--- Стало быть, с позиции опыта Механикум, это ненормальный уровень? Нестественная деградация?

--- Технически -- да, -- признает Нелом. -- Но не настолько, чтобы считать происходящее тревожным.

Жиллитан улыбается своим мыслям.

--- Так что это просто... для моего сведения?

--- Было бы непозволительно не проинформировать вас, повелитель.

--- Каковы выводы, магос?

--- Сервер управления настаивает, что в состоянии продолжать надзор за работой, однако Механикум полагает, что его внимание лучше употребить на обнаружение и уничтожение проблемы тусорного кода до того, как тот распространится дальше. На время этой деятельности сервер приостановит

секретно, и надзор будет автоматически контролироваться информационными машинами в коммуникационном узле орбитальной станции.

Жиллиман обдумывает это. Он смотрит на звезды через кристалфлекс.

--- Группа агентов Механикум, ваших почтенных коллег, Нелом, всего месяц назад обедала со мной на Макразге. Они превозносили достоинства когитаторов новейшего поколения, которые запущены в эксплуатацию на станциях Калта и в сети. Они неизменно гордились своими машинами.

--- Как ил и следовало, повелитель.

--- Они говорили о них, как будто те... как будто те обладали личностью, словно индивиды. Я считал это проявлением их близости к совершенству в разработке духа машины.

--- Именно, повелитель.

--- Мы можем создать мир с совершенством и продуктивностью, превосходящими те, которыми обладает человеческая форма, магос. Можем расширить естественные границы

человечества.

--- Повелитель...

--- Я к тому, что, быть может, нам стоит доверить вашим чудесным машинам выполнение работы на время, пока сервер устраняет проблему?

Нелом кивает.

--- Нам тоже так кажется, повелитель.

--- Хорошо. Я уведомлю наших гостей о существовании проблемы с мусорным кодом и тактично выясню, не принесли ли они что-нибудь с собой по ошибке. Последнее время они бывали на окраинах. У васему серверу понадобится их сотрудничество в ходе расследования.

--- Очень хорошо, повелитель.

--- Нелом?

--- Повелитель?

--- Что касается естественных границ человеческой природы, сущая мелочь, что в ходе обеда ваши коллеги не принимали никакой пищи.

--- Да, повелитель. Справедливости ради, сомневаюсь, что и вы в ней нуждались.

Жиллитан улыбається.

--- Очень хорошо, магос.

Он оборачивается к палубным офицерам.

--- Наладьте и обеспечьте канал прямой связи, пожалуйста. Как можно скорее, --- инструктирует он. --- Я хочу поговорить с братом.

[отметка: --- 9.32.40]

Телетехр пробуждается, однако сейчас не время воевать.

Его учили разным вещам, и в их числе --- контролировать свою злость, пока та не понадобится. Сейчас она не нужна, и он контролирует ее.

Он анализирует. Сканирует. Определяет.

Его определение таково: он в своем саркофаге, и саркофаг транспортируют. Его что-то разбудило, возможно, неуклюжее или некомпетентное обращение с саркофагом.

Не время воевать. Это его разочаровывает.

Он контролирует разочарование, как

его учили. Он контролирует свою злость. Он осознает, что дополнительно ему необходимо контролировать волнение. Волнение сродни страху, а страх — это терзость, которая раньше была ему неведома, и он полон решимости не допускать ее. При этом волнение нарастает.

При жизни Телемехр был легионером Тринадцатого. Десять лет службы, с момента генетического конструирования до смерти в бою, и все это время он не ведал страха. Ничего в этом роде. С чем бы он ни встречался, даже со смертью, когда она наконец пришла, — он никогда не боялся.

Во время первой беседы с техножрецами, которая состоялась после его смерти, они сказали, что теперь многое изменится. Смертные останки, останки Габрила Телемаха из Девяносто второй роты Ультратарина, более не были жизнеспособны. Успарилось слишком много органики, чтобы могла продолжаться жизнь, как он ее понимал. Однако из уважения к его стелости и

службе, а также вследствие его
совместимости ему собирались оказать
честь. Смертным останкам предстояло
образовать органическое ядро
киберорганического существа.

Он должен был стать дредноутом.

Будучи человеком из плоти и крови,
Габрил считал дредноутов древностью.
Они были ветеранами, братьями, которых
забрали с края смерти и поместили
внутри неукротимых боевых машин. Они
были стары. Некоторым был уже век.
Некоторые жили в механических коробках
уже сто лет!

Габрил Телемах не был стар. Всего
десять лет службы.

И теперь он оказался навеки заперт в
ящике.

Техножрецы сказали, что нужно
будет провести постройку. Ментальную
постройку. Прежде всего, он принял, что
любой дредноут, даже самый почтенный,
рано или поздно становится новым.
Дредноуты были жизненно важной
составляющей боевой мощи легиона, и
время от времени их теряли. Поэтому

новых было необходимо собирать в те промежутки, когда в наличии были боевые корпуса и боевые потери представляли подходящих и совместимых доноров органики.

Техножрецы сказали, что ему будет не хватать многих вещей, которые его тело из плоти считало само собой разумеющимися. Для начала -- сна. Он будет спать, лишь когда его поместят в стазисную гильбернацию. Он будет переживать -- или, скорее, не переживать -- продолжительные периоды такого рода, поскольку они позаботятся, чтобы он спал большую часть времени. Его будут пробуждать, когда наступит время воевать и потребуется его участие.

Техножрецы сказали, что дело в боли. Будет боль, и она будет постоянной. Несчастные мертвые остатки обернут киберорганической сетью, вплетут в электроволоконные системы и запечатают в бронированном саркофаге. Не будет возможности справляться с болью так, как он это делал в бытность свою человеком, никакого механизма

контроля.

По той же причине он обнаружит в себе предрасположенность к эмоциональным колебаниям, которых не знал при жизни. Возможно, к ярости и злости. Невзирая на опустошающую мощь, которой он наделен как гредноут, ему будет не хватать собственного смертного состояния. Он будет негодовать по поводу своей смерти, жалеть об ее обстоятельствах, заикливаться на ней и начнет ненавидеть ту жизнь в холодной оболочке, которую ему дали взамен.

Чтобы избавить его от этой горечи, от боли и злости, ему помогут спастись долгие промежутки времени.

Также, как они ему сказали, он, вероятно, будет подвержен приступам страха. Особенно на раннем этапе. Это, объяснили они, из-за сложного измененного состояния. Из-за продолжительной гибернации его сознание оторвалось от линейной смертной шкалы, от временных рамок, которые он мог осознать и понять, в сущности, от самого времени. Страх, проклятие для космогосантника, всего

лишь часть подстройки разума под эту последнюю судьбу. Это естественно. Ему предстоит научиться контролировать и использовать его, так же как злость. В конечном итоге страх испарится и исчезнет. Он станет столь же бесстрашным, каким был легионером.

На это потребуются время. Будут постепенные и аккуратные подстройки гормонов и биохимической смеси. Он пройдет гипнотерапию и агаптивные заговоры. Его обучат подобные ему, почтенные, которые привыкли к своей странной участи.

Он сказал техножрецам: «Я был бесстрашным боевым братом, хотя и мог пасть. Теперь вы сделали меня непобедимым и говорите, что я добыча страха? Зачем тогда называть меня предсудом? Я ничего не боялся раньше. Я ничего не боялся, когда был человеком!»

— Это и есть злость, о которой мы говорили, — ответили они. — Ты подстроишься. Сон поможет. Начать протоколы губернии.

— Подождите! — закричал он. —

Подождите!

Юстариий -- его наставник. Юстариий -- почтенный. Юстариий тоже угрюм и, несмотря на свой огромный срок жизни в качестве гредноута, кажется, не растерял горечи и злости. Юстариий предпочитает спать. Когда его будят, он брюзглив. Похоже, что он в лучшем случае неоднозначно относится к тревогам Телемехра.

-- Это Телемах, -- говорит Телемехр.

-- Меня звали Юстин Федро, -- ворчит Юстариий в ответ. -- Они нас переименовывают, будто машины. Или просто забывают. Я забыл, и что из этого.

Телемехр -- самый новый гредноут в рядах Тринадцатого. Он относится к типу «Контеллитор». Ему еще только предстоит бой.

Однажды его будят в ходе рутинного возвращения к жизни в склепах Макраггел. Имплантированный счетчик времени сообщает, что он спал два года. Техножрецы информируют его, что объявлена операция. Его устанавливают в корпус и отправят на Калт для несения

воевой службы, а затем разбудят, когда придет время воевать. Предстоит война с орками. У Телемехра есть вопросы, однако его возвращают в гинно-терапевтические сны.

--- Подождите! --- произносит он.

Телемехр пробуждается, однако сейчас не время воевать.

Его учили разным вещам, и в их числе --- контролировать свою злость, пока та не понадобится. Сейчас она не нужна, и он контролирует ее.

Он анализирует. Сканирует. Определяет.

Его определение таково: он в своем саркофаге, и саркофаг транспортируют. Его что-то разбудило, возможно, неуклюжее или некомпетентное обращение с саркофагом.

Имплантированный счетчик времени сообщает, что с момента того рутинного пробуждения на Макразге прошло восемнадцать недель. Системы локации, считывающие метки ноосферы, сообщают, что саркофаг находится на орбитальной сортировочной станции Калта.

Промежуточный пункт. Место
объединения. Он проснулся слишком рано.
Они еще не на фронте.

Он загадет, почему пробудился.
Неловкое обращение? Позвучик встряхнул
саркофаг? Юстариий, Клотон и Фоторнис
рядом, в своих саркофагах, они все еще в
гиберстазисе.

Его потревожили физически? Или
когнитационные системы задела какая-то
аномалия мусорного кода?

Телемехр не знает. Для него это
внове. Поблизости нет техножрецов. Ему
хочется, чтобы проснулся Юстариий,
которому можно будет задать вопрос.

Нормально ли это? Что означают
следы мусорного кода? Он чувствует себя
попавшим в западню. Чувствует волнение.
Следом придет страх.

Он знает, что системы гистернции
пытаются увлечь его в бессознательное
состояние, в котором он должен
находиться. Пытаются избавить его от
боли и злости. Нет нужды просыпаться.
Ты пробудился слишком рано. Тебе не
нужно просыпаться.

Техножрецы ошибаются.
Дредноут боится не боли.
Тишины. Забвения. Сна.
Неспособности спастись от самого
себя.

[отметка: -- 8.11.47]

Жиллиман смотрит на Гейджа и
живает.

Гейдж дает команду операторам
литопроектора, и те активизируют
систему.

Гололитическая панель оживает, и
Жиллиман ступает на нее. Многоарусные
терминалы мостика флагмана
возвышаются вокруг широкой плиты,
словно сиденья амфитеатра.

Вокруг него расползается свет.

Очертания расплываются, будучи
одновременно там и не там. Свет пойман,
свернут и искажен, чтобы создать
иллюзию реальности. Жиллиман знает,
что где-то, на расстоянии миллионов
километров, системы других палуб
создают из света его изображение. Он
появляется на литопроекторных панелях,

чтобы помочь благородным командующим,
призраки которых предстают перед ним.

Особенно один из них.

--- Достопочтенный брат мой! ---
воскликает Лорзар. Он делает шаг вперед,
приветствуя Жиллимана.

Его модель примечательна. Она
светится, однако плоть и броня облагают
поглотительной плотностью и твердостью.
Аудиосопровождение не запаздывает,
движения рта и звук синхронны.

Примечательно.

--- Не ожидал, что встречу с тобой
таким образом, --- говорит Лорзар. Серые
глаза сияют. --- Живьем, чтобы я смог
тебя обнять. Это кажется
преждевременным. Мне сообщили о твоём
запросе. У меня не было времени надеть
церемониальное облачение...

--- Брат, --- произносит Жиллиман. ---
Ты видишь, что я также приветствую
тебя в боевом доспехе. Когда ты
прибудешь, будет время лично
поприветствовать друг друга и полностью
согласно церемониалу. На данный
момент тебе осталось всего несколько

часов?

--- Быстро сбавляем скорость, ---
отвечает Лорзар. Он смотрит на кого-то,
кто не попал внутрь гололитического поля
мостика. --- Капитан корабля говорит о
пяти часах.

--- Тогда мы соберемся вместе: ты со
своими командирами, а я со своими.

Жиллиман смотрит на полководцев,
изображения которых возникли вокруг
Лорзара. Они подключаются с разных
кораблей. Он позабыл внушительную
грохоту Аргела Тала. Беззубую ухмылку
Федрала Фелла. Хищное любопытство
Хол Белофа. Сгорбленную трачность Кор
фаэрона. Лишенную света улыбку Эреб.

--- Некоторые из вас уже здесь, ---
отмечает Жиллиман.

--- Я, сэр, --- произносит Эреб.

--- В таком случае мы скоро
встретимся, --- говорит Жиллиман.

Эреб склоняет голову, не столько
соглашаясь, сколько допуская.

--- Мой корабль выходит на орбиту, ---
произносит Кор фаэрон.

--- Добро пожаловать на Калт, ---

отвечает Жиллиман.

Призраки из света салютуют ему.

— Я запрашивал этот краткий сеанс связи, — говорит Жиллиман, — чтобы обсудить небольшой технический вопрос. Я не хочу, чтобы он повредил нашей торжественной встрече или создал затруднения вашему флоту при прибытии и рассредоточении.

— Проблема? — спрашивает Корфаэрон.

Они неожиданно застывают. Жиллиман ощущает это, хотя они присутствуют лишь как пригоршни света. Когда они появились изначально, осознает он, то были похожи на стаю крадущихся к огню псов, обнаживших зубы в улыбках, которые в то же время были оскалами. Радостные и любознательные. Теперь же они напоминают диких зверей, которых ему не следовало подпускать к своему очагу.

Несущие Слово вели дикие и жестокие войны во имя Согласия на границах Империи. Они свирепо и преданно сражались десятилетиями, с

того самого судьбоносного дня в Монархии, который навеки изменил отношения между Тринадцатым и Семнадцатым. В них есть что-то грубо-варварское. Никакого преторианского благородства воинов Жиллимана. Они даже не выказывают пылкой набожности времен заблуждения. Они выглядят угрюмыми, утратившими вкус в жизни, словно видели все возможное и устали от него. Очерствелыми. Как будто из них полностью вытекли милосердие и сожаление. Похоже, что они могут убивать без повода.

--- Проблема, повелитель? ---
повторяет Арзел Тал.

--- Проблема с машинным кодом, ---
отвечает Жиллиман. --- Меня уведомили Механикум. В инфосфере Калта появилась проблема с вредоносным мусорным кодом. Мы работаем над ее устранением. Мне хотелось, чтобы вы были в курсе и приняли соответствующие меры.

--- Обобщая, это можно назвать информационной вспышкой, сэр, ---

замечает Феграл Фелл.

--- Вопрос в том, --- осторожно говорит Жиллиман, --- что источник мусорного кода все еще не выявлен. Существует высокая вероятность, что в систему Калта непреднамеренно привезли извне информационный артефакт.

--- Извне? --- переспрашивает Лоргар.

--- Откуда-то, --- подтверждает Жиллиман.

В глазах Лоргара выражение, которое Жиллиман надеялся больше никогда не увидеть. Это боль и злость, но еще и уязвленная гордость.

Лоргар вскидывает руку и проводит ею поперек шеи, словно перерезая горло. Жиллиману требуется секунда, чтобы понять, что это не провокация и не грубое оскорбление.

Гололитические изображения его офицеров и командиров замирают. Остается подвижным только Лоргар. Он делает шаг к Жиллиману.

--- Я приостановил их трансляцию, чтобы мы могли поговорить откровенно, --- говорит он. --- Откровенно и без обиняков.

После всего, что произошло между нами и нашими легионами, всей отравы последних лет, всех стараний сделать эту кампанию притиранием... первое, что ты делаешь, --- обвиняешь нас в том, что мы заразили тебя мусорным кодом? Или... в чем? Что мы настолько беспечны в плане культуры обращения с информацией, что заразили вашу драгоценную инфосистему каким-то инородным кодом-чумой?

--- Брат... --- начинает Жиллиман.

Лоргар указывает на застывших вокруг него световых призраков.

--- Сколько унижения ты собираешься взвалить на этих людей? Все, чего они хотят, --- угодить тебе. Заслужить уважение великого Робаута Жиллимана, которого им не хватало последние десятилетия. Это важно --- что ты о них думаешь.

--- Лоргар...

--- Они прибыли проявить себя! Показать, что достойны сражаться бок о бок с величественными Ультратаринами! Воинами-королями Ультратара! Это объединение, эта кампания --- тиг

наивысшей чести! Им это важно! Очень важно! Они ждали восстановления этой чести годати!

--- Я не хотел никого оскорбить.

--- В самом деле? --- смеется Лоргар.

--- Никким образом. Брат мой, Лоргар

Аврелиан, зачем бы мне иначе выходить на связь неформальным образом? Если бы я придержал этот вопрос, чтобы отрачить церемонию приветствия, тогда ты мог бы рассматривать его как оскорбление. Частная беседа наиболее доверенных командиров. Вот и все. Тебе известно, что мусорный ког может распространяться куда угодно и прицепиться к наиболее тщательно обслуживаемым системам. Это может быть мы, это можете быть вы, может быть ошибка в наших стеках данных или же какой-то ксеноког, который пристал, как репей, прицепился к вашим системам после отбытия от внешних миров. Я не ищу виноватых. Нам просто нужно распознать проблему и совместно работать над ее устранением.

Лоргар пристально смотрит на него. Жиллиман замечает, насколько густо

кожа брата покрыта вытатуированными
татуировками.

--- Я не собирался портить этим наше
давно готовящееся воссоединение, ---
говорит Жиллиман. --- Я пытался таким
образом остановить порчу.

Лоргар кивает. Он поджимает губы, а
затем расцветает в улыбку.

--- Понимаю.

Он вновь кивает, улыбка то
появляется, то исчезает. Подносит ладонь
к рту. Сглатывает...

--- Понимаю. Если так, хорошо. Мне не
следовало выражаться подобным образом.

--- Я должен был быть более
осторожен, --- откликается
Жиллиман. --- Теперь я вижу, как это
могло выглядеть.

--- Мы проверим свои системы, ---
говорит Лоргар. Улыбка вернулась к нему.
Он еще раз кивает, словно убеждая самого
себя.

--- Я должен был быть более
осторожен, --- настаивает Жиллиман.

--- Нет, ты прав. Явно присутствует
напряженность, которую необходимо

преодолеть. Ожидание.

Лорзар глядит на него.

--- Я разберусь с этим. Посмотрим, стоим ли мы отследить ког. А потом мы встретится, брат. Всего через несколько часов мы встретится, и все будет приведено в порядок.

--- Я жду этого с нетерпением, --- говорит Жиллитан. --- Мы станем плечом к плечу, сокрушим оркскую угрозу, которую обнаружил наш брат, а затем наша история будет переписана.

--- Надеюсь на это.

--- Так и будет, брат. Если бы я не верил, что этот злосчастный разрыв между нашими легионами нельзя исцелить при помощи благого сообщества и совместных воинских усилий, то не согласился бы на все это. Мы станем наилучшими союзниками, Лорзар. Ты, я и наши могучие легионы. Хорус будет доволен, а Император --- наш отец --- улыбнется, и былые обиды забудутся.

Лорзар улыбается.

--- Полностью забудутся. Останутся в прошлом, --- говорит он.

--- Без протекления, --- произносит
Жиллиман.

[отметка: --- 7.55.09]

Криол Фоуст утешляет последнего
из жертвователей. В посадочных лагерях
Семнадцатого и его вспомогательных
армейских подразделений, которые
рассыпаны по поверхности Калта, сотни
таких же маджиров, как Фоуст, проводят
аналогичные обряды.

Братство поет. То же самое делают
люди из Ценвар Каул, Джехаварната и
Каул Мандори, трех других основных
культурных эшелонов.

В орбитальной Сторожевой Башне
сервер Ул Кехал Хесст вышел из
дискреционного режима, чтобы отследить
и уничтожить проблему мусорного кода. У
него ничего не выйдет. В безуспешных
попытках он проведет остаток своей
жизни.

Проблему мусорного кода больше
нельзя разрешить средствами Механикул.
Октет внедрен.

[отметка: -- 4.44.10]

Эониг Туель просыпается. Он ненадолго соскользнул в режим отдыха. Ему стало скучно. Он долго ждал. Никто не пришел.

Он просыпается, поскольку больше не ходит в вестибюле сороковой палубы.

Он кланяется.

-- Ты Туель? -- спрашивает Жиллиман.

-- Да, повелитель, -- отзывается Туель.

Притарх выглядит рассеянным. Возможно, он в состоянии сказать, какими оружием пользовались, а затем положили на место и какие тренировочные клетки работали.

-- Ты ожидал здесь какое-то время.

-- Да, повелитель.

-- Сегодня много дел. Мое внимание было отвлечено.

Это не оправдание, а всего лишь простое объяснение. Туелю хочется

сказать, что он не понимает, зачем
припарх всем этим занимается, однако он
не настолько глуп.

--- Ты развлекался? --- интересуется
Жиллиман, снятая со стенной стойки меч
и изучая лезвие.

--- Я... я решил провести время,
практикуясь, --- отвечает Туель. --- Здесь
есть оружие, с которым я не знаком. Я
подумал, что смогу извлечь пользу из...

Жиллиман кивает. Кивок означает
«заткнись».

Туель затыкается.

Жиллиман осматривает меч,
который держит в руке. Он не глядит на
Туеля. Тот ждет, вытянувшись. Под
мышкой зажат шлем, грубо окрашенный в
красный цвет, обозначающий
дисциплинарное взыскание.

--- Я пришел сюда не за тобой, ---
произносит Жиллиман. --- Я вышел
поразмислить. Я забыл, что ты здесь.

Туель никак не реагирует.

--- Эта мысль меня угнетает, ---
говорит Жиллиман, снова задвигая меч в
стойку. --- Я что-то забыл. Я был бы

признателен, если бы ты не делился ни с кем этим неосторожным признанием.

--- Разумеется, повелитель. Хотя едва ли вас можно осуждать за то, что вы забыли обо мне. Я крайне мелкая деталь.

Теперь примарх смотрит на него.

--- Запомни две вещи, сержант. Первое --- мелких деталей не существует. Информация --- это победа. Невозможно и непозволительно отбрасывать данные как несущественные, пока не окажешься в состоянии оценить их значимость, а это всегда происходит задним числом. Так что все детали важны, пока не станут излишними в силу обстоятельств.

--- Да, повелитель.

--- А что второе, Тиель?

Перед тем как ответить, Эониг Тиель слегка колеблется.

--- По какой угодно шкале приличий, --- отвечает он, --- мое нарушение достоин порицания. А стало быть, я в любом случае не мелкая деталь.

--- Безусловно, --- произносит Жиллиман.

Примарх поворачивается и смотрит

на высокий потолок зала. На тренировочными клетками, где Тиель проводил в чрезмерном напряжении последние часы, висит слабое тарево.

--- Думаю, я мог его обидеть, --- говорит Жиллиман.

--- Повелитель?

Жиллиман снова переводит глаза на Тиеля, устремляя на него задумчивый взгляд.

--- Сегодня день большой деликатности, --- произносит он. --- Мы творим часть будущего Империи в той же мере, как приводим к Согласию звездную систему. Мы укрепляем родство. Исправляем слабость. Это политика. Разрыв между Тринадцатым и Семнадцатым --- это разрыв в имперском строю. Хорус это знает. Поэтому-то он и зашивает его, и мы все можем проглотить собственное неудовольствие по этому поводу.

Жиллиман потирает скулы кончиками пальцев. Он меланхоличен.

--- Будущее зависит от сплоченности легионов, --- говорит он. --- Там, где

единство слабо, где его не хватает, его необходимо восстановить или усилить. Это принуждение. Мы лагим друг с другом ради высшего блага.

Тиель предпочитает продолжать молчать.

--- Он так... переменчив, --- говорит Жиллиман. --- Так подвержен крайностям. Страстно желает угодить, легко обижается. Для него не существует середины. Он так стремится стать тебе лучшим другом, а затем, при малейшем намеке на оскорбление, злится на тебя. Разъяренный. Обиженный. Как ребенок. Если бы он не был мне братом, то был бы политической обузой и помехой эффективному управлению Империей. Я знаю, что бы с ним сделал.

--- Уверен, что смог бы показать, как именно, повелитель, --- произносит Тиель и подмигивает.

--- Это была шутка, сержант?

--- Возможно, я только что предпринял очень неудачную попытку сослаться, повелитель, --- признает Тиель.

--- В сущности, было довольно

забавно, -- говорит Жиллитан.

Он разворачивается, чтобы уйти.

-- Оставайся тут. Я дойду до тебя по ходу дела.

-- Да, повелитель.

[отметка: -- 3.01.10]

-- Рядовой Перссон, -- окликает Графт, с жужжанием двигаясь по тропинке.

В устье реки поднимается ветер, от которого шелестит темнотравье. Доносится пустой металлический запах холодной воды и грязи. Скоро наступит ночь. В крепости и вокруг нее зажигаются огни, их отражения скачут по черной реке.

-- Рядовой Перссон, -- зовет сервитор.

Пора остановиться. Конец дневных трудов. Умыться, привести себя в порядок и поужинать. Олл устал, однако он примерно в восьми рядах от места, где рассчитывал находиться. Слишком большая часть дня потрачена на взгляды в небо, на бегущие огни кораблей. Слишком большая часть дня ушла на наблюдение за тяжелыми посадочными модулями.

которые блестят, проходя над головой.

Графт катится к нему. Увеличенные для загрузки боеприпасов громадные верхние конечности сервитора заменены на типовые руки для перемещения грузов.

--- Пора остановиться, рядовой Перссон, --- говорит Графт.

Олл кивает. Они сделали при свете все, что было в их силах.

Но у него нет ощущения, что пора остановиться. Кажется, что вот-вот что-то начнется.

[отметка: --- 1.43.32]

Вентан и Селатон наблюдают, как Арбут беседует с очередной группой представителей гильдии рабочих. Позади них медленно втягивается в грузовую шахту выпускной желоб, громадный и серый, словно горный склон. На рокитовом покрытии блестят масляные пятна.

--- Не понимаю, что в этом трудного, --- произносит Селатон. --- Она велит им работать усерднее. Они работают усерднее. У нее есть власть.

--- Все сложнее.

--- В самом деле, капитан? Они этим занимались целый день. Насколько я могу судить, основная уловка состоит в продолжительности и частоте перерывов на отдых.

--- Усталость --- это проблема, --- напугивает сержанту Вентан. --- Человеческая проблема. Нам нужно сотрудничество. Нужно признавать их качества.

--- Вы ищете в виду --- слабости.

--- Качества.

--- Я до глубины души рад, что не избран быть человеком, --- замечает Селатон.

Вентан смеется.

--- Но все же за это нас вздернет примарх, если сборы отстанут от графика.

--- Нет, достанется мне, --- говорит Вентан. --- И мы не опоздаем. Сенешаль достаточно убедительна.

--- Правда, сэр?

--- Думаю, гильдия еле волочила ноги потому, что полагала, будто им следует предложить дополнительную оплату.

--- Сознательно работать медленно? ---
спрашивает Селатон, для которого внове
такой принцип.

--- Да, сержант. Они суетятся из-за
переработки, выторговывают себе
обильную надбавку, а затем дают
небольшую слабину, которую смогут
выправить и произвести впечатление,
будто работают изо всех сил. Думаю, наш
новый друг сенешаль Арбут заставила их
держать ухо остро, представив такие
новые понятия, как патриотизм и
благоприятное расположение примарха.

Селатон кивает.

Небо над костюпортом грозового
серого цвета, ветер разгоняет неровные
облака, подсвеченные садящимся солнцем.
Особенно ярко сияют огни прибывающих
транспортных.

--- Мы остаемся без света, ---
замечает Селатон. --- Раньше, чем
прогнозировалось.

--- Результат шторма, --- говорит
Вентан.

--- Возможно, --- отвечает Селатон.

[отметка: --- 1.01.20]

Мобильная база «Кампанила»
проходит внутреннюю точку Мандевилля
Веригийской системы, внешнее
маркировочное кольцо 16 и локальный пост
Она передает полные и точные
швартовочные коды кораблям-
наблюдателям на кольце 14 и звездному
форту Веригий Максим. Звездный форт
отменяет захват цели и дает базе сигнал
проходить. Кажется, что корабль
замедляет ход.

[отметка: --- 0.55.37]

Вспышка телепортации.

По открытому склону расходятся
вибрация и потрескивания
энергетического разряда, холодный
северный воздух пропитывается озоном.

Темный Апостол Эреб обретает
плоть и возникает из росчерка света. Он
роет не в церемониальный доспех. Его
экипировка --- глубоко функциональная
боевая броня, она зачернена неплом и по
всей поверхности исписана мелким
научнообразным почерком.

Его ожидает ударная группа. В
главе Эссембер Зот из Гал Ворбак,
воитель, отличающийся воспламеняющей
других яростью. Его меч уже обнажен.
Доспех выкрашен в цвет крови.

Так их узнают враги. Алые, цвета
пламени, преисподней, крови и Октема.

С Зотом рабочая бригада из Ценвар
Каул — семьдесят человек, все бездетные.
Они трудились с момента прибытия на
рассвете на одном из первых кораблей.

Расположенное в двух тысячах
километров от города Нутин плато
Сатрик — уединенное место. Уже
наступила суровая зима. Область Сатрик
выбрана в качестве одной из шестидесяти
восьми точек сбора из-за своего размера и
ландшафта. По всей глине склона стоят
посадочные модули, распахнувшие к серому
небу грузовые люки.

Эреб остатривает работу.

Эта искрящаяся и неслучайная область плато
Сатрик особенно прекрасна. Чтобы
установить ее совершенство по
отношению к прочим возможным местам,
потребовалось несколько дней

сравнительного изучения с использованием орбитальных сканов. Она постоянно горизонтальна по отношению к уровню моря. Сориентирована соответственно магнитному полюсу и приливному процессу, и в день объединения над ней будет благоприятный восход луны. Также она обладает прочими качествами, которые не смогла бы выявить стандартная имперская физика. Векторы империума выверены. Сегодня покров импиреев в этом месте тонок.

Это поистине совпадение. Эреб размышляет, насколько же оно совершенно. Не просто пригодное к работе, подходящее или приемлемое. Идеальное. На ближайшие шестьдесят дней, начиная с сегодняшнего. Как будто некая сила создала совершенство точно в нужное время.

Люди Каул выложили круг. Отполированные черные камни, взятые с вулканических склонов Усстваана-V и отмеченные символами, образуют идеальную окружность диаметром в километр.

Эреб принимает от Зота последний камень. Это камни призыва. Он ощущает тошноту от скрытой силы, лишь только взяв один из них в руку.

Он помещает камень в разрыв в круге. Вставая на место, тот щелкает о камни по бокам.

--- Начинайте, --- говорит он Зоту.

Люди Ценвар Каул приближаются с прочими приношениями из системы Усстваана. Двигаясь процессией, они несут портативные стазис-колбы, словно кадила на катерическом богослужении. Жидкость в стазис-колбах затумнена кровью. Собранные прогеноидные железы. Геносемя. Сгинувшая жизнь преданных душ принесена теперь для окончательного кощунства. Здесь геносемя Салатангр, Железных Рук, Гвардии Ворона. Эребу ведомо, что губительные Силы не делают различий, поэтому здесь также и другое геносемя: Детей Императора, Гвардии Смерти, Повелителей Ночи, Железных Воинов, Несущих Слово, Альфа-Легиона и даже Лунных Волков. Годаются все, кто пал в тайных мерзостях на Усстваане-III и ---

У.

Эреб останавливает первого человека в процессии и прикасается к стеклу стазис-колбы. Он знает, что внутри искромсанная ткань в непрозрачной суспензии.

--- Тарик... --- шепчет он.

Он кивает. Люди Каул начинают заносить колбы в круг. Когда носители проходят за камни, то начинают выть. Их рвет. Некоторые утирают или получают инсульт. Они падают, разбивая колбы.

Это не имеет значения.

Поднимается луна, бледный завиток в сиреневом небе, уже насыщенном светом.

Зот вручает Эребу инфопланшет, и Апостол сверяет время прибытия.

Он отслеживает информацию об использовании швартовочных кодов. Отдает планшет назад, а взамен берет устройство вокс-связи.

--- Пора, --- произносит он.

[отметка: --- 0.40.20]

--- Принято, --- отвечает Сорот Чур.

Он возвращается к остальным. Его

люди стесались с ротой Люциеля на
ротных палубах «Самофракии». Они
завершили ритуальный обед,
организованный Люциелем. Никто из них
не нуждается в пище, и уж точно не в тех
превосходных продуктах, которые
предоставил Люциель, однако это
символический жест. Отобедать как
союзники, как воины-короли. Сплотиться в
преддверии грядущей войны.

--- Проблемы? --- спрашивает Люциель.

Чур качает головой.

--- Небольшой вопрос по погрузочным
платформам.

Чур смотрит на Люциеля.

--- Почему вы изменили эмблемы и
окраску доспехов? --- спрашивает Люциель.

--- Мы создаем себя заново, ---
отвечает Чур. --- Новой системой мы
отмечаем новое начало. Возможно, это из-
за характера возлюбленного нами
примарха, да благословит его костос.
Гонорий, мы еще не вполне нашли себя. Не
как вы. Мы стремились понять
подходящую нам роль. Не думаю, что ты
ценишь собственную удачливость.

Чистоту вашего предназначения и
положения Ультратаринов. С самого
начала вы обладали репутацией, которую
не нужно было ставить под сомнение, и
задачей, которую не требовалось
прояснять.

Он делает паузу.

--- Я годати презирал Лоргара, --- тихо
произносит он.

--- Что?

--- Ты слышал.

--- Сором, ты не должен...

--- Взгляни на своего притарха,
Гонорий. Такого выдающегося. Столь
благородного. Я завидовал вам, завидовал
Имперским Кулакам, Лунным Волкам,
Железным Рукам. И я не одинок. Мы
боремся с переменчивым разумом, Гонорий.
Страдаем от бремени блестящего, но
способного ошибаться командующего. Друг
той, мы более не несем Слово. Мы несем
Лоргара.

--- Некоторые быстро находят свою
роль, --- твердо говорит Люциель. --- Я
думал на эту тему. Другим требуется
время, чтобы развиться и обнаружить свое

предназначение. Твой примарх, великий Лоргар, --- сын Императора. Для него найдется роль. Может статься, что она окажется куда значительнее, чем выпадавшая Жиллиману или Дорну. Да, нам повезло, что у нас есть ясность. Я это знаю. Так же у Кулаков, Рук и Ангелов. О Терра, Сорот, таковы Пожиратели Миров и Волки Фенриса. Возможно, нехватка ясности, от которой вы страдали до сих пор, вызвана тем, что роль Лоргара все еще непредставима.

Чур улыбается.

--- Поверить не могу, что ты его защищаешь.

--- Почему?

Чур пожимает плечами.

--- Думаю, мы наконец обретаем цель, Гонорий, --- говорит он. --- Отсюда наша новая решимость. Изменения геральдики и цвета госпехов. Я... Меня попросили присоединиться к наступлению.

Люциель недоумевающе хмурится.

--- Ты говорил.

--- Мне нужно кое-что доказать.

--- Зачем? --- спрашивает Люциель.

--- Я должен подтвердить свое стремление к новой цели.

--- И как ты это сделаешь? --- интересуется Люциель.

Чур не отвечает. Люциель замечает, что пальцы Несущего Слово шевелятся, постукивая по столешнице. Что это за волнение? Нервозность?

--- Я кое-что узнал, --- внезапно произносит Чур, меняя тему. --- Немного из военного искусства, которое ты, думаю, оценишь.

Люциель поднимает кубок и отхлебывает вина.

--- Продолжай, --- улыбается он.

Чур поигрывает своим кубком, золотым бокалом с прямыми стенками.

--- Это произошло на Усстваане, когда там шел бой.

--- Усстваан? В системе Усстваана было сражение?

Чур кивает.

--- О нет не сообщали. Это было приведение к Согласию?

--- Оно случилось недавно, --- говорит Чур. --- Полные рапорты о кампании все

еще ратифицируются магистром войны.
Затем они станут доступны.
Люциель вскидывает брови.
--- Жиллиман не одобрит, что его
хоть какое-то время держат не в курсе.
Это так намереваются впредь вести
Великий крестовый поход? Жиллиман
настаивает на общности всей военной
информации. И Усстваан пребывал в
Согласии...

Чур поднимает руку.
--- Это было недавно. Оно еще свежо.
Теперь все кончено. Ваш примарх узнает
обо всем, как должно. Суть в том, что
сражение было ожесточенным. Империя
столкнулся с врагом, который обнаружил
стертельную силу предательства.

--- Предательства? --- переспрашивает
Люциель.

--- Как ты понимаешь, не в качестве
стратегии. Не тактического
предательства с целью заставить враг
и ослабить. Я имею в виду --- как качества.
Сила...

--- Не уверен, что понимаю, о чем ты,
--- слегка успокаиваясь, улыбается

Люциель. -- Ты как будто говоришь о...
магии.

-- Почти что так и есть. Враг
верил, что в предательстве заключена
сила. Завоевать доверие противника,
замаскировать свою враждебность, а
затем обратить... Ну, они полагали, что
это действительно наделало их силой.

-- Не понимаю, каким образом.

-- В самом деле? -- спрашивает Чур. --
Могущество, как они думали, зависит от
степени предательства. Если союзник
внезапно обращается против союзника --
это одна степень. Но если верный друг
выступает против друга... Это чистейшая
мощь, поскольку предательство намного
глубже. Поскольку потребовалось
переступить через такое количество
моральных ограничений. Доверие. Дружбу.
Верность. Надежду. Честность. Подобное
действие столь сильно, поскольку в него было
невозможно поверить. С его помощью было
достигнуто могущество сродни
результату мощнейшего кровавого
жертвоприношения.

Люциель откидывается на спинку.

--- Безусловно, интересно, --- говорит он. --- Ну, что они так думали. С точки зрения культуры это во многом говорит о силе их кодексов чести. Если они верили, что подобное наделило их силой, то это похоже на суеверие. Разумеется, в категориях военного мастерства и техники в этом мало стратегической ценности. Кроме, как я предполагаю, психологической.

--- Для них это, безусловно, работало.

--- Разумеется, пока вы их не сокрушили.

Сорот Чур не отвечает.

--- В чем дело? --- спрашивает Люциэль.

--- Это как жертвоприношение, --- произносит Чур. --- Ты осознаешь и совершаешь величайшее возможное предательство, и оно словно жертвоприношение, необходимое для посвящения и начала грандиозного обряда победы и разрушения.

--- Все еще не понимаю. В этом нет тактической методологии.

--- Правда? Правда, Гонорий? А если

есть? Что, если это совершенно иной способ ведения войны, выходящий за рамки практических техник, отрицающий и затмевающий все воинские законы, которые систематизированы

Ультратарином и признаны Императором?

Ритуальная война? Своего рода демоническая война?

--- Ты так говоришь, как будто веришь в это, --- смеется Люциель.

--- Подумай над моими словами, --- тихо говорит Чур. Он озирает зал, глядя, как его люди беседуют и пьют с людьми Люциеля. --- Подумай... Если бы Несущие Слово выступили против Ультрагесанта, разве не было бы это величайшим предательством? Не Лорзар против Жиллимана, поскольку они в любом случае недолюбливают друг друга. Прямо здесь, в этом помещении --- двое людей, которым в самом деле удалось стать друзьями?

--- Это был бы отвратительнейший обман, --- соглашается Люциель. --- Вынужден признать, что в нем была бы некоторая сила. Эффект шока в легионе. Мы невосприимчивы к страху, однако ужас

и ошеломление могут на краткое время
обезоружить в силу невообразимости сути
поступка.

Чур кивает.

--- И это стало бы центральным
элементом, --- говорит он. --- Жертвенной
искрой, от которой вспыхнет ритуальная
война.

Люциель трачно кивает.

--- Думаю, ты прав. Было бы хорошо
понять и иметь в виду врага, который
столь убежден в силе бесчестья.

Чур улыбается.

--- Жаль, что ты не понимаешь, ---
произносит он.

[отметка: --- 0.20.20]

«Кампанила» пересекает внутреннее
кольцо. Ее коды приняты сетью обороны.
Перед ней на сортировочной станции
располагается громада сгруппированного
флота. Сияющая слава Калта.

Войдя внутрь орбиты луны Калта,
она начинает резко ускоряться.

[отметка: --- 0.19.45]

--- Чего не понимаю? --- спрашивает Люциель.

--- Меня просили присоединиться к наступлению, --- произносит Чур.

--- У?

--- Я должен подтвердить свое стремление к новой цели.

Люциель глядит на него.

Всего одну секунду. Одно мгновение. У в это мгновение он наконец понимает, что пытался сказать ему Сорот Чур.

Чтобы не разорвать одну невозможную связь, от Сорота Чура требуется изменить другой.

Кубок выпадает из пальцев Люциеля. Рука, ведомая одним лишь инстинктом, уже движется к пистолету.

Его замедляет лишь незамутненное, выводящее из строя ошеломление.

Плазменный пистолет Чура уже у того в руке.

Кубок еще не успел удариться о стол.

Чур стреляет. Выпущенный в упор заряд плазмы попадает в торс Гонория Люциеля. Он раскален, как звезда главной последовательности. Он испаряет броню,

панцирь, укрепленные кости, спинной мозг.
Уничтожает мясо, оба сердца и
второстепенные органы. Обращает кровь в
пыль. Выстрел, словно удар молота,
сбивает Люциеля с ног, швыряя через стол.
Разбитая столешница подскакивает
навстречу падающему кубку, закручивая
его в воздухе в полукруге вина.

Застигнутые врасплох люди Люциеля
оборачиваются, не понимая, что
происходит, — шум, движение, выстрел,
жестокое нападение на их капитана. Люди
Чура просто вытаскивают оружие.
Стрельба их не отвлекла. Взгляды не
отрывались от собеседников, которые
сейчас в замешательстве
отворачиваются.

Люциель катается по полу, молотом
руками и ногами, а вокруг падают
обломки стола. Кубок отскакивает от
плиты полу рядом с его головой. Его
глаза широко распахнуты. Плазменный
заряд проделал в нем огромное сквозное
отверстие. Тело пробито. Через
содрогающийся торс видно полу. Край
зияющей раны опалены и обожжены

сверхтемпературой. Доспех тоже пробит насквозь, крошки светятся. Тельца Ларрамана не в состоянии закрыть или затянуть столь катастрофическое повреждение. Чур вскакивает, опрокидывая стул. Он опускает плазменное оружие, наводит его в лицо Люциелю и стреляет еще раз.

Вокруг него помещение сотрясается от внезапного шквала огня. Двадцать или тридцать болтеров разряжаются практически одновременно. Отброшенные назад закованные в доспехи тела падают. Воздух заполнен кровавой дымкой.

На третьем отскоке кубок приземляется, описывает круг и останавливается возле обожженного и расколотого черепа Гонория Люциеля.

Сражение --- не то состояние, в которое следует входить легко. Сражение всегда болезненно, и за победу приходится платить, поэтому дальновидный командующий никогда не переходит к сражению, пока у него остаются иные варианты. После реализации этого перехода и начала фазы исполнения, или первичного состояния, необходимо действовать с предельной эффективностью: с самого начала применять подавляющие силы, чтобы как можно быстрее полностью уничтожить врага. Не давайте ему времени и пространства, чтобы среагировать. Не оставляйте ему ни техники, ни свободы, которыми он сможет воспользоваться в фазе сбора.

Уничтожьте его физически и
психологически, чтобы
полностью ликвидировать
возможную угрозу с его стороны.
Убивайте первым выстрелом.
Полностью уничтожайте
первым ударом. Это можно
считать использованием
нападения в самой чистой его
форме.

Жиллиман.

Примечания к
Воинской
кодификации, 4.1.ЖХ

[отметка: -- 0.18.43]

Раздается сигнал тревоги. На полированной медной консоли начинается моргать красный предупредительный огонек.

Вахтенный офицер на своем посту на мостике «Самофракции» реагирует быстро. Хотя он в некотором замешательстве. Системы корабля сигнализируют о неполадках? Это тревога высокого уровня.

Чтобы прояснить ситуацию, он нажимает на клавишу из слоновой кости. На маленьком зеленом экране возникает фраза, состоящая из светящихся зеленых символов.

[Стрельба, ротная палуба]

Этого быть не может. А даже если было, выстрел, должно быть, произошел случайно. Как бы то ни было, вахтенный офицер хорошо подготовлен и высокодисциплинирован. Ему известно, что ответы, разъяснения, уточнения и объяснения -- второстепенные вопросы. Они

могут подождать. Подождать может даже информирование капитана. Он знает протокол. Он реагирует так, как его учили.

Он активизирует вокс-системы и пробуждает защиту палубы. Руки с отретенированной ловкостью порхают по клавишам. Он включает боевую тревогу. Начинает систематически закрывать переборки по всей длине ротной палубы и блокировать ведущие на палубу точки доступа и подъемники.

В течение четырех секунд с момента сигнала тревоги вахтенный офицер уже начал процедуру блокирования и защиты всей ротной палубы, а также расстановки караулов у всех точек доступа. Его реакция образцова. В течение тридцати пяти секунд с момента сигнала тревоги будет осуществлена полная регулятивная изоляция.

Но у него нет тридцати пяти секунд.

Капитан услышал звук боевой тревоги и вскочил с кресла, чтобы соединиться с вахтенным офицером и узнать, что случилось. На его лице

написано недовольство.

--- В чем дело, вахта? --- спрашивает он.

Его слова тонут в очередном сигнале тревоги. Затем следует еще один. Потом еще. Сирены, звонки и гудки накладываются друг на друга, вереща и гремя.

Сигнал сближения.

Сигнал предупреждения о возможном столкновении.

Сигнал сбоя курса.

Система обнаружения.

Пассивный ауспик.

Первоочередной сигнал тревоги по орбитальному сообщению от Управления системы Калта.

К ним что-то приближается. Что-то входит в плотные и строго управляемые флотские формации, которые разбросаны по ближнему орбитальному поясу. Что-то несется через швартовочную зону высокой орбиты без разрешения и авторизации.

На мгновение вахтенный офицер на полпути забывает о том, что делал.

Он глядит на основной экран. То же

самое делает капитан. То же самое
делает экипаж мостика.

Все происходит так быстро, что они
ничего не успевают увидеть, хотя
смотрят на это во все глаза.

[отметка: --- 0.18.34]

«Кампанила» ускоряется. Она
запускает маршевые двигатели реального
пространства, создавая тягу основного
объема, хотя ей следовало бы двигаться
практически по инерции, отрабатывая
лишь корректирующими импульсами.
Поднимает пустотные щиты и
становится настолько неустойчивой,
насколько это возможно. И, словно пуля,
несется в направлении планеты Калт.

Все еще можно услышать вопли ее
экипажа, но их никто не слышит.

Тяга основного объема --- это
состояние двигателя, которое
используется для первичного разгона,
максимальная выходная мощность,
выводящая корабль на предел скорости в
реальном пространстве при совершении
перехода в эмпирею. Ею пользуются, когда

звездолет движется от планеты к ближайшей обитаемой точке Мандевилля, проходя расстояние, которое примерно соответствует половине радиуса средней звездной системы.

Здесь нет места для такого глиняного разгона. «Кампанила» уже находится внутри орбиты спутника Калта. Ей недостаточно густанции, чтобы хотя бы приблизительно достигь максимальной выходной мощности или скорости. Но все равно она набирает скорость меньше сорока процентов от возможной в реальном пространстве, когда достигает края атмосферы. Ее перемещение слишком быстрое, чтобы его обнаружил такой прибор, как человеческий глаз, пиктограф или обзорный монитор. Ее видят только системы сканирования и сенсоры, детекторы и ауспик. Они визжат, когда она внезапно и беспощадно приближается, словно ударная волна.

Их вопли столь же тщетны, как и никому не слышные крики гибнущего экипажа.

Она не врежется в Калт.

На ее пути есть препятствие.

[отметка: --- 0.18.32]

«Кампанила», словно ракета, мчится в орбитальный погрузочный пояс Калта. Она прокладывает путь сквозь формации кораблей на стояночной орбите, сквозь шеренги грузовиков, барж и десантных кораблей на высокой орбите, сквозь ряды громадных крейсеров и фрегатов, блестящие облака малых кораблей, погрузчиков, подъёмников и ботов, которые обслуживают корабли-матки.

Она похожа на выпущенный в толпу болтерный заряд.

Она проходит на расстоянии менее длины корабля от «Млатуса», «Каваскора», «Лютины» и «Сатофракии». Пролетает ниже курса линкора «Ультимус Мунди» и обдирает корпус колоссального транспорта «Завет Ангромеда». Щиты задевают корпус ударного корабля «Млекрус», повреждая мачты и сети детекторов правого борта. Она проскальзывает между боевыми баржами «Латница победы» и «Латница славы». К моменту лобового

столкновения с гранд-крейсером «Сүспирия
«Маджестрикс», от которого расходятся во
все стороны швартовочные и заправочные
линии, соединяющие прославленный
корабль с громогзкими тендерами,
«Кампанила» разбросала по сторонам
множество мелких сүденышек, уничтожая
их своими лобовыми щитами. Малые
корабли разваливаются на части, на
терцающих щитах шипят яростные
встречные огни: грузовые боты, лихтеры,
перевозчики, обслуживающие монтеры.
Смещением щитов «Кампанила», словно
приливной волной, отбрасывает всех с
дороги, давя их гравитетрическим ударом
и разбивая о корпус более крупных
кораблей или поддерживающие рамы
внешних орбитальных станций.

А затем «Кампанила» достигает
главной верфи.

Верфи Калта --- вращающиеся по
орбите островки, первые зачатки будущей
настоящей сверхорбитальной платформы
планеты. Их дюжина вокруг Калта.
Калтский Веридийский опорный пункт ---
крупнейший и старейший из них. Он

представляет собой массивную систему
молотов и ступеней, корабельных рам и
доков, подвесных фабрик, жилых блоков,
депо и стыковочных платформ. Чуть
более трехсот километров в поперечнике,
живой и деятельный металлический
муравейник.

«Кампанила» врежется в него и
порождает свет. Движущиеся на высоких
сверхсветовых скоростях пустотные щиты
ударяются о физическую материю и
аннигилируют. Мобильная база просто
испаряет сухой док Ультрамар Азимут,
разрывая надстройку гигантской
стояночной рамы и находящийся в ней
крейсер «Антипатия». Разрезанная надвое
девятикилометровая «Антипатия»
исчезает в волнах быстро
распространяющихся жара и света, когда
детонируют ее двигатели, и с ней гибнет
шесть тысяч жизней. Взрыв воспламеняет
два заводских модуля, присоединенных к
сухому доку, мгновенно убивая еще
тридцать тысяч механиков и инженеров,
и отрывает надстройку от защитных
башен А1-12 и А1-14, которые падают набок.

отбрасывая корабль охранения «Бурнабус» на быстроходный эскорт «Церико Рекс». Оба корабля получают катастрофические повреждения корпусов. «Бурнабус» расплющивается и сминается, словно стреляная гильза.

«Кампанила» все еще движется. Позади нее рассыпается сухой дождь. Ультратар Азимут, а она пробивает Блок-919, пустотелый сфероид, внутри которого сейчас находятся «Угроза Фортиса», «Избавление Терры» и производственный корабль «Механикум Энкодер Фобоса». Все три корабля уничтожены. Сфера раскалывается, как стеклянный шар. Выброшенные обломки влетают в присоединенные жилые модули, опустошая их в костос. Взрыв вышвыривает часть «Энкодера Фобоса», которая, вертясь, попадает в главное грузовое помещение станции, и оно складывается пополам. Этот второй удар уничтожает сорок девять подъездных кораблей, а также сто шестьдесят восемь малых лихтеров и перевозчиков. Грузовые капсулы и транспортировочные

контейнеры разлетаются, словно бусины из
лопнувшего ожерелья, словно рисовые зерна
из рваного мешка. Они рассыпаются,
кувыркаясь. Некоторые начинают
светиться синим, как паяльная лампа,
падающая в верхние слои атмосферы.

Калтский Веригийский опорный
пункт угрожается. Но немудро
распространяются внутренние взрывы,
которые следуют опустошительным
курсом «Кампанилы». Жилые блоки и генераторы
разлетаются вдребезги. Молы рушатся.
Краны манипуляторов гнутся и
складываются, будто подбитые дробью
охотника болотные птицы. «Эгидея»
«Окклюды» вспыхивает по всей своей
семикилометровой глине. «Триумф
Аякса», закрепленный на ограниченном
эллипсе, искалечен бурей обломков.
Второстепенные двигатели
схлопываются, и массивный корабль
разворачивается на девяносто градусов,
будто человек, которого рванули за
щиколотки. Все еще закрепленный в
посадочной раме эллипса бак напарывается
на «Узурпатор Тарнуса», который

снаряжают на смежном эллинге. Столкновение угрожает им, рвет и раздирает корпус. Из прорванных пластин обшивки со взрывом вырывается атмосфера, аэрозольная струя, заполненная частицами, которые представляют собой крохотные вращающиеся тела.

Свечение нарастает. Объем аннигиляции огромен, и она вырывается свечением. Семнадцатикилометровый линкор «Дух Конора», один из самых могучих боевых кораблей флота Пятисот Миров, вспыхивает, а затем исчезает, когда критические повреждения достигают силовых установок и колоссальных арсеналов боеприпасов. Громадные пылающие секции станции, вращаясь, вылетают вверх, в космос, или же падают на мир внизу. Сухой док Ультратар Зенит из-за полного гравитетического сбоя разваливается, вращаясь и разлетаясь на части по пути к планете. Поддерживаемый этим доком гигантский крейсер «Антрогатикус» отрывается от причала и начинает скользить назад,

прочь от рущающейся раты, жутковато
пародирую старт корабля. Его двигатели
отключены. У него нет энергии, чтобы
помешать скольжению или
стабилизировать свое положение, по
крайней мере -- ничего такого, что можно
было бы достаточно быстро запустить
или применить. Это крупный корабль, его
длина -- двенадцать километров. Он
просто скользит назад, словно громадная
льдина, который отрывается от ледника и
уплывает в море.

«Кампанила» все еще движется. Ее
щиты наконец отказывают, и теперь она
представляет собой просто массивный
снаряд, громаду из металла. Она
уничтожает еще два станеля и
находящиеся на них корабли, повреждает
пришвартованный транспорт «Цоганиус
Артемисия», а затем таранит узел
информационной аппаратуры в центре
структуры станции. Все машины
мгновенно уничтожены. Автоматика
отказывает. Ноосфера терпит
критический и смертельный сбой. Сердце
станции разрушено, и с ним гибнет еще

тридцать пять тысяч человек.

Удар фактически стер незащищенную часть «Кампанилы». Ее структура распылена на атомы, остались только наиболее крупные куски. Они летят дальше, пока корабль распадается, все еще двигаясь с неизменно высокой для реального пространства скоростью. Самый крупный из уцелевших фрагментов, часть твердого ядра двигательного отсека «Кампанилы», раскручивается и приканчивает линкор «Прометей Нарфана Дюма», будто попавший в череп заряд из пращи.

Остатки «Кампанилы» зачищают дальний край Калтского Веригийского опорного пункта и рассыпаются по всей планете, разлетаясь, падая и пылая, словно метеориты.

Вся катастрофа заняла менее секунды. Она произошла в абсолютной тишине, вспышка света в безмолвной пустоте.

Все наблюдатели — как на окрестных кораблях, так и на поверхности планеты — могли бы увидеть лишь ослепительную

вспышку, похожую на превращение звезды в
сверхновую, на стену которой тут же
пришли распространяющиеся группы
концентрических огненных кругов,
пожирающих все небо.

[отметка: --- 0.18.30]

Световой удар превышает
разрешительную способность экранов
мостика «Чести Макрагге». Они с
шипением темнеют. Подключенные
сервиторы визжат и трещат.
Автоматические системы захлопывают
противовзрывные заслонки на всех обзорных
окнах мостика, оставляя их в красноватом
защищенном полумраке.

Марий Гейдж поднимается с кресла.

--- Что это было? --- требовательно
спрашивает он.

Никто не отвечает.

--- Выяснить! --- ревет он.

Обрушивается ударная волна.

[отметка: --- 0.18.30]

Отблеск. Вентан знает, что это.
Инстинкт опознает это за промежуток

времени, который дается сознанию, чтобы
дать объяснение. Это электромагнитный
импульс, предшествующий большому
взрыву.

Он успевает увидеть, что Селатон
тоже это ощутил. А сенешаль -- нет. Ее
человеческие инстинкты слишком
неразвиты, чтобы заметить проблеск. Она
что-то говорит.

Вентан хватает ее и тянет вниз.
Арбут вопит, ничего не понимая. Он
знает, что закованные в броню пальцы
ломают ей ребра. Но все же есть шанс, что
он сумеет прикрыть ее своим телом.

В небе над космопортом Нумина
поднимается абсолютно новое солнце.

[отметка: -- 0.18.30]

Свет опалает края неба, а затем,
словно жгучая струя из личного огнемета
бога, небо над полями и устьем в Периде
наполняет пламя.

Олл Перссон возражает, хотя до
жара и ветра еще полминуты. Ему
доводилось видеть, как корабли
взрываются на орбите. Но он никогда не

видел ничего настолько масштабного.

Сутерки наливаются оранжевым. Позади них вытягиваются вечерние тени. Озадаченные и напуганные сборщики трав глядят вверх.

--- Рядовой Перссон? --- спрашивает Графт, неспособный задать более сложный вопрос.

--- Храни нас всех Господь, --- произносит Олл.

Темнотравье шевелится и шелестит.

Налетает ветер, такой горячий, как будто неподалеку открылась дверь печи.

[отметка: --- 0.18.30]

Раскат грома. Так это слышит Хеллок.

--- Что за голбанная дерьмовая стрельба... --- выхватывая из рта сигарету, начинает он, обращаясь ко всем, кто его слышит. Прямо перед ним рядовой Рейн. Внезапно тот превращается в силуэт, как и трубы со шпильми по ту сторону реки --- черные очертания на фоне неба, которое стало белым, словно

дополнительный расцвет, словно голбаная зарница, и при этом яркая, как обычная молния.

Хеллок не знает, что произошло, но он уже чувствует, что это самое плохое из того, что ему когда-либо придется пережить.

Он ошибается.

[отметка: --- 0.18.30]

Небо над Нутином взрывается. Браэллен и Ангром вскакивают, выходя из режима отдыха. Они молчат, поскольку говорить еще фактически не о чем, однако вынимают оружие, не дожидаясь указаний капитана Дамокла.

Это взрыв на большой высоте или на низкой орбите. Множественные взрывы. Накладывающиеся друг на друга --- это становится ясно мгновением позже, когда вспышки разделяются и начинают мерцать, словно стробоскопический источник света. Огонь расцветает внутри огня, который находится внутри огня.

--- Мы только что потеряли корабль, -

— говорит Ангром.

— Это был не один корабль, —
управляет капитан Дамокл.

[отметка: — 0.18.30]

— Вы это видели? — восклицает
капитан Фрасторекс. — Видели?

— Я видел, капитан, — откликается
сержант Анхиз.

Небо к западу от их лагеря покрыто
световой рябью, как будто кто-то ведет
светящуюся сферу за шелковым занавесом.
Звучит рык, продолжительный грохот,
который, кажется, исходит из костоса и,
кажется, не собирается прекращаться.

— Поднимай людей! — кричит
фрасторекс.

Вокс накрылся. Всякий раз, когда
фрасторекс пытается активировать
канал, в шлеме раздаются странные
шипящие и кашляющие звуки. Это вопли?

Это... пение?

— Поднимай людей, готовность! —
повторяет он, а затем с грохотом бежит
через расчищенный участок к
территории, назначенной для Сто

одинадцатой. Экриту тоже нужно поднять своих людей. Что-то происходит. У Фрасторекса не было настолько плохого предчувствия со времен перестрелки на Каволоте-V. Экриту нужно быть наготове, чем бы это ни оказалось.

Странный ветер колышет деревья, заставляя их шелестеть. Ветер теплый и сухой. Такое ощущение, что это выдох какого-то злобного существа.

--- Экрит! --- кричит Фрасторекс.

На равнине ниже леса поднимаются Несущие Слово. Фрасторекс видит, как они строятся. Видит, как собираются их подразделения. Это хорошо. Чертовски хорошо. Гораздо лучшая выучка, чем он ожидал от Семнадцатого, учитывая их репутацию диких берсеркеров. Гораздо более быстрая реакция.

Хорошо. Хорошо, если так. Они все готовы, готовы встретить это. Единые, словно один. Его сердце радуется.

Они смогут вместе встретить это, чем бы оно ни было.

Информационный шок убивает
сервера Ула Кехала Хесста.

Убивает не так моментально, как
сорок шесть модераторов данных в
окружающих его когнитивных колодцах,
но разрывает и поджаривает главные узлы
церебральной архитектуры. Это
повреждение мозга, которое невозможно
вылечить и от которого он никогда не
оправится. Синаптические соединения
выгорели, словно испорченная проводка. В
лобной доле начинается мозговое
кровоотечение.

Он продолжает стоять.

Через наносекунду после волны
информации на орбитальную Сторожевую
Башню обрушивается свет. Ноосфера
рушится, будто ледяная статуя в печи.
Манифольд башни дает сбой. Хесст
чувствует общую агонию многих тысяч
смертей: его модифицированных братьев
на основной верфи, на борту
пришвартованных кораблей и в башне
вокруг него. Некоторые из этих смертей
быстрые: вспышки аннигиляции. Другие,
хотя тоже происходят быстро, причиняют

боль: жидкие брызги сжатия, взрывная
тупка декомпрессии, тупая ярость удара,
вонящий ад сожжения.

Чины медленны. На них уходят почти
секунды. Окружающие сервера
подключенные к нему люди в
атмисферических саркофагах из
бронестекла шатаются, когда на их мозги,
словно молот, обрушивается шквал
данных. Информационная перегрузка.
Сенсорная перегрузка.
Гипертравматический загрузочный
синдром.

Когда ноосфера отказывает, он
ощущает облегчение.

Он покачивается. Окна башни
автоматически затонировались, чтобы
приглушить свечение орбитальных
взрывов. Постоянный канал ММУ Хесста
пылает, словно продернутая сквозь его
душу раскаленная добела проволока. Его
полностью созданная биоинженерией
личность стертельно повреждена.

Он удерживает лишь одну мысль,
зафиксированную в простой бинарной
форме.

Хесст отключил дискреционный режим четыреста шестьдесят две минуты назад. Он передал его орбитальным биомашинам.

Биомашин, всей орбитальной автоматики больше нет.

Планетарная оружейная сеть Калта только что перестала существовать.

[отметка: --- 0.18.30]

Телемехр снова просыпается. Он пробуждается, вытянувшись, крича и забывая, словно после кошмара. На спине холодный пот, но у него нет спины. Во рту кровь, но у него нет рта. Глаза открыты, но у него нет глаз.

Его инициировала вспышка-поток информации, которая потрясла его так сильно, что на мгновение он обрел физическую память о своей жизни до трансформации. Не недавней трансформации. Еще раньше, до формирующей трансформации в костического десантника путем биогенетического конструирования. На секунду у него появилась память о

пробуждении после кошмара в бытность
немогущим человеком.

Ребенком.

Он осознает, что это был не только
информационный шок. Еще и
значительный физический. Саркофаг резко
встряхнули, бросили, уронили.

Имплантированный счетчик времени
сообщает, что он спал чуть больше, чем
девять часов и десять минут. Внешние
сенсоры не работают. Он не видит. Он не
может открыть саркофаг. Нет никакой
ноосферы. Никаких загружаемых данных.

Собственные сенсоры,
киберорганические датчики боевого
корпуса-носителя, сообщают, что
температура снаружи саркофага
превышает пять тысяч градусов по
Цельсию. Инерционные локаторы
сообщают, что он перевернут и падает.

На постоянной скорости.

[отметка: -- 0.18.30]

Небо взрывается. Криол Фоуст так
крепко прижимает свой атат к груди, что
клинок прорезает пальцы до крови.

Глядя на пожирающую небеса
огненную бурю, Братство Ножа начинает
петь литанию Октема.

Ушкүл Тү! Ушкүл Тү!

Фоуст хочет присоединиться к ним,
но он слишком занят тем, что смеется,
неудержимо хохочет, словно безумный.

[отметка: --- 0.18.30]

Эреб поднимает взгляд от черных
каменей. Центр ритуального круга, где
лежат тлеющие и подергивающиеся тела
многих из процессии Ценвар Каул,
расфокусирован почти на десять минут. В
этом месте материя корчится. Оболочка
вселенной стала жидкой. Пахнет чем-то
похожим на странные грезы, запах
сильный, но совершенно неузнаваемый.

Эссембер Зот из Гал Ворбак что-то
борочет, когда в небе на юге взрывается
первая вспышка. Эреб уже наблюдает.
Огонь, сияние, первый свет, своего рода
заря. Эреб понимает, что благодаря их
плану будут достигнуты некоторые
очевидные стратегические преимущества,
однако это все военные цели, которые мало

что значат для него. Первому из Темных Апостолов важен смысл: значение, искусство, контекст.

Свет в небе, громадная яркая вспышка, которую они сегодня сотворили, — это Ушкүл Тү. На архаичном наречии Святых Миров это означает «жертвенное солнце» или «звезда-погношение». Сложно дать точный перевод. Есть ощущение жертвоприношения, ощущение обещания, которое предвещает рассвет, и ощущение, что последует нечто большее.

Грядет еще более великий восход.

[отметка: --- 0.18.20]

Огромная верфь Калтского
Веригийского опорного пункта гибнет в
пламени. Получив повреждения, после
которых невозможно спастись или
стабилизироваться, гигантская
платформа опрокидывается, распадается
на части и пульсирует, словно внезапно
возникший на орбите Калта белый карлик.

Это энергетический огонь, атомное
пламя, раскаленное добела, сферическое и
колышущееся. Ближайшие орбитальные
платформы содрогаются от серий ударных
волн, которые бьют со стороны пораженной
станции. Некоторые из них одновременно
получили повреждения от выброшенных
обломков надстройки или осколков
взрывающихся кораблей и теперь горят,
все в пробоинах. Корабли по всей длине
швартовочной линии полыхают или
изуродованы. С гнища обваливающегося
орбитального сооружения продолжают
падать осколки и выбросы, захваченные

гравитацией Калта.

Это хаос. Электромагнитные удары повредили коммуникационные сети, а немногочисленные оставшиеся воксы и пиктеры задыхаются от бешеного межкорабельного сообщения: вопросов, требований, просьб, настояний. Что случилось? Что происходит? Немедленно скажите, что творится!

Никакой информации, никаких данных. Механикум перехватили горло, его гортань вырезана, а мозг превращен в кашу. Утеющиеся факты доступны только тем, у кого есть глаза, иллюминатор или работающий пиктер. Совершен акт невообразимой жестокости. Верхняя орбита Калта превратилась в огненную бурю. Число погибших огромно. Нанесенная флоту и инфраструктуре станции рана немыслима. Никакой несчастный случай не имел бы таких последствий. Веридийскую систему и подступы к ней защищают безупречные системы проверок и контрпроверок, непробиваемые слои избыточной безопасности. Чтобы добиться таких масштабов катастрофических

разрушений, потребовался бы злой умысел: осознанное и враждебное намерение обойти охранение.

Это не несчастный случай. Это нападение.

Кто-то, находящийся где-то, бормочет среди потоков нефилтруемых вокс-сообщений и произносит слова «орк» и «зеленокожий». Враз пронюхал о Беридийской мобилизации. Его предупредили о готовой к броску силе, и он нанес удар первым.

В течение десяти или двадцати секунд с момента первого удара корабли по всей верхней швартовочной зоне начали отчаянно запускать двигатели и оружейные системы. Некоторые накапливают энергию, надеясь поднять щиты или даже готовясь ускользнуть с обязательного места стоянки, сменить позицию.

Затем боевая баржа открывает огонь. Тяжелый корабль известен Ультратарину как «Ранторус Рекс», однако Несущие Слово без уведомления, так же как сменяли цвета боевого

облачения, переименовали его в «Унфигүс Император».

«Унфигүс Император» — баржа Корфаэрона.

Он разряжает все основные лэнс-орүдия в боевую баржу «Сыны Ультратара» и превращает ее в кружащееся облако металлического мусора, которое разносится во все стороны от разрастающегося огненного шара.

«Унфигүс Император» выбирает следующую цель. Находящаяся в строю позади грозного корабля «Корона Колхиды» также открывает огонь. Как и линкор «Катиэль». Как и «Плата чистоты» и «Копье Седроса».

И то же самое делает флагман Темного Апостола Эреба, боевая баржа «Длань Судьбы».

[отметка: — 0.17.32]

Капитан Уон Гоммед, командир тяжелого эстинца «Святость Сараманта», видит, как «Унфигүс» начинает безжалостный рейд вдоль швартовочной линии. Он совершенно точно

понимает, что делает громадная баржа Несущих Слово. Она расправляется с выстроенными в линию возле нее кораблями. Так вооруженный человек мог бы казнить ряд беспомощных узников.

Ему и самому приходилось делать подобное. В Верхней Гавани Фарнола, после приведения Эфигении к Согласию, он провел «Святость» вдоль эллингов, уничтожая плененные вражеские корабли, чтобы их не смогли отремонтировать и вновь использовать. Это была грубая и неблагодарная, но предельно прагматичная задача. Корабли были слишком опасны, чтобы оставлять их нетронутыми.

Будучи корабельщиком, человеком, вся жизнь которого была посвящена обслуживанию колоссальных звездолетов, он никогда не получал удовольствия от уничтожения.

Так почему же кажется, будто «Унфигус» наслаждается?

Голмед кричит на командный состав, требуя дать ему энергию, орудия, защиту, информацию... все, что можно. «Святость» стояла у эллинга в холодном режиме,

заглушив двигатели. Как ни подгоняй подчиненных, для приведения корабля в оперативную готовность потребуются пятьдесят минут.

Это относится ко всему флоту. Звездолеты Ультратара стояли на высокой орбите в холодном режиме, ожидая объединения. Все силовые установки были переведены на минимальную выходную мощность для удобства обслуживания, загрузки и посадки. Готовые двигатели, орудия или щиты были не нужны. Они пребывали под прикрытием планетарной оружейной сети.

--- Энергию! --- вопит он. --- Мне нужна энергия!

--- Мощность растет, сэр, --- отвечает первый помощник.

--- Нужно быстрее. Мне нужно активное состояние!

--- Двигательное отделение сообщает, что у нас нет шансов наращивать выходную мощность быстрее, чем...

--- Скажи этим ублюдкам в двигательном отделении, что мне нужна энергия, и никаких оправданий!

Времени нет. «Унфигүс» приближается. Что бы ни произошло, какое бы злодеяние ни случилось, корабли Семнадцатого явно думают, что это нападение, и рассматривают корабли Ультратара как угрозу. Они заранее убивают все, что могут, раньше, чем...

Голмег останавливается. Он пытается себя контролировать. Он осознает, что поражен паникой и крайним потрясением. Как и все. На мостике вокруг него стянение. Ясная голова — единственный шанс как-то, хоть как-то поправить ситуацию.

«Унфигүс» приближается. Вот в чем дело. Вот в чем дело. Трижды проклятый «Унфигүс» приближается. В момент нападения все корабли были отключены, поэтому-то сейчас они беспомощны и беззащитны.

Но «Унфигүс» приближается. Он движется. Как и прочие корабли флота Несущих Слово. Это не поспешная реакция. Они не устраивают бешеную пальбу по воображаемым целям, еще не разобравшись, что же творится на самом

деле.

Дело в том, что они вообще
двигаются.

Они не были отключены. Они стояли
в горячем режиме.

Они знали, что произойдет.

Они были готовы.

--- Ублюдки, --- выдыхает он.

«Инфигус» приближается. Он
размеренно производит бортовые залпы,
озаряясь по всей длине разноцветной
яростью. От каждого залпа напрягается
контрактивная гравитетрика,
удерживающая звездолет в равновесии при
колоссальном разряде.

Каждый залп убивает очередной
беспомощный корабль.

«Созвездие Тартуса» исчезает в
хлопающем столкновении огня с
металлом.

«Инфигус» приближается.

--- Энергия? --- спрашивает Гоммед.

Первый помощник качает головой.

«Инфигус» содрогается и дает еще
одну бортовую залп. Огневой мощи
достаточно, чтобы выжечь и распылить

лүнү.

Получившая попадание в середину
корпуса «Святость Сараманта»
разлетается на куски.

[отметка: -- 0.17.01]

Магос Меер Эгв Таурен отмечает у
себя гипервысокий уровень адреналина. Она
избежала всеобщей инфостерти, которая
воцарилась в орбитальной Сторожевой
Башне. Ее спас Хесст. Ее спасла базовая
операционная процедура.

Ей не хочется думать об иронии
ситуации. О стечении обстоятельств. О
доброте.

Нужно сделать слишком многое. Они
посреди нелогичного кризиса.
Катастрофы. Она должна спасти
ситуацию.

Должна спасти Хесста.

Лифты и подъемные платформы
башни не работают. Она поддерживает
полы глиняного одеяния и мчит по
основной винтовой лестнице. Все в дыму.
Жужжат сигналы тревоги. Сверху и снизу
доносятся отзвуки голосов. Небо снаружи

нестественно светится.

Она пробегает мимо шатающихся и
пускающих слюни, лишенных разума
сервиторов, за которыми тянутся
разорванные разъемы. Некоторые из них
упали. Некоторые визжат или раз за разом
воспроизводят импульсы любимых данных,
словно детские стишки. Другие бьются
головами о стены лестничной клетки.

Токсичная информация. Информсмерть.
Перезгрузка.

Пусть Хесст будет жив.

Он был подключен. Он должен был
принять основной удар.

Не думай об этом. Просто
поднимайся.

Она спотыкается о распростертое
тело сервитора высокого уровня. Ее
подхватывают под руку.

--- Не упадите, магос, --- произносит
плотский голос.

Таурен поднимает глаза на грозное
лицо Арүка Серотига, начальника бригады
скитариев башни. Арүк создан для войны, а
не для работы с информацией. Узысканно
украшенная броня отчасти церемониальна.

отчасти ритуальна -- нарочито вычурная
отсылка к временам угрожающей
раскраски и устрашающих поз.

-- Разумеется, нет, -- отвечает она.

Он помогает ей подниматься по
лестнице, убирая с дорога ослепших
безмозглых сервиторов. Он выше ее на
метр. Глаза -- гололитические алые
прорези в медной маске. Она замечает,
что один из них терцает.

-- Мы понесли потери, -- говорит он.

-- Масштабный инфошок, --
отзывается она. -- Гипертравматичный
загрузочный синдром.

-- Хуже того, -- продолжает он. --
Взрывы на орбите. Мы потеряли корабли,
орбитальные станции.

-- Нападение?

-- Боюсь, что так.

Оба используют режим плотских
голосов. Ей мучительно это сознавать.
Так медленно, так кропотливо. Ни
кантирования, ни инфоимпульсов. Никаких
синхронных и мгновенных передач идей и
данных. Ей кажется, что она никогда
раньше не разговаривала с Арюком

плотским голосом, а он явно вообще не привык говорить.

Но эти причудливые усилия необходимы. Они оба были изолированы от инфошока. И должны оставаться в изоляции.

--- Мне нужно добраться до сервера, --- объясняет она.

Он кивает. Один из красных глаз продолжает моргать.

Сбой? Арүк получил какие-то повреждения. Как и все скитарии, он должен был быть подключен к ноосфере и получить инфошок. Впрочем, у скитариев есть свой выделенный манифольд, кризисный резерв. Арүка ударило загрузочным шоком, но он успел переключиться на усиленную военную кодовую систему своей бригады.

Он ведет ее наверх.

--- Вы не повреждены, магос? --- спрашивает он через плечо.

--- Что?

--- Вы ранены, магос?

--- Нет. Инфошок миновал меня. Я не была подключена.

--- Вам повезло, --- произносит Арүк.

--- Да. Произошла проблема с мусорным кодом. Сервер Хесст вышел из дискреционного режима, чтобы разобратся с ней.

Арүк бросает на нее взгляд. Забрало его шлема похоже на клюв хищной птицы. Плечи и верхняя часть торса громадные, словно принадлежат быкообразной обезьяне. Он понимает. Это простой протокол. При работе с существенной проблемой мусорного кода сервер отключает своего заместителя, чтобы исключить риск его заражения. Это мера оперативной безопасности.

Она спасла Таүрен от куда большего, чем просто инфицирование мусорным кодом.

--- Может ли дело быть в мусорном коде? --- спрашивает Арүк.

Таүрен уже думала об этом. Серьезный сбой ноосферы, вызванный критической порчей кода... да, это могло вызвать столкновения и несчастные случаи на орбите. Могло даже вызвать отказ сети или ошибочный залп корабля.

Они добираются до командной палубы. В воздухе висит пелена дыма. Техники пытаются освободить раненых модераторов из разбитых амниотических капсул. Сервиторы безвольно свисают с пучков разъемов. Экраны шипят от бури помех.

Хесст съезжился на платформе.

--- С дорожки! --- кричит Таурен, проталкиваясь среди собравшихся вокруг него нерешительных сервиторов и сенсоры.

Возле его головы лужа темной жидкости. Она чувствует запах токсичных гормонов и избыточных хитиников, которые выжгли кровеносную систему и разорвали сосуды.

--- Мы должны его отключить, --- произносит она.

Арук кивает.

Сервитор технического класса что-то трещит.

--- Голосом, проклятье! --- огрызается Таурен. --- Ноосферы нет.

--- Отключение сервера может привести к критической церебральной травме, --- стрекочет техноклассник. --- Чтобы надлежащим образом отсоединить

его от ММУ, нужна киберхирургическая бригада.

--- Он утирает, --- говорит Арүк, глядя на сервера. Арүк много раз наблюдал смерть, он знает, что говорит.

--- Он серьезно ранен, --- щелкает техноклассник. --- Квалифицированное отключение может его спасти, но...

--- Мы понимаем, --- произносит Таүрен. Она смотрит на Арүка.

--- Нам нужны специалисты, --- говорит она. --- Если есть хоть какой-то шанс его спасти, мы должны его использовать.

--- Разумеется.

Она опускается на колени возле Хесста, пачкая одеяние кровью.

--- Я здесь, сервер, --- произносит она, склоняясь над ним. --- Я здесь. Это Меер Таүрен. Вы должны держаться. Я готова вас освободить, но нам нужен хирургический персонал. Просто держитесь.

Хесст шевелится, подавая проблески жизни.

Он что-то бормочет.

--- Просто держитесь, я здесь, ---
говорит она.

--- Отключите меня, --- бультает
Хесст, брызгая кровью на подбородок.

--- Сперва нам нужен хирургический
персонал, сервер. Произошла крупная
катастрофа.

--- Не гуйай обо мне. Семь не
работает. Она не работает, Таурен.
Отключи меня и перехвати управление.
Ты должна попробовать перезанустить ее.

--- Подождите, --- успокаивает она. ---
Хирурги близко. Подождите.

--- Сейчас же!

--- Вы упрете, сервер.

Его веки дрожат.

--- Мне все равно. Это неважно. Я
неважен. Орбитальные биомашинны
погибли, Меер.

Ее глаза расширяются. Она бросает
взгляд на Арүка.

--- Они погибли, --- повторяет Хесст,
голос --- всего лишь вздох. --- Ты должна
подключиться, Меер. Занять мое место,
подключиться и посмотреть, что можно
спасти. Какое управление возможно

восстановить.

--- Сервер...

--- Ты должна реконструировать
ноосферу. Без сети Калт беззащитен.

Таурен смотрит на тяжелый
кабелевод постоянного канала ММУ
Хесста, который свернулся под ним на
полу, словно мертвый удав. Она не сможет
отсоединить его, не убив, так ведь?
Особенно когда он в столь хрупком
состоянии...

Один из сенсори кричит.

Они смотрят вверх.

С неба падают осколки орбитальных
взрывов. Первые куски металла дождем
обрушиваются на речную долину, оставляя
за собой огненные следы, будто
метеориты. Она видит, как они падают в
реку, поднимая столбы пара, или чиркают
по крышам крепости Калкас. Более
тяжелые глыбы, как ракеты, взрывают
здания. Некоторые бьются об окна
командной палубы, оставляя трещины на
бронестекле.

Град обломков --- это лишь начало.
Падают более крупные объекты. Части

кораблей. Части орбитальных сооружений.
Части доковых станций.

Таурен видит это раньше, чем сенсоры. Гранд-крейсер «Антрогатикус», длиной двенадцать километров, падает из разрушенного сухого дока назад в атмосферу, окруженный облаком микроосколков. Падает медленно и величественно, словно рушащийся горный склон.

Падает кормой вперед на крепость Калкас.

[отметка: -- 0.16.11]

-- Меня не волнует, чего там нет, покажите то, что есть! -- ревет Марий Гейдж.

Зедофф, капитан «Чести Макразге», снова пробует возражать.

-- Покажи ему, -- гремит голос.

На мостике Жиллиман.

-- А еще лучше -- покажи мне, -- рычит он.

-- Оценки! Все, что есть! -- кричит экипажу Зедофф.

Удар произошел меньше двух минут

назад. Экраны флагамена ослеплены.
Никаких данных, никакой связи с
ноосферой, никаких контактов с сетью.
Существующее комм-сообщение -- хаос
воящих голосов.

-- Мы слепы, -- сообщает примарху
магистр Первого органа.

-- Столкновение на орбите? --
спрашивает Жиллиман. Он бросает взгляд
на застывшего на палубе мага Пелота. У
большой части остального персонала
Механикум дела не лучше.

Члены экипажа начинают передавать
примарху инфопланишеты. Он изучает
фрагменты записи. Гейдж знает, что
Жиллиман объединяет их в голове.
Строка данных отсюда, последний
зафиксированный кадр оттуда, пикт,
последние показания аусника...

-- Предположительно, что-то на
сортировочной станции, -- говорит
Гейдж. -- Сканеры не работают, экраны
мертвы.

-- Проклятье, Марий, используй свой
тозг, -- произносит Жиллиман и
оборачивается к экипажу мостика.

--- Открыть заслонки! Все. Все окна!

Сервосистемы начинают поднимать противовзрывные заслонки, которые прикрыли огромные кристалфлексовые панели мостика. Некоторые из настенных щитов приходится возвращать в исходное положение вручную. Стюарды в спешке ищут кривошипные рукоятки.

Основная заслонка ползет вверх. Из открывающейся щели льется пугающе много нестабильного мерцающего света.

--- Во имя Терры, --- борточет Гейдж.

--- Капитан корабля, --- произносит Жиллиман, оборачиваясь к Зедоффу. --- Приоритеты таковы. Поднять мощность. Поднять щиты. Восстановить сенсорный потенциал. Восстановить вокс. Сообщать мне о выполнении каждой задачи, а если на что-то потребуется более пяти минут, мне нужен точный временной прогноз.

--- Да, сэр.

--- Как только у нас будет вокс, мне нужна связь со следующими: командирами всех кораблей в строю, сервером Сторожевой Башни, наземными командующими, начальством орбитальной

станции, не говоря уже о моем дорогом брате. Затем...

Он прерывается, услышав, как Гейдж ругается.

Заслонки поднялись достаточно высоко, чтобы можно было посмотреть наружу. Мостик освещен отблесками пламени. Они глядят на всю планету, на разрушенные взрывами главные станции Калта. Повсюду, куда падает взгляд, горят корабли. Некоторые вздрагивают и взрываются, словно оставленные слишком близко к огню боеприпасы.

Робаут Жиллитан никогда не забудет этого зрелища. Оно гораздо ужаснее, чем все, что он мог себе представить, когда после ударной волны вскочил в своих покоях и побежал на мостик.

И скоро станет еще хуже.

--- Это корабельный огонь, --- говорит он, указывая на проблеск света.

--- Определенно, корабельный огонь, --- соглашается Зедофф прерывающимся голосом.

--- Проклятье, кто стреляет? ---

спрашивает Жиллиман. -- Во что они стреляют, черт побери?

Он не ждет ответа. Он идет к основному детекторному пульту, отпихивая с дороги ошеломленных штабных офицеров. Они настолько парализованы разворачивающейся за открытыми заслонками сценой, что отшатываются в сторону, бугорком на лбу.

-- Есть аусник? Хоть какой-нибудь? -- спрашивает Жиллиман.

Один из офицеров приходит в себя.

-- Импульс, -- произносит он. Кашляет. -- Электромагнитный импульс, повелитель. На мгновение он лишил нас чувствительности. Программы автовосстановления...

-- Займёт время, -- заканчивает Жиллиман.

-- Мы могли бы... -- Человек запинаясь. -- Я имею в виду, что мог бы разрешить перезапуск системы обнаружения. Но это может взорвать каналы.

-- Мы лишимся всего и на починку

системы үйгет месяц в доке?

--- Да, мой примарх, --- отвечает офицер.

--- Все равно выполняйте, --- произносит Жиллиман.

Человек колеблется.

--- Раги твоего же блага, поторопись, --- шепчет ему Гейдж.

Офицер, ополнившись, принимается за работу.

--- Если это бой и ты спалишь систему, от нас не будет толку, --- тихо говорит Гейдж.

--- От нас уже нет толку, --- откликается Жиллиман. Он озирает картину, впитывая все возможные детали. Он уже мысленно зафиксировал названия нескольких кораблей, которые были обездвижены или уничтожены.

--- Стрельба, --- задумчиво произносит он. --- С юга, и очень близко. Не из межпланетного пространства. Это на стоянке.

Гейдж молчит. Он не вполне уверен, что примарх определяет это по доступному глазам зрелищу гали, космоса.

горящего газа, энергетических вспышек и рассеянного света.

--- Мне тоже так кажется, --- говорит Зедофф, более привычный к виду из окна люка. --- Думаю, вы правы, сэр.

--- Кто-то мог потопорониться с пальбой, --- произносит Жиллиман. --- Они стреляют потому, что думают, будто это нападение.

--- Это действительно может быть нападением, --- говорит Гейдж.

Жиллиман кивает. Он продолжает наблюдать.

Его спокойствие практически пугает. Гейдж --- трансчеловек, созданный и натренированный не ведать страха. Ускорение биения его сердца и рост уровня адреналина --- простая реакция на ситуацию, готовность действовать более быстро и эффективно.

Однако Жиллиман находится на совершенно ином уровне. Он смотрит на критическую катастрофу, которая развернулась на одной из самых любимых его планет: прискорбная утрата жизненно важной верфи, сопутствующий ущерб.

уничтожение кораблей, обездвиживание части флота, попавшие под дождь обломков участки поверхности...

Даже если это несчастный случай, это ужасно. Да еще в этот главнейший из дней, когда предстояли столь выдающиеся государственные деяния, случившиеся небывалый почет.

Но это не несчастный случай. Гейдж интуитивно чувствует, что нет. И он знает, что примарх тоже знает.

Однако примарх обдумывает события так, как будто взвешивает следующий ход в режиссуре.

--- Поторопитесь с ауспиком! --- кричит Гейдж.

--- Положите вокс на микрофон, --- говорит Жиллиман капитану корабля.

--- Там суматоха, сэр...

--- На микрофон.

На огромном мостике раздается какофонический визг. Статика, импульсные потехи, кодированный свист, голоса. Заглушка, перебои, искажение, плохой сигнал. На них как будто орет вся вселенная. Гейдж может отчетливо

расслышать лишь те голоса, которые
воняют о помощи, требуют ответов,
разрешения покинуть орбиту или открыть
огонь.

Гейдж наблюдает, как Жиллиман
слушает.

--- Они молчат, --- произносит
примарх.

--- Что, сэр? --- переспрашивает Гейдж.

Жиллиман напряженно вслушивается.
Он выделяет из шума каждую деталь.

--- Они молчат, --- повторяет он.

--- Кто молчит? --- спрашивает Гейдж.

--- Несущие Слово. Весь инфопоток ---
это мы.

--- Откуда вы знаете?

Жиллиман слегка пожимает
плечами, продолжая слушать. Он узнает
названия кораблей, голоса, номера, коды
передачи. О, если бы Механикум смог
создать биомашину хотя бы вполовину
столь же эффективную, как разум
Жиллимана.

--- Только мы просим помощи и
разъяснений, --- произносит он. --- Только мы
запрашиваем инструкции и разрешение на

ответный огонь. Только мы гибнем.

Он смотрит на Гейджа.

--- Несущие Слово стреляют по нам, ---
говорит он.

--- Нет. Нет, они бы просто не...

Жиллиман заставляет его
утолкнуть.

--- Что бы это ни было, что бы ни
произошло, они думают, будто это
нападение, а мы в нем участвуем. Все, что
они думали на наш счет, только что
оказалось правдой, Марий, и они стреляют
по нам.

Он поворачивается к Зедофффу.

--- Забудьте про аусник. Активируйте
лимонпроектор и покажите мне Лоргара.
Важнее этого ничего нет.

[отметка: --- 0.16.05]

Падают первый объект. Это какие-то
обломки. Олл Перссон не знает, что
именно. Его едва ли это волнует. Кусок
корабля. Часть орбитального сооружения.

Оно размером с жилой блок; оно
падает с пылающего неба под углом в сорок
пять градусов. Оно сияет от перегрева.

словно метеор. Оно опасно, как ракета.

Оно падает в заросшую кустарником местность на дальнем краю пусты. От сотрясения все падает на землю. Телнотравье на поле вокруг изорвано, словно лякина. Сбивая с ног Олла и работников, налетает жаркий ветер, потом пыль, а потом — шквал мелких обломков. После этого начинается дождь. Дождь обжигающе горяч. Это вода из пусты реки, которая от удара превратилась в пар и обратно.

Секундой спустя на них обрушивается еще несколько миллионов галлонов воды. Столкновение выбило реку из берегов и пустило по земле Олла Перссона двухметровую волну.

— Вставайте! — кричит Олл своим погонщикам. — Вставайте и бегите!

Волна поглощает его, подгиная под себя.

Он ударяется о столб ограды и цепляется за него, задыхаясь. Свирепый поток обволакивает его, а затем тащит обратно, когда вода отступает, торопливо вытягиваясь назад.

Падают новые объекты. Еще два
крупных куска, словно ракеты, падают в
дальний берег. В небо взлетают огромные
снопы пламени. Мелкие обломки падают
повсюду вокруг, как снаряды, выпущенные из
легких полевых орудий. Они оставляют в
земле воронки, как от разрывов гранат:
выбоины, заполненные грязью, водой и
спутанной растительностью. Свист,
хруст, грохот земли, фонтаны тины. Как
будто он снова вернулся на Хризофар, в то
последнее путешествие в преисподнюю. Он
чувствует, как возвращается былой страх,
и возносит молитву своему богу. В легкие
попала вода. Он покрыт грязью, черной
жижей, добрым аллювиальным
черноземом.

Гром, как от пущек Красентинского
хребта. Гул, как от хлопающих на ветру
парусов. Дрожь под ребрами, как когда на
тебя что-то давит, сплющивая
диафрагму.

Боже милостивый, Боже
милостивый, позволь мне жить, позволь
мне жить, я твой слуга...

Это не снаряды. Не снаряды полевых

орудий из редутов с защитными мешками.
Не снаряды. Никакого запаха фицелина. Но
так же скверно.

На них падает дождь, ливень
пылающих обломков. Обстрел. Каждый
удар как бомба.

--- Ищите укрытие! --- кричит Олл.

Глуно. Как глуно. Где тут может
быть укрытие? Небо рушится.

Некоторые из работников уже
мертвы. Он видит человека, который
зажимает брызжащий кровью обрубок руки,
с воплями корчась в черной грязи. Он
видит, что из дымящегося края воронки
торчат части тела женщины, которая
ему очень нравилась. Он видит, что одного
из мальчиков раздавило насмерть, а
второй ползет с оторванными ногами.

Красентин, точно как на Красентине.
Хребет. Он прибыл на Калт, чтобы
оставить ту жизнь позади, но она вновь
нашла его.

Что-то пылающее, как падающая
звезда, попадает в одну из термоядерных
станций Нериды, и вся земля сотрясается.

На этот раз волна четырехметровой

высоты и похожа на рокристовую стену.

[отметка: -- 0.16.03]

Сенешаль Арбут приходит в себя. Она смотрит на Вентана так, будто он на нее напал. Сбоку на ее лице ссадина, она прижимает обе руки к телу. Перелом ребер.

-- Ч-что вы сделали? -- спрашивает она.

Она все еще не понимает.

-- Слушайте меня, -- произносит Вентан. Он опускается перед ней на колени, но даже так оказывается выше. -- Сенешаль, слушайте. Мы найдем вам медиков и...

-- Почему вы меня ранили? Вы меня ранили!

-- Сенешаль, вы должны меня выслушать. Произошло...

Что произошло, капитан Вентан? Что ему сказать ей?

Он перенес ее в укрытие подземного перехода. Кафель холодный, однако они ощущают жар горящего на земле огня. Падающий внутрь туннеля косой свет

погراживает и окрашен оранжевым.

--- Что случилось? --- спрашивает она, только теперь начиная осознавать масштабы происходящего.

Приближается Селатон, который ведет нескольких ее сотрудников и портовых рабочих. Они все в крови. Огин ранен довольно серьезно.

--- Я не могу связаться ни с ротой, ни с орденот, --- сообщает Селатон Вентану. --- Бокс сгорел.

Вентан кивает. Информация --- вот что им сейчас нужно. Информация --- это победа. Для этого им понадобится передатчик с большим коэффициентом усиления, основной транслятор, что-нибудь достаточно прочное, чтобы уцелеть после электромагнитного шока.

Он слышит шум, от которого вибрирует рокрит внизу. Он идет к выходу из туннеля.

В небе ярко-красная огненная буря. В ней с шипением возникают жгучие желтые и оранжевые пики и зигзаги. Это тоже молнии, мощные разряды электричества. Вниз летят горящие обломки. Как будто

они попали под метеоритный дождь.

Космопорт в хаосе. Отдельные участки, особенно мачты и наиболее высокие мостики, повреждены ударной волной или дождем осколков. Опалаящий жар и чрезмерное давление снесли краны, станели, погрузчики и осветительные вышки. Над протетиевыми цистернами и разбитыми перерабатывающими заводами поднимаются густые шлейфы черного дыма.

Удар опрокинул много погрузочной техники, в том числе два тяжелых подъемника, места аварий охвачены пламенем. Персонал бежит во все стороны. Ошеломленные пожарные и аварийные бригады бездействуют. Вентан видят тела на земле.

Шум издает громоподобный транспорт. Оставляя за собой шлейф из дыма и огня, он летит низко над головой, настолько низко, что капитан ощущает потребность пригнуться. С корабля сыплются обломки. Он пытается подняться, но у него не хватит подъемной силы. В его корму, усиливая крен, вонзаются два осколка.

которые летят с большой высоты, оставляя за собой полосы, словно ракеты.

Корабль борется, воют двигатели, содрогается земля. Он скрывается из виду за огромными жилами углями и внешними докатами.

Проблеск света. Вентан чувствует удар. Насколько далеко? Шесть километров? Семь? Похоже на землетрясение. Воздух заполняется песком, а вибрация настолько сильна, что у него на секунду заволакивает глаза.

Позади кричит Арбут. Вопль настолько внезапен, что Вентан даже подпрыгивает. Она дохромала до него к выходу из туннеля и только что увидела все остальное.

--- Что это? Что происходит?

--- Сохраняйте спокойствие. Прошу вас, --- говорит подошедший к ним Селатон.

--- Это нападение? --- спрашивает она.

Жар силен. От огня идет сухой и едкий запах. Ей приходится закрывать глаза от света. Ум --- нет.

--- Нет, --- произносит Селатон. --- Несчастный случай. Должно быть.

Вентан не знает, что сказать.

--- Сэр!

Появился Ультратарин. Он их заметил. С ним ликвидационная группа. Это Алант, командир отделения из Седьмой роты.

--- Знаешь, что это? --- спрашивает Вентан.

--- Нет, капитан.

--- Сколько с тобой?

--- В наряде по охране порта три отделения, --- отзывается Алант. --- Мы не можем найти своего сержанта или связаться с ним.

--- У вас есть вокс?

Алант качает головой.

--- Ничего не работает.

--- На дальнем конце вестибюля есть станция перехвата, --- говорит Арбут.

Вентан смотрит на нее. Она опирается на руку Селатона, чтобы подняться, и морщится от боли.

--- Станция перехвата?

--- Часть изначальной портовой системы управления сообщением, до совершенствования. Там старые, но

мощные передатчики.

Вентан кивает Арбүт.

--- Хорошо. Давайте выясним, что происходит.

--- Возможно, мы сумеет узнать и насчет стрельбы, --- произносит Амант.

--- Какой стрельбы? --- моментально реагирует Вентан.

--- Сообщают о стрельбе на западной стороне периметра, сэр, --- говорит Амант. --- Мне кажется, что это скорее всего загоревшийся груз боеприпасов, однако подтверждения еще не было.

--- Двигаемся. Быстро, --- произносит Вентан. --- Я совершенно не уверен, что это несчастный случай.

Стоило только этим словом вылететь из рта, он уже пожалел, что заговорил.

--- Почему нет? --- спрашивает Селатон.

--- Потому что я нессимист, --- отзывается Вентан.

Селатон смотрит на него. Они подхватывают раненого сенешаля, помогая ей идти.

— Видишь ли, — говорит Вентан
сержанту. — Я бы не смог настолько
сильно разрушить транспортную сеть
Калта, даже если бы попытался это
сделать.

Амант бросает на них взгляд.

— Разумеется, это катастрофа, —
произносит он. — Чем еще это может
быть?

Вентан не слушает. Он чувствует
грозь воздуха.

Все чернеет. На них упала густая
тьмень. Он слышит, как Арбут и ее
помощники кричат от смертельного
ужаса.

В небе падает кортой вперед корабль.
Гранд-крейсер. Он огромен. Совершенно
ошеломляюще наблюдать нечто столь
большое и рожденное для космоса в
масштабе поверхности планеты. От
этого корабль кажется крупнейшим
объектом, какой вообще можно себе
представить.

Он падает тучительно медленно.
Скользит в небе, рассыпая облака обломков,
оставляя за собой след из распадающихся

остатков сухого дока. Как будто
атмосфера Калта — глубокое озеро, а
корабль — древесный ствол, который
плавно погружается в него. В подобном
разрушении присутствует первобытное
величие. Спуск, который они видят,
кажется тифическим. Словно луна сошла с
небесного свода. Бог, разучившийся
летать. Будто падение из старых
преданий. Сошествие добра во зло. Света
во тьму.

— «Антрогатикус», — шепчет
капитан, узнавая очертания колоссального
корпуса.

Кажется, будто тот повешен в
воздухе, но до удара остались считанные
мгновения. Он сокрушит мир. Пламя его
гибели выжжет континент.

— Назад, — успевает начать
Вентан. — Назад!

[отметка: -- 0.15.50]

Брат Браэллен утверждает, что они должны направляться в город. Капитан Дамокл уже отдал транспортным командам соответствующий приказ. Что бы ни происходило, это плохо, и людям в Нүтине потребуется помощь. Ликвидация последствий катастрофы. Блокада. Вероятно, у них уйдет два часа на дорогу от Уросенских холмов.

Никто не отдает приказов. Никто не отдает вообще ничего. Координация отсутствует.

Так что капитан -- высшая инстанция, которая есть у Шестой роты. Браэллена это устраивает. Они выдвинутся, развернутся и закрепятся. Спасать и обеспечивать безопасность -- на это их натренировывали.

Он размышляет об этом, когда положение дел внезапно меняется, а с ним меняются и их планы.

С неба начинают сыпаться танки.

Первый удар сюрреалистичен.

Бразеллен видит его отчетливо. Примерно в шестнадцати сотнях метров впереди с пятнистого неба падает сверхтяжелый «Теневой меч», практически в идеальной сохранности, если не считать выющейся за ним секции гусеницы. Броня корпуса танка слабо светится розовым от прохождения через плотные слои атмосферы.

Он приземляется. Сокрушительный удар. Ослепительный свет. Ударная волна.

Столкновение вызывает взрыв, как от детонации плазменной мины. Боевых братьев подбрасывает в воздух, будто изрушки. Некоторые отлетают от танков или грузовых штабелей. Отделение Бразеллена находится на краю области поражения. Братья остаются на ногах, силовые госпехи автоматически блокируются и приобретают жесткость, ощутив взрыв. Инерционные компенсаторы напрягаются. Бразеллен чувствует, как песок и микроосколки отскакивают от брони, словно заряды ручного оружия.

Волна проходит, автоблокировка

размыкается. Какое-то мгновение даже дисциплина по вопросу. Это не страх, всего лишь потрясение. Танки просто так не падают...

Еще один. На этот раз «Гибельный клинок». Он вертится вокруг своей оси. Танк попадает в ротные укрытия километром западнее, вызывая взрыв, от которого разверзается земля, а с холма напротив сходит оползень. Потом друг за другом еще два, тоже «Гибельные клинки». Один разбивает пару «Громоых ястребов». Через долю секунды второй рушится в стороне от дороги и пробивает воронку, но не взрывается. Он подсакивает, разваливаясь на части. Подсакивает и прокатывается через рассыпающийся строй боевых братьев, калеча их и рассыпая ошметки брони с колесными узлами.

Повсюду вокруг падают все новые. Как бомбы. Как сказочный град. Как высыпающиеся из детского ящика игрушки. Некоторые взрываются. Некоторые разлетаются при ударе и отсакивают. Некоторые зарываются во вспаханную

землю, словно нули в плоть.

Браэллен поднимает взгляд к небу. Если не считать дымных пятен от города, оно почти синего цвета. Оно заполнено падающими объектами: танками, бронемашинами, транспортерами, грузовыми капсулами, просто обломками. Они вертятся в воздухе, блистая на солнце, сверкая и кружась — некоторые быстро, другие медленно. Вместе с ними ливнем падают пепел и металлические волокна. Участки кабеля. Провода. Оптические магистрали. Куски габитической клавиатуры. Фрагменты инфопанелей. Стекланные и латунные осколки. Пластины керамики.

Где-то наверху на низкой орбите разбилось хранилище, и упакованное содержимое высыпалось наружу, словно сокровища из мешка. Боевая техника и экипировка, которых хватило бы на целую дивизию, выброшены вниз и подхвачены гравитацией. Они слишком низко, чтобы полностью сгорать. Трение о воздух лишь накаляет их.

На западе, среди волшебного дождя,

Бразэллен замечает вращающиеся в падении блестящие треугольные очертания «Грозовой птицы».

А затем видят и падающие тела.

Они перенесли полет не так хорошо, как детали машин. Они обожжены и падают, словно пучки сырых веток, и ломаются.

От них не остается таких громадных кратеров и взрывов, как от падающей бронетехники, однако в каком-то смысле их падение выглядит куда более опустошительно.

[отметка: -- 0.15.48]

Сенсоры Сторожевой Башни начинают верещать, понимая, что произойдет. Даже наполовину ослепнув, оглохнув и обезумев от шока, они ощущают огромные размеры несущихся над ними материальных объектов, подъем уровня радиации, инерцию, смещение атмосферы, искажение гравитации.

«Антрогаликус» надвигается с истерзанного неба, к его корпусу, словно неоновая паутина, липнут электрические

разряды. Он проходит сквозь обширную
пелену дыма, которая расплывается по
земле от горящего костюпорта, и
рассекает яркие фонтаны вулканического
пламени, которые внезапно вырываются из
термоядерной энергостанции в устье реки.
Приближаясь через плотный
вздымающийся дым, он находит севший
на мель галеон Старой Терры, большой
торговой корабль, украшенный носовыми
фигурами и золочеными узорами,
отбиваемый пенящимися бурными
береговой полосы.

Он виден из всех окон Сторожевой
Башни. Он такой высокий, такой глинный,
как целый город, летящий к ним по
маятниковой дуге. Вокруг него, оставляя
за собой световые полосы, падают метеоры
обломков — крохотные яркие крупинки,
движущиеся намного быстрее тяжелого
звездолета. Некоторые из них бьются в
борт корабля, превращаясь в пламенные
цветки. Другие со свистом проносятся
мимо и падают на землю, в город, в реку.

Таурен знает, что в другой день
любое из этих падений было бы

гражданской катастрофой, разрушением жилого блока или участка улицы мощным взрывным импульсом.

Сегодня это мелкие и незначительные повреждения.

— Арук! — кричит она, держа в руках участок постоянного канала ММУ Хесста, словно бухту швартовочного каната.

Скутариий глядит на нее. Одна из красных щелей глаз слабо шипит.

Тулвар оказывается на свободе за секунду. Клинок аккуратно рассекает переплетенные кабели. С треском и шипением летят искры. Хесст бьется в эпилептическом припадке.

Арук берет сервера на руки и закидывает дергающееся тело на массивное плечо. Он сжимает правым кулаком левую руку Таурен и переходит на бег. На серверной платформе вокруг них визжат и рыдают сенсоры и магосы. Некоторые бегут к лестнице. Некоторые выпрыгнули из разбитых окон башни навстречу смерти.

Грохотные холодные мертво-

черные сопла «Антрогатикуса», в которых не сгорает топливо, становятся все больше и больше, не помещаясь в окна.

Хесст мертв. Его конвульсии прекратились. Из рта и носа по полированной спинной броне мастера-скитария стекает кровавое вещество. Таурен подбирает погон, ей неудобно бежать. Арук так быстр.

Где он надеется спастись? Она доверяет ему, но не понимает его действий. На что она рассчитывала, когда заставила его разрубить ММУ? Времени недостаточно. Недостаточно ни на что. Он пытается добраться до посадочных площадок на вершине башни? Челнок? Лихтер? Нет времени открыть люк, не говоря уж о том, чтобы запустить двигатели и взлететь.

Нет. Нет. Он двигается к спасательным капсулам. В нишах, окружающих вершину башни, находятся аварийные саркофаги. Они предназначены для того, чтобы позволить старшим магосам спуститься в бронированные бункеры под фундаментом Сторожевой

Ваши. Это грубые приспособления, просто механизмы с противовесами.

Хватит ли их? Есть ли вообще время добраться до бункеров? Бункеры могут защитить от авианалета, но от этого? На город падает звездолет!

Арк рывком распахивает люк капсулы. Он закидывает Хесста внутрь, а следом бросает Таурен.

«Антрогатикус» падает. Хвост ударяется первым, вгрызаясь в землю совсем близко от северной куртины крепости Калкас. Корабль и его корпус рассчитаны на то, чтобы переносить воздействия эмпиреев. От столкновения они лишь слегка деформируются.

Они зарываются в почву. Все двенадцать километров звездолета продолжают двигаться, скользя хвостом вперед и прорезая в коре планеты траншею глубиной в пятьсот метров. Киль рассекает землю, словно гигантский лемех плуга, выворачивая ее в сторону от огромной борозды. Грунт и нижний слой почвы вспарываются. Борозда пересекает магистральные дороги и мемориальный

парк. Корабль бьет в куруину и разрушает ее. Продолжая скользить, «Антропоатикус» пробивает себе дорогу через внутренний город крепости Калкас, путь шириной в двва с половиной километра. С неба вокруг все еще хлещут метеориты обломков, которые бомбардируют город и местность. От пагения звездолета вздымается стена пыли, превосходящая по высоте Сторожевую Башню, стог из частиц рассыпанных в пыль зданий.

Кора планеты содрогается в затажной вибрации. В воздухе надрывный скрипучий визг перемалывающих друг друга на части звездолета и города.

В конце концов конструкция не выдерживает длительного напряжения. «Антропоатикус» начинает стинаться. Вся его громада приземляется брюхом вниз, раскалываясь поперек средней части и носа. Броня корпуса рвется. Командные башенки и мачты гнутся и валяются. Остатки острова сухого дока, которые обвивают его, словно гирлянда, отлетают прочь.

Корабль добивают внутренние взрывы. Верхние секции брони вышибает

нарүжү. Обнажаются ребра, подсвеченные
атомными углями разбитого сердца
звездолета.

Он все еще движется. Все еще со
скрежетом скользит назад, уничтожая,
перенахивая город пополам, с корнем
выдирая жилые башни и вытяжные трубы
ульев, расплющивая шпиль и крыши.
Ударная волна сравнивает с землей те
части крепости Калкас, до которых
корабль не дополз.

Орбитальная Сторожевая Башня
вздрагивает, ее структура уже не
выдерживает нарастающей вибрации. От
нее откалываются части. Она начинает
качаться, будто дерево посреди тайфуна.

Когда скользящий хвост звездолета
наконец достигает ее и таранит, она в
любом случае уже падает.

«Антрогатикус» вдавливают ее в
землю настолько сильно, что от гордого
сооружения не остается ни единого следа.

[отметка: -- 0.14.20]

Находясь в Баррморе, они ощущают,
как под пласталевыми подошвами

угрожается земля. Подземные толчки. Тектоническая система Калма не выдерживает ужасающего удара. Деревья в лесах колятся, как припадошные.

--- В теории? --- интересуется фразторекс.

Экрит предельно хладнокровен и сосредоточен.

--- Крупный инцидент на орбите. Несчастный случай или нападение. Значительные потери флота, значительные потери инфраструктуры поддержки. Катастрофический

сопутствующий ущерб, нанесенный поверхности планеты вследствие орбитальных разрушений.

Он выдерживает паузу и смотрит на фразторекса.

--- Космопорта больше нет. Все коммуникаторы отключены. Никакой связи с флотом. Никакой связи с прочими наземными подразделениями, кроме той, что ты сможешь обеспечить самостоятельно. Никакого поступления данных. Никаких оценок масштаба ущерба.

--- На практике? --- спрашивает

Фрасторекс.

--- Очевидно, --- откликается Экрит.

«В самом деле?» --- думает

Фрасторекс.

--- Мы собираем боевое построение. Все, что у нас есть. Твою и мою роты, Армию, Механикум, Семнадцатый. Все, что находится по эту сторону реки и не погибло. Строится и оттягиваем силы на восток, в провинцию Шаруг. С неба падает весь этот ад, но планета вернется, Фрасторекс. Если будем сидеть тут, вытаращив глаза, то нас разбомбят обломки. Или хуже того. Давай собирать всех, кого можно, и с этого сборного пункта отводить на восток, с дороги разрушений, чтобы они остались боеспособными.

--- А если это нападение? --- спрашивает Фрасторекс.

--- Тогда мы будем готовы к бою! --- крикает Экрит.

Фрасторекс кивает. Инстинкт понуждает его броситься навстречу опасности. Не ведать страха и продвигаться в преисподнюю. Но он знает, что молодой капитан прав. Их долг ---

сохранить то, что у них есть, и
перестроиться. Это то, чего ожидает от
них притарх. Но правде говоря, он, Экрит и
капитаны находящихся в долине рот
Несущих Слово располагают вооруженной
силой, которая способна сокрушить мир.
Ух долг -- вывести эту силу с дороги
разрушений на точку ожидания, чтобы она
была наготове и в силах сделать все, что
потребуется Жиллитану.

-- Начинай выводить группировку
через лес, -- начинает Экрит. -- Я свяжусь
с Несущими Слово, Армией и...

-- Нет, -- твердо произносит
Фрасторекс. -- Ты возглавишь переход.
Поведешь людей за собой в буквальном
смысле слова. Укажи им путь. Я отдам
распоряжение Семнадцатому и
Механикум. Угу. Угу!

Экрит поднимает закованный в броню
кулак.

-- Во имя Макразге, -- говорит он.

Фрасторекс бьет по кулаку
бронированными костяшками пальцев.

-- Всегда, -- соглашается он.

Он спускается по склону, проходя

своих людей и кобальтовых синих воинов Экрита. Он слышит, как позади него Экрит, Анхиз и другие офицеры обеих рот призывают людей к порядку, готовя их к выступлению. Подземные толчки продолжаются. Небо полыхает и грохочет.

Он замечает Двадцать третье отделение.

— За мной, — кричит он. Те быстро строятся. Фрасторекс нуждается в сопровождении. Если он собирается издавать приказы офицерам Несущих Слово и напыщенным ничтожеством из Армии, ему потребуются почетный караул, чтобы подтвердить свои полномочия.

— Какие распоряжения, капитан? — интересуется боевой брат Каренкс.

— Прямо сейчас нужно собрать и собрать столько боеспособного состава, сколько в наших силах, — отвечает Фрасторекс.

По обе стороны от них в обратном направлении двинутся подразделения Ультратарина. В пойме внизу танки запускают двигатели. Приближаются

огни. Фрасторекса изумляет быстрота
реакции Несущих Слово. Быть может, ему
нужно пересмотреть свое мнение о
никудышном Семнадцатом.

Он видит фигуры в красной броне.
Они поднимаются на холм. Несущие Слово
уже двинутся. Это хорошо. Возможно, их
будет не так уж сложно убедить.

Фрасторекс вскидывает руку,
подзывая ближайшего офицера Несущих
Слово.

Выстрел болтера.

Боевого брата Каренгса разрывает в
области пояса, и он падает.

Второй заряд отрывает пальцы на
поднятой руке Фрасторекса.

Взбираясь на холм в тылу роты
Ультратарина, Несущие Слово
выстраиваются в линию. Они наступают
по сухой, заросшей папоротником насыпи,
подняв оружие и ведя безлый огонь.

Фрасторекс рухнул на одно колено.
Изнурованная рука болит, однако раны
уже затянулись. Он пытается извлечь
оружие левой рукой. Настоящая боль в его
разуме. Абсолютное непонимание на

мгновение лишило его подвижности. Не существует никакой подходящей теории, никакой понятной практики. Но нил ведут огонь. Но нил ведут огонь Несущие Слово, Семнадцатый из Легионес Астартес Ведут огонь подобные им.

Оружие в здоровой руке. Он не знает, что с ним делать. Даже под огнем идея стрелять в ответ по костическим десантникам выглядит ужасающей.

Фрасторекс поднимает взгляд. В рядах Ультратаринов разрываются болтерные заряды, которые разносят синие доспехи и швыряют людей в воздух. Его бойцов поражают плазменные лучи, которые обжигают, словно наглая ложка. Подстреленные в спину, в ноги, расцеленные, разрезанные нагвое, --- Ультратарины падают. Воины валяются лицом вниз, затылочные части шлемов «Претор» вдавлены и дымятся.

Это избиение. Резня. За считанные секунды, еще до того, как основные силы успевают ополниться, заросший напоротником склон усыпан мертвыми и умирающими. Листья в кровавых узорах.

Деревья грозят и шипят от омерзения. Земля вздымается, словно не может носить на себе подобное бесчестье, словно хочет страхнуть с себя Ультратаринов, словно не хочет быть причастной этому.

Открывают огонь тяжелые орудия. Лазпушки. Гравитонные орудия. Мелты. Штурмболтеры.

Роторные автомашинки скашивают ряды воинов в лесу, измывая поросль в зеленую дымку, забрызгивая древесные стволы кровью и осколками синего металла. Раздробленные деревья падают рядом с раздробленными людьми.

Братья из сопровождавшего капитана отделения убиты. Отколотый кусок брони, отлетевший от падающего Ультратарина, рассекает правую глазницу Фрасторекса, повреждая оптику. От удара голова потнулась вбок.

Удар пробуждает, выводит из ступора, из ошеломленного оцепенения.

Он поднимается, наводя оружие.

По пропитанному кровью склону к нему приближаются багряные костодесантники. Он слышит, как они

поют. Их оружие полыхает.

--- Ублюдки! --- выкрикивает он и падает, сраженный выстрелом в голову.

На вершине холма, в глубине леса, Экрит оборачивается, услышав стрельбу.

Он не понимает того, что видит.

Вокруг него поворачиваются и замораживают остальные ошарашенные воины. Они наблюдают за разворачивающейся бойней, будто это какой-то фокус или иллюзия, который чуть позже найдется объяснение.

Выстрелы достигают людей в окружающем Экрита беспокойном строю. Головы запрокидываются. Панцири взрываются. Братьев отшвыривает назад. Другие оседают на месте, из них вытекает жизнь.

Экрит трясется, он слишком взволнован, чтобы принять решение. То, что он наблюдает, невероятно. Невозможно.

Далеко внизу он видит Фрасторекса.

Видит, как тот поднимается с оружием в руке. Не в той руке.

А потом видит, как того

прокидывает назад выстрелом в голову.
Мертвого.

Экрит ревет от ярости. Он
начинает спускаться по склону, под град
выстрелов. Анхиз хватается за него и
останавливает.

--- Нет, --- кричит сержант. --- Нет!

Он встряхивает Экрита и
разворачивает его.

Справа от них через лес надвигаются
титаны. Падают вырванные с корнем или
сломанные громадными машинами
деревья. Гремят боевые горны. Экрит
чувствует запах пустотных щитов.

Титаны начинают стрелять.

[отметка: --- 0.11.21]

Сержант Хеллок выкрикивает
приказы. Никто его не слушает.

Бейл Рейн стоит, разинув рот, во
власти чрезмерного шока. Люди
разбегаются во все стороны. Огненные
шары с воем падают с неба цвета
спекшейся крови и разрываются повсюду
вокруг. Рейн напрягается и пригибается,
когда фрагменты орбитального мусора

заканчивают свой стремительный полет и падают в щели. На дальнем краю строевого плаца взрывается кухонная палатка. Медицинский блок взлетает в воздух, словно под ним сработала мина.

От каждого взрыва Рейн вздрагивает, но его глаза не отрываются от главного чуда. Примерно в тридцати километрах к западу от них только что упал корабль. Целый корабль. Теперь он, разбитый и дымящийся, разлегся там, словно свежевыросший горный хребет. По расколотому корпусу с хлопками пробегают волны взрывов.

Это за пределами того, что он способен представить. Корабль слишком большой, чтобы быть настоящим.

Он может думать только о Нив на дальнем берегу реки. Она испугается. Она должна быть жива — по крайней мере, он убеждает себя в этом. Звездолет упал на той стороне реки, где Калкас, а Нутин не тронут, хотя обломки метеоритов падают на всю местность. Кто бы мог подумать, что в костосе столько всего, что может упасть? Скорее всего, она

пошла к тете. Она умная девочка. Она пошла к тете и спряталась в подвале. В полной безопасности.

Рейн сглатывает комок.

Он осознает, что не любит ее. Возможно, никогда не любил. Внезапно он отчетливо это понимает. Все было так легко, так романтично. Он собирался стать солдатом и отбыть со сбором Армии, так что время было дорого. Вероятно, они бы больше друг друга не увидели. Так что все было легко. Легко сделать. Легко делать благородные жесты, когда за ними ничего не стоит. Все было романтично. Все было остро. Все имело значение, ведь у них было так мало времени. Они поженились. Великое начало. Все плакали. Так романтично. Так романтично.

Так нереально. Так же нереально и неправдоподобно, как разбитый звездолет на том месте, где всегда была крепость Калкас. Так же нереально, как весь этот день.

Как будто он попал из грез в кошмар наяву, где все куда разумнее.

Кранк сбивает его с ног.

--- Ты чего?.. --- выдыхает Рейн.

Нечто, почти наверняка --- колесо боевого танка, светясь краснотой от нагрева, проскакало по лагерю, давя палатки и водяные колонки. Если бы не Кранк, оно бы скосило его.

--- Уходим! --- кричит Кранк.

--- Куда?

--- В блиндажи! --- орет сержант Хеллок. --- Забирайтесь и блиндажи!

В этом тоже нет смысла. В ближайшей округе несколько тысяч солдат и несколько дюжин блиндажей, в соответствии с уставом сооруженных на случай авианалетов. И если на них рухнет еще один звездолет, мышинная нора в земле в любом случае их не спасет.

--- Смотрите! --- кричит рядовой Юсуф. --- Смотрите на проволоку!

Он глядят на ограждение, которое отделяет их лагерь от вспомогательных подразделений Армии на службе у Семнадцатого. Раньше те пели. Теперь они у забора. Они прижимают бледные руки и скорбные лица к металлическим

звеньям. Они зовут. Рейн видит, как
пламя лижет дальний край соседнего
лагеря.

--- Они в ловушке, --- говорит Хеллок. ---
Клятые ублюдки. Они там застряли. Они
не могут выбраться.

Несколько человек бегут вперед
посмотреть, не смогут ли они открыть
ворота.

--- Подождите, --- произносит Рейн. ---
Не надо.

Они слишком близко. Его товарищи
по отделению слишком близко к проволоке,
к бледным кричащим лицам.

Ограждение падает. Его подрезали в
нескольких местах, и оно просто
заваливается на землю, звеня и треща.
Чужие вспомогательные подразделения
накатываются на лагерь Нутинского
Шестьдесят первого.

--- Какого хрена, что происходит? ---
произносит Хеллок.

У чужаков есть пушки. Ружья.
Пистолеты. Клинки. Оружие на глиняных
рукоятках. У них, мать их, копья.

Первые выстрелы поражают

ближайшие нутинские отряды. Те
сгибаются и падают. Дикари с воет
наступают. Один из них вгоняет копьё в
горло Юсүфү. Юсүф издает вопль, которого
не приходилось слышать еще никому, крик
продолжается рваными отрывками, пока
дикарь поворачивает и дергает древко.
Седгом, еще один знакомый Рейна,
получает в щеку лазерный заряд, его
голова приобретает причудливую форму, и
он падает. Звайтуса подстреливают,
когда он разворачивается, чтобы бежать.
Бардге раз за разом наносят колющие
удары. Застрелен Урт Васс, затем Кейсон,
затем Горбен.

Рейн и Кранк пробуют убежать.
Гаспиан поворачивается, чтобы бежать с
ними, но спотыкается о Седгома, а затем
на него набрасывают дикари, которые
настерть забивают его копьями, словно
пачки с колотушками на берегу реки.

Хеллок выкрикивает проклятие,
выхватывает автомат и стреляет.
Он совершает первое активное убийство со
стороны лоялистов в Бумбе за Калт, хотя
впоследствии об этом обстоятельстве не

вспомнят. Он стреляет в дикаря с копьем
и укладывает того наповал.

Затем ему в руку вонзается пика, еще
одна раздробляет бедро, и он падает. Они
призывают его к земле, а он вопит,
выкрикивая все оскорбления, какие может
вспомнить.

Ушметар Каул потоком льются
слезами, вырезая его людей. Несмотря на
ярость и боль, Хеллок понимает, что они
все еще поют.

Один из удерживающих его ублюдков
наклоняется, чтобы перерезать ему горло
ножом, но другой ублюдок останавливает
того.

Криол Фоуст смотрит сверху вниз на
человека, которого пригвоздили к земле
его солдаты. Офицер. Звание имеет
ценность, ритуальное значение.

Раненый сержант ему пригодится.
Есть существа, которых в конце концов
придется кормить.

[отметка: -- 0.09.39]

Вентан тащит Арбут по
пылающему портовому комплексу, однако

путь указывает она. Селатон и
помощники сенешаля следуют за ними в
сопровождении Аланта и его отделения.

--- Сюда, --- говорит она. --- По скату.
Вон туда.

Перед ними два громадных
прослушивающих пилона, чужовища в
оправе из лесов с тарелкой-приемником
посередине. Это старье, очень простое,
возможно сооруженное первопроходцами,
которые основывали колонии на Калте.
Впрочем, это старье военного образца.
Ничего лишнего. Создано, чтобы выстоять.

--- Мой отец работал в порту
тридцать лет. Я проводила время здесь.
Это была часть первоначальной системы
управления движением в порту, пока не
прибыли Механикунт и не установили
нормальный манифольд. Станцию
следовало бы сдать в металлолом сотню
лет назад, однако ее продолжали
обслуживать.

--- Почему? --- спрашивает Вентан.

--- Она надежна. Когда каждые
пятнадцать лет, или около того,
начинаются солнечные бури, она гораздо

устойчивее к вспышкам радиации, чем системы манифольда.

--- Хорошо, --- говорит Вентан.

Воздух над головой продолжают рассекать ботбы пылающих обломков. Никто из отряда еще не пришел в себя до конца после зрелища падения «Антрогатикуса». Некоторые помощники плачут.

Пилоны установлены на платформе в центре рокритовой чаши около посадочной платформы номер шестьдесят. Это естественное укрытие. Здесь, под краем платформы, сгрудилось около двух сотен портовых рабочих и носильщиков. Так себе убежище, но это лучше, чем ничего. Угнетает дождь раскаленного пепла и горящих чешуек. Время от времени в землю, словно пугая, врезается что-нибудь небольшое, но тяжелое, вроде вырванного швартовочного болта или ручки шлюза.

Увидев костодесантников, прячущиеся люди выходят вперед. У них вопросы, много вопросов и просьб о помощи.

--- Мы ничего не знаем, --- говорит и Вентан, ставя Арбут на землю и

поднятая рука. --- Очевидно, что действует чрезвычайное положение. Мне необходимо запустить этот пост перехвата. Возможно, таким образом мы получим какие-то ответы. Мне нужны вокс-операторы.

Вперед выходят несколько человек. Он выбирает двоих.

--- Пойдемте, --- говорит Вентан.

Он начинает раздражаться. С начала катастрофы прошло уже почти десять минут, а он все еще абсолютно ничего не знает.

Комнаты управления постом --- три стандартных модульных домика, которые установлены на высоте тридцати пяти метров на балочной опоре системы пилонов. К ним ведет открытая спиральная лестница с решетчатыми ступенями.

Вентан снова подхватывает Арбут и идет впереди. Добровольцы-операторы идут следом вместе с парой помощников сенешаля, Селатоном и Алантом. Бойцы Аланта рассредоточиваются, чтобы успокоить взволнованную толпу.

Они отпирают один из модулей. Питание все еще есть. Техники принимаются за работу, прогревая основную трансляционную сеть станции. Вентан берет инфопланишет и записывает частоты каналов, которые он хочет настроить. Управление сборати Эрудат. Командование флотом. Командование его собственной роты.

Вокс-операторы садятся за пульты основного транслятора лицом к окнам модуля. Старые массивные динамики гудят от кашляющих помех и радиационных искажений.

--- Это была стрельба? --- спрашивает Селатон.

--- Мне так не показалось, --- откликается Вентан. --- Возможно, удары обломков.

Он выходит на узкий мостик снаружи модуля. Обзор великолепен, но вид --- нет. Большие участки порта охвачены огнем. Небо по обе стороны реки черно от дыма. Мрак, словно лазерные заряды, все еще пересекают полосы метеоритов. Трудно разглядеть огромные останки корабля.

хотя пелена в той стороне, где была крепость Калкас, пульсирует красным, словно адский зев.

Уздалека доносится регулярный звук. Трохот. Почти что планетарная бомбардировка. Огонь кораблей с орбиты.

Он продолжает цепляться за мысль, что все это -- несчастный случай.

Снизу доносится крик. В чашу у подножия пилонов вошло еще три отделения костических десантников. Они облачены в красное. Семнадцатый. Это хорошо. Хорошо получить немного помощи в этот час крайней нужды. Может быть, коммуникационные сети Несущих Слова несколько лучше перенесли инцидент.

Он видит, как Алант и толпа портовых рабочих двинутся поприветствовать их.

Вентан заходит обратно в модуль станции перехвата.

-- Я спускаюсь, -- говорит он Селатону. -- Только что прибыли подкрепления, и я хочу выяснить, что итак известно.

Он глядит на напряженно трудящихся

бок-операторов.

--- Как только у них что-то получится, зови меня обратно.

Селатон кивает.

Вентан оборачивается. Затирает.

--- Что? --- спрашивает Селатон. --- В чем дело, сэр?

Вентан не уверен. Он открывает рот, чтобы ответить.

Никаких предупреждений. Никаких чертовых предупреждений. Наносекундный укол, жжение интуиции, что что-то не так.

Наносекунда. Слишком мало и, проклятье, слишком поздно.

В пол и переднюю стенку модуля станции перехвата врезаются массреактивные снаряды. Массреактивные снаряды, выпущенные снизу.

Пол и стена рвутся в клочья. Разрушающаяся металлическая обшивка превращается в осколки и смертоносные хлопотья. Свет и пламя из точек детонации врываються внутрь через разорванную оболочку модуля, неся с собой осколки.

Воздух внутри модуля заполняется распространяющимся огнем и свистящими кусками. Ударная волна вышибает окна и уничтожает пульты вокс-передатчика. Сенешалья Арбут отбрасывает назад. Голова и плечи одного из ее помощников превращаются в красное облачко от попадания и разрыва заряда. Раскаленные добела расщепляющиеся зазубренные обломки разносят двух вокс-операторов. Другого помощника, клерка, подкидывает к потолку направленным вверх импульсом взрыва. Изломанное тело падает и проваливается в свежую пробоину в полу.

Селатон видит, как безвольное, исковерканное тело убитого клерка катится прочь. Труп исчезает среди балок пилонов, всего лишь еще один кусочек в граде вертящихся обломков и пылающих частей.

Пол начинает отламываться от передней стенки.

--- Назад! Назад! --- командует Вентан. Весь модуль визжит и качается, словно вот-вот слетит с креплений. Часть металлической клетки, которая

поддерживает лестницу, отрывается и падает.

Невидимые убийцы снова стреляют. Очередной ливень разрывных зарядов окружает и терзает могиль. Вентан лихорадочно оценивает ситуацию, вытаскивая оружие. Атака ведется с позиций сверху, у подножия пилонов.

Массреактивные. Взрываются при попадании. Военные. Легионы. Астартес. Невозможно. Невозможно. Если только не...

--- Ошибка! --- восклицает позади него Селатон. --- Стрельба по ошибке. Ошибка. Кто-то совершил...

--- Я сказал --- назад! --- кричит Вентан, хватая Селатона и толкая того в заднюю часть могилы.

Вентан и Селатон начинают стрелять в ответ, паля в дыру, которая образовалась, когда секция пола провалилась и рухнула. Внизу только дыма, нет явных целей, четкого термального отпечатка. Они все равно стреляют. Сбивают с толку.

Инерционные системы успеха не

Арбут. Модуль заваливается назад. Он отрывается от креплений и падает.

Арбут мертва. На ней нет ран, но Вентан знает, что сверхдавление и кинетический удар массреактивных зарядов размазал ее внутренние органы. Амант упал. В него снизу вошло два или три массреактивных снаряда. Он лежит навзничь на быстро разрушающемся полу. Ступней нет, взрывы срезали броню и плоть с голеней, бедер, торса и лица. Он все еще жив, сворачивающаяся кровь заполняет полости ран.

Несколько секунд на стабилизацию, и они смогут его вытащить. Отнести на реконструкцию. Даже с освежеванной и исхлестанной передней частью тела он снова вернется в бой через месяц-другой биотехнического модифицирования.

У модуля нет нескольких секунд.

У них нет нескольких секунд.

Вентан видит глаза Аманта. Они расширились посреди маски из крови и разбитого забрала, глядя с беспомощным недоверием. Вентан понимает, что он видит. Амант знает, что это конец.

конец не только его собственного существования, но и Галактики, как они ее понимают.

Яростным ударом ноги Вентан вышибает задний люк. Поддерживающей лесенки больше нет. Уйти некуда. Модуль начинает падать, резко опрокидываясь, словно лодка, которая медленно набирала воду и наконец перевернулась.

--- Прыгай! --- кричит Вентан.

Приказ есть приказ, черт побери.

Они прыгают.

[отметка: --- 0.03.59]

Жиллиман практически окаменел от ярости. Он извлек перо стилуса и стоит у окон мостика, записывая на инфопланишете все, что видит. Потери кораблей, рассеивание. Построение.

Он хочет, чтобы к моменту перезагрузки систем флагамена и выхода энергии на активную мощность у него были данные, опираясь на которые можно действовать.

--- Мне нужна связь! --- кричит он через плечо, прикидывая относительное

расположение «Роза и зобилия» и «Вернакс Абсолот».

--- Поднимать щиты? --- спрашивает Гейдж.

--- Как только они у нас появятся, --- отвечает Жиллиман. --- Передайте это всему флоту, как только будет возможность.

Гейдж кивает.

--- Стрелять в ответ? --- интересуется он.

Жиллиман смотрит на него.

--- Это трагедия. Трагедия, ошибка. Как только мы сможем защищать самих себя, мы это сделаем. Но не усугубляйте все. Мы не станем увеличивать число погибших.

Гейдж стискивает зубы.

--- Я бы убил их за это, --- произносит он. --- Простите меня, однако это преступление. Они должны знать, что все не так. Они позорят нас...

--- Они уязвлены, --- говорит Жиллиман. --- Они верят, что над ними нависла смертельная угроза. Для них все их страхи реальны. Марий, мы не станем

усугублять их безумие. Не станем
добавлять к их ошибкам свои собственные,
чего бы это ни стоило.

--- Есть связь! --- кричит Зедофф.

Жиллиман разворачивается.

--- Литотранслятор?

--- Еле-эле. В основном звук.

Жиллиман сует инфопланишет
Тейджу и идет к гололитической
платформе.

Вокруг него вновь расцветает свет.
Не такой яркий, как раньше, и не такой
стабильный. Видны фигуры, которые
находятся не вполне здесь,
потрескивающие призраки на краю
разрешающей способности. Жиллиман
видит только контуры Аргела Тала, тени
Хол Велофа, едва намеченный световой
набросок, который может быть федралом
феллом.

Ясно виден только Лорзар. Его
изображение черно-белое, оно скачет и
прерывается. Голова опущена, глаза в
тени. Где бы он ни стоял, там очень мало
света --- исходящее только сверху
освещение погружает лицо в чернильную

темному.

--- Останови это, --- произносит Жиллиман.

Лоргар не отвечает.

--- Брат. Прекрати огонь сейчас же! --- говорит Жиллиман. --- Прекрати огонь. Это ошибка. Ты совершил прискорбную ошибку. Останови расправу. Мы не враги вам.

--- Вы против нас, --- шепчет Лоргар, его голос складывается из визга белого шума.

--- Мы не напали на вас, --- настаивает Жиллиман. --- Клянусь в этом.

--- Однажды вы обратились против нас. Вы опозорили и унижили нас. Вы не сделаете этого снова.

--- Лоргар! Послушай меня. Это ошибка!

--- Почему, во имя всех звезд, ты считаешь это ошибкой? --- спрашивает Лоргар. Он так и не поднимает глаз.

--- Прекратите огонь, --- произносит Жиллиман. --- Мы не напали на вас сами и не давали напасть другим. Клянусь жизнью нашего отца.

Ответ Лоргара теряется в
трескучем шуме. Затем пропадает и его
изображение, и гололитическая
платформа отключается.

--- Контакт потерян, --- сообщает
Зедофф. --- Он отклоняет наши попытки
восстановить связь.

Жиллиман смотрит на Гейджа.

--- Он не собирается отступить, ---
произносит Жиллиман. --- Он не
прекратит это, если мы его не остановим.

Гейдж видит в глазах Жиллимана
боль, чудовищность того, что все это
означает.

--- Что он сказал, мой примарх? ---
спрашивает Гейдж. --- В конце?

Жиллиман колеблется.

--- Он сказал: «Я сирота».

Гейдж вытягивается и бросает взгляд
на старших членов экипажа.

--- Ваши распоряжения, сэр? --- твердо
спрашивает он.

--- Как можно быстрее передайте
инструкцию, --- произносит Жиллиман,
сходя с платформы. --- Всем
подразделениям Тринадцатого легиона и

вспомогательным силам, с кодом моих полномочий. Первоочередная задача. Защищать себя любыми средствами в месте расположения.

Гейдж прокашливается.

--- Мой примарх, мне нужно от вас подтверждение. Вы только что санкционировали действия вплоть до ответного огня включительно?

Следует глинная пауза.

--- Ответный огонь также предписан, --- говорит Жиллитан.

Зедофф и старшие офицеры артиллерии начинают с рывканьем раздавать приказы. Гейдж поворачивается к рубрикатору, который стоит наготове у командирского кресла.

Офицер записи, --- произносит он. --- Начать отсчет.

--- Унициализация боевой записи Тринадцатого легиона, отсчет прошедшего времени, --- сообщает рубрикатор. --- Отсчет начинается. Отметка Калта: 00.00.00.

При некоторых обстоятельствах бывает необходимо, даже -- в крайних случаях -- во время операций по приведению к Согласию, методично уничтожать инфраструктуру противника вместе с ним самим. Порой яркой военной победы бывает недостаточно -- иногда нужно солить саму землю, как называют это в древних текстах. Первоочередными аргументами для действий такого рода могут быть психологический аспект (против непокорных людей или рас) или вопрос безопасности (если вы зачищаете регион от чего-либо слишком опасного, чтобы позволять ему существовать). Ни один из этих аргументов не приносит

[отметка: 0.00.01]

--- Брат мой, услышь меня. Воины Сетнадцатого легиона, послушайте меня. Эта жестокость противоречит принципам Легионес Астартес и воле нашего отца, Императора. От имени Пятисот Миров Ультрамара я умоляю вас прекратить огонь и отступить. Выйдите со мной на связь. Давайте поговорим. Давайте урегулируем это. Происходящее --- трагическая ошибка. Прекратите огонь. Я, Роберт Жиллиман, клятвенно заверяю, что мы обойдемся друг с другом честно и справедливо, если удастся приостановить враждебные действия. Я призываю вас ответить.

Жиллиман кладет переговорный рожек и глядит на Гейджа и мастера вокса.

--- Как только появится возможность, --- говорит он им, --- запустите это сообщение на повтор. Циклическая передача. Никаких перерывов.

— Да, сэр, — отвечает мастер вокса.

[отметка: 0.00.10]

Левиафаны шевелятся. Превосходя по размеру все, что может постичь человеческий разум, в пылающих пыльных облаках над Калтом движутся звездолеты. Их темные корпуса возникают из сверкающих облаков, прорываясь через кружащиеся вспышки выброшенной энергии, словно торские чудища, которые поднимаются на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

Они летят вслепую. Они сражаются вслепую. Они выкрикивают угрозы и бросают вызовы в пылающую пустоту через сломанные вокс-системы и перегоревшие динамики. Они отрываются от сверхтяжелых мостиков, кранов и якорных стоянок станций, некоторые рвут кабели, линии и шлюзы в отчаянном стремлении вырваться на свободу.

В движущуюся цель сложнее попасть. Теоретически. На практике движущаяся цель становится одинокой и уязвимой.

Боевые корабли Семнадцатого

легиона делают убийства легкими.
Двигаясь по инерции, вальяжно и величаво,
они несутся вперед, щиты светятся,
создавая вокруг корпусов яркие ореолы от
сгорающих на силовых полях пыли и
твердых частиц. Щерающиеся оружейные
отверстия открыты, основные орудия
выдвинуты из шахт. Зарядные батареи и
плазменные конденсаторы бурлят
энергией, готовые к смертоносному
разряду. Предполагается, что корабли
также слепы и глухи, однако это не так.
Системы обнаружения и целенаведения,
которые находятся за пределами самых
темных грез Механикум, впериваются в
шумный трак и сходятся на разбегающихся
кобальтово-синих кораблях флота
Ультратара, словно те — горячие угли
среди холодного непа. Они находят их и
привязываются к ним, неустанно следя,
сластоугодно изучая до мелочей,
взвешивая и оценивая защиту и крепость
корпуса, а тем временем орудийные
батареи выдвигаются и самонаводятся,
загружая боезапас. Громозгкие магазины
пахнут и лязгают, пока снаряды и ракеты

передаются автозагрязчиками, тежнелубными лифтами или зарядными лотками.

Боеприпасы заполняют пустоту, словно метель. Колонны жгучей плазмы и лазеров глиной в сотни километров прочерчивают полосы остаточных изображений на сетчатке тех, кто их видит. Основные лэнс-батареи изрыгают яркую энергию, выплевывая свет лучами, комками, осколками, подергивающимися зигзагами молний.

Во тьме взрываются корабли. На «Гладиусе», четырехкилометровом корабле охраны из Сарамантского Крыла, раздается серия взрывов, начисто отрывая его от эллинга. Его бронированный корпус расщечен и изжеван внутренними детонациями. Баржа «Надежда Нармени» попадает под веер ракет, который поражает ее, словно буря изолок, пробивает верхний корпус и корму в сотне мест, изрешечивает их и заливает внутреннее пространство пламенем. Транспорты поддержки «Напутствие» и «Восферус» выведены из строя

гигантским бортовым огнем боевой баржи
Семнадцатого. «Напутствие» не
выдерживает первый, пластины его
корпуса разворачиваются вокруг
взорвавшегося реактора, словно ускоренная
съемка лепестков цветка, которые
раскрываются, расцветают и утирают.
Спешно запущенные спасательные боты
сносит волной сверхтемпературы.
Временно спасенный гибелью однотипного
корабля «Восферус» разворачивается,
чтобы спастись безством, однако
вражеские орудия достают его и
превращают двигательную секцию в
мусор. Сопла и растреды двигателей
взрываются, и направленное внутрь
давление приводит к аварии тяговой
силовой установки, серии сверхвыбросов в
машинно-котельные помещения,
выжигающих корпус транспорта, словно
заложенная в трубу бомба. Сила выбросов
волной давления швыряет разрушенный
корабль вперед, на войсковой транспорт
«Антрофелес», разрезая тот надвое. За
пять секунд гибнет восемьдесят тысяч
людей.

Линкор типа «Инфернус» «Плата
чистоты», одно из настоящих чудовищ во
флоте Семнадцатого, нападает на
орбитальную станцию «Асертис»,
устраивая канонаду, чтобы максимально
увеличить сопутствующий ущерб. Его нос
защищен броней --- громадным
полированным тараном, гигантским
чеканом, украшенным золотыми
серафиматами, нарвалами и орлами. Он
рассекает оказавшиеся на его пути
пришвартованные талые корабли,
разрубает некоторые надвое, а прочим
вспарывает и крушит корпус. Основная
хребтовая лэнс-установка, экзотическое
орудие высочайшей мощности,
пробуждается и издает визг, выбрасывая
копье уничтожающего материи света, от
тяжелого удара которого начинает
кружиться вокруг своей оси пытающийся
защитить станцию сторожевой крейсер
«Станции Ультрамара». Крейсер
пытается выправиться, оставляя за
почерневшим и оплавленными левым
бортом след обломков. Он заторможенно
разворачивается, неуклюже озирая посты

поддержки и мостики станции. Из поврежденных двигателей извергаются облака розового пламени. Он поднимает щиты. «Плата чистоты» снова делает выстрел из перезаряженного экзотера. Окружающие «Станции Ультрамара» щиты даже не замедляют луч. Они лопаются, как мыльные пузыри. Луч испаряет центральную часть крейсера, пока от того не остается лишь металлический остов корпуса вокруг светящейся белой от жара дыры. «Плата чистоты» наращивает мощность, отшвыривая дрейфующие останки «Станций Ультрамара» прочь магнитной носовой волной.

В тесных шахтах двигательных отсеков и машинных отделений от жаростного усердия нагrywаются толпы кочегаров и разнорабочих. Помещения inferнальны, покрыты коркой сажи и освещены красноватым свечением громадных двигателей и топок реакторов. Армии лоснящихся от пота кочегаров, глаза которых похожи на белые камни на почерневших лицах, забрасывают в

железные лотки горючую руду и прометиевые шашки. Команды сервиторов, чья металлическая кожа от постоянной жары изменила цвет, словно старый котел, толкают и тянут вибрирующие рычаги активаторов, ускоряющих тяговые силовые установки. Раскачиваются угольно-черные цепи. Меха хрипят и, как гыхание дракона, извергают в газоводы и вентиляционные трубы шары бурлящего пламени. Похожие на троллей ворчащие рабочие-абхутаны изнемогают от жары, вытаскивая с шахтовых палуб монокитные вагонетки неочищенного топлива.

Здесь царит безумие, паника, которую едва сдерживают хлысты и приказы начальников двигательного отсека. Тут нет окон, никакой возможности оценить окружающую вселенную и угрозы, которые она может содержать в себе.

На самом деле экипажи мостика в стеклянных и позолоченных башнях высоко наверху понимают происходящую катастрофу не лучше, чем слепые кочегары во тьме внизу. Если бы кочегары

это знали, вряд ли им стало бы легче от
этого знания.

Многие более не увидят света.
Некоторые из уничтоженных во время
Калтской Бойни кораблей будут
продолжать обращаться вокруг
истерзанной звезды сто тысяч лет ---
затерзанные развалины, корабли-скелеты
безмолвных мертвецов, которые
мультифицировались в миг своего
последнего крика.

[отметка: 0.00.20]

Вентан и Селатон грохнулись на
землю. Пагение жесткое. Их сила и
госпехи гасят удар, и они поднимаются,
держа наготове болтеры. Броня покрыта
слоем пыли и пепла.

Они начинают двигаться.

Позади них по земле долетает
модуль, разрываясь при приземлении.
Раздается треск раскалывающегося
металла. За модулем следует большая
часть одного из пилонов. Они слышат, как
стальные тросы лопаются со звуком
выстрелов болтера. Сломанные крепежные

болты, вылетевшие от перенапряжения, свистят в воздухе, будто крохотные ракеты.

Селатон и его капитан выскакивают из-под рушащегося пилона. Тот падает, как усыпленное животное: сначала подогнув колени, потом на живот, а затем голова падает набок с обмякшей шеей, загнутаю назад. Слобно вызванная звуком раздираемой стали, вздымается бурлящая стена пыли. Вентан и Селатон выскакивают из пыльной волны.

Посадочные платформы впереди покрыты обломками и трупами. Вентан бледнеет, увидев навших Ультратаринов. Их прекрасные доспехи цвета кобальта и золота обограны и расколоты огнем болтеров. Он видит труп с полковым штандартом. Это расположенный поверх двуглавого орла золотой символ легиона. Древко так крепко сжато бронированными кулаками, что на нем остались следы, как от зубов.

Это была почетная стража. Церемониальное отделение, которое уничтожили, когда они готовились к

посадке. Рядом лежат тела городских
сановников, торговых чиновников,
сенешалей, помощников и бригадиров
грузчиков. От них остались окровавленные
останки: бесформенные мешки из рваной
одежды, набитые мясом. Их поразило
оружие, созданное для постчеловеческих
войн, оружие, которое способно убивать и
сейчас убивает Легионес Астартес.

Оружие, воздействие которого на
немогифицированных,
неусовершенствованных и незащищенных
людей чрезмерно.

Селатон замедляет шаг и замирает.
Он рассматривает гору мертвецов.

--- Угем! --- приказывает Вентан.

--- Они ждали посадки, --- произносит
Селатон, словно это имеет какое-то
значение.

Вентан останавливается и глядит
на сержанта.

Это настолько очевидно, но все же он
не заметил. Чтобы увидеть истину,
потребовался менее опытный ум
Селатона.

Они ждали посадки. Они утерли.

ожидая посадки с поднятыми знаменами и штандартами. Но с момента начала катастрофы, вероятно, прошло пятнадцать или двадцать минут. Пятнадцать или двадцать минут со времени орбитального взрыва, с которого начался огненный дождь.

Они все это время стояли тут и продолжали ждать посадки, когда мир вокруг озарялся?

— Они уже были мертвы, — произносит Вентан. — Мертвы или утиралаи.

Это убийство предшествовало катастрофе. В лучшем случае — произошло одновременно с ней. Катастрофа не была несчастным случаем.

Над платформой визжат выстрелы. От противовзрывных барьеров позади них с хлопаньем отражаются лазеры. Болтерные заряды закручивают в штопоры. Повсюду вокруг удары от попаданий.

Вентан видит, как из дымной пелены надвигаются Несущие Слово. С ними идут солдаты, когорты Армии с лазерными винтовками и алебардами.

Они палят по всем целям, которые видят.

Селатон, все еще сдерживаемый этическими параметрами привычной для него понятий вселенной, задает очевидный вопрос.

--- Что нам делать? --- произносит он. --- Что нам делать?

[отметка: 0.01.00]

На борту «Самофракии» Сорот Чур выполняет свою вторую службу.

Его люди уже убивают большую часть высокопоставленных членов экипажа. Продвигаясь к главному мостику, прожигая заграенные в отчаянии противовзрывные люки, Чур оказывается лицом к лицу с капитаном корабля, который мрачно сообщает о своем отказе подчиняться Чуре, чем бы ему ни угрожали.

Чур не обращает на офицера внимания. Тот — всего лишь таявкая дворняжка, которая слишком невежественна, чтобы вести себя осмотрительно. Дворняжка тщетно лает о своей непокорности только что вошедшему в дверь карногону.

Чур хватается голову капитана правой рукой и сдавливает ее, как сырое яйцо. Он позволяет телу упасть. Экипаж мостика тарашится на него, осознавая, что их

проблемы гораздо серьезнее, чем они могли себе представить. При захвате корабля экипаж мостика обычно может гарантировать себе неприкосновенность в обмен на жизненно необходимые технические услуги.

Офицеры мостика «Самофракии» видят, как убивают их капитана, и понимают, что в их услугах нет надобности.

Некоторые вытаскивают пистолеты, хотя знают, что они всего лишь немодифицированные люди в тканых одеждах; хотя воины-транслюди, только что проложившие себе дорогу на главный мостик, превосходят их числом; хотя понимают, что их лазерпистолеты даже не поцарапают броню захватчиков.

Чур одет в более свежую модель доспеха «Максимус», как и полагается командующему. Алый — первый цвет, в который была окрашена броня.

— Смерть, — приказывает он, когда в наплечник со звоном попадает лазерный заряд.

Несущие Слово пользуются кулакатами.

повесив оружие на ремни. Чур не хочет, чтобы массреактивные заряды испортили приборы управления мостика. Они крушат людей. Хватают их и переламывают шеи с позвоночниками, размазывают череп, выдирают глотки. Офицерат некуда бежать, но они все равно бегут, воя от ужаса. Их ловят и вздергивают за волосы, за фалды, за лодыжки и запястья — ловят, подхватывают и убивают. Тела сваливают в кучу в центре палубы перед креслом бывшего капитана.

Чур озирает работу. Он поднимает левое запястье и говорит в приваренное к нему устройство из стекла и проводов. На нем нанесен знак священного Октета. Темная блестящая тварь, которая обитает в оплетенной проводом склянке, не транслирует слова, как вокс. Она просто повторяет их другими устами в других местах.

Услышав сигнал при помощи собственных варп-склянок, на мостик выходят магосы Механикум. Все они из числа прилкнувших к магистру войны. Они отвернулись от Марса и Терры.

Мельчайшие изменения одеяний и символики демонстрируют измену, однако главный ее признак — трак. Они окружены тайной своего технологического мастерства, словно тенью.

— Корабль захвачен, — сообщает Чүр их предводителю.

Магос кивает и расставляет своих людей на мостике.

— Десять минут, и мы обретем подвижность, — говорит магос Чүрү. — Стимуляция приближается к выходной мощности.

— Станция «Зетсүн Вериг». — Чүр называет пункт назначения. Это мелкое специализированное сооружение, часть орбитального архипелага, в котором стояла «Самофракия».

Магос снова кивает. Под палубой гудят системы, набирая активную мощность.

Чүр поворачивается к своему заместителю Гералү.

— Локатор, — произносит он.

Отделение Герала вытаскивает вперед локаторный модуль, варп-склянку

размером с урну, и ставит его посреди палубы. Они втыкают его между трупами, чтобы закрепить в вертикальном положении. Пол под ногами скользит от крови.

Они отходят. Что-то внутри склянки пульсирует и колышется, блестя черным, словно слизень. Что-то шепчет во тьме. Что-то прячется, будто блестящий моллюск, в раковину, скрываясь в кольцах, петлях и витках внутренней архитектуры. Но только раковина находится не здесь, на мостике «Самофракии», а где-то еще, в иной вселенной.

Гора тел покрывается и неет. Окоченевшие трупы дергаются и качаются, словно пытаясь вывернуться из переплетения конечностей.

Вокруг склянки вспыхивает коронный разряд, который освещает тела, подергивается и трещит на потолочных балках, будто неоновый плющ. Он становится невероятно ярким. Чур отводит взгляд.

Когда он смотрит туда снова, сияние угасает, сваленные в кучу трупы обгорели до черна, а среди них появилась новая фигура, которая все еще дышит от энергии телепортации.

--- Добро пожаловать на «Самофракцию», --- говорит Чур, склонив голову. В воздухе пахнет горелым жиром от сожженных тел.

--- Сором. Начнем, --- произносит Корфаэрон.

[отметка: 0.20.34]

В Баррторе, к востоку от Бороса, горят леса. Сквозь вздымающиеся над кронами дым и искры с грохотом движутся титаны-предатели. Они похожи на борющихся с пожаром лесников. Орудийные установки сеют смерть на просеках и в оврагах.

С воем проносится воздушная поддержка. В лесу разбитые остатки Сто одиннадцатой и Сто двенадцатой рот Ультратарина отступают перед разящей атакой изменников. Окрашенные в алый цвет и украшенные злобещей символикой

«Лэндрейдеры» типов «Ахилл» и «Протей» без разбора сносят деревянные укрытия и людей. Мегаболтеры, скрежеща, словно нестазанные механизмы, раздирают планету, превращая деревья в опилки, катни в пыль, тела в месиво.

Экрит отходит назад, стреляя на ходу. Рядом Анхиз, который делает то же самое. За ним еще несколько верных людей. Экрит уже даже не думает о том, что происходит. Думать означает столкнуться с нелогичным и оставить рассудку столько же защиты, сколько сейчас дают его телу хрупкие деревья.

Он просто борется за жизнь. Стреляет по всему, во что может четко прицелиться, и отступает. Они выигрывают время для тех отделений, которые он отослал в ускоренном темпе. Одному Трону известно, смогут ли они выбраться или найти укрытие от несущейся над ними авиации.

То, что осталось от его роты, отрезано от сил поддержки. У них в арсенале нет ничего, что бы остановило «Лэндрейдеры». Каждое из этих чудовищ

вырубает полосу леса перед собой. При всеобщем желании, ничто не остановит титанов. Каждый раз, когда один из шагающих гигантов подает голос, издавая из динамика горна грохочущий вой насмешки и торжества, Экрит ощущает содрогание собственных костей.

Он продирается через поросль, перезаряжая оружие магазинами, снятыми с убитых. Чужая кровь багрянит его доспех, и он ощущает неожиданную болезненную потребность смыть эту страшную краску. Среди деревьев визжат и хлопают болтерные заряды. Один из них размазывает листья в сочную пыль. Другой попадает в ствол, разрывается и целиком валит древнее дерево. Еще один разносит голову брата Калагина и отбрасывает его труп в канаву.

Экрит находит тишистый склон, подныривает под переплетение корней и карабкается вверх. Старая кладка, уцелевшая стена какой-то землянки, построенной в былые времена, когда эта земля была обитаема. Дыл тянется по лесу, как будто его гонит океанское

течение. Звери и птицы покидают
опустошаемую местность целыми
стаями, как в год эпидемии.

Природа бежит. Мир перевернулся с
ног на голову.

Он продолжает лезть наверх. Он
выше уровня деревьев. Он висит на много
километров. Висит, как горит мир. На
равнинах за пределами леса он висит
огромные орды, которые штурмуют
приречные города и порты.
Десятитысячные волны людей, Армии ---
или того, что еще час назад считалось
Армией. Волны людей, бронетехники,
шеренги титанов, фаланги
костодесантников --- они наступают во
мгле пыли и дыма.

Бесчестье нападения.

Позор преступления.

Только здесь, к востоку от реки,
сконцентрированы силы, которых
достаточно, чтобы захватить
континент. Быть может, и мир. И это
всего один военный сбор Калтского
объединения. Он наблюдает, как они
катятся текучей массой, сметая все на

своем пути.

В небе так много горящих кораблей и орбитальных станций, что кажется, будто одновременно происходит сотня закатов. Настоящее солнце, чистая синева, белая звезда Веригийской системы, теряется за окружающим дымом.

Экриту хочется убить их всех. Хочется встретиться с ними лицом к лицу и убивать всех, одного за другим, пока не останется никого и жар его ярости наконец не угаснет.

Он чувствует движение. Появляется первый из Несущих Слово. Позади него тащатся по скату землянки еще двое. За ними идет еще несколько. Экриту поднимается навстречу.

Они не стреляют в него.

Он медлит, держа в одной руке болтер, а в другой силовой меч.

Он такой же красный, как они, только это не цвет полка.

Только приблизившись, они видят подлинный блеском крови его настоящие опознавательные знаки. К этому моменту, пока они реагируют, Экриту уже убивает

их.

Он стреляет первому в лицо. Нет времени испытывать удовольствие от зрелища взрывающегося решетчатого шлема и разлетающихся во все стороны кусков костей, волос и мозгового вещества. Второму он попадает в живот. Третьему в левое плечо, отбрасывая его вниз по склону на идущих позади воинов.

Четвертое попадание опять в голову.

Пятого нет. Не осталось зарядов.

Экрит бросается на них с мечом. Он рассекает запястье, бедро, шею. Протыкает тело и отрывает его от земли, швыряя по скату землянки, будто мешок. Оно врезается в сорогичей внизу. Схватив меч двумя руками, он всаживает острое клинка в очередной шлем, раскалывая тот пополам.

Один выронил болт-пистолет. Экрит хватается оружие с окровавленного лха и дважды стреляет в грудь ближайшего предателя, укладывая того наповал. Он убивает еще двоих, а затем, сплеча рубанув вбок, достает человека на холме слева.

Но они подошли вплотную. Их слишком много. Достаточно, чтобы захватить мир. Достаточно, чтобы поставить на колени легион. Они бьют его. Избивают прикладами оружия и эфесами мечей. Прижимают к земле и толочат, дробя и сминая броню, пока кое-где снова не проступает синева.

Один из них срыгает с Экрита шлем.

--- Ублюдки! Ублюдки! --- кричит Экрит. Кулак размазывает его лицо, снова и снова нанося удары, чтобы смять плоть и раздробить кость. Он сплевывает кровь и зубы сквозь распухшие губы. Одного глаза больше нет.

Они вздергивают его вверх. Он капитан. Трофей.

Над ним возвышается фигура. Наполовину ослепший Экрит понимает, что это один из титанов, который подошел к землянке. Раздается гром динамиков горна. Несущие Слово ревут в ответ и вскидывают кулаки в воздух.

Когда титан продолжает наступление, обрушивая старую землянку и давя деревья, на броне его корпуса распят

Экрит.

[отметка: 0.32.31]

Недавно телепортировавшийся на поверхность Хол Велоф руководит наступлением на порт в Ланшире. Воинства Каул Мандори, Джехаварната и Ушметар Каул несутся впереди строя техники. Отряд Ценвар Каул окружает порт с севера.

Братства бьются с высшей степенью преданности. Велоф и его приближенные офицеры лично выбрали и показали многих из числа фанатиков. Они -- каналы для варп-колдовства, которым пользуются высшие чины Семнадцатого, чтобы привести воинства в экстаз.

Хол Велоф амбициозен. Он желает быть большим, чем просто командующим и каналом. Такое положение ему обещали Эреб, Малок Карто и другие -- безымянные тени, которые порой стоят возле него и шепчут в сумерках. Его наделят силой. Он станет сильнее, чем даже Гал Ворбак. Но он должен проявить себя, хотя уже тысячу раз делал это в ходе войны.

Это новая разновидность войны. Война, которую никогда раньше не вели в открытую. Велоф должен достичь своих целей и хорошо исполнить свои обязанности. Он должен доказать, что может в равной мере командовать людьми и нелюдьми.

Он жаждет силы. Эреб и Кор Фазрон всегда, с первых дней, были величайшими агентами, однако теперь похоже, что примарх превзошел их. Его сущность пугает. Лоргар трансцендентен. Дело не просто в силе, а в плавной неуволитости, с которой он ею пользуется. Просто находится рядом с Лоргаром — привилегия. Быть на расстоянии, как сейчас на Калте... кажется, будто скрылось солнце.

Хол Велоф думает, что Эреб и Кор Фазрон тщательно сознают, что отстали. Он думает, что они глядят на примарха и копируют его, заимствуя фокусы и таланты, которыми выучились в ходе наблюдения, а затем неуклюже и грубо применяя их. Они больше не агенты. Они стремятся поспеть за мастерством

Лоргара.

Как будто они берут силу из иного источника, в то время как Лоргар стал единым целым с настоящим источником.

Хол Велоф намеревается занять место подле примарха. Он сожжет Ланшир ради права на это.

[отметка: 0.45.17]

Городу Нүтину нанесена смертельная рана. Вдоль горизонта грозит актиническое свечение. Криол Фоуст знает, что благословенные темные мастера из Семнадцатого уже расшатывают Калт. Они сдвигают его, раскачивают, словно вор, который выворачивает драгоценный камень из оправы. Стены и крыши города покрываются изморозью, которая затекает. Здания гаснут без всякой причины, а потом снова загораются. Фоуст дважды поднимал взгляд и видел сквозь покров дыма расположение звезд, не соответствовавшее Калту или Веридийской системе. Раньше он никогда не видел этот узор, однако тот показался

ему настолько знакомым, что он заплакал от счастья.

Он собирает людей. Ушметар Каул упорны. Они уже разграбили лагерь Армии вдоль южного изгиба реки и оставили тела догорать. Они убили тысячи. Фоуст осматривал сваленных в кучу мертвецов. Почти целый дивизион бросился в реку в судорожной попытке спастись, но их достали из пушек и ружей. Тела, которые не унесло течением, образовали на берегу несколько новых насыпей — выступающие в занятом поток скаты эллингов из трюнов.

Там, где оказывают сопротивление, Братство не отступает. Они идут под встречный огонь, поглощая попадания. Это процесс радостного самопожертвования, которое ведет к подавлению. Некоторые из его людей обвязаны взрывчаткой, они проникают в толпы бегущих врагов, чтобы обрести вознесение.

В разграбленных лагерях Нутинского Шестьдесят первого Братство обнаружило ящики винтовок, лазерного оружия, недавно выпущенных

«Цллютинаторов», готовых к выгаче.
Ушметар Каул забрали их, выбросив свое
старье раги нового мощного орудия.
Фоусту досталась одна винтовка. Она
прочная, легкая и практически без отдачи.
У нее складной проволочный приклад,
который можно снять, чтобы он не мешал.
Он уже убил из нее шестерых.

Он образован. Уроня ситуации не
ускользает от него.

Легион отдает приказы. Нужно
закрепиться в костопорте, а затем в
удаленных дворцах на равнинах.

Фоуст размышляет о южном
полушарии планеты, которое в основном
занято океанами и малонаселено. Он
думает, что туда, скорее всего, будет
отмерено больше ярости. Сегодня пустили
в ход великие силы, как ритуальные, так и
фактические. Но следующее задание
потребует куда большего.

[отметка: 0.58.08]

«Самофракия» проходит через
раздвижные ворота станции «Зетсун
Вериг». Позади пылает главная верфь

Калта. У «Самофракции» никто не спрашивает пароль. Это корабль из флота Тринадцатого, который ищет укрытия, кроме того, вокс заглушён, а ноосфера мертва.

Никто на борту станции «Зетсун Вериг» не задумывается над тем обстоятельством, что их станция осталась нетронутой. Слишком тала? Проглядели? Однако это очень важное специализированное сооружение, а окружающие ее станции были взяты на прицел и уничтожены.

Крейсер швартуется между двутя быстrophодными эскортными кораблями, которые укрылись внутри станции.

— Сколько? — спрашивает Кор Фазрон у старшего мага своих скрытых в тени техножрецов.

— Три часа при условии, что нас не прервут, магжир, — отвечает жрец.

— Их не прервут, — произносит Сорот Чур.

Кор Фазрон тяжело дышит. Кажется, что под броней он высох и ослабел, будто дыхание вытягивает из

него огромные объемы собственной
жизненной силы. Пространство вокруг него
истончилось.

Калт --- его операция гораздо в
большей степени, чем Лоргара. Кор
фаэрон скрупулезно спланировал это для
своего примарха и исполнил при помощи
Эреба. Его первоочередная цель ---
наказание и уничтожение Тринадцатого,
унижение и казнь презренного Робаута
Жиллимана. Но это также и продвижение,
очередной шаг по спиральному пути
Великого Рутуала. Это позволит их
возлюбленному примарху пройти дальше.

Сороту Чүрү известно о бремени его
командующего. Неудаче нет места. Нужно
добиться бесценной первой военной победы,
однако даже она бледнеет по сравнению с
великим замыслом.

Он будет поддерживать командира во
всем. Сорот Чүр уже несколько лет
пользуется привилегией быть одним из
старших штурмовиков при Кор фаэроне.
Новое преображение легиона еще усилило
его преданность их общему делу. Их всегда
вела вера в высшую силу. Теперь же они

получили доказательство существования
этой силы. Она наделила их новым
могуществом. Она дала им ответы.
Благословила их. Открыла истины, на
которые опираются все тайны созидания.

И вот главные из этих истин.
Император Терры не бог, как они когда-то
думали. Он — крохотная и жалкая искорка
в черноте космоса, которая никоим
образом не заслуживает их преданности.
Он порицал Несущих Слово за их веру, и в
этом был прав. Быть может, он боялся
того, что сделают настоящие боги, когда
увидят, что ему поклоняются.

Вера Несущих Слово была неуместна.
Она была направлена не туда. Они искали
бога, а нашли лишь ложного идола, алчно
желающего преклонения.

Теперь же они обрели на небесах силу,
достойную их веры.

Стыковочные зажимы открывают
люки шлюзов. Как и во время первой части
обряда, Сорот Чур идет впереди.

[отметка: 01.16.32]

Построившись звездой, семнадцать кораблей флота Семнадцатого под предводительством катера «Длань Судьбы» выходят на низкую орбиту над южным полушарием.

Снижаясь, корабли ведут прицельный обстрел местных орбитальных сооружений, полностью уничтожая две станции и повреждая третью. Упрямая ярость устраняет все препятствия. Попытавшийся встретить атакующую формацию фрегат «Яниверс» гибнет от многочисленных лэнс-зарядов. Транспорт «Стейнхарт» и «Отвага Конора» оттеснены, а затем обездвижены в прямом столкновении. «Стейнхарт» терпит критический сбой питания, лишается всех механизмов поддержки и соскальзывает на неровную тысячелетнюю солнечную орбиту, а его экипаж примерзает к своим постам. Дважды пробитая бортовыми залпами и пытающаяся отступить от

нагвизающегося строя «Отвага Конора» в
третий раз попадает под огонь орудий.
Пластины корпуса не выдерживают.
Корабль разламывается. Мезонный луч
разрывает обнажившееся ядро реактора, и
транспорт вспыхивает, проваливаясь в
атмосферу.

Таким образом, он становится
вторым крупным кораблем, упавшим на
Калт.

Его погружение не столь величаво и
неторопливо, как падение гибнущего гранд-
крейсера «Антрогаликус». «Отвага
Конора» — полнолунный шар белого
пламени, пожираемый флюоресцентным
свечением со всех сторон. Он летит,
словно метеор, раскачиваясь и вращаясь.
Он попадает в холодный открытый океан
возле Южного полюса планеты.

Удар сродни падению метеорита.
Атмосфера деформируется на пятьсот
километров во все стороны, когда
высвобожденные жар и свет брызжут
наружу искаженной эллиптической
вспышкой. Триллионы тонн океанской воды
мгновенно испаряются, и еще триллионы

фонтанами взлетают вверх. Происходят тектонические повреждения. Последующая приливная волна, катящаяся стена черной воды, обрушивается на побережье континента спустя шесть минут и стывает приморский район на четыре километра в глубь материка.

Это --- всего лишь прелюдия, сопутствующий ущерб, жестокое предвестие настоящей атаки.

Штурмовое построение опускается на минимально возможную рабочую высоту, шипящие пустотные щиты визжат и воют при контакте с разреженной атмосферой верхних слоев. Нижние лэнс-батареи и бомбардировочные орудия открывают огонь.

Начинается систематическое разрушение.

Здесь нет изыщества. Северное полушарие густо насыщено стратегическими целями и центрами скопления населения, там приходится тщательно выбирать цели. Также Северное полушарие --- место, где большая часть наземных сил Семнадцатого столетия

выскажутся до начала боевых действий, не вызывая вопросов.

Южное же полушарие можно просто опустошать.

Именно это и делает команда «Длани». Магмовые бомбы громят бледные континенты-антиподы, зачищая их адскими огненными бурями. Огонь лэнсов превращает морскую воду в пар и выводит океаны из берегов. Мезонные преобразователи и ионные лучеметы сбивают древние тектонические образования, прогибают кору и порождают в мантии сейстические спазмы. Атмосферу заполняют пепел, дым и выброшенные частицы материи. Полярные широты окутаны паром.

Леса пылают. Джунгли выгорают. Реки исчезают. Ледники тают. Горы рушатся. Болота высыхают. Пустыни оплавляются до состояния стекла.

В расстрелянных южных городах гибнут миллионы.

[отметка: 01.37.26]

Жиллитан наблюдает.

Стилус переломился у него в руке. Он требует грузой. На пульте перед ним грузда записей и схем-набросков.

Магосы Механикум из числа тех, кого не убила, не искалечила и не свела с ума первая вспышка, начали перезагружать поврежденные системы флагмана. Вокс восстановлен в ограниченном объеме. У Жиллитана есть энергия для движения, щиты и вооружение.

Однако даже могучая «Честь Макразге» не в силах в одиночку бороться с флотом Семнадцатого. Подразделения флотилии Ультратара рассеяны. Нет способа координировать их.

Нет способа координировать их достаточно быстро, чтобы хоть как-то противодействовать нападению на планету.

Калт пылает. Калт, сокровище Веригии, один из величайших миров Пяти Сомен, разрушен так, что нет никакой надежды его восстановить.

Жиллитан отворачивается. Он не в силах смотреть.

--- Оно все еще повторяется? ---

спрашивает он.

--- Мой повелитель? --- отзывается
Гейдж.

--- Мое заявление? Сообщение для
моего брата?

--- Да, повелитель, --- говорит Марий
Гейдж. --- Оно на постоянном повторе при
поддержке тех малых коммуникационных
возможностей, которые у нас есть.

Примарх кивает.

--- Мне... отменить его? ---
спрашивает первый магистр.

Жиллитан не отвечает. Помощники
доставили ему на мостик новые данные.
Не имея рабочего когитатора и активной
сети, он разместил на всех
наблюдательных палубах писцов и
рубрикаторов, которые вручную заносят
информацию на планшеты и бумагу.
Посыльные сносят все документы к нему
каждые четыре минуты. Гора информации
растет.

Примарх что-то заметил. Заметил
какую-то деталь среди прочих. Он
вытаскивает лист исписанной бумаги из
стопки. Потревоженные инфопланшеты и

отчеты соскальзывают на палубу.

--- Что это? --- спрашивает Гейдж.

[отметка: 01.40.41]

Мир содрогается. На дальней стороне
шара идет ковровая бомбардировка,
накрывшая Южное полушарие.
Повреждения, переданные в виде подземных
микротолчков и тремота атмосферы от
чрезмерного давления, можно ощутить
даже здесь.

Здесь. В Нуминском костюпорте.
Огромные участки его территории все
еще горят. Со стороны города доносится
грохот тяжелой артиллерии. Каждые
несколько минут над головой проносятся
звенья авиации, с ревом изрыгающие яркие
волны форсажного жара. Небо почернело от
дыма, видны только яркие булабочные
острия пылающих обломков, корабельного
огня в костосе и горящих гибнущих
орбитальных станций.

Повсюду пыль. Она мелкая,
желтоватая, побочный продукт непла и
выбросов при ударах о поверхность. Она
застилает воздух и тонким слоем оседает

на куртках. От микротолчков она
осыпается и скользит ручейками.
Просачивается в вентиляцию.
Скатывается в канавы. Носится, словно
дым, когда ее тревожит ветер.

Липнет к крови.

Она пристала к пропитанной кровью
коже и броне навших. Словно опилки,
затянула лужи крови. Она покрывает
мертвые лица, будто пудра, и трупы
выглядят законсервированными и
нагритированными, по всей форме
подготовленными служащими морга.

Вил Тем, геннонареченный
предводитель ударной группы Каул
Мандори, продвигается вдоль одной из
проездных дорог, целясь из лазерной
винтовки. Его ботинки из коричневой кожи
шаркают по желтой пыли. За ним
следуют восемь человек из отделения его
ближайших братьев, еще двенадцать
держат тыл на бронированном спидере с
установленной автомашкой. Где-то
в близости зоратор, их наблюдатель.

Эту местность нужно зачистить.
Таков приказ. К полуночи весь порт

должен быть разбит на части и обезоружен. Пока повсюду прячутся выжившие. Тем острожен, поскольку знает, что некоторые из этих так называемых «выживших» — окопавшиеся воины Тринадцатого легиона. Его люди не экипированы против такого противника, каким бы сломленным или загнанным в угол тот ни был.

Вот почему с ними тяжелая поддержка и наблюдатель.

Тем боится не смерти. Они — Каул Мандори. Они бессмертны. Так им обещали, и они приняли эту клятву. Это обещание манило его со времен жизни в Армии и заставило прилечь к Братству. Бессмертие за службу — Вил Тему это показалось честным обменом.

Он не боится смерти. Однако за свою карьеру он пережил достаточно, чтобы понять, что предпочитает избегать боли.

Присутствие в этой области зоратора вснуживает врагов из укрытий. Тем резко поднимается, когда впереди трое людей выскакивают на открытое место и начинают убегать по полю.

тлеющего щебня. Это негибридные люди, к
его облегчению. На них цветная форма
погрузочной гильдии. Они безоружны.

Тем вскидывает винтовку, целится и
подстреливает первого. Выстрел с
семидесяти пяти метров по движущейся
мишени. В ногу сзади, как он и
рассчитывал. Неплохо. Человек падает,
завывая от боли. Живой. Живой — это
хорошо. Потому зачистки территории
ударной группе велели добыть пищу.

Вокруг него Каул Мандори
поднимают оружие и целятся. Двое
стреляют, выстрелы проходят мимо
убегающей пары и скользят по щебню.
Гарел, заместитель Тема, выпускает
лазерный заряд и срезает одну из целей.
Пораженный в голову человек падает.
Мертвый — тоже неплохо.

Тем смеется. Гарел хохочет в ответ,
скала белые зубы на покрытом коркой пылью
лице.

Еще один выстрел. Это не лазер.
Нутряной глубокий грохот. Болтер. Гарел
взрывается. Повсюду разбрызгиваются мясо
и черная кровь, они покрывают их всех.

темная кровь и разжиженная ткань поверх
слоя пыли. Тем дергается, когда в него со
свистом попадает кусок позвоночника
Гарела. Он моргает, прочищая глаза от
крови. Выходит на земле зубы, зубы в
обломке челюсти, зубы, которые только
что ухмылялись ему.

Люди Тема разбегаются. Он
выкрикивает приказ.

--- Поддержка! Поддержка!

К ним приближается хренов
Ультратарин. Выходит из укрытия.
Двигается, словно синее размытое пятно.
Этот ублюдок огромен.

Они открывают огонь. Пять лазерных
винтовок стреляют в гиганта, поражают
его короткими неоновыми зарядами.
Удары крошат пыльный синий госпех. Они
задерживают его, но не останавливают. У
него в одной руке голбанный меч, а в другой
потрепанный золотой штандарт.

Он протыкает мечом Форба, на хрен
насквозь, а потом рубит Грока. Когда меч
настигает его, Грок разворачивается. Он
вертится, словно танцор в пирюэте, кровь
вихрится, словно взлетевший плащ. А

затем он падает.

Ультратарин убивает Сорка, а потом мир для Тета переворачивается, когда его сшибают с ног. Ультратарин не останавливается. Он стремится к тяжелой поддержке. Он знает, что это поглотительная угроза.

Тет перекачивается, сплевывая кровь, пыль и часть языка, которую откусил, когда в него врезался Ультратарин.

— Убить его! Убить его!

Отделение поддержки приближается. Люди ведут огонь, некоторые опустились на колени, чтобы стрелять точнее. Ультратарин бежит прямо на них. Он размахивает древком хренова штандарта. Угнет. Автопушка его сглатывает.

Спидер рвется вперед. Какого хрена он не стреляет?

Тет понимает, насколько устно поступил Ультратарин. Вот почему он прошел через них, в лоб. Он хочет захватить спидер. Если тот откроет огонь, Тет и остальные окажутся в зоне поражения.

Цгуоты, гұтает Тем. Ну вы и
цгуоты. Какого хрена случится со
вселенной, когда вы будете править ею? Я
не имею значения! Я долбаный
бессмертный! Геннонареченный! Полните?
Мы генный род! Они взяли нашу кровь. Они
вернут нас назад. Несущие Слово обещали
это, если мы станем им служить. Если
мы умрем за них, они вернут нас. Они это
могут. У них есть генотех.

Забудьте про меня. Застрелите
ублюдка на хрен!

Спидер несется вперед, навстречу
мчащемуся Ультратарину. Этот ублюдок
такой быстрый. При таких размерах и
весе он не должен двигаться настолько
бы...

До Тета кое-что доходит.

Гарела убили из болтера, но у
Ультрагесантника нет болтера. У него
нет болтера, а стало быть...

Показывается второй гигант в
кобальтово-синем. У него есть болтер.

Он соскакивает с крыши сварочного
цеха в двадцати метрах позади. Прыжок
на бегу с шестиметровой высоты.

Странсчеловеческая сила делает это возможным. Он летит вниз, перебирая ногами. Он выжигал, пока спидер не покажется под ним. Выжигал этого, чтобы выйти навстречу напарнику.

Новоприбывший с грохотом врежется в колпак спидера, прочно упершись обеими ногами и протиная обшивку крыши. Попадение такое же громкое, как попадание заряда болтера. Спидер подпрыгивает на гравитационном поле, поглощая удар.

Напрягая ноги, противник нагибается и стреляет из болтера сквозь крышу. Бум. Бум. Два выстрела. Два убийства.

Первый Ультратарин добивается до него, тчась прямо на лихорадочный огонь ручного оружия отделения поддержки. Тем выигрывает, как выпущенный в упор лазерный заряд с брызгами отлетает от брони. Он размахивает мечом. Артериальная кровь заливают борт спидера. Ультратарин взмахивает штандартом, словно глубинкой, напроць вышибая одного из Каул из ботинок.

Второй Ультратарин спрыгивает с крыши спидера и присоединяется к

рукопашной. Он убрал болтер. Экономит боеприпасы. Он действует боевым клинком. За несколько секунд гибнут восемь из двенадцати.

Тет кричит. Кричит так громко, что ему кажется, будто легкие вот-вот вывернутся наизнанку.

Вентан слышит вопль. Он оборачивается. С потрепанного золотого штандарта в его руках капает кровь.

— Зачем ты это взял? — рычит Селатон, выдергивая клинок из последней жертвы.

Вентан не слушает. Некоторые из вражеских пехотинцев еще живы. Предводитель кричит.

— Его надо заткнуть, — произносит Селатон. Он открыл боковой люк спидера и вытаскивает наружу разорванное тело. Внутреннее пространство кабины окрашено кровью. Нужно найти рычаги, чтобы отрегулировать кресла.

Появляется Несущий Слово. Катафракт. Терминатор.

— Зоратор! Мой наблюдатель! Убей их! — верещит Тет.

Терминатор огромен. Громоздовая совершенствованная броня прочная, как у танка. Сегментированные латы наплечников возвышаются над увенчанным плюмажем шлемом. Объемистый воротник изображает щерящуюся пасть, забранную решеткой. Птеруги -- кожаные полосы на шлеме или по краю кирасы из проклепанной кожи -- и кольчужные полы прикрывают уязвимые сочленения. Он похож на титана -- широкие плечи и торс, массивные ноги.

Вокруг ногтей левой руки трещат толпы. Он начинает стрелять из гигантского комби-болтера.

Массреактивные заряды рвут толпу. Они взрываются и убивают двух Каул Мандори, которых Вентан оглушил, но не прикончил. Сбивают Вентана с ног, вгоняя осколки брони ему в голень и бедро, и выдирают заметный кусок из носовой обшивки спидера.

Селатон рывком перекачивается в укрытие, используя спидер как преграду. Он пытается стрелять в ответ. Прицел точен, но катафракты поглощают заряды.

Вокруг усиленного панциря брызжет пламя от массреактивных импульсов.

Несущий Слово обрушивает на Селатона массированный огонь. Спидер получает новые серьезные повреждения, болт обдирает отсек экипажа, отслаивая металлическую обшивку, так что она задирается, будто язычок ботинка.

Вентан ранен. Его нога пробита. Кровотечение уже прекратилось. Он поднимается на ноги. У него есть скорость, которой не хватает громадному терминатору — кроваво-красному чудовищу с алой гривой. Ультрамарин несет к нему.

Тот переводит прицел обратно. Вентан обладает трансчеловеческой быстротой, однако не способен опередить заряды колби-болтера, а его доспех их не остановит.

Раздается звук рвущегося металла, ломающихся болтов. Его издает Селатон, выдирая автомашку спидера со станка. Он стоит на спидере, наполовину скрывшись в кабине, одной ногой на сиденьях, другой опершись в носовую броню. Крыша

задралась назад, словно задник на театральной сцене. Многоствольное оружие прижато к бедру, толстая и тяжеловесная металлическая змея ленты боеприпасов вьется назад, в отсек экипажа.

Он стреляет. Тяжелое оружие издает скрежещущий металлический звук, словно переталываемые исполинской мельницей колокола. Вокруг вертящихся стволов мерцают прыгающие языки отработанных газов.

Буря выстрелов накрывает катафрактия и перечеркивает его пополам. Куски металла сыплются с брони в клубях вызванного трением дыма. По обе стороны от него взрывается щебень. Части ворота и забрала отлетают вместе с лоскутами кожаных перчаток, обрывками гривы и кольцами разбитой кольчуги. Выстрелы пробивают доспех в четырех местах, и из воронок обнажившегося металла выплескивается кровь.

Терминатор долго остается на ногах, шатаясь и отступая под градом выстрелов. Наконец он с грохотом

заваливается на спину.

Вентан нависает над ним. В воздухе полосы едкого синего дыма. Несущий Слово шевелится, бұлька кровью, которая заполняет шлем и защиту горла. Он упирается, но еще далеко не мертв. Он начинает поднимать масляно-черный комби-болтер.

Вентан обеими руками вгоняет острие древка штандарта в статорную щель, толкая его, поворачивая и прокручивая, пока оно не упирается изнутри в затылок бронированного шлема. Из глазных прорезей и крошки ворота льется кровь, она стекает по бокам шлема, гриба плютажа тускнеет.

Вентан отступает назад, оставляя погнутый штандарт на месте. Подходит Селатон.

--- Пора двигаться, --- произносит он.

--- Снугер работает?

--- Более-менее.

Вентан выдергивает штандарт и несет его к простреленной машине.

--- Вот зачем, --- говорит он.

--- Что? --- переспрашивает Селатон.

--- Вот зачет я его взял, --- отвечает
Вентан, поднимая окровавленный
штандарт. --- Именно для этого.

[отметка: 01.57.42]

--- Что это значит? --- интересуется
Марий Гейдж.

--- Это значит... --- начинает
Жиллиман. Он снова берет инфопланишет,
размышляя над ним. --- Это означает
предварительный злой умысел.

Он смотрит на бомбардировку
планеты внизу через огромные
кристалфлексовые окна флагамана.

--- Не то чтобы в этом были какие-то
сомнения, --- добавляет он. --- Если бы это и
началось как ошибка или несчастный
случай, то уже вышло бы за рамки
простительного. Впрочем, полезно знать,
что преступление моего брата полностью
доказано.

Жиллиман быстрым жестом
подзывает мастера вокса.

--- Отменить мою предшествующую
циклическую трансляцию, --- произносит он,
беря в руки переговорный рожок. ---

Заменишь на это.

Он медлит, размышляя, затем поднимает голову и быстро и отчетливо говорит в устройство:

--- Лорзар Колхидский. Заполни вот что. Первое: я полностью отказываюсь от предшествовавшей просьбы официально прекратить огонь. Она отменяется и более не будет обращена ни к тебе, ни к кому-либо из твоих лишенных родины ублюдков. Второе: ты мне больше не брат. Я найду тебя, убью тебя и сброшу твой ядовитый труп в пасть преисподней.

Он передает рожок вокс-офицеру.

--- Немедленно запустить это на повтор, --- произносит он.

Жиллиман вводит Гейджа, капитана Зедоффа и группу других старших руководителей в стратегиум.

--- Для координации флота в отсутствие вокса нам потребуются лазерные коммуникаторы прямой связи и физическая доставка секретных распоряжений быстроходными лихтерами, --- начинает он. --- Я экспромтом набросал тактический план.

Каждому из магистров и капитанов кораблей нужно передать особые распоряжения скорейшим из доступных способов. Мне нужно, чтобы в течение часа — часа, понятно? — этот флот начал работать целенаправленно. Мы помешаем этой бомбардировке.

— Это наша цель? — спрашивает Зедофф.

— Нет, — признает Жиллиман. — Я собираюсь доверить это «Млатусу» и «Скорби Солонима». Они поведут формации против нападающих на планету. Нашей особой целью станет «Фигелитас Лекс».

Зедофф поднимает брови.

— Стало быть, личные счеты, — говорит он.

Жиллиман не пытается этого скрывать.

— Я его убью. На самом деле убью. Голыми руками.

Он смотрит на Гейджа.

— Ничего не говори, Марий, — произносит он. — Ты отправишься на «Млатус», чтобы возглавить атаку. С

презвымым рассудком и подходящим планом.
Я знаю, что охота за вражеским
флагманом имеет серьезные тактические
недостатки. Меня это не волнует. Это
единственная битва за мою карьеру, где я
буду сражаться сердцем. А не головой.
Этот ублюдок умрет. Ублюдок.

--- Я всего лишь хотел протестовать
против своего отсутствия в тот момент,
когда вы его убьете, --- замечает Гейдж.

--- Мой примарх!

Они оборачиваются. Мастер вокса
бледен.

--- Лимопередача, сэр. Сигнал
дальнего действия с «Фиделитас Лекс».

Жиллитан кивает.

--- Стало быть, он игнорирует просьбы
прекратить огонь, однако стоит мне
сказать ему, чтобы катился на хрен, как
он тут же выходит на связь. Включайте.

--- Мой примарх, я... --- начинает
Гейдж.

Жиллитан проталкивается мимо
него, направляясь к панели
лимонотранслятора.

--- От этого разговора ты меня не

удержишь, Марий, -- говорит он.

Жиллиман ступает на гололитическую платформу. Перед ним изгибается и пузырится свет. Изображения деформируются и гаснут, переформируются и распадаются, будто светящиеся царапины на пленке. Затем лицом к лицу с ним в полный рост возникает Лоргар. Его лицо опять скрыто в тени, однако освещение делает его предельно реальным. Вокруг него толпятся неясные фигуры, части и фрагменты теней. В которых уже не узнать его приспешников и заместителей.

-- Да ты никак вышел из себя, Робаум? -- интересуется Лоргар. Они слышат устешку.

-- Я тебя выпотрошу, -- тихо отвечает Жиллиман.

-- Ты потерял терпение. Великий невозмутимый и уравновешенный Робаум Жиллиман наконец-то поддался страстям.

-- Я тебя выпотрошу. Освежую. Обезглавлю.

-- Ах, Робаум, -- шелестит Лоргар. --

Наконец-то слышу от тебя речи, которые мне действительно нравятся.

--- Предварительный злой умысел, --- произносит Жиллиман, его голос --- лишешепот. --- Вы захватили «Кампанилу». По моим оценкам, захватили ее как минимум за сто сорок часов тому назад. Ты устроил эту бойню, Лорзар, и придал ей вид ужасного несчастного случая, чтобы воспользоваться нашим милосердием. Ты вынудил нас сдерживать руку, пока сам убивал.

--- Это называется «предательство», Роберт. Отлично работает. Как ты узнал?

--- Мы проследили маршрут «Кампанилы», как только выяснили, что именно врезалось в станцию. После взгляда на схему идея о том, что это был какой-то несчастный случай, становится стихотворной.

--- Как и идея, что ты сможешь причинить мне боль.

--- Мы не будем это обсуждать, червь, вероломный ублюдок, --- говорит Жиллиман. --- Я просто хотел, чтобы ты

знал, что я тебе заживо сердце вырву. И я
хочу знать почему. Почему? Почему? Если
это наша старая ребяческая вражда,
которая вышла наружу, то ты самое
жалкое создание во всем космосе. Нашему
отцу следовало выкинуть тебя на снег
после рождения. Скоротить тебя Руссу.
Ничтожество. Червяк.

Лоргар слегка поднимает голову, и
Жиллиман видит в тени лица намокшие
улыбку.

— Это никак не связано с нашей
неприязнью, Робайт... Ну разве что дает
мне возможность отомстить за свою
честь тебе и твоим нелепым изгубленным
солдатыкам. Это всего лишь
восхитительное дополнение. Нет, это
Ушкүл Тү. Калт — это Ушкүл Тү.
Подношение. Восход новой галактики.
Новый порядок.

— Ты бредишь, убогодок.

— Галактика меняется, Робайт.
Переворачивается вверх ногами. Верх
станет низом, а низ верхом. Нашего отца
сбросят с трона. Он падет, и никто не
соберет его заново.

--- Лорзар, ты...

--- Слушай меня, Робаут. Ты думаешь, будто ты такой умный. Такой мудрый. Такой информированный. Но это уже началось. Это уже происходит. Галактика встает с ног на голову. Ты встретишь, наш отец встретит, как и все остальные, поскольку все вы слишком глупы, чтобы узреть истину.

Жиллитан делает шаг к литотрансляторному видению, словно он может ударить его, сломать ему шею.

--- Слушай меня, Робаут, --- шипит световой призрак. --- Слушай. Империя закончилась. Он рушится. Он горит. Нашему отцу пришел конец. Его злые мечты закончились. Хорус возвышается.

--- Хорус?

--- Хорус Луперкаль возвышается, Робаут. Ты понятия не имеешь о его способностях. Он выше всех нас. Мы встанем рядом с ним или сгинем.

--- Ты дерьмо, Лорзар. Ты одурманен? Снятил? Что за безумие...

--- Хорус!

--- Что --- Хорус?

--- Он возвышается. Он приближается. Он убьет всякого, кто встанет у него на пути. Он будет править! Станет тем, кем никогда бы не смог стать Император!

--- Хорус... --- Жиллиман прокашливается. Он сглатывает. Он ошеломлен очевидностью сумасшествия Лоргара. --- Хорус никогда не изменит. Если один из нас изменит, остальные...

--- Хорус восстал против нашего безжалостного и жестокого родителя, Робаут, --- произносит Лоргар. --- Прими это, и утешь с миром в сердце. Хорус Луперкаль решил свергнуть порчу Империи и покарать тирана. Это уже происходит. И Хорус не один. С ним я, верный и принесший клятву. Как и Фүлгрим. Ангрон. Пертуробо. Магнус. Мортарион. Күрц. Альфарий. Твоя верность --- воздух и бумага, Робаут. Наша верность --- кровь.

--- Ты лжешь!

--- А ты утираешь. Исстваан-пять тыкает. Братья уже мертвы.

--- Мертвы? Кто...

--- Феррус Манус. Коракс. Вүлкан. Все

мертвы и сгинули. Зарезаны, как свиньи.

--- Это все ложь!

--- Взгляни на меня, Робаум. Ты же знаешь, что нет. Знаешь. Ты изучал каждого из нас. Тебе известны наши сильные и слабые стороны. Теоретически, Робаум! Теоретически! Ты знаешь, что это возможно. Знаешь, исходя из самих фактов, что такой итог вероятен.

Жиллиман отступает назад. Он открывает рот, однако слишком ошеломлен, чтобы ответить.

--- Что бы ты про меня ни думал, Робаум, --- говорит Лорзар, --- каково бы ни было твое мнение, а я знаю, что оно наилучшее из возможных, тебе известно, что я не глуп. Я бы предал брата и напал на собранные силы Тринадцатого легиона... из-за обиды? В самом деле? В самом деле? С точки зрения практики, Робаум! Я здесь, чтобы уничтожить тебя и Ультратарин потому, что вы единственная оставшаяся в лагере Императора сила, которая может остановить Хоруса. Вы слишком опасны, чтобы оставаться в живых, и я здесь,

чтобы проследить, что вы в живых не останетесь.

Лорзар подается вперед. Свет падает на его зубы.

--- Я здесь, чтобы вывести тебя из игры, Роберт.

Жиллиман делает шаг назад.

--- Либо ты обезумел, либо Галактика сошла с ума, --- произносит он с замечательной твердостью. --- Как бы то ни было, я иду за тобой и прикончу тебя с твоими дикарями-убийцами.

Эксомтуникате Трайторис. У тебя не будет возможности поразмыслить о чудовищности этого преступления.

--- О, Роберт, от тебя всегда можно ожидать, что ты будешь выражаться, как огромная напыщенная задница. Иди и возьми меня. Поглядим, кто сгорит первым.

Лорзар разворачивается, чтобы выйти из освещенной области, но затем медлит.

--- И последнее, что тебе нужно знать, Роберт. Тебе в самом деле не понравится то, с чем ты еще столкнешься.

--- Сутасшедший, --- бросает
Жиллиман, отворачиваясь.
Лоргар преображается.
Голотрансляционный образ плывет,
словно плавающий жир, словно
деформирующиеся кости, словно капающий
воск. Улыбка рвется нагвое, и из
человеческой фигуры поднимается нечто.
Это не человек.

Жиллиман чувствует это. Он
разворачивается. Вигит.

Его глаза расширяются.

Он чует это. Чувствует запах
черного, словно деготь, кошмара,
костический страг варна. Тварь растет,
продолжает расти. Пустая оболочка
Лоргара спадает, как змеиная кожа.

Это ужас из самых темных пустот.
Блестящая черная плоть, сплетенные
вены, лягушачья слизь, бусины торгающих
глаз, зубы и крылья летучей мыши. Это
анатомическое зверство. Тератология,
создание монстров.

Грязный свет скрывает и окутывает
его, словно бархатное одеяние. Оно --- тень
и дыт. Его венчают четырехметровые

бұрые и ребристые рога тұра. Оно
фыркает. Урчание в животе, рычание
хищника. Запах крови. Вонь кислоты.
Привкус яда.

Парившие позади Лоргара существа
тоже преобразаются. Они становятся
черными, словно жуки, блестящими,
переливающимися синевой. Лишенные
костей конечности и псевдоподии
извиваются. Они шевелят вибриссами и
пощелкивают, словно насекомые.
Многочисленные лица складываются и
стекаются вместе, превращаясь в жутких
дипрозонов. Накладывающиеся друг на
друга рты торчатся и лепечут иля
Жиллимана.

Жиллиман встает тверже. Емү
неведом страх.

--- Я үже настрелся на эти
шарлатанские фокусы, --- произносит он. ---
Разорвать канал литотрансляции.

--- Связь... --- начинает мастер вокса. ---
Сэр, связь үже разорвана.

Жиллиман рывком разворачивается
навстречу коштарү, твари, которая

больше не является Лоргаром. Рука
тянется к эфесу меча.

Существо начинает говорить. В его
голосе безумие.

--- Робайт, --- произносит оно. --- Пусть
Галактика запылает.

Оно бросается вперед, челюсти
разинуты, брызжет слюна.

Кровь, много сомен литров
человеческой крови внезапно под давлением
брызжут на стены мостика флагмана.
Кристалфлексовые окна вылетают наружу
метелью осколков, исчезая в космосе.

Башня линкора «Честь Макрагге»
взрывается.

ПОРАЖЕНИЕ//ЦЕЛИ

В фазе открытых боевых операций, особенно оказавшись обороняющейся или контратакующей стороной, необходимо действовать с упреждением событий. Определите, какие ресурсы вам понадобятся, чтобы добиться преимущества и вынудить противника защищаться. Установите, чем из этих ресурсов обладает ваш оппонент. Заберите их у него. Не гонитесь за славой. Не ввязывайтесь в безнадежные противостояния. Не пытайтесь бороться с ним силой, если знаете, что он сильнее вас. Не тратьте времени зря. Решите, что сделает вас достаточно сильным, а затем получите это. Наиболее желанным благом всегда является

способность вести войну.

Жиллиман.

Примечания к

Воинской

кодификации, 14.2.XJ

[отметка: 4.12.45]

Светаает рано. Еще один прекрасный день в устье реки. Свет -- это очень хорошо, Олл прикидывает, что у них может выйти лишний час или около того для работы. Час -- это еще две порции темнотравья. День тяжкого труда ради хорошей выручки.

Руки болят от жатвы, но он хорошо выспался и пребывает в отличном настроении. Яркий солнечный свет всегда воодушевляет его.

Он встает и возносит молитву. В беленом сарайчике позади дома находится гравитационный душ. Он дергает за шнур и встает под струю. Он поет и слышит, как она поет в кухне.

Когда он вытирается, одевается и выходит в кухню, ее там нет. Он чувствует запах теплого хлеба. Дверь кухни открыта, и на плиты пола льется солнечный свет. Наверное, она отошла на секунду. Вышла за яйцами. В теплом

воздухе пахнет сеном темнотравья.

Он присаживается за потертый кухонный стол.

--- Пора браться за дело, Олл.

Он поднимает глаза. В дверном проеме стоит человек, солнце светит на него сзади, и Олл не видит его лица.

Но Олл Перссон знает его. Он прикасается рукой к висящему на шее маленькому знаку инстинктивным охранительным жестом.

--- Я сказал...

--- Я тебя слышал. Я займусь этим, когда буду готов. Моя жена готовит завтрак.

--- Упустишь свет, Олл.

--- Моя жена готовит завтрак.

--- Это не так, Олл.

Человек входит в кухню. Он не изменился. Да и не мог, так ведь? Он никогда не меняется. Эта уверенность. Это... обаяние.

--- Не припомню, чтобы приглашал тебя, -- произносит Олл.

--- Меня никто никогда не приглашает, -- отзывается человек. Он

наливает себе в кружку молока.

--- Меня это не интересует, --- твердо говорит Олл. --- Зачем бы ты ни пришел, меня это не интересует. Ты зря потратил время на путешествие. Теперь это --- моя жизнь.

Человек садится напротив него.

--- Это не так, Олл.

Олл вздыхает.

--- Замечательно снова тебя побудать, Джон. А теперь проваливай из моего дома.

--- Не веди себя так, Олл. Как дела? Все такой же богобоязненный и преданный?

--- Теперь это моя жизнь, Джон.

--- Нет, --- произносит человек.

--- Убирайся. Мне ни до чего нет дела.

--- Боюсь, у тебя нет выбора. Прости. Положение дел немного изменилось.

--- Джон... --- предупреждающе почти рычит Олл.

--- Я серьезно. Нас не много, Олл. Ты это знаешь. Мы с тобой можем положить руки на стол, пересчитать всех, и еще останутся свободные пальцы. Нас никогда не было много. А теперь осталось еще

меньше.

Олл встает.

--- Джон, послушай. Позволь, я буду выражаться предельно прямо. У меня на это никогда не было времени. Я никогда не желал ни в чем участвовать. Я не хочу знать, с какими проблемами ты явился к моей жене. Ты мне нравишься, Джон. Честно. Но я надеялся, что больше никогда тебя не увижу. Я просто хочу жить собственной жизнью.

--- Не жадничай. Ты прожил несколько.

--- Джон...

--- Перестань, Олл! Ты и я. Улей. Анатолий? Ну же. Панацея? Скажи мне, что это не считается.

--- С тех пор прошла целая жизнь.

--- Несколько. Несколько жизней.

--- Теперь это --- моя жизнь.

--- Нет.

Олл яростно глядит на него.

--- Мне бы хотелось, чтобы ты ушел, Джон. Уходи. Сейчас же. Пока моя жена не вернулась из курятника.

--- Она не вернется из курятника, Олл. Она не уходила в курятник.

--- Убирайся, Джон.

--- Это твоя жизнь, да? Это? Бывший солдат, который стал фермером? Вышел в отставку и зажил в пасторальной гармонии? Добрый честный труд за простую пищу и хороший отдых ночью? Так, Олл? Это --- твоя жизнь?

--- Теперь --- да.

Человек качает головой.

--- А что ты будешь делать, когда тебе это надоест? Бросишь и займешься чем-то другим? Когда устанешь быть фермером, что тогда? Преподавание? Изготовление пуговиц? Запишешься во флот? Ты можешь, ведь ты уже был в Армии. Что будешь делать? Бывший солдат-фермер-вдовец?

--- Вдовец? --- рывкает Олл, возражая от этого слова, как будто оно жужжит у него перед лицом, натереваясь ужалить. --- О каком вдовце ты говоришь?

--- Да брось, Олл. Не вынуждай меня делать всю тяжелую работу. Ты же знаешь. Она не в курятнике. Она не готовит завтрак. Она не пела тут только что. Она никогда не селилась на Калте.

Она умерла, несчастная любовь, еще до того, как ты вообще вступил в Армию. Последний раз вступил в Армию. Ну же, Олл, у тебя в голове небольшая путаница. Это шок.

--- Оставь меня одного, Джон.

--- Тебе известно, что я прав. Известно. Я это вижу по твоему лицу.

--- Оставь меня в покое.

--- Давай. Подумай.

Олл глядит на него.

--- Ты у меня в голове, Джон. Грамматикус? В моей чертовой голове?

--- Клянусь, что нет, Олл. Я бы не сделал этого без приглашения. Дело в тебе. Травма. Это пройдет.

Олл снова садится.

--- Что происходит? --- шепчет он.

--- У меня мало времени. Я тут ненадолго. Простой разговор с тобой требует огромных усилий. Ты нам нужен, Олл.

--- Это они тебя послали? Бьюсь об заклад, что да.

--- Да, они. Они. Но я имел в виду не их. Я говорил о людях. В тебе нуждается

человеческая раса, Олл. Все скатилось в дерьмо. Очень, очень плохо. Ты не поверишь. Он проигрывает, а если проигрывает он, то проигрывает и все мы.

--- Кто проигрывает? --- спрашивает Олл.

--- А как ты думаешь?

--- В чем он проигрывает?

--- В войне, --- произносит Джон. --- Это она, Олл. Большая, о которой мы всегда говорили. Которую всегда предвидели. Она уже идет. Чертовы примархи убивают друг друга. И последний цикл опустошения творится здесь, сегодня. Прямо на Калте.

--- Я не желаю в этом участвовать. Никогда не желал.

--- Такова жизнь, Олл. Хочешь ты этого или нет, но ты --- один из Вечных.

--- Я не такой, как ты, Джон.

Джон Грамматикус откидывается назад и улыбается, наставив на Олла палец.

--- Нет, черт побери. Я теперь --- только я нынешний, благодаря вмешательству ксеносов. Но ты, ты все еще настоящий Вечный. Все еще такой.

как они.

--- Нет. У меня нет того, что есть у тебя. Талантов. Псайкерства.

--- Это не имеет значения. Быть может, потому-то ты так и важен. Быть может. Ты важен лишь потому, что находишься здесь. Во всех Пятистах Мирах сейчас лишь трое подобных нам, и только ты на Калте. Эпицентр. Это ты. Ответственность лежит на тебе. У тебя нет выбора. На тебе лежит ответственность.

--- Найди кого-нибудь другого, Джон. Объясни это кому-то еще.

--- Ты же знаешь, что не выйдет. Нет никого, кто был бы достаточно стар. Никто не понимает столь многого. Больше ни у кого нет... кругозора. Я расскажу об этом кому-то, а они отмахнутся от меня, как от безумца. У меня нет времени проводить восемнадцать лет в сумасшедшем доме, как в прошлый раз. Этим придется заняться тебе.

--- Чем заняться?

--- Убраться отсюда. Они собираются

сдвинуть этот мир. Внутренний вихрь.
Ступенька старого империума. Ты
должен быть готов пройти через дверь,
когда она откроется.

--- И куда мне идти?

Снаружи стемнело. Солнце скрылось.
Грамматикус поднимает глаза и
вздвигает.

--- Ты должен кое-что заполучить и
принести это мне. Пройди через дверь,
когда она откроется, и принеси это мне. Я
буду тебя ждать.

Он запинается.

--- Во всяком случае, я чертовски
постараюсь тебя дождаться.

--- Куда я отправляюсь, Джон?

Темнеет так быстро. Грамматикус
пожимает плечами.

--- У нас кончается время, Олл. С
твоего позволения, я тебе покажу.

--- Черт, даже не...

[отметка: не установлено]

Где-то. Здесь пахнет варным,
пылающими пустотными щитами. Стены
из полированного черного дерева и

выгравированного кератита, отделанного
хрусталем, слоновой костью и рубинами.
Края люков обрамлены сусальным золотом.
Это место так велико. Так огромно.
Склепы и залы трачны и монументальны,
словно нефы соборов. Гробницы. Катакомбы
некрополя. Пол сделан из черного трактора.

Это не пол. Это палуба.

Он чувствует, как по ней передается
пульсация двигателей. Тяговых
двигателей. Воздух сухой, искусственно
сохраненный. Он чувствует запах дыма.

--- Почему пахнет дымом, Джон? ---
спрашивает Олл.

Он не может прочесть, что
выгравировано на полированных стенах, и
понимает, что рад этому.

--- Джон? Куда ты делся?

За окнами россыпи звезд. На полу
кровь. Кровавые следы на тракторе,
кровавые отпечатки ладоней на стенах.
Гобелены сорваны. В переборках пробоины.
вырванные зарядами болтеров воронки,
прорезанные лазерами и когтями борозды.
На полу тела.

Это не пол. Это палуба.

Он слышит звуки боя. Огромного сражения. Миллионы кричащих и визжащих голосов, лязг оружия, выстрелы. Трохот доносится из-под палубы. Он приглушенно раздается из далеких арок и наполовину видимых люков. Как будто прямо за углом творится монументальная катастрофическая история.

--- Джон?

Никаких признаков Джона. Но он ощущает на загривке покалывание иных разумов. Разумов, которые столь же ярки, как звезды главной последовательности.

--- Джон, я не хочу здесь находиться. Совсем не хочу.

Он идет вперед, проходя через арку, раз в двадцать выше его, в зал, который выше в пятьдесят раз. Стены и колонны громадны. Воздух заполнен дымом и угасающими неясными отголосками.

На полу лежит мертвый ангел. На палубе. Ангел -- гигант. Он был прекрасен. Его меч сломан. Золотая броня треснула. Крылья раздавлены. Кровь струится по доспеху и пропитывает накидку из шкуры карнодона. Волосы такие же золотые, как

и броня. На щеке капли слез.

Его убийца ждет неподалеку, черный, будто ночь, созданный из ярости и скрытый тенью. Края его боевого облачения отделаны золотом, это придают его траку царственные очертания и формы. Золото окружает глаза на груди и поясе: злобные красные пристально глядящие глаза. Он дышит от мощи. От него исходят уколы жара, словно утечка смертоносного излучения. Он оскверняет Галактику, просто находясь в ней. Раздается потрескивание. Легкое шипение. Злоба настолько ужасна, что ее управляет счетчик радиации.

Убийца огромен. С его наплечников свисает плащ из мехов и человеческой кожи. Голову окружает шипастая оправа — психическая клетка, бронированная коробка. Внутри нее мерцает свет, красноватое свечение. Голова убийцы выбрита. Он смотрит вниз, лицо в тени. Он глядит на ангела, которого только что убил. Кортикальные разъемы и каналы биоподачи пронизывают его скальп, словно косички. Он — чудовище,

сотоворенное из плоти и окованное железом. Он создан из чистой ненависти.

Олл Перссон понимает, что не должен находиться здесь. Где угодно, в любом месте костоса, но не здесь. Он начинает пятиться.

Убийца слышит, как он двигается, или чувствует его. Убийца медленно поднимает массивную голову. Из ворот льется сияние, освещающее лицо. Высокомерное. Гордое. Злое. Он открывает глаза. Он смотрит на Олла.

--- Я... я отрекаюсь от тебя, лукавый, --- запинаясь, произносит Олл. Он инстинктивным охранительным жестом прикасается к висящему на шее маленькому знаку.

--- Ты... что?

--- Я отвергаю твое зло.

--- Зла не существует, --- говорит убийца, его голос --- грохот обвала рушащихся скал. --- Есть лишь безразличие.

Убийца делает шаг по направлению к Олле. Пол --- палуба --- согрывается под его весом.

Он замирает. Глядит на что-то. Он

глядит на что-то в руке у Олла.

Олл в замешательстве бросает взгляд вниз. Он осознает, что все это время держал что-то в руке.

Теперь он видит, что это.

Убийца издает звук. Вздох. Его губы раздвигаются, между ними тонкие нити слюны. Он смотрит Оллу прямо в лицо. Прямо в душу.

Олл отворачивается. Он больше не в силах смотреть в эти глаза. Он отворачивается, чтобы убежать.

И видит позади себя свет.

Он был настолько зачарован убийцей, покаяющейся, обвиняющей тьмой, что практически не заметил, как появился свет.

Теперь он видит. Это не обычный свет. Не привычный ему свет.

Свет угасает. Это было прекраснейшее сияние, однако оно тает. Угасает на убыль и тускнеет. Золотое и слепящее, как ангел. И так же, как ангел, поверженное созданным из трака убийцей.

По ту сторону сияния широкое окно.

Через него Олл видит окутанное

дытом великоление Терры.

Родина человечества горит.

--- Я убил достаточно, ---
произносит Олл Перссон.

[отметка: 4.12.45]

«Это шок. Просто шок. Тебя ранили, и
я много тебе показал. Много. Мне жаль,
правда жаль. Этого никто не должен был
видеть. Никто не должен был иметь дело
со всем этим за один заход. Но времени
действительно слишком мало, чтобы
проявлять мягкость.

Ты убил то, что должен был
убить. Я показал тебе, куда придется
идти.

Теперь это будет причинять боль.
Будет тяжело. Ты стожешь. Тебе
приходилось и тяжелее. Давай, Олл. Давай
же, мой старый, дорогой друг Олланий.

Пора просыпаться. Пора про...»

Олл просыпается.

Никакого солнца. Никакой кровати.
Никакого пения на кухне.

Серый свет. Туман. Холод.

Боль.

Он упал на спину, изгибаясь. Руки и ноги изранены, как и спина, как и одно бедро. Ощущение такое, словно в голову вкрутили железные шурупы.

Он садится. Боль усиливается.

Олл осознает, что наихудшую муку причиняет не физическая боль, не растяжения и не синяки.

Это отголосок. Отголосок видения. Он перекачивается на четвереньки, его рвет желчью, словно он пытается извергнуть наружу воспоминания и избавиться от них.

Велик соблазн подумать, что это был просто кошмар. Соблазнительно и легко. Просто гурной сон, который приснился из-за удара головой.

Но Олл знает, что человеческий разум не может воображать подобные вещи. Только не такие. Грамматикус был здесь. Ублюдок был здесь. Не во плоти, но все же был. Он был здесь, и он показал это.

Тот факт, что Джон предпринял сверхчеловеческое усилие и появился, пошел на такой риск, говорит о многом. О многом, и это многое не нравится Оллу.

Перссону.

Он неуверенно поднимается на ноги. Он избит и потрепан. Одежда покрыта коркой грязи, которая только начинает подсыхать и твердеть. Он пытается сориентироваться.

Видно немногое. Весь мир затянут густой серой мглой. Раздаются грохочущие звуки, и по ту сторону облаков что-то тускло вспыхивает. Где-то вдали — Оллу кажется, что это север — угадывается сияние, словно за туманом горит что-то большое.

Большое, как город.

Он оглядывается. Земля покрыта вонючей черной грязью и слизью, искореженной сельскохозяйственной техникой и сломанными столбами ограды. Это то, что осталось за прошедшей приливной волной. То, что осталось от его земли и полей.

Он бредет, пошатываясь и хлюпая ботинками по жиже. Плотный туман частично состоит из дыма, а частично — из болотных испарений. От почвы несет глиной и донным илом. Все посадки

исчезли.

Он видит ряд столбов ограждения, которые еще стоят. Судя по тому, насколько они торчат над жижей, волна наводка оставила за собой примерно метр ила и грязи. Все похоронено. Хуже, чем проклятый Красентинский хребет. Он видит руку — бледную и спорщенную, тужскую руку, которая высовывается из черной слизи. Похоже, что человек тянулся, судорожно хватая воздух.

С этим ничего нельзя поделать.

Олл добирается до столбов и приваливается к одному из них. Он понимает, что это ворота на краю западного полевого уровня. Он совсем не там, где думал. Он почти на полкилометра западнее. Должно быть, мощь наводнения унесла его, словно мусор.

Чертовски удивительно, что он не переломал себе конечности и что ему не вышибло мозги о торчащий столб. Чудо, что он не утонул.

Сориентировавшись, он поворачивается и движется обратно. Теперь он пришел в себя и понял, где

находится жилой модуль фермы.

Он проходит мимо опрокинутого и наполовину утонувшего в черной грязи культиватора. Затем находит дорогу, ну или то, что раньше было дорогой. Это борозда слизи, грязевая канава, по всей длине залитая лиловой водой глубиной по колено. Он шлепает по ней.

--- Господин Перссон?

Он останавливается, ошеломленный звуком голоса.

На краю дороги сидит человек, прислонившийся спиной к остаткам забора. Он облеплен грязью.

--- Кто это? --- спрашивает Олл.

--- Это я. Зибес.

Зибес. Гебет Зибес. Огун из работников. Огун из погеничиков.

--- Вставай, --- говорит Олл.

--- Не могу, --- отвечает Зибес.

Он сидит у ограды в странной позе. Олл понимает, что левая рука и плечо человека прижаты к столбу колючей проволокой. Их сплело воедино нахлынувшим потоком.

--- Держись, --- произносит Олл. Он

тянется к поясу, но рабочие инструменты давno пропали. Он идет назад к перевернутому культиватору и роется в густой грязи вокруг него, пока не находит в кабине ящик с инструментами. Затем он возвращается с кусачками и освобождает Зибеса. Плоть человека изрядно изограна проволокой.

--- Пошли, --- говорит Олл.

--- Куда?

--- Есть места, --- отвечает Олл.

У них уходит двадцать минут, чтобы в тумане дойти через трясины до жилого модуля фермы. К тому, что от него осталось.

По дороге Зибес не перестает задавать вопросы наподобие: «Что случилось?» и «Почему это произошло с нами?».

Оллу нечего ответить. Впрочем, у него нет ни времени, ни желания.

В пяти минутах от дома они сталкиваются с Кэтт, это сокращение от Кэттерины. Екаттерины. Что-то в этом роде, Олл вечно забывает. Как и Зибес, она из поденщиков, трудится в сущильном

атбаре, просушивает снопы. Ей около семнадцати, она соседская дочка.

Перемазанная грязью, она просто стоит в тумане с отсутствующим видом и глядит на что-то, чего нельзя увидеть, поскольку из-за тумана вообще ничего не видно. Возможно, она смотрит на что-то успокаивающее, например, на вчерашний день или на свой пятый день рождения.

--- Девочка, ты в порядке? --- спрашивает Олл.

Она не отвечает. Шок. Просто шок.

--- Ты в порядке? Кэти, пойдём с нами.

Она не смотрит в глаза. Даже не кивает. Но когда они снова начинают двигаться, она следует за ними в отдалении.

В доме разгром. Поток прошел прямо насквозь, унеся двери, окна и большую часть мебели и оставив взамен полуметровый покров ила и обломков. Олл раздумывает, не поискать ли пункт его жены, который обычно стоял на шкафу в кухне. Однако шкафа больше нет, так что у него мало надежды найти изображение.

Он велит Зибесу и Кэтт подождать и заходит внутрь. Его комната наверху, под крышей, так что она лучше перенесла удар. Он находит старую служебную сумку из выцветшего зеленого брезента и кладет в нее немного полезной всячины. Затем снимает все вплоть до рабочих ботинок и надевает сухую одежду. Лучшим, что ему удается найти, оказываются старые армейские штаны и куртка, тоже зеленые и выцветшие.

Он перебирает последние остатки, выбирая, что взять, а что оставить. Запасная куртка для Зибеса, аптечка и одеяло с кровати, чтобы согреть Кэтт. Он спускается по лестнице, чтобы отыскать их.

Над камином все еще висит старая лазерная винтовка. Он снимает ее. Углубившись в дытоходе он извлекает маленький деревянный ящичек. Три полностью заряженных магазина. Он кладет два в карман, третьим готовится зарядить оружие.

Он слышит крик Зибеса и выскакивает на грязный двор, скользя и

оступаясь. Чертов магазин не
вставляется. Он долго не практиковался с
винтовкой и подрастерял сноровку.

Он тоже напуган. Напуган сильнее,
чем когда-либо в жизни, а это кое-что да
значит, учитывая, что в его жизни был
Красентинский хребет.

--- Что происходит? --- спрашивает он,
добравшись до Зибеса, который присел за
опрокинутым штабелем ящиков с травой.

--- Там что-то есть, --- отвечает
тот, указывая на боковой сарай. --- Что-то
большое. Двигается с места на место.

Олл ничего не видит. Он озирается в
поисках Кэтт. Та стоит у двери кухни,
снова глядя в прошлое и не замечая паники
Зибеса.

--- Оставайся тут, --- велит Олл
раненому. Он поднимается и движется к
сарая, держа винтовку наготове. Он
слышит, как что-то движется. Зибес не
врал. Что бы это ни было, оно большое.

Олл знает, что должен стрелять
точно. Стрелять на поражение. Если оно
большое, нужно остановить это быстро.

Он рывком открывает дверь сарая.

И видит Графта. Крупный погрузочный сервитор кружит по сараю, врезааясь в предметы. Его сенсоры и системы обзора полностью сбиты с толку грязью и водорослями.

--- Графт?

--- Рядовой Перссон? --- отзывается сервитор, узнав голос.

--- Стой неподвижно. Просто стой неподвижно.

Большой киберорганизм замирает. Олл протягивает руку и стягивает жгуты водорослей. Он берет тряпку, протирает оптику и вычищает грязь из мелкой решетки сенсоров.

--- Рядовой Перссон, --- произносит Графт. --- Благодарю за помощь, рядовой Перссон.

--- Следуй за мной, --- говорит Олл.

--- Куда следовать, рядовой Перссон?

--- У нас есть работа, --- произносит Олл.

[отметка: 4.14.11]

--- Объяснись, --- произносит Несущий Слово. Его зовут Ултор Нүл.

--- Была засада, --- говорит Вил Тем. --- Двое Ультратаринов.

Нүл смотрит на труп катафрактия.

--- Это сделали они?

--- Они, --- соглашается Тем. --- Убили моего наблюдателя, убили членов моего отряда, а затем захватили спидер. Один из них был капитаном.

--- Почему ты их не остановил? --- спрашивает Нүл.

--- Их не смог остановить катафрактий, --- изумленно произносит Тем. --- С чего вы взяли, что я бы смог?

Он обрывает себя.

--- Прошу прощения, маджир. Это были легионеры. У нас не было средств.

--- Ты оставался на позиции с томенга нападения, ожидая подкрепления?

--- Да, маджир.

Ултор Нүл поднимает варп-склянку.

Он говорит в нее, предупреждая офицеров подразделений, что в этой части костюма на свободе как минимум еще две единицы элиты противника.

--- Возможно, у них есть транспорт, --- добавляет он.

Нул смотрит на членов своего отделения.

--- Их нужно выследить, --- просто говорит он.

Келтер, один из его людей, кивает и вызывает ищейку. Ему приходится пользоваться электрическим стрекалом. Ищейка злится и не подчиняется.

Она размером примерно со взрослого тастифа, но более грузная и не принадлежит к собачьим. Она рычит и сопит, капая слизью из раздувающихся черных ноздрей.

--- Нам нужно что-то, чего они не касались, --- произносит Нул.

--- Капитан прикасался ко мне, --- отвечает Тем. --- Он сбил меня с ног...

Он все еще говорит, когда до него доходит, что он идиот.

Нүл глядит на него и кивает.

--- Магжир, нет... --- начинает Тем.

Щейка бросается вперед. Она оказывается возле него. Тем вопит, когда она начинает пожирать его заживо.

--- Проба взята, --- говорит Келтер. Он стаскивает щейку с воина Каул Мандори.

Тем не мертв. Он должен быть мертв. Обязан. Из него выгрызено слишком много, чтобы он смог вернуться к жизни. Он не в силах говорить. Не в силах даже как-то иначе выразить захлестывающую его тьму, он лишь дергает лишенными пальцев руками и трясет тем, что осталось от его челюсти.

Щейка приходит в движение, ведомая психоощущением, которое она поглотила. Несущие Слово идут следом.

--- А он? --- спрашивает один из них у Улмора Нүла, указывая на подергивающиеся останки. --- Ты мог бы положить конец его страданиям.

--- Мы извлекаем из боли уроки, --- отвечает Нүл, --- а милосердие --- пустая трата боеприпасов.

Капитан Ультратарина достойно
бьется. Оказавшись в углу и находясь в
меньшинстве, он старается нанести как
можно больше ущерба, прежде чем
наступит неизбежное.

Его убивает Сорот Чур. Он
всаживает два массреактивных заряда в
переборку позади Ультрадесантника, и
сила взрывов в замкнутом пространстве
вышибает кобальтово-синюю фигуру из-за
укрытия.

Тот пытается подняться, но уже
слишком поздно. Третий выстрел сносит
ему голову.

Чур идет обратно в главный пункт
управления станцией. Он отправляет своих
отделения собирать пленников-людей или
вытаскивать тела мертвых врагов. В
воздухе висит поблескивающий синий дым.
Станция «Зетсун Верид» захвачена.

Потребовалось больше времени, чем
ожидалось. Это раздражает Чура. Он
надеялся, что полная внезапность лишит
Тринадцатый воли к сражению, однако те
держались.

Единственным утешением является то, что теневые магосы также вышли за рамки собственных прогнозов. Они все еще трудятся, перекалибровывая основные системы станции. Им достанется большая часть неудовольствия Кор Фаэрона.

В главном пункте управления некоторые магосы орудуя электроинструментами, снимают плиты пола и стенные панели, чтобы добраться до пучков кабелей. Другие осуществляют более тонкую работу, прощупывая запутанные схемы при помощи высокоточных инструментов, многие из которых сращены с их пальцами. Несколько агентов подключились напрямую через разъемы ММУ к импровизированной ноосферной среде, в которой они смогут восстанавливать разрушенную сеть манифольда станции. Они купаются в теплой сущности кода Октета, свободно гуляющего по системам.

Магистр Веры Кор Фаэрон не гневается. Чур обнаруживает его в диспетчерском пункте над основным залом — застекленной латунной коробке, похожей

на церковную исповедальню. Он читает грубо переплетенную книгу. «Книгу Лоргара». Разумеется, это не вся книга, а лишь один ее том. «Книга Лоргара» занимает целый стек данных, а от руки переписана в девять тысяч семьсот пятьдесят два тома. Их число постоянно возрастает. Кор Фазрон лично собрал десяти тысячный штат рубрикаторов и писцов для копирования книги и увеличения числа копий. Предполагается, что каждый из старших офицеров Семнадцатого и назначенных Несущими Слово повелителей планет обладает таким набором и изучает его. Чур понимает, что также готовятся комплекты для каждого из примархов, поклявшихся в верности Хорусу. Копии копий копий. Экземпляр Пертурabo будет отправлен в гравированную сталь. Фүлгрита — в живую плоть. Альфарию преподнесут две редакции, слегка отличающиеся друг от друга.

Комплект Хоруса будет переплетен в содранную кожу жертв предательства легионеров.

Копии копий копий. Лорзар построчно проверяет каждую версию. Ошибки в написании караются смертью, а то и хуже. Всего за день до того, как они перенесли в Веридийскую систему, один из рубрикаторов был вынужден пропустить точку.

Чур входит в диспетчерскую. Подождя ближе, он видит, что книга, которую читает Кор Фазрон, — контрольный экземпляр, одно из изначальных писаний. Написано собственной рукой притарха прямо по мере сочинения. Это новейший том, готовый к распространению. Кор Фазрон всегда лично и тщательно изучает свежие выпуски, прежде чем передать их своему персоналу для копирования, архивирования и публикации.

Кор Фазрон читает секреты, которых никто еще не видел.

— Прошу извинить за задержку, — произносит Чур.

Кор Фазрон качает головой, поднимая руку с когтями и продолжая читать.

— Магосы дали объяснения, — говорит

он. -- Устроенное нами опустошение ноосферы Калта оказалось более основательным, чем мы рассчитывали. Нужно многое восстановить. Как я понимаю, еще десять минут.

-- Я буду счастлив, когда вы благополучно вернетесь на борт вашего корабля, повелитель, -- произносит Чур.

На этот раз Кор Фазрон поднимает глаза. Он улыбается.

-- Твоя забота отмечена. Однако здесь я в безопасности, Сорот.

Он выглядит еще более болезненным, чем обычно. Вокруг него мерцает ореол грязного света эмпиреев. Чур видит, как сквозь кожу вспыхивают проступают кости, словно от прерывистых рентгеновских лучей. Кор Фазрон поддерживает обширное варп-колдовство.

-- Подожди, Сорот, -- произносит он. -- Почитай вместе со мной.

Сорот Чур делает шаг к пульту и заглядывает в раскрытую книгу. Он отмечает изощренную красоту почерка. На страницах почти нет чистого места.

-- Он пользуется стилусом. У

чернилами, — говорит Кор Фазэрон, словно поражаясь этому. — В наши дни, в наше время. Стилус. Разумеется, я заставляю рубрикаторов поступать так же.

--- Я слышал, что...

Кор Фазэрон смотрит на него.

--- Что, Сором?

--- Я собирался сказать, повелитель, что слышал, будто Жиллиман также пользуется стилусом.

--- Именно так. Кто тебе об этом сказал?

--- Люциель.

--- Тот, кого ты убил?

--- Да, первая жертва.

--- Он был твоим другом.

--- Именно в этом ценность его смерти, — произносит Чур.

--- Да, думаю, что Роберт Жиллиман пользуется стилусом, — говорит Кор Фазэрон. — Он пишет. Много пишет, как мне говорили. Впрочем, там не много смысла. Он пишет... трактат. О ведении войны. О технике сражения. О теории боя. Детские проблемы. У него явно нет ни энергии, ни силы характера. И никакого

интереса к метафизическим вопросам, которые занимают более достойные умы. Наш возлюбленный примарх уже знает об убийстве все, что только возможно. У него нет необходимости записывать это. Принципы просты. Именно потому он способен выйти за рамки грубого практицизма и тратить свои время и энергию на обдумывание великих тайн функционирования этой и прочих вселенных. Природа существования.

Кор Фазрон смотрит на него.

--- Тебе известно, что Лорзар просто записывает то, что ему диктуют? То, что нашептывают ему и только ему?

--- Боги? --- спрашивает Чур.

--- Силы Восьмерки, --- отвечает Кор Фазрон. --- Глашатаи пустоты и голоса бездны. Изначальный Уничтожитель из самой глотки варна.

Снаружи зовут. Магосы завершили работу.

Кор Фазрон закрывает книгу и поднимается на ноги.

--- Воспользуется их славным трудом, а? --- спрашивает он.

[отметка: 4.55.34]

Перезапущенные телными
Механизм системы станции «Зетсун
Вериг» включаются. Информационная
машина возобновляет работу.
Зафиксировав, что планетарная
оружейная сеть неактивна, а
неактивность вызвана необъяснимой
потерей центра информационных машин,
размещенного на борту Калтского
Веригийского опорного пункта, машина
автоматически выполняет протокол и
берет на себя управление, подбирая
брошенные бразды управления сетевой
системой. На «Зетсун Вериг» находится
один из усовершенствованных машинных
центров, способный в аварийной ситуации
заменить основной орбитальный центр.

Оружейная сеть Калта снова
включается. Ее манифольд
перезапускается.

Кор Фазрон обзревает работу,
наблюдая, насколько крепко встроены в
архитектуру ноосферы мусорный код
Октета. Он определяет цель, и магосы

поспешно загаяют и фиксируют координаты.

Все боевые орбитальные платформы, а также несколько станций наземного базирования, включая полярные установки, активизируются и начинают наведение, пока их источники энергии набирают мощность.

Проходит примерно десять минут, пока по всей глине главного пульты центрального управления не начинают мерцать зеленым сигналы подтверждения полномочий.

--- Разрешение на цель получено, --- докладывает старший магос, на фоне его плотского голоса пощелкивает двоиный тусклый код.

--- Можете стрелять, когда будете готовы, --- произносит Кор Фазрон.

Мерцание. Вспышка. С Калта и его орбитальных станций срываються лучи когерентной энергии, лучи неравномерной мощности.

Калт обладает оружейной сетью, которая способна сдержатъ целый экспедиционный флот или основную боевую

группировку. Лишь сегодня ее удалось обойти при помощи коварнейшего и искуснейшего предательства.

Оружейная сеть дает залпы. Калта начинает уничтожать соседние планеты Веригийской системы.

Он начинает с массивного астероидного мира, который обращается вокруг системы по ту сторону лун Калта. Астероид Аламаста — остаток планеты, которая когда-то занимала это место на орбите. Теперь это скала размером с крупный спутник.

Ее больше не называют Аламастой. Она известна как кузница «Веригия». Это основная станция Механикум в системе и самый значимый промышленный пункт в шести системах.

Кузница «Веригия» беззащитна, ее системы разрушены тем же мусорным кодом, что вывел из строя сеть Калта.

У нее нет щитов, нет оружия быстрого реагирования и нет возможностей для маневра.

Оружейной сети требуются четыре продолжительных удара. Первые два

выжигают скалистую поверхность и уничтожают рокрытые укрепления с адмантиевыми бастионами. Третий вскрывает главную фабрику и воспламеняет системы питания реактора тира-кузницы.

От четвертого кузница «Веридия» взрывается, словно новорожденная звезда.

Следующие восемнадцать минут у Калта нет ночной стороны.

[отметка: 5.46.19]

Вентан рывком бросает спидер назад. Аусник сломан и бесполезен. Он увидел оружейный транспортер, только свернув за угол.

Спидер разворачивается на эллинге с такой силой, что Вентан и Селатон накрываются вперед в своих креслах. Уже нагоняют выстрелы. Беглый огонь транспортера с гравитационной компенсацией --- четырехпушечного чудовища --- рвет в клочья сараи и складские блоки вокруг. Грузовые сооружения и пакгаузы с боеприпасами взрываются и разлетаются на части. Рокровые стены содрогаются, с них сыпется пыль от стремительно пробивающих их выстрелов. Окна рассыпаются.

--- И не сюда, --- произносит Вентан.

--- Согласен, --- отзывается Селатон. У него на коленях лежит автомашинка, и он проверяет подачу зарядов. В магазине их

осталось немного.

Вентан сворачивает влево, и они ползут вниз по сырому рокристовому туннелю, проскальзывают между двух огромных аэрокосмических заводов и обгибают по периметру горящую налоговую станцию. Повсюду лежат тела. У гражданские, и Армия, и слишком много Ультратаринов, чтобы у Вентана сохранился хотя бы слабый оптимизм. Люди мертвы, а их оружие все еще в ножнах или в кобурах. Убиты, не успев посмотреть смерти в лицо.

Дороги и магистрали окаймляют груды кобальтово-синих госпехов --- безвольные трупы в истертой броне. Некоторые, как гроба, сложены у заборов и стен. Некоторые вскрыты и опустошены. Нескольких распяли на столбах или металлических стенах зданий.

Кажется, будто некоторых раздвигали или даже... поедали.

Вентан не понимает этого. Он предполагает, что они стали жертвой какого-то разрывного оружия, недавно появившегося в арсенале Семнадцатого.

Теоретически. Это лучшая из
теоретических возможностей. Вентан
надеется, что так окажется и на
практике. Прочие теоретические
альтернативы слишком неблагоприятны,
чтобы их рассматривать. Несущие Слово
состоят в союзе с какой-то расой
плотоядных ксеноформ. Несущие Слово
предаются ритуальному каннибализму...

Вентану не требуется
дополнительных причин, чтобы наслерть
биться с Несущими Слово. Нанесенный
Калту и Тринадцатому ущерб ---
достаточное основание. Предательство ---
достаточное основание. Безостановочная и
беспощадная атака с нарушением всех
правил --- этого довольно.

Однако после такого осквернения
данный казус белли выходит на совершенно
новый уровень. Это уже не война, это
военное преступление. Оно попирает и
позорит законы и заповеди Легионес
Астартес --- законы и заповеди, которые
установил прародитель-Император.
Несущие Слово извратили облик
истинного и законного пути Империи и

нравственные нормы человечества.

Тут и там Вентан замечает символы, намалеванные на стенах, предположительно кровью. Восьмиконечные звезды и иные эмблемы, с которыми он не знаком и от вида которых ему делается неуютно.

Поверх пыления двигателя спидера — пыления, к которому прилепляется тревожный лязгающий звук, — Вентан слышит грохот других оружийных транспортеров, движущихся по окрестным улицам. Они находятся в промышленной полосе между космопортом и городом. Вентан отчаянно пытается найти дорогу, по которой они смогут прорваться и двинуться на северо-запад, в Эрүг. Его основная забота — восстановить контакт со своей ротой и другими подразделениями на сборах в Эрүге. Если они перенесли это и остались целыми или относительно целыми, он намеревается сделать их оружием контракти.

Над всем городом и портом колыхается мгла. Это огромное количество дыма, смешанного с туманом.

И нар. Марево затягивает горизонт, закрывая бассейн реки и превращая миллионы отдельных огней в неяркие оранжевые кляксы. Вентану доводилось видеть подобный феномен раньше, когда крупные объемы воды моментально испарялись мощным энергетическим разрядом. На городской низине конденсируется мертвый океан.

Они огибают очередной угол и видят, что по грузовому проезду впереди двинутся шестеро Несущих Слово. Те окликают их, а затем открывают огонь.

Спидер трясется от попаданий, они дают задний ход. Броня довольно прочная, но Вентан знает, что ей изрядно досталось. Он скользит назад, надеясь развернуться на плотном грунте перед заводским складом и найти другой путь. Но нил начинают стрелять новые Несущие Слово, ведущие огонь с наземного перехода и балочного моста между двутя фабриками. Массреактивный заряд разрывается о борт кабины там, где крыша уже разорвана и отогнута назад. От сотрясения Селатон сильно

наклоняется.

Еще немного — и они не смогут развернуться.

Вентан сдает назад быстрее. Он сбивает двух Несущих Слово, возникших позади. Фигуры в алых доспехах отлетают от репульсоров на бронированной корме спидера и падают, с визгом подпрыгивая на рокрите.

Но он не может просто переехать оружийный транспортер, который выкатывается перед их кормой. Тот вдвое больше по размерам, вдвое тяжелее и начинает поворачивать квадригу пушек, целясь в них.

— Давай! — кричит Селатон. — Давай! Через них!

Вентан снова бросает спидер вперед, запуская тягу. Он сбивает одного из Несущих Слово, которых они уже один раз отшвырнули с дороги. Дикарь пробовал восстановить равновесие. Переднее правое крыло сильно бьет его усиленной предохранительной решеткой, заставляя согнуться пополам, и отбрасывает вбок. Он вертится и приземляется так, что видно,

как рвется спинной мозг.

Селатон приподнимается на сиденье, пристраивая автомашку на раму стекла. Они направляются прямо на отделение Несущих Слово, которое отрезало их от грузового проезда. Они несутся сквозь град огня, хлещущий с балочного моста и наземного перехода. Заряды врезаются в землю вокруг них, выбивая фонтанчики огня и гальки. Другие бьют по кузову, будто сваябойный копер.

Селатон начинает стрелять из пушки. Если учесть неподготовленность, он выбирает хороший угол и строчит по балочному мосту, разрывая перекладины перил и разнося на куски металлическую балюстраду. Он сшибает двух вражеских стрелков с ног, а затем попадает по третьему. Вентан видит, как шлем взрывается, словно красная сигнальная ракета. Убитый падает с моста и врезается в землю через секунду после того, как они проезжают внизу.

Селатон опускает прицел и срезает одного из солдат на земле. Вторная пушка изжевывает фигуру, кромсая ее,

будто мешок с мясом и металлической соломой. Прочие остаются на месте, паля прямо по ним. Вентан, не дернувшись, замечает, как массреактивный заряд пролетает через кабину между их головами и выходит через заднюю амбразуру.

Он сбивает одного из Несущих Слово, перебрасывая его назад через тчащийся спидер. Затем налетает на еще одного, приняв его на бронированную защитную решетку. Верхняя часть тела распластывается по носу, ноги оказываются под машиной. Спидер выбрасывает из-под днища огромный снаряд искр, продолжая убийство и стирая пятки с лодыжками тяжелой боевой брони «Максимус-III» расплющенного Несущего Слово. Раздается ужасающий скрип и визг. Вентан не в состоянии сбросить человека.

Впереди на грузовой проезд рушится стена, и в пролом с грохотом выезжает алый «Лэндрейджер», корпус которого покачивается на щебне, оставшемся от разрушенного здания. Машина разворачивается, наводя орудийные

установки.

Вентан уходит влево. Других вариантов нет. Он таранит сделанную из металлических листов стену склада и прорывается прямо сквозь него, чтобы избежать шквального огня «Лэнгрейдера». Сила удара приходится на прижатого к носу Несущего Слово. Если он еще и не был мертв, то теперь уж точно.

Но и спидер тоже. Столкновение добило тяговый реактор. Он начинает кашлять и скрежетать, испуская дым из вентиляционных отверстий. Спидер двинется по инерции и замирает во траке склада.

Вентан и Селатон выскакивают. У Селатона автомаша и последний оставшийся магазин боеприпасов. Вентан берет штандарт, затем останавливается и возвращается, чтобы забрать болтер из мертвой хватки Несущего Слово, который теперь едва ли не вплавлен в искореженный нос. Ниже пояса от него мало что осталось. Чувствуется запах перегретого металла и прожаренного костного мозга.

Первые Несущие Слово пробуют прорваться внутрь через пробитую спидером дыру. Селатон обстреливает их, срезая двоих и проделывая в стене еще больше отверстий, через которые льется свет.

Магазин израсходован. Он бросает пущу и извлекает болтер.

Они начинают отступать по захлещенному пространству склада, обмениваясь выстрелами с Несущими Слово, которые прорываются через проход. Болтерные заряды с шипением летят в разные стороны. Вентан попадает, но не уверен, убил ли, наверняка. У противника абсолютный численный перевес.

Он ждет, что стена рухнет внутрь и склад будет атакован «Лэнгрейджером», который охотится за ними. Он слышит, как тот движется снаружи, с грохотом набирая скорость.

Внезапно там происходит ошеломляющий взрыв. На секунду на склад врывается яркая вспышка — через каждую щель, пулевые отверстия и окно. Здание сотрясается, и стену пробивают

жужжащие куски раскаленных деталей машины и обломков брони.

Вентан и Селатон поднимаются. Влобившиеся в проем следом за ними Несущие Слово тоже встают на ноги. Они пытаются снова зафиксировать целеуказатели на бегущих Ультратаринах, однако они сбиты с толку. Что это был за взрыв? Что-то только что прикончило «Лэндрейджер»?

Пока они разворачиваются, жгучие пучки плазмы рассекают трак и режут их на куски. Сверкающие зеленые лучи снова и снова проплавливают отверстия в доспехах и заставляют шлемы лопаться, как воздушные шарик.

Вентан и Селатон пытаются в укрытие, держа оружие наготове.

Волоча мощные плазменные бластеры ближнего боя, здание заполняют скитарии Механикум. Не пытаясь играть в милосердие, они добивают всех Несущих Слово, кто не был убит сразу.

Грозных бойцов Механикум несколько десятков.

— Воины Тринадцатого, — передает

одни из них в режиме грохота
оповещения. --- Назовитесь. Попрошайтесь,
время против нас.

Вентан встает, поднимая
потрепанный штандарт.

--- Ред Вентан, Четвертая рота, ---
объявляет он.

Командующий скитариями выходит
навстречу. Это уродливый, покрытый
шрамами могучий ветеран в отпугивающе
яркой боевой экипировке. Одна из красных
глазных прорезей на темном лицевом
щитке мерцает.

--- Арүк Сертоуг, Калкасская когорта
скитариев, --- откликается он. Голос
слегка запинаясь, словно он не привык
разговаривать. --- Мы поняли по
активности Несущих Слово, что
неподалеку должны быть силы
Тринадцатого. Вас всего двое?

--- Да. Благодарим за вмешательство.

--- Оно ничего не будет значить, если
мы тут задержимся, капитан, ---
отвечает Арүк. --- У нас достаточно
огневой мощи для нападения на небольшое
отделение, одну-две машины. Но резервы

энергии ограничены, и мы не можем справиться с большими силами противника.

--- Вы можете вывести нас отсюда? --- спрашивает Вентан.

--- Мы можем отвести вас к нашему старшему магосу, --- говорит Арүк. --- Мы надеялись, что сможем начать координировать сопротивление.

Вентан кивает. Скитариин направляются к ближайшему выходу.

Арүк замечает штандарт, который несет Вентан.

--- Лишний груз, --- произносит он. --- Нет необходимости его брать.

--- Еще как есть, --- отвечает Селатон.

[отметка: 6.12.33]

Она пользуется плотским голосом.

--- Я Меер Эгв Таүрен, --- произносит она. --- Я занимаю пост магоса. Я действующий сервер управления Калта/Нүтина.

--- Похоже, тут уже особенно нечем управлять, --- замечает Вентан.

--- Верно, --- отвечает Таурен. ---
Ужасный день. Обе наши организации
ужасно пострадали...

--- Весь Империят ужасно пострадал, ---
говорит Вентан. --- Более того,
произошло нечто гораздо более страшное.
По причинам, которые мне неизвестны,
Несущие Слово восстали против нас. Они
развязали открытую войну против Калта,
против Тринадцатого, Пятисот Миров
Ультратара и Империята человечества.

Магос кивает. Она высокая и
мрачная. Церемониальное должностное
одеяние изорвано, покрыто грязью и
задубело от кровавых пятен. Совсем
недавно кто-то умер, пока она баюкала его
на руках.

Они стоят в подземной цистерне в
нескольких сотнях метров от основной
магистралей Нутина. Это влажная пещера,
сток для речных вод на случай наводнения.
Арүк предположил, что плотность
покрыта у них над головой сложет
помешать системам обнаружения,
которые пользуются Несущие Слово.

--- Мой непосредственный начальник

мертв, — произносит Таурен. — Мы
вынесли его из Сторожевой Башни в
момент падения корабля, но для него было
уже слишком поздно. Ответственность за
командование и координацию ложится на
меня.

— Какими ресурсами мы
располагаем? — спрашивает Вентан.

— У меня примерно триста
скитариев с переносным оружием и
некоторым количеством легкой
поддержки, — отвечает она, — и это число
возрастает по мере того, как мы выходим
на связь с прочими группами выживших. У
нас нет сети манифольда, нет ноосферы и
абсолютно никакого контроля за работой
информационных машин оружейной сети
Веридийской системы.

— Совсем никакого?

Она качает головой.

— Мы заражены мусорным кодом, это
произошло непосредственно перед началом
боевых действий. Мы полагаем, что
Семнадцатый легион сознательно внедрил
чуму в ноосферу Калта перед атакой,
чтобы дестабилизировать, а затем

парализовать самооборону Механикум.

--- С каких это пор легион технологически превосходит Механикум, магос? --- интересуется Вентан.

--- С сегодняшнего дня, капитан.

--- Стало быть... этот мусорный код был для вас внове?

--- Он не был похож ни на что из того, с чем мы сталкивались раньше. Это вообще не кодовый язык. Другой принцип. Мы до сих пор не понимаем, что это такое и как оно работает.

--- Еще одно свидетельство того, что это было спланировано и организовано заранее, --- говорит Селатон.

Все молчат. На какое-то мгновение единственный звук --- капанье грязной воды из водосливного канала.

--- Что вы намереваетесь делать? --- спрашивает Вентан.

Таурен смотрит на него.

--- Я воспользуюсь всеми доступными мне средствами, чтобы восстановить контроль над информационными машинами. Вытеснить врага из наших систем и вернуть себе ноосферу.

возрастает по мере того, как вы связываетесь с другими группами выживших. Как вы с ними связываетесь?

Вокса нет.

--- Это так, но у скитариев есть выделенный аварийный манифольд, кризисный резерв, --- говорит Таурен. --- Арүк переключился на усиленную систему военного кода своей бригады. Дуаназон ограничен, зато безопасен.

--- У вас есть ограниченная безопасная связь? --- спрашивает Вентан.

Она кивает.

--- Мне нужно связаться с командованием легиона, --- произносит он.

--- Невозможно, --- отзывается Арүк. --- Нет контакта с орбитой.

--- В таком случае мне необходимо связаться со своей ротой, --- парирует Вентан. --- На сборах в Эрүде присутствуют подразделения скитариев при поддержке Механикум. Мне нужно выйти с ними на связь.

--- Станция Эрүд? --- повторяет Арүк. Он пристально глядит на сервера красными глазами. Один из них мерцает.

вре́мя от вре́мени угаса́я и загора́ясь.

--- Разумеется, --- произносит она.

Вентан раскрывает прорезь на манжете госнеха и активирует маленькую гололитическую карту. Он изучает местность, прокручивая ее туда-сюда. Селатон смотрит через его плечо.

--- Теоретически, --- говорит Вентан, --- если мы приведем личный состав в движение, то стоим встретиться. Где-то здесь. На равнинах Деры. Возможно, в Зетайе.

--- Она пригодна для обороны, но открыта с запада, --- замечает Селатон. --- Возможно, Лернея надежнее.

--- Они будут слишком уязвимы при пересечении долины, --- отвечает Вентан. Он меняет проекцию.

--- А что насчет Мелатиса? Он удобно расположен и является агробазой. Если судьба на нашей стороне, его не задело первым ударом. Не слишком важное, но все же преимущество.

--- Похоже, сегодня судьба не слишком-то на нашей стороне, капитан, --- говорит Селатон.

--- О чем ты, Куз? --- резко произносит Вентан. --- Мы же здесь, не так ли?

Он разворачивается к Арүк и Таүрен.

--- Когда наладите связь, я смогу дать вам код авторизации, чтобы меня опознали. Постарайтесь выяснить, с кем говорите. В идеале --- капитан Сиганс или капитан Яул. Мне нужно, чтобы они привели все подразделения, которые находятся в их распоряжении, на равнины к Мелатису. Я встречу их там.

--- Вы намереваетесь двигаться к Мелатису по земле? --- спрашивает Таүрен.

--- Да, --- просто отвечает Вентан.

--- Возможно, это слишком амбициозный план, --- мягко произносит она.

--- Мощная бомбардировка к северу от реки, --- говорит Арүк. --- Они захватили магистраль. Враг также собирает большое количество техники вдоль Неридского вала.

--- Титаны? --- спрашивает Вентан.

Арүк колеблется.

--- Меня это тоже шокирует, сэр, ---
напряженно произносит он. --- Понятия не
имею, каким образом какая-либо из машин
Механикул могла стать жертвой столь
ужасающей порчи. Похоже, верность и
преданность сейчас в дефиците.

--- Лептий Нутин, --- произносит
Таурен.

Они смотрят на нее.

--- Старый губернаторский дворец на
равнинах, --- поясняет она. --- Он был одним
из первых в моем списке возможных
пунктов назначения. Во дворце есть
неактивная, однако рабочая
информационная машина, а также вокс-
система большого диапазона. Ни то ни
другое не работает, когда губернатора
нет в резиденции, однако их обслуживают.
Я надеялась, что, поскольку обе системы
были отключены, они могли избежать
заражения мусорным кодом и
электромагнитных повреждений.

--- Мы сможем связаться с флотом? ---
интересуется Вентан.

--- Если заставит их работать, ---
соглашается она, --- то сможем связаться с

флотом.

--- Мы уже выбрали Лептий Нутин как наиболее подходящий вариант, --- говорит Арүк. --- Дополнительным преимуществом является то, что благодаря подземной сети туда легче добраться, чем до какой-либо из открытых целей на равнинах.

--- Это часть аркологии Калта? --- спрашивает Вентан. Он напоминает, что планету пронизывают крупные системы естественных пещер, многие из которых обустроиваются под жилье. Они иногда используются в качестве убежища для населения, когда здешняя звезда проходит нечастые периоды максимальной солнечной активности.

--- Не всей, только ответвления, --- отвечает Таүрен. --- Первые губернаторы создали безопасное подземное сообщение между городом и дворцом.

--- Военная поддержка Тринадцатого легиона в Лептии будет чрезвычайно полезна, пока мы будем осуществлять программу восстановления, --- произносит Арүк.

Он смотрит на Вентана. Поврежденный красный глаз мерцает. Он гаснет и вновь загорается. Вентан слышит исходящее из кибернетики Арука бормотание бинарного кантирования.

--- Я установил контакт, --- говорит тот. --- Есть соединение с командиром скитариев Гаргозом. Вместе с Гаргозом ваш капитан Сиганс.

--- Каково положение дел? --- спрашивает Вентан. --- Спросите его, какова ситуация.

Бинарное потрескивание.

--- Неприятная, --- передает Арук. --- Место сбора подверглось бомбардировке. Много убитых. Уцелело очень мало техники и транспорта. Сиганс сообщает, что силы Четвертой роты Ультратарина, а также восьми других сумели укрыться в районе вала Браксаса. Приблизительно семьсот человек. Они готовы следовать вашим указаниям.

Арук смотрит прямо на Вентана.

--- Капитан Сиганс особенно хочет подчеркнуть, что он рад вас слышать. Он рад узнать, что вы живы.

--- Скажи ему, где им нужно быть.
Попроси выяснить, какие еще силы он
может мобилизовать. Как командующий
сборами, я санкционирую перемещение
войск. Попроси его сообщить оценочное
время прибытия.

Арук кивает и транслирует.

--- Нам понадобится тайный пароль, ---
произносит Селатон.

Вентан задумывается.

--- Они вскрыли все. Взломали код
Механикум, --- говорит Селатон. --- Нельзя
доверять даже нашим кодам авторизации.

Вентан кивает.

--- Скажи Сидансу, что он может
доверять только сообщениям от того,
кому известно количество разрисованных
эльдар. Скажи, что я поверю только тому
же самому.

--- Сделано, --- произносит Арук. --- Что
это означает?

Вентан не отвечает.

--- Скажи ему, что я встречу с ним в
Лептии Нутине через несколько часов, ---
говорит он.

[отметка: 6.59.66]

Магистр ордена Марий Гейдж
врезается в переборку и сползает по ней с
влажным скрипом, оставляя за собой
кровавый след.

Он ранен чем-то отравленным. Яд
подавляет трансчеловеческие факторы
свертывания крови. Гейдж чувствует, как
тело борется с лихорадкой.

Чувствует, как разум борется со
страхом.

Это не страх перед смертью или
болью. Даже не страх перед неудачей.

Это ослабляющая тревога перед
лицом неизвестного.

То, что человечеству пришлось
преодолеть, чтобы выйти наружу из
пещеры, чтобы отправиться в
путешествие в другие миры. То, что
человечеству пришлось преодолеть, чтобы
отпугнуть ксеносов и коштары, таившиеся
в Древней Ночи.

Тот страх, без которого был рожден

этого рога.

Это изумляет его.

Он полагал, что видел все. У него была долгая и успешная карьера. Подтверждением тому является его должность первого магистра ордена. Он был с Ультратарином с самого начала.

Они генетически усовершенствованы, у них ослаблена реакция страха. Они запрограммированы на воздержание от этой слабости, сопротивление критическим и приводящим в ступор потрясениям, которые может вызвать страх. Частью этого программирования является изучение всех угроз и опасностей, всех новых форм ксеносов и мутантов, с которыми Империя может столкнуться в ходе своей внешней экспансии. Ничто не должно становиться неожиданностью. Следует исследовать каждый новый кошмар. Они должны быть готовы ко всем новым возможностям. Нужно вырабатывать иммунитет. Равнодушие. Некоторые говорят, что из-за этого Ультратарины кажутся черствыми, но это всего лишь огрубление сродни тому,

какое может появиться на руках
труженика от упорной работы.

Они не должны дрогнуть. Они должны
быть невосприимчивы к испугу.

Гейдж думал, что так и есть.
Действительно думал. Страх был ему
неведом.

У него на лбу появляются бусинки
пота. Он силится подняться, но не может.
Вот и урок, думает он, практическое
применение теоретических знаний. Наша
слабость в гордости. В чрезмерной
самонадеянности. Мы настолько уверены в
себе и своем хваленом бесстрашии, что
становится уязвимыми из-за убеждения,
будто в галактике больше нет ничего
такого, что способно нас напугать.

Гейдж уверен, что Жиллиман уже
думал об этом. Уверен, что Жиллиман
уже записал эту идею где-нибудь в своих
заметках по кодификации. Трех
чрезмерной самонадеянности. Да,
Жиллиман определенно предостерегал
против него в своих текстах. Он
наставлял Тринадцатый не присваивать
себе превосходства над чем бы то ни было.

включая страх, поскольку это
ментально порождает уязвимость.

Теперь Гейдж думает, что припарх
наверняка говорил об этом несколько раз.

Наверняка. Наверняка говорил.

Он говорил.

Его предупреждали. Предупреждали об
этом.

А если нет. Если. Если нет, то в
этом случае Гейдж надеется, что
сможет... Сможет указать на это
Жиллиману. Указать позже.

Только. Только никакого «позже»
может уже не быть.

Жиллиман.

На мостике, когда... Мостик только
что...

Существо. Эта тварь.

Так много крови. Затем прорыв в
пустоту. Эта тварь. Возможности
может уже не быть. Жиллиман.
Жиллиман может... Его затянуло в
костос, когда окна разлетелись.

Он может быть...

Жиллиман может быть уже мертв.

Эта тварь.

Проклятая тварь.

Он...

...возвращается из черноты. В горле
едкая желчь. В глазах слезы.
Мучительная боль в спине и ребрах ---
там, куда его ударила тварь.

Он потерял сознание. Потерял
сознание. Соскользнул в красный туман
беспмятства, когда токсины на
мгновение пересилили его.

Гейдж тяжело дышит. Каждый
толчок легких --- как огонь в горле. Он
смотрит в глубину вестибюля.

В воздухе дым. Он движется вдоль
потолка, словно река, гонимый
непрерывным ветром. Воздушные насосы
флагмана пытаются восстановить
атмосферное давление на борту после
прорыва на мостике. Вспыхивают
предупреждающие лампы. В пяти метрах
от себя он видит мертвого
Ультратарина. Голова товарища
неестественно вывернута. Позади него,
прислонившись к переборке, сидят три
офицера мостика, которые привалились
друг к другу, будто грузы, вернувшиеся с

ночной попойки в увольнительной. Они полностью покрыты кровью, как будто их покрасили, не считая белков остекленевших вытаращенных глаз.

За нити лежит окровавленная грудная клетка с одной рукой. Дальше второй Ультрамарин, разделенный вголь, будто волокнистое семечко.

А затем он видит тварь.

Гейдж не уверен, находится ли на местности тварь, та тварь, которая... убила Жиллимана... Гейдж не уверен, была ли это одна тварь или множество одинаковых. Направляющаяся к нему тварь может быть одной из многих или даже частью целого.

Она почти человекообразна и вдвое превышает размером легионера. Пропорции как у обезьяны, хотя подлинные очертания трудно различить. Кажется, что вокруг нее деформируется пространство. Воздух гниет. Она движется, словно нереальный туман, словно текучий черный поток кошмара из самых глубоких подземных недр.

Она шаркает на четвереньках, словно

огромный припат, массивные руки похожи на стволы деревьев. Она покрыта черной щетиной, как мясная туша, однако кожа под грубой шерстью переливается радугой.

У нее нет глаз. Голова — сплошные челюсти. Лицо — сморщенный лоскут серой кожи, который туго натянут на деформированный человеческий череп, пустые глазницы похожи на лунные кратеры. Из рта высовываются искривленные бивни и крупные желтые зубы, напоминающие острия чеканов. С лишенных губ десен, словно липкий бурый сироп, капает яд.

Она издает сопение. Пахнет аккумуляторной кислотой и сахарной ватой.

Та ли это тварь, что укусила его? Он не хочет, чтобы она снова его кусала. Он загадет, видит ли она его.

Разумеется, она его видит. Он валается на открытом месте, прямо у нее на пути.

Но у нее нет глаз, стало быть...

Тейдж делает глубокий вдох. Он осознает, что из-за отравы его сознание

расплывается. Он знает, что она заставляет его думать о глупых, нелогичных и дурацких вещах. Он знает, что его трансчеловеческий метаболизм борется с ней, но не уверен, сумеет ли тот поддержать верх в этом сражении.

А если и сумеет, то Гейдж не уверен, что победит вовремя.

Тварь прямо рядом с ним.

Он тянется к болтеру.

Оружия давно нет. Он замечает, что на рабочей руке также не хватает нескольких пальцев.

Силовой меч лежит на палубе возле вытянутой левой ноги. Он сгибается и тянется к нему. Вытягивается. Напрягается. Во имя старых богов Терры, у него едва хватает сил, чтобы двигаться!

Гейдж издает непроизвольное разочарованное рычание.

Тварь слышит его. Она поворачивает к нему клыкастую пасть. Слегка наклоняет голову на кошачий манер и резко атакует.

Гейдж кричит от ярости и ужаса. Он выбрасывает правую руку, пытаясь

схватить существо за горло и удерживать на расстоянии вытянутой руки, пока оно не навалилось на него всей массой. Если навалится, он покойник.

Рука не достижает горла. Ему удается вогнать ее твари в пасть по предплечье.

Тварь кусает.

Треск раскалывающейся брони, хруст разрываемых костей предплечья. Она отгрызает ему руку выше запястья. Обильно брызжет кровь. Боль пронизывает руку, словно раскаленная проволока. Гейдж издает вой. Его сердцебиение ускоряется.

Дикая боль настолько подстегивает метаболическую реакцию, что очищает одурманенный разум от ядовитой гылки. Он наносит удар левым кулаком и с хрустом полагает твари в череп сбоку, выбивая два коренных зуба и струю розовой слюны.

Удар отбрасывает тварь назад и вбок. Ее пасть занята его рукой. Гейдж перекачивается, чтобы схватить меч, но тварь стоит на его колене, и он не в состоянии извернуться достаточно далеко.

Она невероятно широко распахивает рот и рвется к его лицу. Он видит, как откушенная рука проваливается в пищевод.

Голубой разряд отшвыривает тварь в сторону. Все ближайшие поверхности, включая лицо Гейджа, внезапно покрывает черный ихор. Тварь повержена, глубоко рассечена. Над Гейджем стоит Ультратарин. Это сержант в потрепанных доспехах. Шлем окрашен в красный цвет, указывая, что он призван к дисциплинарному взысканию. В одной руке он держит электромагнитный дульный меч, а в другой — кхлетайский фрикционный топор.

— Возвращайся в ад, — говорит он твари. Та визжит и тянется, черная фигура кружится и меняет форму, словно реальность пытается восстановиться.

Сержант вгоняет в нее топор. Кхлетай, пока их не уничтожили в ходе жестокого приведения Краала к Согласию, делали клинки не толще бумаги, которые рассекали материю на молекулярном уровне. Нанолезвийный топор огромен, крупнее фенрисиjsкой

боевой секiry. Он проходит через тварь, разбрызгивая во все стороны прогнившую кровь.

На всякий случай сержант пронзает ее мечом. От нее остается мокрое место.

Сержант оборачивается.

--- Подтягивайтесь! --- кричит он.

Из коридора поспешно появляется боевой отряд. В нем несколько Ультратаринов, но в основном он состоит из солдат Армии и служащих Флота, есть даже как минимум один кочегар-абхузан. Они вооружены сателитно-разношерстным и экзотическим оружием, какого Гейдж и не встречал за пределами личного арсенала Жиллитана...

О н о все из личного арсенала примарха.

--- Шевелитесь! Занять секцию! --- кричит сержант. --- Брат Керсо, осмотрите следующий коридор. Огнеметы на переднюю линию! Апотекарий Яэр, к магистру ордена! Сейчас же!

Он склоняется над Гейджем, положив оружие на палубу в пределах досягаемости. Вблизи Гейджу видны царапины,

украшающие доспех сержанта.

--- У вас есть аптекарь? --- спрашивает Гейдж шепотом вместо своего прежнего баритона.

--- Уже идет, сэр.

--- Твое имя?

--- Тиель, сэр. Эониг Тиель. Сто тридцать пятая рота.

--- Призванный к дисциплинарному взысканию?

--- Сегодняшний день начинался где-то в другом месте, сэр.

--- Так и есть, Тиель. Отлично сказано. Кто назначил тебя старшим?

--- Я сам себя назначил, сэр. Я ожидал собеседования на сороковой палубе, когда все покатилось в тартарары. Системы подчинения не было. Я решил, что необходимо ее создать.

--- Хорошая работа.

--- Что произошло, сэр? --- спрашивает Тиель. Он слегка отступает назад, позволяя аптекарию начать обрабатывать раны Гейджа.

--- На нас что-то напало. Разнесло весь главный мостик. Некоторых

выбросило наружу. Большого сказать не могу.

--- Кого ты потеряли? --- спрашивает Тиель.

Он лезет не в свое дело, думает Гейдж. Он...

Нет. Он уравновешен. Прагматичен. Бесстрашен. Он задает вопросы, поскольку ему нужно знать ответы.

--- Наверняка --- капитана корабля, --- говорит Гейдж. --- Большинство старших офицеров мостика. Магистра ордена Вареда. Магистра ордена Банзора. Магистра твоего ордена, Антоли.

--- Ужасные потери. Что с примархом?

--- Я не видел его гибели, однако опасаясь худшего, --- отвечает Гейдж.

Тиель какое-то мгновение молчит.

--- Каковы ваши распоряжения, сэр? --- спрашивает он.

--- Какой у тебя был оперативный план, сержант?

--- С точки зрения практики: я пытался собрать и скоординировать силы для боя на борту и начать отбивать

корабль, сэр. Эти демоны повсюду.

--- Демоны, Тиель? Не думаю, что в наше время верят в демонов.

--- В таком случае я не знаю, как вам угодно их называть, сэр, поскольку это не ксеносы. Они ублюдки. Чудовища. Твари варна. Чтобы их убить, требуется все, что у нас есть.

--- Это поэтому ты разграбил коллекцию примарха? --- интересуется Гейдж.

--- Нет. Я разграбил коллекцию примарха из-за Несущих Слово, сэр.

--- Объясни свою логику с точки зрения теории, --- просит Гейдж. --- Подожди, подожди. Апотекарий, помоги мне подняться на ноги.

--- Мой повелитель, вы не в том состоянии, чтобы... --- начинает аптекарий.

--- Проклятье, помоги мне встать, --- огрызается Гейдж.

Они помогают ему подняться. Он нетвердо стоит на ногах. Апотекарий продолжает перевязывать обрубок руки.

--- А теперь продолжай, --- произносит

Гейдж. -- В теории?

-- Нас атакуют Несущие Слово, --
говорит Туель.

-- Да.

-- Эти ублюдочные демоны могут
быть с ними в союзе, могут быть какими-
то существами, которых они подчинили
себе. Или же это они могут
контролировать Семнадцатый. Это,
разумеется, объясняет, почему наши
братья неожиданно выступили против нас.

-- Согласен. Продолжай.

-- Демоны представляют собой
существенную угрозу, однако похоже, что
они... отступают.

-- Отступают? Объясни.

-- Это как отлив, сэр. Их меньше, и
они слабее, чем были час назад. Как будто
они оттягиваются обратно в преисподнюю
варна. Как бы то ни было, возле нас три
крейсера Несущих Слово, и они идут на
абордаж. В течение ближайшего часа они
преодолеют шлюзы и корпус, и нам
придется биться с себе подобными. Это
беспрецедентно. Их преимущество --
внезапность и ошеломление. Нашим

контрпреимуществом должно стать
отсутствие условностей.

--- Подробнее.

--- Ум известно, что мы собой
представляет, поскольку они --- это мы. Ум
известны свойства наших доспехов и
оружия. Также ум известны наши
тактики и военные доктрины, так как
наш возлюбленный примарх сделал свои
кодификации доступными для всех его
братьев. Мы никогда не думали, что
будет необходимо скрывать наши боевые
методы от собственных соратников.
Сегодня мы освободились от иллюзий на
этот счет. Поэтому мы должны
сражаться с ними теми способами,
которых они от нас не ожидают.
Нетрадиционными, импровизированными и
самостоятельно изобретенными. Чтобы
должным образом прославить военные
наставления Робурта Жиллимана, мы
должны на один день отбросить его
правила. Я всегда считал величайшей из
его мудростей примечание 101.X...

Гейдж кивает.

--- Я знаю. «Бой выигрывает то, что

выигрывает бой. В конечном итоге не
следует исключать ничего, если
исключение приводит к поражению».

--- Ученно так, сэр.

--- Приказ «любыми средствами», ---
говорит Гейдж. --- Абсолютное правило о
том, что не существует нерушимых
правил. Знаешь, его всегда мучила эта
идея. Он говорил мне, что часто думал о
том, чтобы удалить это примечание. Он
считал его слишком опасным. Опасался,
что для последующих поколений оно
может стать оправданием любых
действий.

--- Думаю, Семнадцатый уже
обходится без подобных рассуждений, ---
отзывается Тиель. --- Я также призываю
вас не говорить о примархе в прошедшем
времени при людях.

Гейдж спохватывается.

--- Совершенно верно, сержант.

--- Приняты ли мои теория и
практика, сэр? --- спрашивает Тиель.

--- Да. Давайте координироваться. С
кем еще из офицеров мы можем связаться?

--- Есть вероятность, что на

тридцать пятой палубе находится
магистр ордена Эмпион, а на двадцатой ---
капитан Гевмоник.

--- Хорошее начало, --- произносит
Гейдж. Он подбирает упавший силовой меч
и загвигает его в ножны. --- Давайте
згвигаться, пока не кончился день. А этот
фрикционный топор?

--- Сэр?

--- Ум можно работать одной рукой?

Тиель передает ему оружие.

--- Он достаточно легкий, сэр.

--- Веди нас. Прорубится к башне
мостику.

Тиель отдает честь. Он
разворачивается, поднимая свой дуэльный
меч и выкрикивая распоряжения группе
зачистки.

Гейдж бросает взгляд на аптекаря.

--- Мы закончили? --- интересуется он.

--- Я бы предпочел отправить вас в...

--- Яэр, мы закончили?

--- Да, сэр. На текущий момент.

Гейдж взвешивает топор здоровой
рукой.

--- Сержант Тиель. Не знаешь ли ты,

случает, за что он был призван к дисциплинарному взысканию?

--- Знаю, сэр, --- отвечает Яэр. --- Его вышестоящий офицер обнаружил, что он строил теории о том, как сражаться с костогесантниками и побеждать их, сэр. В свое оправдание Тиель заявил, что он выстраивал теории по всем прочим основным противникам и было бы тактическим слепым пятном не знать, как сражаться с легионами. Как я понял, он сказал, что костические гесантники Империи --- величайшие воины галактики, и потому его долгом было понять, как биться с величайшими воинами галактики и одерживать над ними верх. Тиель утверждал, что костогесантники --- единственные оставшиеся противники, которые заслуживают теоретического изучения. Его теории сочли изменническими мыслями, и его направили на флагман для дисциплинарного взыскания.

--- В этом состоял его проступок? --- спрашивает Гейдж.

--- Сейчас это кажется жалким, не

правда ли? --- замечает Яэр.

[отметка: 7.44.02]

Рядовой Бейл Рейн и рядовой Догент Кранк бегут по пылающим улицам, спасая свои жизни. Какое-то время с ними был рядовой Максилуг, но какая-то хреновая тварь из преисподней, нечто такое, чего они даже толком не разглядели, вырвалось из тумана и отгрызло Максилугу голову, так что теперь они сами о себе.

Они живы лишь потому, что тварь была слишком занята поеданием Максилуга. Кровь, на хрен, повсюду.

Рейн до смерти перепуган. Сегодня он увидел все. Все, что только можно увидеть. Все кошмарные представления. Все ужасы, все потрясения. Он видел, как умирают люди. Видел, как умирают грузы. Как горят города, а с неба падают звездолеты. Он увидел столько трупов, сколько вообще нельзя увидеть, как он думал. Видел людей, разорванных на части. Видел демонов в тумане.

Так или иначе, хуже всего, даже хуже, чем демоны, было то, что он видел, как

люди, которые должны были быть
грузьями, которых считали грузьями,
обратились против него с незатумненной
жаждой убийства в глазах. Основание
Империи перевернулось. Основные
догматы верности хрену Трону Терры
снесли и поточились сверху.

Бейл Рейн знает, что смерть может
причинить боль. Война может причинить
боль. Порвать с новообретенной женой и
бросить ее, чтобы отправиться на войну, —
это тоже больно. Чертовски.

Он не предполагал, что
предательство способно причинить такую
боль. Их предали. Калт, примарх
Жиллимана, Ультратар, Императора,
долбанный Империи и Бейла Рейна из
Шестидесят первого Нулинского — всех их
предали.

Рейну хочется кого-нибудь убить за
то, что мир перевернулся вверх
торташкатами. Хочется убить одного из
этих чертовых Несущих Слово, хотя ему
известно, что у него не будет ни единого
шанса, ни на секунду.

Какого хрена они думают? Чего им

наго? Что за ядовитое дерьмо у них в головах, что они решили, будто им следует поступить так?

Кранк отстают. Он устал. Вокруг них туман, и становится нелегко понять, куда идти. У них обоих есть винтовки, «Шлютизаторы», хотя это не то оружие, которое им выдали на сборах. Они подобрали его с трюпов во время бегства. Когда бежали от клятых безбожных подразделений Армии, которые вырезали их полк.

--- Давай, Кранк, --- бормочет Рейн. --- Давай же, Кранки, дружище. Мы должны идти дальше. Должны выбраться отсюда.

Кранк кивает, но он измотан. И он в шоковом состоянии. Рейн не смеет дать ему остановиться или поспать. Он может не проснуться.

Все должно было быть иначе. Это ветеран Кранк должен был подбадривать салагу Рейна. Так это должно работать. Так все было до сегодняшнего дня.

Рейн немного размышляет о Нив. Он думает, что ему нужно пойти отыскать ее и забрать с собой из города. Он убедил

себя, что она в безопасности, забилась в тетюшкин погреб. Но это было до того, как Несущие Слово развернулись, до того, как Несущие Слово и их хреновы язычники-культисты развернулись и начали убивать всех подряд, до того, как выяснилось, что это вовсе не несчастный случай.

До демонов в тумане.

Бейл Рейн знает, что его моральный долг — пойти и отыскать свою юную жену. Он должен пойти и найти ее, а также, если потребуется, и ее хренову тетку, и забрать их из города, пока он не превратился в совершенно мертвое место. Вот и все. Так все это выглядит.

Он говорит Кранку, что натеревается делать.

— Можешь пойти со мной. Не стану тебя осуждать, если ты не хочешь.

Кранк сообщает ему, какой он тупой, но продолжает идти рядом.

Забавно — и Рейн не говорит об этом Кранку, поскольку знает, что это прозвучит странно, — однако забавно то, что Рейну не кажется, будто на поиски Нив уйдет много времени. Он ее

чувствует. Каким-то образом ощущает, что она близко. Она почти что зовет его. Она прямо тут, неподалеку, ждет его.

Такое говорят о влюбленных. Они могут отыскать друг друга, найти, невзирая ни на что, вопреки всему. Они найдут Нив, а она найдет его.

Туман словно шелковая занавесь. Повсюду серо. Размытые янтарные огни пульсируют там, где вдалеке горит пламя. Руины черны и пахнут дымом, фицелином, грязью и сломанной канализацией.

«Бейл».

--- Что? --- спрашивает Рейн у Кранка.

--- Что «что»? --- отзывается Кранк.

«Бейл, Бейл. Где ты?»

--- Ты слышишь? --- спрашивает Рейн.

--- Кранки, ты слышишь?

Он ее слышит. Это Нив. Она рядом. Она совсем рядом и зовет его. Это похоже на чудесный спектакль, где возлюбленные наконец воссоединяются перед падением занавеса.

--- Нив?

Он затирает. Он ее видит. Прямо

через дорогу, в дырке, стоящую в дверном проеме. Она бледна. Кажется, будто она сделана из тумана. Как, черт побери, она сумела его отыскать?

За всю свою жизнь он никого не был настолько рад видеть. Он чувствует любовь. Чувствует себя окрыленным любовью.

Он делает шаг вперед, чтобы пересечь покрытую воронками улицу.

Кранк хватается за руку. Кранк не может говорить, поскольку ужас стиснул ему горло.

То, что видит Кранк, совершенно не похоже на юную жену Бейла Рейна.

[отметка: 8.10.32]

Система туннелей выходит к периметру Ленгвэ Нюмина. Последние несколько километров подземного сооружения сильно испорчены, и туннели затоплены по колесо. Влага из сместившегося водяного горизонта и стоков городских очистных станций просочилась наверх и размывала систему проходов. Они вынуждены идти вброд.

Сопровождаемый основными
отделением Арүка, Вентан выводит их в
дворцовый парк. За время путешествия их
силы возросли. К ним приключилось несколько
отделений скитариев, которые увеличили
численность Механикум почти до тысячи.
Также они соединились примерно с
тридцатью Ультратаринами из разных
почти полностью уничтоженных
подразделений и четырьмя сотнями людей
из Десятого полка Неридских
Регуляторов, номинально подчиняющихся
полковнику Спарзи.

Дворец изящен, это линейный
комплекс вилл. Его величественные
очертания медленно проступают из
густой мглы. Сады резиденции
полуразрушены. Ударные волны и пламя
взрывов оголили посадки плойны, ганса и
фисташковых деревьев и превратили
виноградные лозы в почерневшие веревки.
Покрытые орнаментами стены
рассыпались. Карповые пруды — высохшие
чаши, вода испарилась. Они обнаруживают
под расколотыми деревьями обгорелые
скелеты прятавшихся садовников и

землекопов.

Дворец закрыт на зиму. Губернатор находился в резиденции в городской башне Деры. Вентан думает, что губернатор, вероятно, уже мертв. Все окна, кроме усиленных секций из кристалфлекса и армогласа, выбиты свирепыми межконтинентальными ветрами. Комнаты, большая часть которых заполнена зачехленной мебелью, усыпаны битым стеклом и сломанными брусьями оконных переплетов.

Долина снаружи и равнины за ней находятся во тьме под покровом тумана. Ветра нет. Повсюду жутковатое спокойствие. Затишье, которое напoминает непробудную неподвижность смерти.

На северо-западе Сутеречные горы образуют серую границу окутанных туманом равнин. К югу и юго-востоку город окаймляют темные очертания Щитового вала. Гребень хребта --- неровное естественное образование --- возвышается над безжизненным маслянистым туманом. Его знаменитые

леса теперь — стволы обогранных деревьев, лишенные ветвей и листьев.

Нутин горит огромным маревом золотистого света. Это не единственное крупное зарево, которое они видят. Огонь повсюду, вспыхивает в туманной дали, пятнает истерзанное небо. То и дело с небес что-то падает, оставляя за собой огненный хвост и с далеким содроганием врезааясь в невидимую местность.

Они заходят во дворец, вышибая двери там, где это необходимо. Некоторые из залов и вестибюлей усыпаны обломками кладки рухнувших стен или потолков. Вентан видит куски формованной штукатурки, некоторые из них раскрашены. Видит расколотых героев первых дней Пятисот Миров. Видит разбитый на части символ Ультимы — тот самый, что все они носят на своих доспехах.

Таурен собирает рабочую группу магосов, чтобы найти и подготовить дворцовые информационные машины и вокс-системы большого диапазона. Вентан, советуясь с Селатоном, Арюком, Спарзи и

капитаном Сүллом --- выжившим из
Тридцать девятой роты, готовится к
обороне. Наружная стена и ров достаточно
мощные, но в целом дворец не
спроектирован для серьезного военного
сопротивления. Люди Спарзи находят в
конюшенном блоке на западе несколько
орудий на гусеничной тяге, а также легкие
полевые пушки, и разворачивают их в
сторону равнины.

--- Если они нас здесь найдут, ---
говорит Сүлл, --- то расправятся с нами.

--- Если они нас здесь найдут, ---
откликается Вентан, --- я их убью.

Сүлл кивает. У него на губах
появляется полуулыбка. С рассвета он
потерял многих братьев по роте. Он
видел, как другие подразделения
Тринадцатого были срезаны беглым огнем
или уничтожены тяжелой техникой.
Вентан знает, что для того, чтобы
поддерживать эффективность Сүлла, его
нужно подстегивать, выводя из отчаяния.
Вентан уже думал, не заменить ли его в
цепи командования Тревом, сержантом
Сүлла. Сүлл стар, он ветеран. Такое

ощущение, как будто из него вышибли дух.

К ним подходит Грев. Он несет подмышкой свой шлем. На лице и волосах известковая пыль. Коротко подстриженные волосы рыжие, словно грязное золото. Из-за пыли он выглядит так, будто преждевременно состарился.

--- Сообщение от сервера, сэр, --- произносит он, обращаясь к Вентану, а не Сүллү. --- Они нашли систему вокс-передачи. Есть какие-то проблемы с питанием, однако они надеются наладить местовую трансляцию в течение часа.

--- Хорошо. Что с информационными машинами?

--- Пока ничего, сэр, --- отвечает Грев.

Арүк внезапно приходит в движение, поднимая основную боевую конечность.

--- Контакт, --- сообщает он. --- Два километра от северных ворот, двинутся из тумана в этом направлении.

--- Принадлежность? --- спрашивает Вентан.

--- Скрывается.

Вентан подбирает штандарт.

--- Селатон, прикрой южную линию.

Полковник Спарзи, северо-восток.
Остальные за мной.

Они направляются к воротам, пересекая фигурные некогда газоны. Огневые команды Армии рассаживаются по вырытым в спешке блиндажам. Вентан отмечает хорошее практическое распределение немногочисленных орудий группового пользования и минометов. Спарзи читал наставление-другое. Возможно, даже что-то из Жиллимана.

Они проходят полевые орудия и собираются до ворот. По ту сторону земляной ров пересечен выдвижным мостом. За двумя обелисками, которые отмечают тили, через кустарник -- начало знаменитых величественных Равнин Деры -- тянется дорожка. Туман и полумрак мешают обзору.

-- Источники тепла, -- сообщает Арүк. -- Теплые тела.

-- Подтверждаю, -- произносит Грев, который пользуется переносным ауспилом.

-- Они используют туман в качестве укрытия, -- угрюмо говорит Сүлл. -- В этом нет ничего хорошего.

--- Если бы я вел сюда подкрепления с
Другского поста, --- отвечает Вентан, --- я
бы тоже использовал туман в качестве
укрытия.

Он глядит на мастера-скитария.

--- Вокс-сигналы?

Арүк качает головой. В
поврежденном красном глазу медленно
гаснет и загорается свет.

--- Вы употинали коговую фразу, ---
произносит он.

--- Да, --- говорит Вентан. ---
Подождите.

Поднимается легкий ветерок. У них
под ногами потрескивают среди щебня
опавшие листья.

--- Сигнал, --- произносит Арүк.

Все они слышат приглушенную
фоновую бинарику.

--- Внимание, дворец, --- передает он. ---
Назовите себя.

--- Это Механикум? --- интересуется
Вентан.

--- Я могу подтвердить происхождение
кода сигнала от Механикум, --- говорит
Арүк. --- Не то чтобы это что-то

показывало. Если это Гаргоз, он осторожен.

--- И опять-таки, --- произносит Вентан. --- Так бы вел себя и я, если бы приближался к этому месту в поисках друзей и опасался, что могу найти врагов.

--- Сигнал дважды повторился, --- сообщает Арүк.

--- Ответ, --- говорит Вентан. --- Запроси их принадлежность.

Арүк издает быстрое потрескивание.

--- Ответ готов, --- передает он. --- Отряды поддержки со сборов в Эрүде, ищут убежища.

Вентан втыкает острое штандарта в землю, чтобы застегнуть шлем.

--- Слишком легко, --- произносит он. --- Никто в моей роте не открылся бы с такой готовностью. Только не в день вроде сегодняшнего. Никто в моей и никто в любой другой роте. Задай им вопрос.

--- Количество разрисованных альдар? --- уточняет Арүк.

--- Да, его.

Секунду они ждут.

--- Ответа нет. Они продолжают утверждать, что являются

подразделениями поддержки со сборов в
Эрүге.

--- Спроси еще раз, --- говорит Вентан.
Он бросает взгляд на Спарзи. ---
Поднимайте своих парней, --- произносит
он.

Полковник кивает и поспешно уходит.
--- Ответ, --- сообщает Арүк. --- Просьба
подтвердить активность ксеносов в этой
зоне. Подтвердите --- силы эльдар?

--- Они не понимают вопроса, ---
произносит Вентан.

--- Я не понимаю вопроса, --- замечает
Арүк.

--- Дело в том, что Сиганс бы понял, ---
отвечает Вентан. --- Как и любой другой
офицер Четвертой роты. Попроси их
уточнить ответ. Скажи, что мы будем
ждать.

Арүк выполняет.

После долгой паузы он говорит:

--- Они просят нас подтвердить
активность ксеносов в этой зоне.

Вентан поднимает штандарт.

--- Арүк, пусть твои скитарии
подсветят источники тепла в гряде

түтана гля артиллерийских команд.
Скажи полковнику Спарзи, что мы
откроет огонь через шестьдесят секунд.

--- Ты собираешься открыть огонь? ---
равкает Сүлл. --- Ты с ұта сошел? Если это
наши...

--- Это не так. И я не собираюсь
подпускать их ближе.

--- Но если они из Тринадцатого! ---
настаивает Сүлл. --- Если они с
Ультратара!

--- Это не так, капитан, --- твердо
говорит Вентан.

Но ту сторону рва на самой крошке
проклятого түтана начинают появляться
первые фигуры. В слабом солнечном свете
түскло блестит алая броня.

--- Огонь! --- произносит Вентан.

[отметка: 8.19.27]

--- Пусти меня назад! --- кричит Бейл
Рейн. --- Пусти меня, на хрен, назад!

Кранк бьет его в живот и сильно
встряхивает, просто чтобы он перестал
суетиться.

--- Извини, --- произносит Кранк. ---

Прости, Рейн. Прости меня, парень. Я не могу.

Согнувшись пополам, Рейн судорожно выдавливает слова.

--- Я не стрелял в твою клятую жену, Бейл, --- говорит Кранк. --- Я этого не сделал. Я дал очередь по чему-то, и это определенно не была твоя жена. Определеннее некуда.

--- Это была Нив. Она звала меня!

--- Рейн, заткнись. Просто заткнись. Скажи мне спасибо, а? Ты показывал мне пикты своей жены. Она была милой. А та тварь, что звала тебя, милой не была.

Кранк вздыхает. Он сползает вниз рядом с Рейном.

--- Это была не твоя жена, парень. Я бы это знал, даже если бы ты не показывал мне пикты. У твоей жены ведь были глаза, так? У рогов не было. Я не знаю, что это было, Рейн, но в нем не было ничего хорошего. Какая-то ксенотварь. Какой-то чертов демон.

Зловонный ветер колышет туман на разгромленной улице. Вдалеке сгустком пламени взрывается городской дом, и

грохот его падения глится три или
четыре минуты. Бухает артиллерия.
Что-то гремит наверху, на орбите.

Бейл Рейн со слезами на глазах и
соплей на губе шепчет имя своей жены.

Кранк слышит торопливые шаги.

— Вставай, вставай, — говорит он,
вздергивая Рейна за рукава. Он
заталкивает его в укрытие.

Двое нх по улице пробегают двое
людей из Армии, а затем третий. Они в
грязи и лохмотьях, и они бегут от чего-
то. Один из них хнычет, словно ребенок.

Они удирают. Вот что они делают.

Кранк вжимает Рейна в стену, когда
в поле зрения вбегают преследователи.
Они тоже из Армии, но не из той же
самой. Это такие же оборванные,
закутанные в черное культисты
братства, как те, что расправились с
подразделением Кранка. Их двое. Один
стает, вскидывает автоматическую
винтовку и сбивает оставшего солдата
выстрелом в спину.

Двое других безлецов тормозят и
затирают. На их пути появились еще два

культиста.

Загнанные люди пьются. Культисты шествуют к ним из тумана. Те, кто вел погоню, переходят на неторопливый шаг, приближаясь сзади.

--- Пожалуйста! --- слышит Кранк просьбу одного из людей. --- Пожалуйста!

В ответ на вежливую просьбу он получает выстрел в голову и падает, будто манекен.

Второй пытается убежать, но культисты хватают его. Они вчетвером прижимают его к земле, запрокидывают голову за волосы и перерезают открытое горло ритуальным ножом. Кровь образует темное-красное зеркало в восточном желобе под его телом.

Рейн издает звук. Непроизвольный всхлип.

Четверо Братьев Ножа отворачиваются от своей жертвы. Их глаза --- впалые тени. В полутраке лица похожи на черепа.

Кранк возится с винтовкой. Он не успевает вовремя прицелиться. Один из убийц видит его и стреляет. Заряд с

визгом понагает в кирпичную кладку
рядом с ними и осыпает их песком с
грязью. Кранк стреляет в ответ, однако
его подталкивает Рейн, и прицел
сбивается. Выстрелы проходят мимо.

Братья Ножа мчатся к ним.

Кранк в упор понагает одному точно
в грудь и опрокидывает на спину. А затем
получает удар прикладом в лицо и пагает,
его нос и рот превращаются в кровавое
месиво. Два других культиста хватают
Рейна и выкручивают ему руки. Один за
волосы запрокидывает голову Рейна назад.

— Этого первым, — произносит тот,
кто ударил Кранка прикладом. Он
наклоняется над выбранной жертвой,
вытащив кинжал. Кранк стонет, держась
за нос. Человек поворачивает голову
Кранка за подбородок и нацеливает острие
кинжала в расширенный левый глаз.

Рейн впадает в бешенство. Он
пинает по яйцам одного из тех, кто его
держит, а другого бьет кулаком в горло.
Оба отшатываются назад, а Рейн очертя
голову бросается на ублюдка с ножом и
оттаскивает его от Кранка.

Они катаются, сцепившись. Извиваются. У Рейна явно недостаточно сил. Он будто ребенок. Культист крупный и мускулистый, стройный и крепкий. У него глинные конечности, и он вынослив, как дикое животное.

Двое других с проклятьями спешат ему на помощь. Кранк тянется к своей винтовке, но его сбивают ударом ноги. Один из них приставляет к его голове пистолет.

Выстрел. Кранк ощущает на удивление мало боли, если учесть, что ему прострелили лоб. По лицу струится кровь. Она горячая. Но боли нет. Даже никакой отдачи.

Человек с пистолетом падает. Это его кровь разукрасила Кранку лицо. У культиста отстрелена боковая часть черепа. Выстрел в голову. По-настоящему точный выстрел в голову. Уровень снайпера.

Кранк моргает. Откуда взялся этот парень? Он из Армии. Кранк не в состоянии определить, из какого подразделения. Стрелок спрыгивает на мостовую, чтобы

присоединиться к ним.

Рейн и другой культист уже не дерутся. Рейн сталкивает мертвого культиста с себя. У большого мускулистого урода в сердце застрял кинжал. Каким-то образом в исступлении Рейну удалось проткнуть утюжка его же собственным ножом.

--- Наверное, несчастный случай, --- говорит Рейн, садясь и произнося то, о чем думал Кранк. Кранк смеется, невзирая на то обстоятельство, что в мире нет совершенно ни хрена смешного.

Они смотрят на стрелка.

--- Спасибо, --- говорит Кранк.

--- Вам была нужна помощь, --- говорит человек. Это ветеран. Его лицо покрыто морщинами, экипировка выцвела. В волосах седина.

--- Сегодня нам всем нужна помощь, --- отвечает Кранк.

--- Верно сказано, --- говорит человек, протягивая руку. Он вздергивает Кранка на ноги.

--- Я Кранк. Этот парень --- Рейн. Бейл Рейн. Мы из Нутинского

Шестьдесят первого. Ну, были. Если это что-нибудь значит.

--- Олланий Перссон, отставник, --- произносит человек. --- Я пытаюсь пробиться из этой задницы. Хотите пойти со мной, ребята?

Кранк кивает.

--- Вместе безопаснее, --- говорит он.

--- Или утром в компании, --- откликается старик. --- Впрочем, сойдет и то и другое. Хватайте свои пушки.

Перссон глядит на Бейла Рейна.

--- Ты в порядке, сынок? --- спрашивает он.

--- Да, --- отзывается Рейн.

--- У него было потрясение, --- говорит Кранк. --- Он думал, что видел свою невесту. Свою маленькую жену. Но это была не она. Это был не человек.

--- Я ее видел, --- настаивает Рейн.

--- Сегодня ничто не выглядит так, как ожидаешь, --- произносит Перссон. --- Нельзя верить своим глазам. Барн действует, и он прокликает всех нас.

--- Но... --- начинает Рейн.

--- Твой друг прав, --- говорит Перссон.

— Это была не твоя жена.

— Откуда ты столько об этом знаешь? — интересуется Рейн.

— Я стар, — отвечает Перссон. — Я многое повидал.

— Ты не такой уж старый, — говорит Рейн.

— Смотря с кем сравнивать, — замечает Перссон.

Он приседает и выдергивает из пропитавшейся кровью гряды культиста ритуальный нож. Это самодельный клинок из черного камня, рукоять которого в ручную обмотана проволокой. Атаа. Он с чем-то напомунает Оллу Перссону, но это лишние воспоминания. Тот отбрасывает проклятый предмет прочь.

— Поидемте к остальным, — обращается он к двум солдатам.

— Остальным? — спрашивает Кранк.

[отметка: 8.55.49]

К Лептию Нутину приближается враг. Из-за отвратительной видимости трудно оценить численность, однако Вентан прикинул, что не меньше шести тысяч. Ядром войска являются вспомогательные подразделения Армии при Семнадцатом, так называемые братства. Вентану они кажутся больше похожими на ритуальных фанатиков, чем на солдат, -- очень типично для фанатичного Семнадцатого. Вентан убежден, что именно в этом и находится корень многих бед сегодняшнего дня -- в фанатизме Несущих Слово. Они всегда пребывали на грани и были нестабильны, всегда склонны к религиозности. Они поклонялись Империи как вероучению, а Императору -- как богу. Вот почему они в первую очередь получили выговор. Вот почему Император воспользовался для этого дела Тринадцатым -- безусловно, самыми рациональными своими воинами.

Этого должно было быть достаточно. Это должно было положить конец своенравным мыслям Несущих Слово и вернуть их и их отвергнутого примарха в общий круг.

Очевидно, этого не произошло.

С того самого дня Несущие Слово стали рассадником инакомыслия. Придя к своеобразному кризису веры, эпистемологическому перепутью, они свернули. Они обратились против Императора, перед которым когда-то преклонялись.

«Но ради чего? — загадет Вентан. — Чем они заменили свое представление о Боге?»

Вентан опасается, что Калтское Объединение было той возможностью, которой Несущие Слово воспользовались, чтобы продемонстрировать свой новый курс. Выбор Калта не мог быть случайностью. Это был шанс уязвить и опозорить легион, который подверг их наказанию столько лет назад. Будучи инструментом жестокого взыскания в Монархии сорока четырьмя годами ранее,

Ультратарин стал целью. Они сделали своей целью все Пятьсот Миров Ультратара.

Вентан чувствовал себя неуютно --- уж слишком много вопросов оставалось. Какая сила или концепция стенила Императора во всепоглощающей идее Несущих Слово? Чего, кроме злобной мести, они надеются достичь в Веригийской системе? Каков будет их следующий шаг, если они сокрушат Ультратарин на Калте?

Сколько их там, в тумане?

Вражеские предводители гонят перед собой большое количество культистов. Закутанные в черное воины братства поют, и Вентан слышит еще и барабанный бой. Несущие Слово держатся позади, направляя культистов в земляной ров и к воротам в качестве пушечного мяса.

Орудийные расчеты Спарзи палят по вражескому строю уже около двадцати минут. Они нанесли серьезный ущерб, приняв во внимание сравнительную легкость полевых орудий. Земля по ту

сторону рва испещрена воронками и
усыпана трупами. Наводчики во дворце
указывают стрелкам цели в движущейся
массе. Снаряды попадают в далекие ряды,
вскидывая изорванные тела в воздух во
взрывах пылающих обломков.

Но они продолжают приближаться,
волна за волной.

--- Ручное оружие! --- командует
Вентан защитникам у ворот и на стенах.
Его практический план в том, чтобы дать
Армии принять на себя силу этого удара,
поскольку легионерам нужно беречь
болтеры и тяжелое вооружение для
Несущих Слово.

Похоже, что силы Армии приняли
это. Грев и некоторые из его легионеров
взяли запасные лазерные винтовки и
встают в строй. Другие стоят с
клинками наготове, чтобы встретить
любые силы, которые достигнут ворот.

Только Сүлл кажется рассеянным. Его
болтер вытасчен и наготове. Он хочет
действовать. Сражаться. Он зол и
разочарован, и это подпитывает
нетерпение.

--- Успокойся, --- предостерегает
Вентан. --- Ты мне понадобишься, когда на
нас пойдет Семнадцатый.

В ответ Сүлл издает рычание.

--- Лучше бы им прийти поскорее! ---
огрызается он.

Вентан оставляет его томиться.
Культисты возобновляют атаки. Внешние
стены дворца покрыты рубцами от тысяч
выстрелов. Фрагменты некоторых
парапетов рухнули. Фигуры в черных
одеяниях бесконечно прибывают. Они
продолжают рваться к мосту у ворот.
Мост усыпан мертвыми врагами, и
множество черных фигур попало в ров.

Ракеты визжат и хлещут по
стенам. Артиллерия Спарзи пытается
зацепить ракетницы.

Вентана все больше тревожит
боезапас.

Он находит Арүка на секции стены
возле ворот, которую обороняют
скитари.

--- Есть сигналы снаружи? ---
спрашивает Вентан.

--- Нет, --- говорит Арүк.

--- А сервер? Есть что-нибудь от нее?

--- Нет, --- отвечает Арүк. Он кажется слегка смущенным.

Позади них стучат и кашляют минометы. Вентан слышит, как к стене с воем несутся новые ракеты.

--- Твои люди могут точно указать на источники ракет? Нужно, чтобы пушки Спарзи быстро прекратили эту напасть, пока они не обрушили стены.

Арүк кивает.

--- Хотел бы я знать, как они нас так быстро нашли? --- бормочет он, отправив своим воинам командные импульсы.

--- Прослушивают наши коммуникаторы? --- предполагает Вентан.

--- Исключено, --- отзывается Арүк. --- Аварийная связь скитариев безопасна.

--- Значит, просто не повезло, --- говорит Вентан. --- Подобного сегодня вокруг больше чем достаточно.

[отметка: 9.07.32]

Барн раскрывает широкие черные крылья. Появляется Кор Фаэрон.

--- Объясни свою задержку, --- шипит он.

Вокруг него суетятся и бормочут
существа изнанки из не-света.

Морнал Ксир, командующий силами,
склоняет голову перед возникшим
начальником. Их обоих окутывает грязное
свечение, которое исходит из варп-склянки.

--- Здесь сопротивление, повелитель, ---
говорит Ксир. --- Лентий Нутин.

--- Я знаю, --- отвечает Кор Фазрон. ---
Лентий дворец. Никакой стратегической
ценности. Никакой тактической
целесообразности. Сожги его. Двигайся
дальше.

--- Там сопротивление, повелитель.

Черный Кардинал выдыхает.

--- Ксир, твоё войско ждёт у
Щитового вала через два часа. Не трать
силы и жизни на несущественную цель,
которую можно позже стереть с орбиты.

--- При всём уважении, повелитель, ---
произносит Ксир. --- Полагаю, что здесь
скрыто нечто большее.

Он делает жест собравшимся вокруг
него воинам. Один из них --- Улмор Нул, на
поводке которого рычит и рвется ищейка.

--- Нул преследовал капитана

Ультратаринов, которого обнаружили в ходе его бегства из костюпорта. Он получил неизгладимый след. Путь привел сюда, во дворец.

--- Всего лишь выживший, который бежит к ближайшему укрытию, --- комментирует Кор Фазрон.

--- Маршрут очень прямолинейный и обдуманный, повелитель, --- произносит Нул. --- Я полагаю, что вместе с целью находятся силы Механикум и прочие выжившие, объединенные в боевую группу умеренных размеров.

--- Оборона дворцового комплекса непоколебима, --- добавляет Ксир. --- Она организована и целенаправленна. Я думаю, что в ней присутствует опора на тактические соображения. Тринадцатый пытается чего-то добиться в этом месте.

Кор Фазрон делает паузу. Вокруг него, шипя, будто разбивающиеся о бесконечный берег волны, шепчет Изначальная Истина.

--- Ты перенаправлен, Ксир, --- говорит он. --- Продолжай бой. Уничтожь их.

Пение и барабанный бой становятся громче. На дворец накатывается следующая волна культистов.

--- Они затинированы, --- резко предостерегает Грев.

Вентан укрупняет картинку визора. В передних рядах воины братства, которые одеты в жилеты смертников или просто несут склянки и трубки со взрывчаткой.

--- Уложите их, пока они не добрались до моста, --- приказывает Вентан.

Стрелки на гребне стены, часть из которых --- скитарии с изольчатым лазерным оружием, начинают выбивать подрывников. Некоторые из подстреленных взрываются. Одного накрывают у дальнего края моста, и его жилет детонирует с огромной серповидной вспышкой пламени. Вентан чувствует, как содрогается земля.

--- Упрямые, --- произносит Сүлл.

--- Да, --- соглашается Вентан.

--- Держу пари, что это прелюдия к атаке Легионес Астартес, --- говорит Сүлл.

--- Они хотят сперва взорвать стены, ---
--- отзывается Вентан.

--- Дай мне устроить им бой! ---
--- крикает Сүлл. --- На практике, в самом их
сердце. Убить их предводителя.
Разрушить их центр.

--- Теория такова: ты погибнешь, а
вместе с тобой и те, кого у меня хватит
глупости позволить тебе взять с собой.
Боеприпасы и силы, потраченные
впустую. Нет.

Сүлл бросает на Вентана яростный
взгляд.

--- Ты сомневаешься в моей
храбрости? --- спрашивает он.

--- В каком-то смысле --- да, --- говорит
Вентан. --- Мы не ведаем страха, но мне
кажется, что сейчас ты боишься.

Разъяренный Сүлл делает шаг по
направлению к Вентану.

--- Я тебе шею сверну за подобное
оскорбление! Я не боюсь умереть!

--- Знаю, что нет, Сүлл. Но думаю,
что ты боишься того, что гибнет наш
образ жизни. Что гибнет вселенная, как
ты ее понимает. Этого боюсь и я.

Сүлл морзает.

--- С точки зрения практики: утрата веры в нашу философию приведет к излишне эмоциональным и опрометчивым действиям. Пострадает эффективность нас как воинов.

Сүлл сглатывает.

--- Что, если... Жиллиман мертв, Рем? --- спрашивает он.

--- Значит, мы отомстим за него, Сей.

Сүлл отворачивается.

--- Уди и разыщи сервера, --- говорит ему Вентан. --- Получи свежие данные о ее успехах. Я хочу, чтобы ты защищал ее, если они подойдут к стенам.

Сүлл кивает и уходит.

В пещерах нижних подвальных этажей, несколькими уровнями ниже поверхности, Таурен слышит глухие наземные взрывы. С потревоженного потолка сыплются струйки пыли. Она слышит разрывы, треск ручного оружия, размеренные удары артиллерии, беснование песнопений и барабанов.

В соседних помещениях ее магосы

силы зано́во активировать старую дворцовую систему большого диапазона. Вокс кажется неповрежденным, но не запускается из-за странной нехватки пригодной энергии.

При помощи скитария, женщины по имени Киратика, Таурен только что получила доступ к расположенному под центром дворца керамитовому колодезю, в котором находятся информационная машина и стеки. Информационная машина отключена. Таурен изучает ее, ощупывая пыльный корпус из коричневого пластика. Она взглядывается в контрольные окна, рассматривая гравированные схемы и латунные ключевые системы. Это старая модель, вероятно, одна из первых информационных машин, которые работали на Калте во времена первой колонизации. В ней применяются субэфирные системы Конора-Ганца и линейная бинарная когитация. Старая. Очень красивая.

Но маломощная. Таурен понимает, что машину включали только тогда, когда губернатор находился в дворцовой

резиденции, а потом только в качестве резерва государственных записей.

--- Этого должно быть достаточно, --- произносит она вслух. Киратика бросает на нее взгляд.

Таурен зовет нескольких магосов, и они начинают работу по запуску и стимуляции данных. У машины собственный источник энергии, встроенный в пол термоядерный модуль Гиссона. Модуль начинает работать, и в помещении становится теплее.

--- Будь у нас модуль для вокс-передатчиков... --- замечает один из магосов.

--- Давайте выведем его на полную выработку, а затем измерим ее значение, --- предлагает Таурен. --- Выходная мощность должна быть рассчитана с превышением нужд машины, чтобы учесть любые обстоятельства. Возможно, мы сможем перенаправить часть энергии на вокс, когда машина заработает.

Магос кивает. Таурен нестандартно обошла проблему, которая ставила его в тупик.

Таурен наблюдает за работами. Ее взгляд задерживается на именованном ММУ. Разумеется, ей придется подключиться. Когда придет время. Если машина заражена мусорным кодом, все ее усилия могут оказаться напрасными, а она умрет в процессе. Умрет, как Хесст, смертью мозга, информационной смертью. Она вспоминает, как Хесст умирал у нее на руках.

Ее мысли прерывает голос.

--- Оно заработает?

Она оборачивается. В хранилище вошел капитан Ультратаринов. Это Сулла. Она не уверена в его оценке. Исходя из своих наблюдений за оттенками интонаций во время путешествия во дворец, она полагает, что Вентан не верит в его рассудительность или надежность.

--- Будет работать, --- произносит она с убежденностью, которой на самом деле не чувствует.

--- А вокс-система? --- интересуется он, глядя на старинную машину с выражением сомнения на лице.

--- И она тоже. Еще полчаса, наверное.

--- У нас их нет, сервер, --- говорит

Сулл. --- Они у стены. Разве вы не слышите? Они у ворот, и они сожгут все это, если доберутся сюда.

--- В таком случае, капитан, --- отвечает она, --- позаботьтесь, чтобы они сюда не добрались.

Один из магосов кивает ей. Она прокашливается и идет к инструменту.

Соединители защелкиваются.

Информационная машина издает урчание.

[отметка: 9.33.01]

Тиель вышибает следующий люк. С той стороны на него с воет бросается демоническая тварь. Из распахнутой пасти, достаточно большой, чтобы заглотить сержанта целиком, торчат клыки --- гнилые и поломанные пеньки. Ноги вывернуты назад и заканчиваются птичьими лапами.

Тиель вспарывает пасть электромагнитным дуэльным мечом.

рассекая сразу обе челюсти. А затем всаживает два заряда болтера в брызжащий слюной зев.

Керсо заходит, чтобы прикрыть ему спину, и поливает демоническую тварь огнем. Существо уже визжит и дергается, обильно забрызгивая коридор флажмана и хором. Пламя окутывает его, и оно начинает метаться.

Зади предупреждающе кричит магистр ордена Эмпион. Из теней стремительно выбегает второй демон — тварь, состоящая из шерсти, паучьих лап и оленьих рогов. Она хватается за Керсо прежде, чем тот успеет развернуться, и раскалывает его доспех вдоль позвоночника, срывая панцирь, будто фольгу. Керсо кричит. Его огнемет катится прочь, роняя огненные слезы.

Тиель отсекает две ноги паучообразной твари. Они похожи на черные ивовые стволы, жилисты и покрыты бурым пухом. Снова брызжет и хор. На Тиеля обрушивается еще одна нога. Слишком много конечностей.

Керсо перестал кричать. Невозможно

кричать без черепа. Прижавшая к земле и
свежую его тварь изрыгнула ему на
голову и плечи едкие соки, чтобы сделать
его вкуснее. Голова Керсо — расплавленный
дымящийся кусок мяса.

У твари один глаз, большая белая
сфера, пульсирующая неприятным
неземным свечением. Она увенчана
ветвистым деревом
шестидесятиконечных рогов.

У брата Бормара есть тяжелый
болтер. Он раз за разом стреляет в
иссохшее тело существа. Заряды
разрываются под кожей, выталкивая
наружу валую плоть, прорывая ее и
разбрасывая комки мяса и гноя.

Рядом с Туелом вперед бросается
Элпион. У него громовой молот, и он
крошит им лапы. Он бьет в корпус
демонической твари. Энергетические
удары раскалывают хитин и размазывают
ткани. Демон пятится назад, бросив трүн
Керсо и размахивая паучьими лапами в
защитной стойке. Некоторые из лап
тянутся за ним, изломанные и
бесполезные. У него их сотни.

Бортар вновь стреляет, целясь в открытое брюхо. Что-то взрывается, и коридор наполняется тлетворной вонью. Повсюду роятся мухи. Демоническая тварь заваливается вперед. Тиель подныривает под удар конечности, вгоняет свой меч в злобный глаз, проворачивает его и продолжает крутить и проталкивать глубже, пока нечестивый свет не гаснет.

Забон подбирает огнемет Керсо и сжигает подергивающиеся останки.

— За каждой дверью все новые ужасы, — говорит Элпион Тиелю.

— А каждое мгновение — это потерянное мгновение, — откликается Тиель.

Они пробивают себе дорогу к вспомогательному мостику. Удары и скрежет снаружи корпуса становятся громче и настойчивее: Несущие Слово завершают абордаж с находящимся рядом кораблей. Однако нет смысла сражаться за корабль, который они не смогут управлять. Вспомогательный мостик — жизненно важный практический ресурс. «Честь Макрагге» лишилась основного

мостики и своего капитана, однако среди подобранных выживших со «Святости Сарманта» нашлась замена Зедоффу. Под прикрытием наступления Тиеля следует магистр Голмед с группой хорошо обученных офицеров командования.

Бой продолжается: помещение за помещением, люк за люком. В каждой тени и за каждым поворотом скрываются демоны. Они хлынули на флагман из открытых врат варна, когда наружный мостик стал доступен, и растеклись по громадному кораблю, словно наводок чернил, столы, жидкого дегтя.

Тиель, Этпион и остальные защитники корабля учатся сражаться с демонами на практике. Огонь и клинки более эффективны, чем снаряды и энергетическое оружие. Похоже, что изначальные сущности получают больше ущерба от простых ранений: от заточенного металла, грубой силы и пламени.

У Тиеля есть теоретическая разработка, предположение о существовании связи между телесными

повреждениями и ритуальной функцией. Огонь, а также режущие и колющие орудия были неотъемлемой частью древнего колдовства. Представляется чем-то большим, нежели совпадение, что их власть над демонами сохранилась. Как будто демоны — продукт первобытной пустоты, которая старше человека, — полнят священные инструменты, которыми пользовались люди, чтобы вызвать их.

Он сомневается, что ему когда-нибудь представится возможность записать или изложить эту теорию. Он полагает, что, даже если это и произойдет, его высмеют как суеверного глупца.

Они спешат. Бормар идет впереди. Мухи жужжат в трещинах коридора и испуганно роятся вокруг светильников на переборках. На потолках и ребрах стен образовалась плесень, из швов в полу течет слизь.

Просторная подготовительная каюта перед следующим взрывом. Противовзрывным люком усыпана струнами. Это бывший экипаж флагмана, в

основном рядовые, однако Тиель замечает среди мертвецов как минимум четверых Ультратаринов. Все трупы выглядят так, словно их раздавило гусеницами колонны «Гибельных клинков». Тела образуют неровный ковер из плоти, костей и брони. Пол скользкий от крови. Жужжат мухи.

Тиель слышит капанье.

Он смотрит вверх. На потолке тоже трупы, как на палубе. Тела вдавлены в него, размазаны и сплющены, будто паньташе. Иногда под действием гравитации отлепляются и падают мелкие куски, как созревшие яблоки.

— Что совершило такое? — шепчет Эмпион, пораженный изощренным совершенством кошмара.

Раздается скрип. Они оборачиваются и видят ответ на его вопрос.

[отметка: 9.38.01]

--- Вот они! --- кричит Арүк Серотид.

Из тумана вырываются Несущие Слово, по сравнению с их огромными красными фигурами солдаты-культисты кажутся карликами. Они, будто стаю собак, гонят перед собой на пушки двorca оборванных воинов братств. Используют культистов в качестве щита.

--- Встретить их! Остановить их! --- командует Вентан.

Он наконец-то стреляет из болтера. Болтеры открывают огонь со всей линии стены и ворот, кромсая, подпрыгивая и встречая стволовым пламенем. Подключается более тяжелое вооружение легиона. Автопушки. Лазпушки. Драгоценные орудия, которые они берегли для этого момента.

Огневая мощь обрушивается на наступающих врагов, нанося им ущерб, замедляя и сбивая. Тысячи отдельных взрывов рвут людей на части,

подбрасывают их в воздух. Яркие трассирующие полосы лазеров и плазмы строчат по строю противника, выкашивая людей в черных одеяниях. Вентан улыбаётся под шлемом, видя, как среди них содрогаются и падают фигуры в алых доспехах.

Однако все неизбежно уравнивается. Поскольку наконец настало время пустить в ход оружие легиона, пришел миг и испытать на себе встречную ярость. Атакующие Несущие Слово открывают огонь из болтеров и тяжелых орудий, поддерживая легкое вооружение ноющих братств. Массреактивные заряды врезаются в стены, вырывая крупные куски камня, и взрываются в ворота. Силы лоялистов начинают нести куда более тяжелые потери.

Лоялистов, думает Вентан. Как естественно дошло до этого горького названия.

Из пелены тумана выныривают стремительные, словно дротики, алые силуэты. Штурмовые отделения. Ударные

войска, перемещающиеся на прыжковых
ранцах. Они с грохотом приближаются,
бүгто ракеты, пересекая широкий ров и
опускаясь на укрепления. Их атака
лягушачьими прыжками опережает
основное войнство штурмующих.
Вооруженные болтерами и ценными
мечами, они начинают убивать, пожиная
солдат Армии, бүгто созревший урожай.
Злобные визжащие ценные мечи рвут
вопящих людей на части, вырывая красные
ленты плоти и швыряя в воздух
перепуганные куски тел.

--- Сбросьте их со стен! --- кричит
Вентан.

Арүк открывает огонь, сбивая одного
из штурмовиков Несущих Слово на лету
хирургически точным упреждающим
выстрелом. Несущий Слово резко меняет
курс и исчезает, оставляя за собой
кружащийся шлейф черного дыма.

Четверо штурмовиков приземляются
у мостового укрепления перед воротами.
Они рубят и стреляют, прокладывая себе
дорогу к окопавшимся бойцам Армии.
Ценные клинки разрубают мешки с песком.

стволы пушек, любую защиту, плоть и кости. Сдавленные и странно колеблющиеся вопли неспособных защититься солдат Армии озвучивают свирепое продвижение Несущих Слово.

Вентан несется вперед, рядом с ним Грев. Они добегают до линии обороны у ворот, где по земле текут реки крови, ее становится все больше. Поток направляют, как невидимые родники, колотящиеся сердца людей, истекающих кровью из немыслимых ран. Кровь брызжет и булькает в мостовых водосточных желобах, в ливневых стоках. Она сливается в нижний ров, будто бегущая по железным трубам ржавая вода.

Вентан оказывается возле одного из Несущих Слово, который занят расчленением младшего сержанта Армии. Он бьет предателя по подбородку распростертыми крыльями штандарта, отбрасывает его назад, а затем в упор стреляет в торс из болтера. Выстрел насквозь пробивает Несущего Слово вместе с прыжковым ранцем, высекая яростный столб пламени и искр.

Штурмовой десантник падает, однако на лету хватает острый штык-нож, вырывая его из руки Вентана. У Вентана нет времени подобрать его. Продолжая стрелять с правой руки, он вытаскивает силовой меч обратным хватом левой, а затем описывает клинком полукруг, перехватывая его всей ладонью.

Грев вступил в бой со вторым воином прыжковой пехоты, затахиваясь бронированным кулаком навстречу стонущему цепному мечу Несущего Слово. Клинок разбрасывает кровь и волокна ткани после недавних убийств, словно шлейф выхлопных газов. Шипящая от энергии усиленная латная перчатка раскалывает рукоять и приводы клинка цепного меча, лишая его работоспособности.

Десантник-предатель бросает сломанный меч и стреляет из болт-пистолета. Снаряд разрывается о боковую часть шлема Грева, отшвыривая того вбок, к стене проема ворот. Десантник делает шаг вперед, чтобы всадить в него второй заряд.

Болтер Вентана издает рев, и Несущий Слово получает попадание в горло, а затем второе в грудь. От двойного удара он отшатывается назад, с него, будто легкая пыль, разлетается облако осколков брони. Из разрывов льется кровь. Несущий Слово приваливается к стене ворот, выдыхая кровавые пузыри через ротовую прорезь шлема. Он силится снова поднять пистолет.

У Вентана израсходован магазин. Он пристегивает болтер и наносит удар силовым мечом, держа его обеими руками. Он приказывает раненого шатающегося Несущего Слово разящим зигзагообразным ударом сплеча. Верхняя часть разреза проходит сбоку через лицевой щиток, нижняя проходит через живот, доходя до позвоночника. Несущий Слово сгибается, зажатая практически рассеченную нагбровую талию.

Вентан вовремя оборачивается навстречу третьему. Штурмовой десантник несетя к нему. Вентан замечает, что на наплечниках Несущего Слово вытравлены и нарисованы злобеще

фигуры, а броня по всей глине исписана
бесстысленными литаниями. Это
геральдика безумцев.

Вентан блокирует взмах цепного
меча своим клинком. Вновь пляшут искры.
Двуручное цепное чудовище лязгает,
вгрызаясь в энергетическое лезвие силового
меча. Они разрывают захват. Вентан
парирует следующий выпад, блокирует
еще оди́н, а затем вгоняет меч острием
вперед точно в живот противника. Удар
проходит мимо позвоночника, однако
кончик клинка пробивает броню над левым
бедром Несущего Слово.

Вентан пытается выдернуть клинок,
но тот застрял. И противник еще не убит.
Он снова затахивается, и Вентан
вынужден уклоняться от цепного меча, с
грохотом несущегося к его лицу. Ему
приходится выпустить свой меч и
оставить его в животе воина.

Несущий Слово бросается на него,
натереваясь сразу прикончить. Он держит
массивный цепной меч обеими руками,
размахивая им влево-вправо в попытках
достать оставшегося без оружия

Ультратарина. На защиту Вентана выскакивает воин-скитарий, но Несущий Слово рассекает его надвое во взвихренной красной мгле.

Вентан бросается на него с голыми руками, заваливая его на землю весом собственного тела, пока цепной меч еще ревет солдата Механикум. Прижав правую руку Несущего Слово, чтобы дикарь не смог ударить его поперек тела, Вентан раз за разом бьет пойманного врага по голове. После трех ударов шлем слегка прогибается. От четвертого раскалывается часть ворота. Пятый разбивает линзу визора.

Несущий Слово ревет, сбрасывая Вентана с себя. Вентан позволяет ему это.

Он снова схватился за эфес своего силового меча.

Он вырывает оружие из Несущего Слово. Ббок.

Из головы Грева струится кровь, но сбит еще не покончено. Он снова поднялся, отбросив прочь разорванный и изуродованный шлем. Он подобрал болт-

пистолет и стреляет из него мимо Вентана. Через солдат Армии и скиитариев прорубает себе дорогу четвертый штурмовик.

Арук и самый могучий из тяжелых скиитариев окопались. Они открывают огонь из встроенных плазменных орудий и рассекают предателя на куски. Вентан слышит, как Грев выкрикивает тактические инструкции собираться у мостового укрепления и отбросить штурмующие силы. Они держатся, однако строй вот-вот рухнет. На мосту сотни культистов и Несущих Слово, и еще многие, толпясь, поднимаются по скатам рва. Защитники стен не могут стрелять под таким крутым углом.

Появляется Селатон с несколькими Ультратаринати. Он пробует поддержать Грева у моста. Вентан перезаряжает болтер и занимает место в строю.

Сила огня, который сейчас направлен на фасады и ворота дворца, огромна. Этот град косит людей. Их поражают и убивают еще и каменные осколки, выбитые падающими в стены выстрелами.

--- Есть сигнал! --- вопит Арүк
Вентану, перекрикивая грохот. --- Новый
сигнал.

--- Передавай!

--- Приближающиеся силы
Тринадцатого легиона запрашивают
подробности относительно позиции.

--- Спроси у них пароль, ---
распоряжается Вентан. --- Спроси о
количестве разрисованных эльдар!

Арүк отправляет сообщение.

--- Ответ, --- произносит он. --- Их
двенадцать. Продолжение сообщения: «Как
вам скажет кто угодно».

Он смотрит на Вентана. На золотой
бронне бусинки кровавых капель.
Поврежденный красный глаз гаснет и
вспыхивает.

--- Капитан, --- спрашивает он. ---
Ответные действия?

--- Правильный ответ --- тринадцать, ---
произносит Вентан. Он делает глубокий
вдох. --- Снабди их координатами и скажи,
что время не на нашей стороне.

У демона есть клюв. Клюв, перья и сотни рудиментарных конечностей, кончающихся копытами. Однако его тело -- все его тридцать тонн -- тело змеи, жирного раздувшегося удава. Костогесантник с расставленными руками не смог бы обхватить покрытую чешуей тушу.

Оно вырывается из теней хранилища сбоку от подготовительной камеры, протискивая свою огромную колеблющуюся громаду через крупный палубный люк, ведущий на склад боеприпасов. Тиель понимает, как получился раздавленный ковер из жертв.

Громадный клюв щелкает. Тиель видит, что десятки второстепенных змеиных тел образуют ниже подбородка под клювом борозду, оборку. Они извиваются, будто щупальца, будто ложноножки. Демон -- это сто гигантских змей, которые срослись в одну витаническую мерзость с общей птичьей головой.

Бормар ведет обстрел из тяжелого болтера, а Забои выпускает жгучее пламя.

Демоническая змея пятится назад, а затем выбрасывает вперед складчатую голову. Клюв хватает одного из членов отделения, боевого брата по имени Долнис, и рассекает его от паха до левого плеча.

В бой, не дрогнув, вступает Этнион, который раскручивает громовой молот, чтобы набрать инерцию. Демоническая змея бросается на него, и он встречает ее, отталкивая клюв вбок ошеломляющим ударом. Столкновение сотрясает помещение и вызывает хлопок сверхдавления.

Клюв треснул. Наружу сочится ихор. Тиель устремляется поддержать магистра органа, и когда демоническая змея наносит очередной удар, ее встречают молот и электромагнитный меч.

Молот попадает в переносицу массивного клюва и разбивает непрочную птичью глазницу. В то же самое время Тиель рубит бритвенно-острым лезвием по вздымающемуся брюху и горлу под бородой второстепенных хвостов. Меч

рассекает белую чешуйчатую плоть и обнажает ярко-розовое мясо на прозрачных костях. Лопаются обмотанные белым жиром розовые внутренности, разрывается пищеварительный канал.

Демоническая змея пятится, широко раскрыв клюв. Второстепенные змеиные тела и рудиментарные копыта яростно бьются и дергаются. Из нанесенной Туелем глубокой вспарывающей раны сыплются частично переваренные останки расчлененных людей и космогесантников. Части тел широко разлетаются в бурном потоке желудочного сока.

Ультратарины слышат чудовищный грохот. Это все еще свернутый на складе боеприпасов конец огромного хвоста демона в болезненном иступлении колотится о металлические стены отсека.

Демон скользит назад через люк, чтобы скрыться от своих мучителей.

--- Люк! Закройте люк! --- кричит Забон. У него в руке связка из десяти осколочных гранат. Эмпион бьет по замку люка, Забон активирует одну из гранат и

забрасывает всю связку в люк.

Люк уже почти закрыт, когда гранаты срабатывают. Взрывом люк заклинивает в нескольких сантиметрах от закрытого положения, давление взрыва в замкнутом пространстве вырывается сквозь узкую щель тугим беспощадным гейзером пламени и осколков, который бьет вверх и выжигает потолок зала.

Грохот прекращается.

Элпион бросает взгляд на Туеля.

— За каждой дверью все новые ужасы, — произносит он.

— А каждое мгновение — это потерянное мгновение, — отзывается Туель.

Это не последний раз, когда повторяется этот обмен репликами.

Это не последний отсек флагмана, через который им придется расчищать себе дорогу.

[отметка: 10.00.01]

Несущие Слово отправляют к дворцу третью волну штурмовых десантников.

Вентан, Селатон и Грев сплотили силы обороны и отстояли ворота с малым утратом, хотя от моста и осталась лишь жалкая тень его бывшего величия. Второй волне почти удалось отбросить их от ворот во внутренний двор, помог лишь серьезный ответный огонь скитариев Арүка.

Вентан знает, что третья атака будет решающей. Он видит ее приближение: одно отделение с прыжковыми ранцами устремляется к ожесточенно обороняемым воротам, а другое поворачивает к югу, чтобы ударить по стене на дальнем краю периметра. Они будут стремиться прорваться к батарее Спарзи.

Решителен Вентан полон решимости выдержать все, однако он знает, что в конечном итоге сопротивление должно

рухнутъ. Это рассчитываемая
неизбежность. Вопрос численности.
Сплошная практика.

Он цепляется за единственную
надежду. Цепляется за переданное
шепотом сообщение от родной роты.
Пусть это будет не ложь и не уловка,
думает он. Хватит с меня уловок на
сегодня. Если это не ложь, пусть они
покажутся достаточно быстрыми. Пусть
полчатся со всех ног и гусениц. Пусть
доберутся сюда, пока это еще имеет
смысл.

Он знает, что волна приближается.
Видны предвещающие ее знаки.
Культисты братств вновь толпой бегут к
воротам и рвут. Пение становится
настолько громким, что Вентан
представляет, как пульсация ---
многочисленные выдохи --- сгуст злобонный
туман. Враз обрушивает на стены новые
ракеты, мины и снаряды среднего калибра.
Снаряды пробивают дыры в старых стенах
или перелетают их и падают в сады и
строения, разнося оружейные расчеты и
резервные позиции. Селатон докладывает.

что слышит в тумане лязг гусениц, и предполагает, что обстрел ведется вражескими танками или самоходными орудиями. Вентан ничего не слышит: его слух притуплён предельным напряжением упорного боя, в котором он только что участвовал.

Штурмовые десантники с лязгом несутся вниз. Прыжковые ранцы испускают скрежещущие и грожащие от жара языки синего пламени. Атаки братства сокрушают баррикады на мосту. Часть верхней арки ворот взрывается и рушится оползнем пыли и освобожденных камней. Защитники собираются с духом.

Треп ругается, его и без того красноватые волосы свалились от крови.

«Гибельный клинок», алое чудовище, возникает из тумана на дальнем краю рва и нацеливается на ворота и западную стену. Вокруг громады массивного танка роятся воины братств.

Сверхтяжелый танк наводит основное осадное орудие. Пушка «Разрушитель» с лязгом подстраивается. Фальшборта и боковая броня расписаны

изображениями восьмиконечных звезд и чем-то похожим на множество небрежных надписей от руки.

«Гибельный клинок».

Вентан знает, что равновесие окончательно нарушено в пользу Несущих Слово.

Уже начался ближний бой. Нет времени думать про танк.

Он слишком занят схваткой с двумя штурмовыми десанниками. Один из них ранил его в бок. Другой наступает с силовым топором. Теснота внутри ворот мешает владельцу секиры размахнуться как следует, однако Несущий Слово уже убил двух солдат Армии и скитария.

Селатон прикрывает спину своему капитану, отводя силовой топор локтем щитом, узор на котором превратился в миллиард ожогов, зарубок и царапин. Вентан и Селатон бьются спиной к спине. Силовой меч Вентана сталкивается с кинетической булавой противника. Селатон бьет ценным мечом в броню обладателя топора.

Все это время Вентан вполглаза

наблюдают за танком.

Селатон получает удар. Силовой мотопор проходит мимо боевого щита и врывается в наплечник. Он не достает до плоти, однако наносит глубокое повреждение и заклинивает сочленение руки.

Селатон пытается выровняться, но не может поймать равновесие. Он отшатывается вбок, накренившись от инерции выдерживаемого мотопора.

Его защита слаба, и он получает второй удар в грудь.

Из раны льется кровь. Сила столкновения отбрасывает Селатона назад, как будто мотопор погрузился ему в грудь целиком. На самом деле панцирь поглотил смертельную часть удара, однако плоть рассечена и обильно кровоточит, пока, чтобы затянуть ее, в дело не вступает трансчеловеческая биология Селатона.

Вентан слишком занят, чтобы защитить упавшего сержанта. Штурмовик с силовым мотопором приближается для завершающего удара.

Треф бьет его в висок силовым кулаком, стиная шлем, словно жестяной котелок.

Треф вздергивает Селатона на ноги. Какую-то секунду они селятся вытащить топор из доспеха Селатона.

Вентан убивает своего противника. Его руку направляет ярость. Он рассекает клинком шлем Несущего Слово, отрубая от него правую треть. Когда штурмовой десантник оседает вбок, становится видно нечто, чрезвычайно напоминающее череп в разрезе с картинки в учебнике.

Вентан чувствует, как внутри, словно лихорадка, кипит жар. С момента начала боя он получил около восемнадцати незначительных ран, включая сквозное поражение лазером в плоть правого бедра, трещину кости предплечья и сломанный мизинец. Все остальное — ушибы, рубцы и большие гематомы от ударов.

Включается его метаболизм, он пытается компенсировать, побороть или оттянуть боль, поддержать пиковую эффективность, ускорить лечение и восстановление. Заем энергии повысил

температуру тела на несколько градусов. Он стремительно сжигает жировые резервы. Вентан знает, что скоро ему потребуются гидролиты и дополнительные болеутоляющие, если он собирается удержать свой край поля боя.

Он снова глядит на танк. Почему тот не выстрелил? Почему...

Внезапно «Гибельный клинок» увеличивает обороты своей мощной двигательной установки, выбрасывает в воздух струи черных выхлопов и начинает быстро двигаться назад. Вентан слышит лязг гусеничных секций. Массивный корпус раскачивается от кормы до носа, главная башня начинает поворачиваться влево, поднимая оружие.

Толпившиеся вокруг него воины братства вынуждены лихорадочно рассыпаться, чтобы он не раздавил их в ходе поспешной перегруппировки.

Что он делает? Разворачивается? Он разворачивается?

В маслянистом тумане что-то есть. Что-то на северо-западе.

«Гибельный клинок» Несущих Слово

делает выстрел из своего орудия. Ствол сильно содрогается, сжатый воздух взмывает пыль с земли вокруг. Снаряд с шумением исчезает в тумане, создавая рябь завихрений, которая медленно рассасывается. Вентан не слышит звука попадания.

Однако слышит ответ.

Раздается колеблющийся визг энергии и давления, сопровождаемый микронпульсацией электромагнитов. Из тглы вырывается толстый луч слепящей энергии, который бьет в «Гибельный клинок». От удара танк содрогается всеми телами сотнями тонн своего веса. Содрогается. Грешит, будто жестяная изрушка. На секунду отрывается от земли и скользит вбок. Под внезапно перемещенной тахиной гибнут десятки воинов братств.

Энергетический луч попадает в цель с оглушающим хлопком. Огромные куски брони отлетают прочь, некоторые из них вертятся высоко в воздухе. Половина башни сожжена. Дым сперва поднимается струйками, а затем бьет столбом.

вырываясь из поврежденной секции.
«Гибельный клинок» сотрясается. Вентан
слышит, как он пытается перезапустить
основной двигатель, который заглох от
удара по корпусу. Слышит, как
мультимотивная установка давится и
задыхается.

Второй энергетический луч, столь
же яркий, как и первый, вырывается из
тумана и проходит в нескольких метрах
от танка. Он бьет в землю, мгновенно
образуя огромную траншею из перегретого
оплавленного камня, и испепеляет две
дюжины членов братства вместе с
четырьмя Несущими Слово. Прочие
культисты, оказавшиеся в
непосредственной близости от зоны
поражения, вопят, когда вторая волна
жара воспламеняет их одеяния и
боеприпасы.

Третий луч, отстающий от второго
лишь на мгновение, приканчивает
«Гибельный клинок». Он перпендикулярно
бьет в корпус ниже зева башни, и танк
трескается и взрывается. На протяжении
наносекунды он напоминает один из

сделанных из дерева и брезента тугляжей
техники: просто покрытые тканью
каркасы — такие используются для
тренировок в Армии. Он похож на тугляж
танка, когда ветер забирается под край
чехла, срывает его с рамы и поднимает
вверх, искажая нарисованные очертания и
границы.

Затем происходит внезапный и яркий
внутренний взрыв, и искореженный силуэт
танка исчезает, распавшись на атомы.

Два «Теневых меча» прокладывают
себе путь в тумане, который клубится
вокруг кобальтово-синих корпусов.

Кобальтово-синих. Кобальтово-синих,
с белой и золотой геральдикой Ультимы.

За ними взбивают туман
«Лэндрейдеры» и «Рино», затем три
«Вихря» и шагающий строй
Ультратаринов шеренгами по сорок
человек. Они стреляют, нагвигаясь на
позиции Несущих Слово с севера и тиную
дымящуюся воронку — могилу «Гибельного
клинка». За массивными боевыми танками
несутся два или три мотоцикла и
спидера, с легкостью движущиеся над

перепаханной землей.

Порядки братств у мостового укрепления останавливаются, оказавшись под огнем с нового направления. Сотни людей гибнут на месте. Некоторые прыгают в заваленный трупами ров, чтобы избежать обстрела «Лэнгрейдеров». «Теневые мечи» уже палят в туман, целясь в главные резервы Несущих Слово, которые скрыты от двorca мглой. Основные орудия с визгом испускают столбы энергии, прожигающие тарелку. Под покровом тумана взрываются объекты. Плата взлетает высоко в воздух поверх пелены. Запах в воздухе меняется, как будто лето сменилось осенью. Новые силы, новые машины, новые химические взаимодействия.

Они вступают в полномасштабное сражение. Впервые с момента начала атаки на дворец силы Несущих Слово отброшены в оборону, отвлечены неожиданным и мобильным противником.

Воины-культисты не выдерживают. Их пение прекращается. За первой движущейся линией Ультрамаринов идет

вторая, а за ней третья. Сине-золотые доспехи слегка потускнели от погодных условий, однако продолжают блестеть. Избавление еще никогда не выглядело столь блистательно. Смерть еще никогда не выглядела столь благородно.

Культисты начинают отступать. Они бегут на юг ко рву или же удирают в туман. Те, кто пытается укрыться за насыпью и карабкается, прокладывая себе дорогу, попадают под обстрел со стены. Солдаты Спарзи и скитарии Арүка, пользуясь возможностью, хлещут их огнем, сшибая, будто ветки. Некоторые поворачивают назад, а затем снова разворачиваются, взятые в клещи огнем, который приближается и убивает их. Тела соскальзывают и падают в могилу рва.

Вентан отправляет полковнику распоряжение прекратить огонь. Он хочет быть уверен, что контратака беспрепятственно врежется во вражеский строй.

--- Капитан Суганс, --- произносит Селатон, заметив штандарт и указывая

на него.

--- Четвертая, --- отзывается Вентан. Он удивлен силой охвативших его чувств. Это не просто облегчение после исчезновения физического риска. Это честная гордость единения. Его рота. Его рота.

На самом деле это сборная солянка. Сиданс собрал свои боевые порядки из бойцов нескольких рот Тринадцатого легиона. Все они были на сборах в Эрүде. Он залатал пробелы и потери в структуре Четвертой роты подкреплениями из других раздробленных подразделений. Один из «Теневых течей» приписан к Восьмой роте, два «Лэндрейдера» из Третьей. Вентан замечает боевые цвета капитана Лорхаса, второго офицера Девятой.

Защитники дворца наблюдают, хотя могут видеть немного. Большая часть сражения кипит позади в тумане. Перестрелки дальнобойной бронетехники разрывают трак облаков. Совсем рядом Ультратарины наконец подавляют последние остатки сопротивления культистов и вступают в жестокую

рукопашную схватку с воинами
Семнадцатого.

К их чести, Несущие Слово не дают
слабину, как их поющие соратники. Их
довольно много --- по оценкам Вентана, где-то
или три роты --- и даже застигнутые
врасплох на неподготовленной позиции, они
показывают упорное сопротивление. Судя по
сверепости атаки Сиданса, Четвертая
рота и усиливающие ее подразделения
слишком много видели за сегодняшней
день, чтобы думать о пощаде. Вентан
загадет --- и ужасается, --- что они могли
увидеть и пережить на Эрүдской базе,
когда вскрылось предательство. Несущие
Слово, размещенные возле лагерей
Ультратарина, просто развернулись?
Просто поднялись, обнажили оружие и
начали убивать без уведомлений и
предупреждений?

Он уверен, что именно это они и
сделали. Вентан убежден, что у Несущих
Слово нет иной цели, кроме абсолютного
уничтожения Тринадцатого.

Вы не убьете легион Ультратарина
просто так.

Дикари Лоргара не рискнули устроить честное сражение. Они воспользовались всеми преимуществами, какие только могли предоставить внезапность, обман и коварство. Они хотели разгромить и убить своего врага, убить еще до того, как он поймет, что является врагом.

Это не сработало. Не сработало. Тринадцатому нанесли ущерб. Последние десять часов на Калте могли даже нанести легиону смертельную рану такого масштаба, что он никогда не восстановится в полной мере и, как следствие, всегда будет более слабой и малочисленной боевой силой.

Но у Несущих Слово не вышло чистое убийство, которое они планировали. Они не справились или же недооценили необходимые усилия. Они устроили кровавую неразбериху и оставили раненого противника, который все еще может двигаться и сражаться, — уязвленного и искалеченного врага, которого подпитывают боль, ярость, жажда мести и глубокое потрясение от

надругательства над нравственностью.

Всегда убеждайся, что твой враг мертв.

Если ты должен биться с Ультратарином, молись о том, чтобы убить его. Если он еще жив, значит ты уже мертв.

Ты мертв, Лорзар. Ты мертв. Мертв.

— Ты что-то сказал? — спрашивает Бентана Арүк.

Бентан загадет, так ли это.

— Нет, — отвечает он. Он отстегивает шлем, снимает его и стирает с покрытого выбоинами и сколами визора кровавое пятно. Большая часть кобальтово-синей краски сколоты или содрана. Арүк Серотиг также усеян вмятинами и царапинами, разукрашенная золотая броня полята и покрыта полосами крови и масла.

Вокруг них собираются израненные, уставшие и грязные люди, чтобы посмотреть на жестокое сражение на дальней стороне насыпи. Солдаты Армии, Ультратарины и скитарии стоят вместе,

опустив оружие. Остатки дыла клубятся
под изжеванной аркой ворот. От
сотрясающего землю натиска
бронированных машин со стен
соскальзывают отбитые куски камня.
Несколько драгоценных медиков,
присутствующих в отряде Вентана,
пользуются прекращением огня, чтобы
выдвинуться и заняться ранеными и
умирающими. Фактически каждый из
защитников двorca получил то или иное
ранение. перевязочных материалов и
лекарств совершенно недостаточно.

--- Почему такой пароль? ---
спрашивает Арук.

--- Что?

--- Количество разрисованных эльдар?

--- Война с миром-кораблем

Циэльтва, --- тихо отвечает Вентан. ---
Восемь лет назад. Сиданс вел основной
шторм. Привилегия. В ходе атаки он
оказался ненадолго отрезан и дал бой в
одиночку, сразив дюжину воинов эльдар.
Это было выдающееся достижение. За него
он был награжден. Я прибыл к нему на
выручку, когда схватка уже заканчивалась.

а он добивал последнего противника.

Вентан бросает взгляд на мастера-скиитария.

--- Притарх наградил его за двенадцать убийств в одной быстрой схватке. Двенадцать разрисованных эльдар. Однако, когда я до него добрался, на полу зала было тринадцать мертвых эльдар. Я вошел, стреляя на ходу, тревожась за него. С большой вероятностью это мои выстрелы убили тринадцатого в дыму. Так что это дежурная шутка среди нас. Он славно убил двенадцать и был за это награжден. Я убил одного. Однако этот один мог стать решающим. Это мог быть тот, кто превзошел бы его. Сиганс мог погибнуть от руки тринадцатого и не дожить до осуществления своей славы и мастерства. Так что же более важно -- его двенадцать или же мой один?

Арүк пристально смотрит на него.

--- Вы шутите о подобных вещах? --- интересуется он. --- Это у вас считается юмором?

--- Я думал, что ты сможешь понять,

--- говорит Вентан, качая головой. ---
Большинство людей бы не смогли.
Арук пожимает могучими плечами.
--- Думаю, что понимаю. У нас,
скиитариев, точно так же есть
хвастовство и соперничество. Просто мы
выражает это бинарикой и держим при
себе.

Битва бронетехники стала
настолько напряженной, что полоса
тумана к западу от дворца колеблется и
волнуется, как потревоженное море. Во
лтраке вспыхивают и горят яростные лучи
света. Из мглы, словно выскакивающий из
воды кит, вырывается пехотный
транспортёр, подброшенный большим
взрывом. С пылающего острова дождем
осыпаются обломки и фрагменты, пока он
падает обратно в море испарений.

Ближе, на краю тумана,
Ультратарины сцепились в рукопашной с
Несущими Слово. Синева лоялистов
против красного цвета предателей.
Пощады не просят и не дают.

Вентан перезаряжает болтер,
проверяет меч и подбирает штандарт.

Древко покрыто полосами потеков крови и украшено несколькими отпечатками окровавленных ладоней.

--- Я возвращаюсь в бой, --- говорит он Селатону. --- Защищай дворец.

Он слышит жужжание из-под левого уха и инстинктивно отвечает, еще не успев осознать, что это такое.

--- Вентан? Говорит Сүлл.

--- Сүлл?

--- Я на нижнем подвальной этаж дворца, Рем. Ей удалось. Серверу удалось. Вокс-связь ожила. Повторяю, вокс-связь снова работает.

Вентан подтверждает. Он оборачивается к Селатону и прочим офицерам.

--- План меняется, --- произносит он. --- Я возвращаюсь в здание дворца. Держите строй и известите меня, как только ход сражения изменится.

Он разворачивается и уходит через ворота, через покрытые воронками сады, направляясь к побитому фасаду летнего дворца.

В воздухе клубится синий дым, от

позиций артиллерии пахнет фицелином.

У него есть надежда. Впервые с начала дня в сердце Вентана поселяется достойная надежда.

[отметка: 10.40.21]

Вентан входит на нижний подвальный этаж. Он ощущает мягкое тепло от работающих машин. Вокруг стоят магосы Механикум, которые наблюдают и контролируют. Некоторые трудятся над открытыми интеграторами схем, производя окончательную подстройку.

Таурен стоит в стекловом зале, подключенная к пощелкивающей информационной машине пуповиной ММУ. Она выглядит безмятежной.

Когда он приближается, она бросает на него взгляд, однако она слишком занята переконфигурированием системы передачи данных у себя в голове, чтобы говорить.

Сулл глядит на Вентана.

--- Нас только что спасла Четвертая рота, --- говорит ему Вентан.

--- Так она и сказала, --- отвечает

Сүлл, кивая в направлении сервера. --- Она создает тактический обзор. Я не понимаю деталей, однако делаю вывод, что она собирает и сопоставляет стратегические данные из всех систем и источников информации, к которым может подключиться.

--- По всей планете? На орбите? --- спрашивает Вентан.

--- Еще нет, капитан, --- произносит Киратика, ассистент сервера. --- На данный момент это еще локальный, континентальный уровень. Поскольку информационная машина бездействовала и была изолирована, ее не заразил губительный вирусный код. Сервер расширяет свои возможности пошагово, поддерживая кордоны кодовой защиты, чтобы самой не заразиться при передаче пораженной информации. Также есть некоторые сомнения в том, что этой машине хватит мощности, чтобы координировать всю глобальную ноосферу.

Вентан кивает. Ему нравится, что Механикум никогда не пытаются подсластить какие бы то ни было новости.

--- А как насчет контроля над планетарной оружейной сетью? --- интересуется Сүлл.

--- Нет, --- прямо отвечает Киратика. --- Активная сеть под контролем врага и поражена агрессивным мусорным кодом. Все, что может сделать сервер, --- это собирать данные в пассивном режиме. У машины недостаточно мощности, чтобы вырвать контроль у управляемых врагом информационных машин, но даже если бы ее хватало, подобный процесс потребовал бы активной функции ММУ, что предоставило бы мусорному коду подходящий маршрут для перекрестного заражения. Как было продемонстрировано сегодня, у нас нет кордонов кодовой защиты или «кода-убийцы», которые были бы достаточно мощными, чтобы ликвидировать и вычистить мусорный код.

--- Стало быть, Таурен вынуждена оставаться пассивной? --- спрашивает Вентан.

--- Чтобы защитить целостность того, что у нас есть, --- говорит Киратика.

--- Но она может собирать и компилировать тактические данные для нас?

--- В широких масштабах. Ее магосы уже собирают первые инфосводки.

Вентан смотрит на Сүлла.

--- Она может снабдить нас материалом для формулирования правильной теории. А затем мы сможем воспользоваться воксом, чтобы координировать практику.

--- Будет чертовски рады любому координированному возмездию, --- произносит Сиганс, входя в зал. Он срывает заляпанный кровью шлем и ухмыляется Вентану. --- Я думал, что ты погиб, Рем.

--- А я надеялся, что ты, --- отзывается Вентан.

--- Все вы любите надеяться, --- говорит Сиганс.

Они обнимаются, лязгая броней.

--- Всегда есть тринадцатый эльдар, Лирос, --- произносит Вентан.

--- Двенадцать, всегда лишь двенадцать, --- отвечает Сиганс.

Он вырывается из медвежьей хватки и ухмыляется Сүллү.

--- Раг видеть тебя на ногах, Тей, --- говорит он.

--- Мы маршируем во имя Макрагге, --- церемонно отзывается Сүлл.

--- Маршируй куда тебе вздумается, --- говорит Суганс. --- А лично я сегодня марширую пряником к глотке Лоргара. Я вигел...

Он запинается и кривит рот от отвращения.

--- Погибли люди, братья, --- тихо произносит он, улыбка пропала. --- Сейчас я избавлю вас от списка, однако их так много. Друзья, воины, герои. От перечня павших вы будете плакать. Плакать. Ублюдки вырезали нас. Беззащитных. Спящих. Внезапное нападение --- почитаемый военный обычай, однако не когда оно исходит от предполагаемого друга. А, уверен, что ты и сам многое вигел по пути из порта, Рем.

--- Да.

--- Я устрою кровавый океан, --- говорит Суганс. --- Океан. Я пропитаю

землю кровью этих ублюдков. Пущу и кровь так, что не справится никакая затачивающая способность. Насажу их головы на колья.

--- Да, месье, --- кивает Сүлл. --- Вполне. Как бы то ни было, нам следует сформулировать прочную теорию.

--- На хрен теории! --- рычит Сиганс. --- Это тот случай, когда мы освобождены от обычного подхода к войне как к науке. Это война как искусство. Война как эмоция.

--- Ну да, --- отзывается Сүлл. --- Давайте размалюем себе лица и бросимся на вражеские пушки. В конце концов, их больше, чем нас, всего-то в четыре раза. Погибнут те, кто пока уцелел, зато, по крайней мере, мы утрем, насыщая свою злость. Так что все в порядке.

Сиганс издает презрительный звук.

--- Я согласен с Сигансом, --- произносит Вентан и быстро поднимает палец прежде, чем Сүлл успеваешь возразить. --- С одной оговоркой. Учитывая наши потери, а также численное и техническое превосходство врага, я полагаю, что наш дух, наше яростное

желание мести, наше неистовое
стремление возместить ущерб... лишь эти
вещи могут дать нам преимущество. Они
совершили ошибку, причинив нам боль
вместо того, чтобы убить. Мы стали
более опасными. Мы используем боль.

Он смотрит на Сиганса.

--- Однако всегда есть тринадцатый
эльдар.

Сиганс смеется.

Сулл не в силах скрыть едва
заметную улыбку.

--- Мы должны прикрыть себе спину, ---
говорит Вентан. --- Должны направить
свою ярость и обуздать ее стратегией.
Должны воспользоваться всем оружием:
бешенством, жаждой мести и
интеллектом. Ярость --- наша практика.
Разум --- наша теория. Ни то ни другое не
работает само по себе. Мы обесчестили
Жиллимана, если забудем об этом.
Информация --- это победа.

Он оборачивается к Киратике.

--- Пожалуйста, уведоми сервера, что
я хочу начать вокс-передачу. Мне нужно
наилучшее кодирование сигнала, какое она

стожит мне представить, и любые преобразователи источника. Все, что она может сделать, чтобы замаскировать наше местоположение.

Киратика кивает.

В сопровождении Сиданса и Сүлла Вентан входит в помещение вокс-передатчика. Он берет переговорный рожок.

[отметка: 11.06.41]

Над землей темнее, чем под ней.

Открытый воздух полон ядовитым туманом, густую черноту с трудомшевельит ветер, долетающий из-за Уросенских холмов.

Брат Бразллен не верит, что это естественный ветер. Естественная погодная модель. Во время перерыва в стрельбе он слышал, как сержант Домициан строил предположения о том, что это был сдвиг атмосферы: высокое давление и воздушные потоки, вызванные орбитальной бомбардировкой.

На краю неба на юге ярко светится линия огненного шторма.

Шестая рота, поддерживаемая Армией и оставшими членами двух других рот Ультратаринов с Уросенских сборов, оттянулась от опустошенных зон лагерей и заняла оборонительную позицию близ наземной башни одной из северных аркологий.

Бразеллен не заглядывал в аркологии, но знает, что это огромные подземные комплексы. Некоторые из них обитаемы. Эта в том числе, по всей видимости. Внизу сотни тысяч рабочих-горожан, и Шестая -- единственное, что не дает врагу добраться до них.

Наземная башня -- это небольшая крепость, укрепленное сооружение, которое прикрывает и защищает вход в аркологическую систему. Из подвальных этажей есть выходы на основные подземные магистрали, переходы, системы грузоперевозки и даже железные дороги на магнитной подвеске -- все это питает огромный подземный комплекс.

Башня -- подходящее место, здесь можно дать бой.

Враги подтягивались на протяжении всего дня. Впереди культисты братств, затем Несущие Слово, затем бронетехника. Культисты кажутся безмозглыми и иступленными. Они бьют в барабаны и распевают бессмыслицу. Не заботясь о собственных жизнях, они кидаются на стены и ворота и погибают.

Некоторые затинированы и подрывают себя возле стен, надеясь обрушить их.

Браэллен заинтригован их поведением. Культисты кажутся усердными и рьяными. Это видно по их пению, барабанному бою и бездумному самопожертвованию. И это наваждение, истерия. Он наблюдал, как стоящие позади огромного воинства Несущие Слово подгоняют их побоями и угрозами. Это порабощенные убийцы, их истерия активирована внешней жестокостью.

Возможно, им пообещали некое искупление, какое-то метафизическое вознаграждение за их кровавые усилия. Возможно, они надеются, что могут получить свободу, если выживут в преданном услужении.

Возможно, им известно, что отказать Семнадцатому — еще худший выбор.

К башне приближается свежая волна. Капитан Дамокл приказал Армии использовать ружейный огонь для отражения первых атак. Легионеры должны подождать, экономя свои более

ценные боеприпасы для Легионес Астартес.

Связь с аркологией жизненно важна. С ее складов в помощь людям-защитникам можно поднять значительные резервы армейских боеприпасов. Однако резервы необходимых для легионов боеприпасов, включая снаряды для боевых машин, ограничены тем, что боевые братья забрали из сборного лагеря, прежде чем его оставить.

Нужно считать каждый болтерный заряд. Волны воющих Братьев Ножа можно поливать лазерати и пулями ручного оружия.

Оружие легиона потребуется для более опасных целей.

И эти цели приближаются. Помимо Несущих Слово, которые еще вступят в бой, ожидается крупная бронетехника, которая скапливается у горловины прохода, возможно — даже боевые машины.

Браэллен понимает и одобряет практику своего командира. Сколь бы велик ни был соблазн, легионеры должны ждать до тех пор, пока их способности не покажутся единственным, на что можно

надеяться.

Он не понимает врага.

Что их так изменило? Все они слышали истории Домициана о старом соперничестве и состязании.

И что с того? Покажите два легиона, которые не соревнуются в славе и известности. Выговор был всего лишь выговором за плохую службу и слабую эффективность. И это было больше сорока лет назад!

Что же происходит теперь? Неужто Несущие Слово и их обезумевший повелитель настолько испорчены, что могут вынашивать преступный замысел сорок лет и в конечном итоге поступить столь несоразмерно низко, что сама галактика задыхается от изумления?

Бразеллен уверен, что капитан Датокл потрясен этим. Он никогда не видел его настолько целеустремленным и трачным. Такое предательство хуже смерти. Предательство поразило его и пошатнуло его веру в святость Имперской Истины.

И это еще до того, как начинаешь

размышлять над преображением Несущих
Слово, видишь их измененную символику и
раскраску, доспехи, украшенные
эзотерическими и откровенно
непонятными изображениями и
модификациями. Готовность являться с
суетверными и дикими фанатиками.

Их поглотил какой-нибудь массовый
бред о колдовстве?

Или же нечто более мрачное и
коварное запустило свой яд в их вены и
обратило их разум против сородичей?

Приближается следующая волна.
Бразеллен видит, как они бегут вверх по
склону, черная масса одеяний с
выставленным напоказ оружием. Тысячи
Братьев Ножа топчут мертвецов,
оставшихся от последней атаки, и, словно
выходящая из берегов река, катятся к
воротам и штурмуют стены.

Армия — Девятнадцатый Нутинский,
Двадцать первый Нутинский, Шестой
Неридский «Западники» и Второй
Ультимы Эруда — открывает огонь.
Лазерные винтовки дают залпы, орудия
легкой поддержки и группового пользования

прещат, гранатометы лязгают и
хлопают. Пережевывая движущиеся
шеренги, включаются тяжелые
автоматы.

Очередная бойня. Черные фигуры
падают. Умирая, некоторые взрываются,
как шаровые молнии, убивая людей вокруг
себя.

Бразеллен сжимает болтер, борясь с
искушением открыть огонь.

--- Капитан! Капитан!

Позади строя движется сержант
Домициан. Когда он проходит мимо, люди
поворачиваются.

Домициан добирается до капитана
Дамокла.

--- Сэр, --- произносит он. --- Проклятый
вокс только что засветился.

[отметка: 11.10.13]

Сержант Анхиз резко поворачивается.

--- Что ты сказал? --- спрашивает он.

Они на окраине провинции Шаруд,
движутся с максимальной быстротой,
опережая пожирающий леса пожар. Они ---
это жалкие остатки Сто одиннадцатой и

Сто двенадцатой.

После гибели капитанов Анхиз принял командование на себя. Он пытается собрать людей, но нет времени останавливаться. Совсем рядом постоянно поджимающая их погоня: титаны, титаны Механикум-предателей, и с ними колонны тяжелой бронетехники.

Несущие Слово находятся в горящем лесу, и каждый пройденный километр означает новые потери.

В черноте леса разносятся глубокие, протяжные и трагичные звуки боевых горнов, которые вызывают Ультрамаринов навстречу судьбе.

— Мы фиксируем спорадический импульсный код в воксе, сэр, — произносит Кантис, несущий единственный передатчик, который они захватили с собой из Барртора.

— В приемниках шлемов он есть? — спрашивает Анхиз.

— Слишком слабо, — говорит Кантис. — Мне нужно настроить его, разложить переносную антенну.

Анхизу нет нужды объяснять ему,

почему это невозможно. Три или четыре
массреактивных заряда с шипением
пролетают через полог над ними, будто
несущаяся на свободу пернатая гичь, и
врезаются в старый кварен. Ствол
разлетается огненными брызгами, а
верхние ветви дерева падают, прорывая
полог в тетили искр.

--- Шевелитесь! Шевелитесь! ---
кричит Анхиз.

Проклятье, они близко! Он слышит
шум, лязг гусениц. Это проклятый «Вихрь»
или один из истребителей танков «Сабля».

Пощады не будет. Их будут гнать,
пока не убьют всех.

На просвет вырываются двое Несущих
Слово. Деревья совершенно черные, они
подсвечены сзади яростным пламенем,
вырвавшимся поблизости. Анхиз
чувствует запах горячей дровесины
подлеска и дыма от взрывчатки.

Первый из дикарей Семнадцатого
стреляет из штурмболтера и убивает
брата Фертуна прямым попаданием в
нижнюю часть спины, которое разрывает
позвоночник и бедра. Другой поднимает

лазнушку. Он ставит ее в упор и яростно скашивает деревья и отступающих костогесантников яркими кобыми лазерной энергии.

Анхиз решает встретить смерть лицом к лицу. Он движется к ним, в одной руке греющий взрывать болтер, в другой — кинетическая булава. Она принадлежала его капитану, Фрасторексу. В это утро капитану не пришлось ее расчехлить.

Выпущенные Анхизом болты разносят лицо Несущему Слово с пушкой. Визор шлема взрывается, и человек тяжело падает назад. Другой легко ранит Анхиза в плечо, а затем делает более точный выстрел в ногу. Демонация массреактивного заряда швыряет Анхиза на глинистую землю. Перекатившись, он взмахивает булавой и ломает Несущему Слово обе ноги. Воин падает. Анхиз совершает дело еще одним ударом булав.

Его нога сломана. Он чувствует, как кость пытается срастись, однако повреждение может оказаться слишком серьезным.

Он озирается как раз вовремя, чтобы

увидеть, что второй Несущий Слово не
мертв.

Тот поднимается. Выстрелы Анхиза
в ключья разнесли шлем, ворот и
фрагмент верха нагрудника. Видны голова
и лицо Несущего Слово.

Возможно, это просто ранение:
ожоги, контузии, вздутие. Разумеется,
воин получил существенные повреждения
от болтера.

Однако Анхизу кажется, что это
кошмар другого рода. Плоть раздута и
туго натянута, будто отмершая опухоль
после ядовитого укуса. Рот неправильной
формы, однако возможно, что он таким и
был, а не был жестоко изменен
кинетическими ударами. Сбоку по лицу и
щеке Несущего Слово струится кровь.

У него на лбу желтые чешуйки,
которые подозрительно похожи на
пробивающиеся рожки.

Он бросается на Анхиза, держа в
правой руке боевой клинок. Кинжал
выглядит так, будто сделан из обсидиана
или полированного черного камня. Рукоять
обмотана тонкими цепочками. Это какой-

то трофей?

Анхиз переходит к доведенной до автоматизма практике, борясь с врагом базовыми методами ближнего боя, чтобы остановить клинок. Он приподнимается навстречу Несущему Слово, разворачивая левую ладонь и пронося ее мимо несущегося ножа, чтобы отвести в сторону правое запястье и предплечье. В это же время он вскидывает вверх правое предплечье, ставя поперечный блок перед грудью и лицом врага.

Трансчеловек против трансчеловека. Все решают масса, скорость и мощь, применение ускоренной силы, быстрота реакции. Жесткий блок Анхиза ломает Несущему Слово скул, вынудив отвести нож вбок. Однако Несущий Слово силен, и им движет убийственная ярость. Он разворачивает нож, нанося колющие удары в бок и левую руку Анхиза. Анхиз переводит блок правой рукой во внезапный удар и взгоняет стальной кулак в обнажившееся благодаря повреждению ворота горло. От удара в гортани Несущего Слово что-то гробится. Его

глаза на секунду вытучиваются, и из рта
и ноздрей струями бьет кровь. Он
пытается нанести еще один удар, и
клинок ножа пробивает правое предплечье.
Анхиза до самой кости через броню и
плоть.

Анхиз не собирается уступать
инициативу. Он наносит второй удар в
горло, а затем и третий, повыше, в
деформированную челюсть.

Голова Несущего Слово резко
запрокидывается назад. Анхиз скорее
ощущает, чем слышит резкий хруст. Он
бьет снова, чтобы быть уверенным.
Затем, когда враг надает, он выдерживает
кинжал из своей руки, чтобы сработать
наверняка.

В руке, которой он его держит,
начинается покалывание. Нанесенная
ножом рана в предплечье пульсирует.

Он затирает.

В его мозгу что-то щелкает.
Несмотря на пылающий лес вокруг,
становится очень холодно. Стерильный
синий свет. Что-то пульсирует. Анхиз
слышит низкое биение сердца космоса.

Чувствует запах нейротоксина и
молекулярной кислоты. Он не видит
этого, но ощущает, как что-то
разворачивается, нечто громадное, нечто
черное, чешуйчатое и скользкое, нечто
покрытое толстой оболочкой серой слизи.
Он чувствует, как оно разворачивается,
вытягиваясь из ямы, которая древнее всех
эонов, и движется через вечную тьму
Старой Ночи, через межзвездную пропасть,
движется к свету горящего леса.
Движется к нему.

Оно чует его. Чувствует вкус его
боли. Слышит его мысли.

Ближе. Ближе. Ближе.

Анхиз издает вопль и отшвыривает
черный кинжал прочь. Дверь в его сознании
захлопывается.

Он тяжело дышит, содрогаясь. Рана в
руке не прекращает кровоточить.

Он знает, что ему нужен вокс.
Неважно, есть ли у них время или
возможность остановиться и настроиться.
Ему нужен вокс.

Если там кто-то есть, если кто-то
нибудь слышит, они должны его услышать.

Они должны узнать.

Им нужно знать, с чем они
столкнулись.

[отметка: 11.16.39]

Включить. Выключить.

Включить. Выключить.

Включить.

Поддерживать активацию.

Поддерживать. Пробудиться.

Замурованный и слепой.

Беспомощный. Пробыв без сознания так
долго, он утратил всякое ощущение того,
какое сейчас время и что происходит.

Ему введом страх.

Он Телемехр.

Его учили разным вещам, и в том
числе — контролировать свою злость, пока
она не потребует. Вероятно, она
требует сейчас.

Он дает ей выход. Позволяет ей
вытеснить отвратительный страх.

Он анализирует. Сканирует.

Определяет.

Его определение таково: он все еще
внутри саркофага, и системы гибернации

отключились. Нет, их отключили.
Коммуникационным сигналом.
Кодированным сигналом вокса.

Его разбудила кодированная вокс-передача, которая запустила автоматическую реакцию системы поддержки саркофага.

Саркофаг поврежден. Телемехр не верит, что сможет выбраться наружу. Он зовет, однако вокруг нет почтенных, которые могли бы дать совет или помочь ему.

Вокруг никого нет.

Он не изведает страха. Не изведает страха.

Имплантированный счетчик времени сообщает, что он спал чуть больше одиннадцати часов. Внешние сенсоры не работают. Он не может видеть. Не может открыть саркофаг. Нет входящей информации.

Есть только разбудивший его вокс-сигнал. Он цепляется за него. Пытается дешифровать.

Инерционные локаторы сообщают, что он неподвижен. Одиннадцать часов

назад или зафиксировано критическое перемещение, за которым последовал кинетический травматический пик, слишком сильный, чтобы изтерить его. Он не помнит этого. Должно быть, гиберстазис отключил его прежде, чем это произошло.

Вспыхивают сенсоры движения.

Поблизости что-то есть. Что-то приближается к саркофагу.

Друг или враг? У него нет данных. Никаких способов определить. Он не может навестись на цель. Саркофаг удерживает его. Запертый в ящике, он даже не может разрядить оружие.

Друг или враг?

Что-то бьет по внешней оболочке саркофага и рассекает замки. Что-то распахивает люк.

--- Ты там жив? --- спрашивает голос.

Внезапно Телетехр получает входящие оптические данные. Свет. Он чувствует, как воздух струится по его коже, хотя у нет кожи.

Голос исходит от фигуры, кажущейся силуэтом на фоне сияния.

--- Ответь, --- произносит голос. --- Ты способен действовать, друг?

Телемехр пытается ответить, однако голос не функционирует. Шум. Визг. Сухая одышка акустики. Он включает киберорганику, направляет энергию к суставчатым конечностям, страхивает покалывающее онемение стазиса и перемещается вперед.

Он неуклюже и неузящно выбирается из саркофага. Фигура отступает, чтобы дать ему выйти.

Он делает шаг из саркофага, давя ногами в пыль куски камня и стекла. Он чувствует на лице солнечный свет, хотя у него нет лица. Он потягивается фантомным позвоночником, вытягивает фантомные руки.

Включаются оружейные консоли. Загораются индикаторы подачи энергии. Текут ожившие потоки данных. Он глядит сверху вниз на освободившую его фигуру.

--- Благодарю. Вас. Повелитель, --- пытается произнести ему.

--- Ты меня знаешь? --- спрашивает воин.

--- Да. Тетрарх. Я. Опознал. Вашу
голосовую. Схему.

Эйкос Ламиаг кивает.

--- Это хорошо. Мое лицо не столь
узнаваемо, как было когда-то.

Телемехр подстраивает оптическую
подачу и детализирует ее на великом
тетрархе. Визуальный профиль Ламиага
не соответствует тому, который
хранится в автостековой памяти
Телемехра.

Прославленный золотой госпех
Ламиага помят и обожжен. Знаменитая
фарфоровая половина лица расколота и
изуродована. Тонкий механизм левого
глаза уничтожен.

Левой руки нет, начиная от локтя,
от нее осталась лишь кривая культя
госпека и скопление разорванных
киберволоконных кабелей, сломанных
керамитовых костей и изогнутых
искусственных мышц. Правой рукой
Ламиаг опирается на палаш, как будто
это посох странника.

--- Вы. Ранены. Лорг. Чемпион.

--- Ничего такого, чего нельзя

починить, --- отзывается Латиас. ---

Кроме, вероятно, моего сердца.

--- Вы. Получили. Повреждение сердца? Какого. Отгела?

--- Нет, друг мой, я выражался метафорически. Ты понимаешь, что сегодня произошло?

--- Нет. Где. Я?

Латиас поворачивается и указывает. Телемехр подстраивает оптический диапазон и расширяет его, как бы оглядываясь по сторонам. Пустынная область. Небо темное и испещрено пятнами высокой температуры. Пятна высокой температуры на близком расстоянии представляет собой строение значительных размеров, охваченное огнем. Можно различить и зафиксировать более удаленные, но, вероятно, более крупные пятна высокой температуры. Пустыня усыпана обломками, в основном --- военной техники легиона, большая часть которой уничтожена при столкновении. Телемехр осматривается. Он изучает собственный саркофаг --- смятый и наполовину зарывшийся в воронку от удара. Повсюду

вокруг разбросаны складские капсулы и контейнеры с оборудованием. Рядом еще два саркофага.

Телемехр проверяет наличие ноосферы, но ее нет. Он не может восстановить и настроить глобальное позиционирование с какой бы то ни было точностью.

--- Ты выпал со станции на нижней орбите, --- говорит Ламиаг. --- В то же время упали двое подобных тебе, однако их саркофаги уже были повреждены, и они не выжили.

Телемехр увеличивает изображение двух наполовину раскрытых саркофагов рядом с его собственным.

--- О, --- произносит он.

--- Как тебя зовут, друг? --- спрашивает Ламиаг.

--- Габрил. Нет. Не. Так. Телемехр. Повелитель.

--- Телемехр, нас атаковали сатымковарным и трусливым образом. Семнадцатый легион обратился против нас. Они вырезали нас, привели в негодность флот и орбитальные

сооружения и опустошили обширные участки Калта. Мы близки к поражению. Близки к гибели.

--- Я видел. Смерть, повелитель. Мы оба. Видели как. Она. Приближалась к нам. Но в обоих. Случаях. Она. Не забрала. Нас.

Латиас слушает. Он медленно кивает.

--- Я не думал об этом в таком ключе. Ты недавно создан, Телемехр, однако уже проявляешь мудрость почтенного. Техножрецы сделали хороший выбор, удостоив тебя этой чести.

--- Мне. Говорили. Это. Потому что. Я. Был совместит. Повелитель.

--- Думаю, что да. И не только биологически. После Батора меня чуть было не сделали таким же, как ты. Механикум Конора благословили меня более искусным воссозданием. Впрочем, оно не настолько крепкое.

Латиас бросает взгляд на раскuroченный обрубок руки.

--- Сегодня твой гредноут позволил тебе перенести потрясение лучше, чем мне.

--- Без вас. Повелитель. Я бы не смог.
Выбраться. Из. Моего. Ящика.

Латиас стееется.

--- Прошу вас. Снабдить меня. Полной
тактической. Информацией, --- произносит
Телемехр.

--- Я был там, --- говорит Латиас,
указывая на горящие здания на средней
станции. --- В Голофюзиконе. Это
должна была быть память о нашем
будущем, Телемехр. От орбитального
удара на всю эту область упал ливень
обломков. Большие куски. Они обрушились
на всю эту зону, словно метеоритный
дождь.

--- Я был. Огнем. Из них.

Латиас кивает.

--- Вон туда упал целый корабль, ---
произносит он. --- А туда --- секция
орбитальной платформы, которая
ударилась, будто шальная атомная бомба.
Голофюзикон получил прямые попадания.
Там не было никакой защиты. Я был
ранен. Большинство из остальных
присутствовавших погибли от ранений
при столкновении, ударного шока и

возгорания.

--- Это город Нутин, --- говорит он, указывая в другую сторону.

Телемехр сканирует очередное громадное пятно высокой температуры. Он сравнивает записанные координаты города и Голофүзикона и высчитывает свое местоположение относительно них с точностью до двухсот метров.

--- Нет. Информации, --- произносит Телемехр. --- Нет. Центрального Командования.

--- Нет.

--- Вы. Определились. С теорией. Повелитель?

--- Я пытаюсь собрать все силы, какие смогу спасти, --- отвечает Латиаг. --- Затем я намереваюсь нанести ответный удар предателям, сотворившим это.

--- Какова. Сила. Вашей. Армии. Сейчас. Повелитель?

--- Ты и я, Телемехр.

--- Почему?

--- Что «почему»? --- переспрашивает Латиаг.

--- Почему. Наши братья. Обратились.

Против. Нас?

--- Понятия не имею, друг мой. У
почти что боюсь узнать ответ. Боюсь
найти в этом ответе искру, от которой
вспыхнет наше будущее. Брат против
брата. Легион против легиона.
Гражданская война, Телетехр. Та беда, о
которой Империя даже никогда не
задумывался.

--- Мы. Не. Избегает. Страха.
Новелитель.

Латиас снова кивает.

--- Я. Ожидая. Ваших. Приказов.
Новелитель.

--- Город, -- произносит Латиас. --
Нутин. Если ты и должны где-то
устроить смертное поле, так это там.
Там будет враг.

--- Да.

Латиас разворачивается.

--- Что. С вокс. Сигналом.
Новелитель?

--- Каким вокс-сигналом?

--- Кодированным. Сигналом.

--- Мой вокс-модуль разбит, Телетехр.
Скажи, какой сигнал ты имеешь в виду?

Сам кто-то есть? Кто-то говорит?

[отметка: 11.40.02]

Огромные защитные створки, вдвое превышающие по высоте рост легионера, с шумением расходятся, втягиваясь в бронированную раму. Следом за ними, словно моргающие веки, открываются внутренние противовзрывные заслонки.

Вспомогательный мостик «Чести Макразге» открыт. Одна за другой, начиная сразу от правой створки и дальше вокруг помещения, начинают зажигаться консоли и посты мостика, запускающие автоматические циклы активации. Вспомогательное управление обладает встроенными в него резервными параметрами. На данный момент оно свободно от мусорного кода. Шифровальные ключи, закрепленные за наиболее вышестоящими кадрами, дают вспомогательному управлению полномочия воссоединиться с основной служебной и контрольной системой флагмана, чтобы почистить и переписать командные коды и, если это необходимо, получить контроль

наг кораблем.

Один ключ был у капитана Зедоффа, и он мертв. Другой был у Жиллимана, и он пропал.

Третий у Мариа Гейджа.

Он смотрит на капитана Гоммега и двух высокопоставленных магосов, которых они спасли в ходе боя в трюме. Гоммега не помнят, его форма загубела от чужой крови. Он пережил гибель своего корабля, «Святости Сараманта», лишь потому, что первый помощник уложил его бесчувственное тело в спасательную капсулу. Он бы предпочел умереть вместе с древним прославленным кораблем.

Гоммег также понимает, что возложенная на него сейчас обязанность столь же важна, сколь и неожиданна. Место Зедоффа у руля «Чести Макрагге» должен занять более квалифицированный и опытный капитан.

--- Готовы? --- спрашивает Гейдж. В его вопросе нет места «если». Он даже в теории не допускает, что Гоммег откажется от командования. Флот Ультратара гибнет. Он рассыпан в

окрестном пространстве Калта, за ним
охотятся, его гонят и расстреливают
хищные корабли Сетнадцатого и
неуправляемая ярость оружейной сети.
Нужно что-то делать. Может быть, уже
слишком поздно, но, по крайней мере,
необходимо попытаться.

--- Я готов, магистр ордена, ---
отзывается Голмег.

Сопровождаемый Голмегом,
магосами и толпой палубных офицеров с
управляющими сервиторами, Гейдж
подходит к главной консоли и вставляет
последний шифровальный ключ. Его
личность запрашивается, проверяется
генетическим сканированием и по
отпечатку сетчатки, потом сверяются
голос и феромоны. Затем Голмег делает
шаг вперед и позволяет записать, сверить
и закрепить его биометрические данные.

--- Управление у вас, капитан, ---
произносит магос.

--- Управление принято, --- отвечает
Голмег. --- Начать первичное
обслуживание, очистку и переписывание
контрольной системы. Три, два, один.

--- Очистка выполняется, капитан.

--- Подготовить протоколы перехвата, --- говорит Голмед. Он двинется к стратегическому сосредоточению возрастающей уверенностью в себе, или, по крайней мере, решительностью не выглядеть дураком. На ходу он начинает указывать влево и вправо, направляя офицеров на их посты. Те поспешно подчиняются, пристегиваясь или же, в случае с магосами и сервиторами, подключаясь.

--- Всем быть наготове, --- произносит Голмед. --- Всем постам, всем постам. Подтверждаю перехват через три минуты и хочу, чтобы в момент, когда мы оживем, все посты собрали и предоставили всю возможную информацию. Приоритет у двигателей, щитов, орудий и сенсоров.

--- В течение двух минут после перезапуска внешние тактические системы стратегического должны давать полный обзор и быть настроенными, --- добавляет Гейдж.

--- Пусть это скажет он, --- шипит Гейджу Эмпион. --- Голмед знает, что

делаает. Ему нужно знать, что кресло принадлежит ему.

— А мне нужно знать, как выглядит сражение, — говорит Гейдж. Он не говорит другого: «Мне нужно знать, не жив ли каким-то чудом Жиллиман».

Тиель и его ударный отряд наблюдают за процессом через входной люк, принимая меры предосторожности против возможного нападения. В теории крайне вероятно, что Несущие Слово уже высадились на флагман. Даже если Готмелг поставлен командовать, корабль может на самом деле принадлежать вовсе не им. Тиель испытывает непреодолимое желание направить отделения к основным шлюзам и ангарным палубам.

Это те места, которыми он бы воспользовался, чтобы взять корабль на штурм.

— Перехват завершен, — сообщает магос.

— Вспомогательное управление активно, — восклицает палубный офицер.

— Управление у меня, — подтверждает Готмелг.

И почти сразу же раздается возглас свеженазначенного вокс-магистра.

--- Сигнал! --- кричит он. ---
Кодированный сигнал с поверхности!

--- С поверхности? --- изумленно переспрашивает Эмпион. --- Но...

Гейдж делает шаг вперед. Он кивком велит вокс-магистру активировать полное шифрование и берет переговорный рожок.

--- Это Марий Гейдж, --- произносит он. --- Кто говорит от имени Калта?

[отметка: 12.00.00]

--- Вентан из Четвертой, --- говорит Вентан. --- Пожалуйста, подождите, пока мы проверим принадлежность и полномочия вашего кода.

Вентан опускает переговорный рожок и ждет, пока Киратика не передаст подтверждение от сервера.

--- Это снова Вентан, --- произносит он. --- Приятно вновь слышать ваш голос, магистр органа.

--- И твой, Вентан, --- раздается трескучий ответ, тональность которого изменена шифрованием сигнала. --- Еще несколько секунд назад мы были слепы. Мы думали, что поверхность мертва.

--- Не совсем, сэр, --- откликается Вентан. --- Однако не стану притворяться, будто картина благоприятна. Мы понесли тяжелые потери. После нападения мы потратили часы, пытаясь восстановить вокс-сеть и снова получить какую-то информацию. В течение следующих

нескольких минут я начну передавать вам сведения о выживших силах на поверхности и их позициях, по мере того как они будут поступать ко мне. С нами сервер Механикум, и она обрабатывает для нас входящие данные.

--- Вентан, вы можете перехватить контроль над оружейной сетью? ---
--- Трещит вокс. --- Сервер в силах это сделать? Ее контролирует враг, он использует ее, чтобы уничтожать флот. У нас нет шансов чего-либо добиться, пока они управляют сетью.

--- Подождите, --- отвечает Вентан. --- Я думаю, что когнитационная мощность этой информационной машины недостаточна, однако сервер занимается этим вопросом. Я сейчас с ней переговорю. Вам будут передаваться данные. Капитан Сиданс останется на линии для поддержания голосового контакта.

--- Гейдж принял.

Вентан передает переговорный рожек Сидансу и снова идет в стекловый зал вместе с Кирамикой. На лице Таурен спокойное, но терпеливое выражение, как

бүгүтө ее тело пүстө, а разүт үдалился
глубоко в дальние субэфирные пределы,
бросив физическую оболочку.

--- Установлен вокс-контакт с
шестьюдесятью семью группами
выживших, --- сообщает ему Киратика, ---
включая две колонны машин в Северном
Эрүде, роту бронетехники возле залива
Лиско и Четырнадцатый Гарнидский полк
тяжелой пехоты, который практически не
понес потерь в бункерном комплексе
провинции Силатор.

--- Продолжайте сбор. Активную
практику будет координировать примарх.

--- С флагамана ответил магистр
оргена, --- замечает Киратика. --- Не ваш
примарх. Вы уже обсуждали орбитальные
потери?

--- Что ты имеешь в виду?

--- Орбитальные потери критичны, и
они ежеминутно возрастают по мере
того, как сеть охотится за новыми
целями. Жив ли ваш примарх? Возможна
ли вообще активная практика?

Вентан резко оборачивается к ней.

--- Я могу поговорить с сервером? ---

спрашивает он.

--- Она в полном погружении.

--- Я ценю ее усилия, однако мне необходимо поговорить с ней.

Кирамика кивает. Она подает деликатный бинарный сигнал.

Таурен открывает глаза.

--- Капитан, --- кивает она. Вместе с ее голосом постоянно пощелкивает фоновый неровный несущий сигнал.

--- Сервер, наше приоритетное направление --- оружейная сеть. Каковы ваши успехи?

--- Я могу подтвердить, --- спокойно произносит она, --- что эта машина не в состоянии ни перехватить контроль над сетью, ни осуществить управление сетью после перехвата. У нее элементарно недостаточно мощности.

--- Есть ли альтернатива?

--- Я пытаюсь определить, --- отвечает она. --- Похоже, что на данный момент на Калте нет ни одной работающей информационной машины, которая подошла бы для этой задачи и которая при этом не заражена вражеским

түсөрнүм кодот. Впроче, дла полүченія
точнотго ответа вам необходимо ждаты
тотого окончательнотго рещенія.

--- Сколькото этото займет? ---
спрашивает Вентан.

--- Не знаю, капитан, --- отзывается
Таурен.

Вентан слышит позади себя звүк
шагов и оборачивается.

В двернотм проеме стоит Суганс.

--- Вам стоит погойти, сэр, ---
говорит он.

Вентан кивает.

--- Проинформирүйте меня сразу же,
как полүчите ответ, --- говорит он Таурен
и выходит.

Таурен вновь переносится в
информационнүю вселеннүю. Ее
безмятежность сознательна и отработана
годами тренировок. Держа разум в
спокойнотм состоянии, сервер может
справляться с обработкой данных более
высокой сложности. На самом же деле она
борется с внутренним волнением.

Теперь, когда информационная
машина работает, она видит все. Или, как

минимум, видит ситуацию в большем объеме, чем кто бы то ни было, исключая врага. Она видит поистине устрашающий масштаб потерь: общее число погибших, ущерб, нанесенный Тринадцатому легиону, пылающие города, вырезанное население, опустошенные территории и систематическое уничтожение флота. При любых других обстоятельствах Калт бы сочли потерянным, а битву --- проигранной.

Единственное, что их поддерживает, --- собственная Ультратарину целеустремленность: их бесстрашная решимость придумать новый практический план, переиграть даже безнадежный расклад.

Это хуже, чем безнадежный расклад. Таурен видит. У нее есть синхронная инфосводка по планете, и она видит, что даже уцелевшие силы лоялистов находятся под мощным натиском и гибнут, загнанные в угол, отбивая нападение со всех сторон, медленно приближаясь к полному уничтожению. Они слишком разрозненны и слишком изолированы друг

от друга. У врага превосходство во всех отношениях.

Это угасание. Сеть могла бы изменить это, но ее невозможно вызвать или взять под контроль.

Это вытирание. Это смерть Калта. Это конец Тринадцатого легиона.

[отметка: 12.07.21]

--- Я подумал, что вам необходимо это увидеть, --- говорит Селатон. Они выводят Вентана наружу, на изрытые воронками газоны дворца.

--- Пленник? --- недоверчиво спрашивает Вентан.

Когда Четвертая врезалась в них, большая часть врагов бежала. Многие не покинули позиции и дрались насмерть. Однако этот сдался в плен.

Он стоит на газоне возле разбитого фонтана, охраняемый четырьмя Ультратаринати.

Вентан предоставляет Селатону заниматься своими делами и приближается к Несущему Слово. Доспехи воина помяты и окровавлены. Лицо покрыто

пятнами крови. Он смотрит на Вентана и кажется почти что улыбающимся.

--- Уля, --- спрашивает Вентан.

--- Морнал Ксир, --- отвечает Несущий Слово.

Один из стерегущих его Ультратаринов показывает Вентану оружие, которое было при Несущем Слово во время пленения. Сломанный болтер. Большой кинжал из черного металла с обмотанной цепочкой рукояткой. Кинжал необычен. Он выглядит как ритуальный и церемониальный: в меньшей степени оружие, в большей --- символ статуса.

--- Ты был старшим офицером? --- интересуется Вентан.

--- Я командовал, --- соглашается Ксир.

--- Есть ли причины, по которым мне не следует просто тебя убить, ублюдок? --- спрашивает Вентан.

--- То, что вы все еще живете согласно законам. Согласно вашей Имперской Устине. Согласно чести. Согласно этике.

--- Все то, о чем вы забыли.

--- Все то, что мы сознательно отвергли, --- поправляет Ксир.

--- Это старая вражда? --- спрашивает Вентан.

Ксир смеется.

--- Какое типичное высокомерие! Как же оно свойственно ультрамарскому образу мышления. Да, сегодня мы удовлетворили свою неприязнь к вам. Однако на Калт мы напали не поэтому.

--- В таком случае, почему? --- спрашивает Вентан.

--- Галактика охвачена войной, --- отзывается Ксир, --- войной против Ложного Императора. Мы следуем за Хорусом.

Вентан не отвечает. В этом нет смысла, однако после невероятных событий этого дня нужно, как минимум, убедиться в очевидной бессмысленности. Он снова смотрит на ритуальный нож. Тот обратителен. От его формы и исполнения Вентану становится неуютно. Он думает, что такое же оружие носили культисты братств. Он убирает нож в пояс. Он покажет его серверу. Возможно, информационная машина сможет предоставить какую-либо проливающую

свет информации.

--- Утак, галактика охвачена войной? --- переспрашивает он.

--- Да.

--- Гражданской войной?

--- Гражданской войной, --- отзывается Ксир, как будто гордится ею.

--- Воитель Хорус обратился против Императора?

Ксир кивает.

--- Новостям нужно время, чтобы дойти, --- весело сообщает он. --- Довольно скоро все о ней услышат. Но только не вы. Никто из вас. Ни один из Тринадцатого. Смиритесь с тем фактом, что вам осталось жить считанные часы.

--- Если ты позволил взять себя в плен только ради того, чтобы попытаться запугать нас, то ты глупец, --- произносит приближающийся к ним Сүлл.

--- Я здесь не для того, чтобы запугивать, --- говорит Ксир. --- Я бы предпочел умереть, однако у меня, как у командира, есть долг. Долг предложить вам условия.

Сүлл вытаскивает меч.

--- Разреши мне заткнуть этого предателя, --- произносит он.

--- Подожди, --- отвечает Вентан. Он смотрит на Несущего Слово. У Ксир насмешливое и самоуверенное выражение лица.

--- Ему известно, что мы не причиним ему вреда, пока он в плену, Сүлл, --- говорит Вентан. --- Он насмехался над нами из-за этого. Насмехался над нашими цивилизованными законами и принципами. Он смеется над нами потому, что у нас гуманистическая этика. Если это худшее, что он может сказать, --- пусть говорит.

Сүлл издает рычание.

--- В самом деле, Тей, --- произносит Вентан, --- он думает, что это оскорбление? Что у нас есть моральные нормы, а у него нет?

Ксир смотрит Вентану в глаза.

--- Твоя этическая установка достойна восхищения, капитан, --- говорит он. --- Не пойми меня неправильно. Мы, Семнадцатый, восхищается вами. В благородных Ультрамарирах есть много того, чем следует восхищаться. Ваша

реши́тость. Ваше чу́ство долга. И в
особенности ваша верность. Не хочу, чтобы
эти замечания показались фальшивыми. Я
говорю искренне. То, что вы воплощаете и
поддерживаете, -- проклятие для нас, и мы
обратили против этого ору́жие. Мы не
остановимся, пока проклятие не будет
сброшено. Но это не мешает нам
постоянно восхищаться силой, с которой
вы его защищаете.

Ксир переводит взгляд с Вентана на
Сүлла, а затем обратно.

-- Вы были тем, чем мы не смогли
стать, -- произносит он. -- А затем нам
открылась истина. Изначальная Истина. И
мы поняли, что вы были всем тем, чем мы
не должны быть.

-- Его болтовня меня утомляет, --
говорит Вентану Сүлл.

-- Вы -- люди чести и разума, --
продолжает Ксир. -- Вы понимаете
условия. Именно поэтому я воздержался от
смерти, которую бы с радостью принял, и
пошел на это унижение. Я пришел
предложить вам условия.

-- У тебя минута, чтобы их

изложить, -- произносит Вентан.

-- Не сумею захватить дворец и уничтожить вас, -- начинает Ксир, -- я разочаровал своего полевого командира. Лептий Нутин был обозначен как основная цель. Понимаешь, о чем я, капитан? Одно лишь то, что вы победили меня, не помешает прийти другим. К моменту моего пленения на Лептий вместе со своим воинством нагвигался командующий федрал фелл. У него в двадцать раз больше сил. И он не человек чести, капитан, не в том смысле, как вы понимаете этот принцип. Сдайтесь сейчас. Сдайтесь мне, и я поручусь в вашу пользу. Ты и твои люди здесь -- ваши жизни будут сохранены.

-- Чего ради? -- спрашивает Сүлл. -- Жизнь, сохраненная на таких условиях, -- это не та жизнь, о которой я стал бы заботиться.

Ксир кивает.

-- Понимаю. Я это предвидел. Между нами не может быть сближения. Мы слишком глубоко погрязли в крови.

-- Тогда чего ты ожидал? --

интересуется Вентан. -- Что ты сгадился тебе? Объединимся с тобой, с Семнадцатым, и -- если ты говоришь правду -- с Хорусом? Против Терры?

-- Разумеется, нет, -- отвечает Ксир. -- Но я ждал, что, быть может, вы хотя бы услышите нашу истину. Это не то, что ты думаешь, капитан. Она прекрасна. Ваше понимание Галактики изменится. Сбвиз парадигмы. Вы будете удивляться, почему когда-то думали то, что думали. Будете задавать, как и почему в этом виделся смысл.

-- Ксир, -- произносит Вентан. -- Я выслушал твои условия и твое предложение. Я официально отвергаю и то и другое.

-- Но вы умрете, -- говорит Ксир.

-- Все утирают, -- отвечает Вентан, отворачиваясь.

-- Это будет плохая смерть, -- окликает его Ксир. -- В ней не будет славы. Это будет бессмысленный и жалкий конец.

-- Даже славная смерть бессмысленна, -- отзывается Вентан.

--- Фелл покарает вас! Покарает невообразимыми способами! Он вобьет вашу плоть в землю!

--- Не обращай внимания, --- говорит Вентан Сүллү.

--- Так же, как мы поступили с вашим примархом! --- выкрикивает Ксир. --- Мы будем резать вас, пускать вам кровь и убивать, как резали и пускали кровь ему! В конце он просил о смерти. Молил о ней! Умолял нас, как трус! Он рыдал! Умолял нас прикончить его. Прекратить его муки! А мы растеялись и поточились на его сердце, зная, что он боится.

Вентан не в состоянии его остановить. Но Сүлл метнулся, как тень. Тело Ксира рассечено от левого бедра до горла огненным вспарывающим ударом. Кончик меча Сүлла вонзается снизу в челюсть Ксира.

Из Несущего Слово бьет кровь. Оно качается. Черная кровь льется из раны по ногам, по застрявшему клинку и по руке Сүлла. Она струится изо рта Ксира. Рот полукругом открыт. Вентан видит тонкое стальное острие меча, которое торчит

между нижних зубов.

Ксир смеется.

Он что-то бормочет, давясь кровью и заткнувши ему рот мечом.

Вентан отталкивает Сүлла в сторону и хватается за меч, чтобы выдернуть его и милосердно подарить быструю смерть.

— Ну наконец-то, — булькает Ксир. — Я все д-думал, ч-что же н-понадобится... Я знал, ч-что у кого-нибудь из в-вас найдутся яйца.

Он начинает падать, заваливаясь на колени, прежде чем Вентан успевает вытащить меч. На сухой земле вокруг него образуется кровавая лужа, которая растекается во все стороны, словно пурпурное зеркало. Четверо

Ультратаринов отступают в молчаливом неодобрении. Сүлл не отводит глаз, проклиная себя за то, что позволил ярости вырваться наружу.

Наружу вырывается еще что-то.

Ксир хохочет. От стеха из рта выталкиваются новые волны крови. Она густая. С комками. Обрывки ткани. Стех —

бұльканье, словно от забитого водостока.

Ксир разделяется по линии нанесенной мечом раны. Он раскалывается от бедра до горла. Затем череп тоже расходуется по вертикали, будто раскрывающийся стручок гороха. Плоть рвется и раздвигается, как волокнистая материя. Меч падает на окровавленную землю.

Ксир стоит на коленях, раскрывшись выше пояса, словно кровавый цветок. Каким-то образом он все еще стееет.

А затем выворачивается наизнанку.

Вентан, Сүл и охранники отшатываются в смятении. Их забрызгивает кровью. Хребет Ксира растет, будто окаменевший древесный ствол, отращая странные ветви, которые выглядят так, будто состоят из костей рук. Грудная клетка распахивается, как костяные крылья. Органы пульсируют и разрастаются, размазывая ткани и жилы по перестраивающемуся скелету.

Ксир становится сосудом. Что бы ни таилось внутри его, что бы ни прорастало

сквозь него из варна, оно гораздо крупнее, чем могла содержать в себе его физическая форма.

Растущие конечности становятся черными и чешуйчатыми. Обрастают щетиной и шипами. Вытягиваются, будто ноги гигантского паукообразного. Вырастающие из открытых ребер скорпионьи хвосты извиваются и бьются, словно кошмарная гирлянда. Жала блестят, как ножи.

У Ксира прорастает и постепенно оформляется новая голова, которая медленно поднимается вверх из склоненного положения. Ротовые органы пощелкивают. Огромные фасетчатые глаза поблескивают и радужно переливаются. Из черепа прорастают рога, громадные прямые рога какого-то древнего эгейского демона-быка.

Ксир все еще стееет, но это больше не Ксир.

Воздух, словно буря жужжащего тепла, заполняют мясные тухи.

--- Самус, --- хохочет Ксир. --- Самус здесь!

В Конечной фазе любого сражения или же в любой момент после осуществления Решительного Удара необходимо признать поражение. Зачастую это является наиболее тяжелым уроком для воина. Об этом редко пишут, оно не ценится и не имеет определений. Вы должны понять, когда проиграли. Осознание этого состояния столь же важно, как и осознание победы. Когда, следуя теории, вы поняли, что проиграли, то уже можете решать, какой наилучший практический итог можно получить. К примеру, вы можете выбрать отступление, сохраняя тем самым живую силу и военную технику, которые в противном случае

бүдүт истреблены. Можете предпочесть сдаться, если продолжением вашей жизни, пусть даже и в плену, можно чего-либо достичь. Можете решить проглотить последние усилия, нанося победителю как можно больше карающего ущерба, чтобы ослабить его для других противников. Можете выбрать смерть. То, как воин справляется с поражением, является более важной характеристикой его мужества, чем поведение при победе.

Жиллиман.

Примечания

к

Воинской

кодификации,

26.16.XXXV

[отметка: 12.17.46]

--- Кто такой... Самус? --- спрашивает вокс-мастер. Затем он дергается и срывает гарнитуру с ушей.

--- Докладывайте! --- рявкает Гейдж.

--- Внезапный и продолжительный перебой, --- говорит вокс-мастер, проворно трясая наг консолью, чтобы восстановить соединение. --- Похоже на помехи. Звучит как крупное искажение штурмового тона, как будто в области Лептия Нүтина наступила плохая погода.

--- Вы потеряли вокс-контакт? --- спрашивает Гейдж.

--- Вокс-связь с Лептием Нүтином приостановлена, --- сообщает вокс-мастер.

--- Тем не менее информационный канал все еще активен, --- произносит магос на соседнем посту. --- Информационная машина дворца все еще обрабатывает и передает данные.

--- Восстановить связь, --- говорит Гейдж вокс-мастеру.

Гейдж идет через зал к стратегическому, где капитан корабля Голмед и его офицеры изучают быстро появляющуюся тактическую схему. Это трехмерное гололитическое изображение Калта и окрестных областей космоса.

Информация неутешительна.

Практически все орбитальные станции погибли или настолько повреждены, что их придется разрушать и заменять, а не ремонтировать. Флотские формирования

Семнадцатого бомбардируют южное полушарие Калта. Остальная часть его флота создала себе открытую господствующую позицию на орбите.

Флот Ультратара разгромлен. От его изначальной мощи осталась пятая часть. Уцелевшие корабли либо отступают на дальнюю сторону местной звезды, чтобы избежать прямой атаки флота или уничтожающего обстрела со стороны оружейной сети, либо же, как «Честь Макразге», дрейфуют, потеряв управление, в зоне высокой швартовки.

Не осталось почти ничего, чем

можно воевать. С ними разделались. Все
кончено. Несущим Слово осталось лишь
погубить последние сражающиеся корабли
флота Тринадцатого.

Похоже, что это не вызовет никаких
сложностей у оружейной сети. Она
уничтожила местный мир-кузницу,
небольшую луну с наступательными
возможностями, звездный форт возле
точки Мангевилля, а также несколько
линкоров.

— У нас есть сенсоры, — произносит
капитан корабля, — и мощность
нарастает. В течение пятнадцати
минут я прогнозирую объем, достаточный
для орудий или двигателя. Но не
одновременно.

— А что со щитами? — интересуется
Гейдж.

— Я думаю, что орудия и двигатель
обладают более высоким приоритетом.

Гейдж кивает. Теория логична. К
флагману фактически пришвартованы
три крейсера Несущих Слово. Оружейная
сеть не станет стрелять по «Чести
Макрагге», пока они настолько близко.

Крейсеры не станут стрелять, поскольку до сих пор не сделали этого. Они подошли вплотную, чтобы начать штурм.

Враг хочет получить флагман неповрежденным.

Гейдж видит схему. Сначала он не мог понять, почему многие из уцелевших кораблей Ультратарина — это наиболее крупные и мощные линкоры. Ведь естественно, что противник, который контролирует оружейную сеть, в первую очередь стал бы сбивать самые серьезные угрозы.

Все сохранившиеся корабли беспомощны и дрейфуют, как «Честер Макрагге». Как только они избавятся от воздействия мусорного кода или электромагнитного импульса и начнут движение или поднимут щиты, сеть уничтожит их.

Несущие Слово намереваются захватить не тронутыми как можно больше крупных боевых кораблей легиона. Хотят усилить свой флот. Нарастить ударную мощь.

Они хотят повернуть корабли

Ультратарина против Империи.

Что за чушь там вещал Лоргар в конце? Хорус обратился? Гражданская война? Он был безумен, к тому же это был не Лоргар. Это была какая-то подделка сенсаций. Какой-то эффект прорыва империи.

Гейдж знает, что лжет самому себе. Сегодняшний день изменил лик галактики так, как не могла бы предсказать даже самая дикая теория. Он надеется, что ему не придется жить, безропотно снося новый порядок.

Сколько бы долгим ни оказался остаток его жизни, он не допустит, чтобы корабли Ультратара использовали против Империи.

Он оборачивается к Эмиону.

--- Твои отделения на месте?

--- Да, --- отзывается Эмион.

--- Готовность, --- распоряжается

Гейдж. --- Отбить тех, кто идет на борт. Найдите их и выбейте с этого корабля.

Олл Перссон велит им ждаты.

Дым покрывает реку, пристани и доки. В устье горят два контейнеровоза, в неподвижном тумане от них разлетаются пляшущие желтые пухинки. Как будто весь мир находится в газообразном состоянии.

Он велит им ждаты — Графту, Зибесу, двум солдатам и безмолвной девушке. Они укрываются в доминиканского пилота, из которого видно место посадки. Они все вооружены, кроме Графта и девушки. Она так и не проронила ни слова и не посмотрела никому в глаза.

Олл закидывает на плечо ремешок винтовки и находит тихое местечко в одном из складов. Раньше он часто приезжал на Неридскую косу в базарные дни. Там всегда был свежий улов, несмотря даже на то, что портовые районы были в первую очередь промышленными. Вдоль пристаней и платформ среди громогласных контейнеров сновали сотни лодок.

Теперь все изменилось. Несколько громадных морских волн вышвырнули лодки на улицы и разбили их о жилища и

заводские постройки. Улицы залиты водой и по колено завалены мусором и обломками. С водой и того хуже. Она похожа на бурое масло, и в ней плавают тела, тысячи тел. Они загромоздают платформы, сбиваются под мостами и дорожками голов, собранные изменившимися течениями, будто выброшенный за борт хлам.

Это место пахнет смертью. Подводной смертью.

Олл садится и открывает свою старую сумку. Он извлекает несколько предметов, которые успел вынести из спальни, и раскладывает их поверх старого ящика.

Маленькая жестянка, табачная жестянка для грубо порезанных листьев лхо. Он давным-давно не курит, однако это сделали несколько его более старых версий. Он со щелчком открывает жестянку, чувствует запах лхо и встряхивает на ладонь травичный узелок. Разворачивает его.

В точности такие, какими он их запомнил. Маленький серебряный котпас и

агатовый маятник. Ну, они кажутся серебряным и агатовым, и он никогда не направлял тех, кто называл их так. Черный камень повешен на очень тонкой серебряной цепочке. С тех пор как он в последний раз пользовался этими предметами, прошло много лет. Олла подозревает, что прошли века, однако отполированная черная сфера на конце цепочки теплая.

Компас изготовлен в виде человеческого черепа, это прекрасный образчик художественной работы по металлу размером меньше большого пальца. Череп вытянут чуть больше стандартных человеческих пропорций, и это наводит на мысль, что образцом для исполнения на самом деле послужил не человеческий череп. Коробочка черепа открывается по линии челюсти на точно спроектированных петлях так, что небо рта оказывается шкалой компаса. Отметки на ободке настолько мелкие и тонкие, что для того, чтобы прочесть их, потребовалась бы лупа часовщика. У Оллы есть такая.

Когда он перемещает крохотный прибор, простая черно-золотая стрелка плавно поворачивается.

Он ставит его, ориентировав на север. Наблюдает, как подергивается стрелка.

Олл достает из сумки небольшой блокнот с застежкой и раскрывает его на пустой странице. Половина блокнота заполнена старыми записями от руки. Он извлекает стилус, открывает его и записывает дату и место.

На это уходит несколько минут. Он подвешивает маятник над компасом на серебряной цепочке и позволяет ему раскачиваться. Он проделывает это несколько раз, занося в тесные столбцы углы и направления вращения вместе с отклонениями стрелки компаса. Он высчитывает и записывает азимут. Затем пролистывает страницы блокнота назад, раскрывает сложенный желтый лист бутаги, вклеенный в заднюю часть обложки, и изучает таблицу. Ее составили на Терре двадцать две тысячи лет назад, это копия таблицы,

составленной за двадцать две тысячи лет до того. В те дни его почерк выглядел заметно иначе. В таблице показана роза ветров сторон света. Это часть записанной тушью великой тайны. Олл размышляет о двух силах, которые столкнулись на Калте, и думает, что в одном обе они правы. В другом они сходятся. Их главная сила — слова, по крайней мере, некоторые слова. Информация — это победа.

— Фраскиада, — говорит он самому себе. Как он и подозревал, им понадобится лодка.

Он собирает вещи столь же аккуратно, как и разворачивал их, проверяет ружье и отправляется на поиски остальных.

Бейл Рейн с сомнением глядит на Ялик.

— Залезай быстрее, — говорит Олл.

Ялик — рыболовное суденышко на дюжинну человек с небольшой крытой кабиной и глинным узким корпусом.

— Куда ты направляешься? — спрашивает Зибес.

--- Отсюда, --- отвечает Олл, загрузжая на борт несколько ящиков. --- Далеко Фраскиада.

--- Что? --- переспрашивает Зибес.

--- На северо-северо-запад, --- поправляется Олл.

--- Зачем? --- спрашивает Рейн.

--- Нам туда надо. Помоги мне с ящиками.

Они погрузили кое-какую еду в банки, завернутые в фольгу пайки, медицинские припасы и еще некоторые важные вещи, взятые из домика пилота. Кранк и Графт отошли по платформе, чтобы наполнить четыре больших пластиковых бочки питьевой водой из портовых цистерн.

--- Мы будем грести? --- интересуется Рейн.

--- Нет, тут есть мотор. Небольшая термоядерная установка. Однако она шумит, а временами нам понадобится вести себя тихо, так что мы берем и весла.

--- Я не буду грести, --- говорит Рейн.

--- А я тебя и не прошу, парень. Для этого мы взяли Графта. Он не устает.

Этот мальчик, Рейн, становится
суетливым. Олл это видит. Они все
нервничают. Все, кроме Кэтт, которая
просто сидит на швартовочной тумбе,
глядя на тела в воде. На улицах выше по
косе стрельба и шум танков. Гудение
танков и собачий лай.

Вот только Олл знает, что это не
собаки.

--- Уди и помоги своему другу с водой, ---
говорит Олл. Он забирается на борт,
чтобы проверить электрику и запустить
двигатель на холостых оборотах.

Рейн идет назад по платформе в
сторону цистерн. Порывистый ветер
гонит по пристани черный дым, заставляя
его кашлять.

Он даже не думает о Нив. Он вообще
не думает.

И вдруг она просто оказывается там.
Прямо перед ним, словно выступив из
дыма.

Она улыбается. Она никогда не
казалась ему настолько красивой.

--- Я тебя искала, Бейл, --- произносит
она. --- Я думала, что больше тебя не

убижу.

Он не в силах говорить. Он идет к ней с распростертыми руками и слезами на глазах.

Возле цистерн Кранк поднимает голову. Он видит на мостках Рейна. Видит, что тот делает.

--- Бейл! --- кричит Кранк. --- Бейл, нет! Нет!

Он бежит на помощь, но на его пути неожиданно оказываются люди. Люди на причале. Люди появляются из дыла. Они большие и грязные, одеты в черное. Они худощавы, будто от недоедания. У них ружья, винтовки. У них ножи из черного стекла и грязного металла.

Винтовка Кранка прислонена к цистерне. Он пятится назад. У него нет шансов добраться до нее.

Братья Ножа смеются над ним.

--- Убить его, --- обращается к Ушметар Каул Криол Фоуст.

[отметка: 12.39.22]

Загерметизировав госпехи, шестой истребительный отряд выходит из

шлюзового порта номер 86. Во главе
отделения Туель. Эмпион лично возложил
на него эту ответственность, хотя среди
выживших, собранных на борту корабля,
было несколько капитанов, которые сочли
бы это за честь.

По «Чести Макразге» движется сорок
отрядов. Сорок истребительных команд по
тридцать человек каждая. У них болтеры
и оружие ближнего боя. Трое братьев в
каждом отряде тащат магнитные мины.

Команда Туеля выходит позади
одного из основных позиционирующих
двигателей левого борта. Это гигантская
массивная громада, похожая на башню
железного блока. С каждой стороны
установлены растреды выпускной системы,
из которых вышли бы купола для храмов
приличного размера.

Над двигательным комплексом
поднимается Калт: яркий восход планеты
над проклятой башней. Калт похож на
Старую Терру — зеленые массивы суши и
синие моря, затянутые белыми облаками.

Однако Туель видит на нем
стертельные раны. Часть сферы скрыта

спиралью бурых, словно сажая, грозových туч,
а некоторые места выглядят как вмятины
на коже плода. Атмосфера полностью
обесцвечена. По ту сторону извилистой
тени границы дня и ночи районы южного
континента залиты сияющим оранжевым
мерцанием, словно горячие угли на
решетке колосников.

Магнитные захваты на подошвах
удерживают его на поверхности корпуса.
Продвигаясь вперед, он расширяет себе
обзор. Он с необычайной отчетливостью
видит окружающее Калт пространство.
Видит, как орбитальные сооружения
светятся отблесками пламени,
пожиряемые пожаром. Видит, что
ближайший из естественных спутников
планеты почернел и испещрен следами
обстрела.

Ближе находятся корабли. Тысячи
кораблей. Горящих кораблей. Дрейфующих,
рассыпанных, ставших жертвами
нападения, разбитых на куски и
уничтоженных. Неторопливые рои
обломков, безмолвные облака
поблескивающего металлического мусора.

В пустоте мерцают и вспыхивают лучи энергии.

Звездное небо, громадное бесконечное пространство галактики безучастно и бесстрастно глядит на все это.

Свет звезд холоден. Он похож на резкий и ясный закат колоссальной яркости. Ничто не нарушает равнодушного бледно-синего великоления веригийского солнца. Все тени резко очерчены и глубоки. Вокруг него либо болезненно яркий свет, либо черная как столь тень.

Все легионеры подготовлены к бою в условиях вакуума и при нулевой гравитации. Строго говоря, это ни то ни другое. Флагман является источником ограниченного притяжения, а к корпусу корабля прилегает тонкая воздушная прослойка --- атмосферная оболочка, которую поддерживают генераторы гравитационного поля, чтобы способствовать работе открытых пусковых ангаров и причальных боксов.

Впрочем, все равно сложно различать верх и низ. Перед ними, словно край света, открывается ландшафт левого борта

корабля. Это сложное сооружение из труб и башен, вентиляционных шахт и арок, блоков и пилонов. Масштабы его огромны. Устремительная команда перемещается гигантскими скачками от одной поверхности к другой, продвигаясь вниз по борту корабля, словно акробаты, которые двинутся через городское пространство с крыши на крышу.

Пониженная гравитация увеличивает их силы. Один уверенный шаг превращается в десятиметровый прыжок. Несмотря на часы теории и тренировок, необходимо время на овладение практикой. Всегда есть опасность шагнуть слишком широко, оттолкнуться слишком сильно, улететь слишком далеко. У более широких пропастей, ущелий охлаждающих вентиляционных шахт левого борта и огромных каньонов межпалубных зубчатых стен члены устремительной команды используют краткие импульсы тяги пустотных ранцев, пересекая адамантиевые рубежи и стальные разломы.

Крейсер Несущих Слово «Либер

Колхис», громадное багряное чубовище, пристыковался к заднему левому борту «Чести Макразге», словно кровососущий паразит. Пространство между двумя кораблями абсолютно черное, свет звезды полностью заслонен.

Однако в черноте светятся огни. Продвигаясь со своим отрядом, Тиель опознает искры и свечение режущего инструмента и пристегнутых прожекторов. Готовые к эвакуации команды Несущих Слово словно хирургическим ланцетом вскрывают корпус флагмана, чтобы атаковать крупные трюмы и позволить штурмовым силам осуществить прямой переход.

Предполагается, что от других точек выхода должны прибыть четвертая и восьмая истребительные команды, чтобы объединить силы против этого вторжения, однако Тиель не видит никаких признаков этих команд. Сколько еще времени ему следует дать им? По мнению Тиеля, угроза абордажа слишком долго оставалась без ответа.

Он бросает взгляд на Антероса, своего

заместителя.

И подают сигнал.

Они атакуют.

Они быстро несутся на пустотных
ранцах вдоль широкого каньона ярко
освещенного теплообменного канала,
пролетая в неподвижной тени силового
соединения размером с подвесной мост. За
ними по корпусу следуют их крохотные
тени.

Половина являющейся их целью
группы стоит на самом корпусе флагмана.
Другая половина — на боку причальной
башни, построенные перпендикулярно
остальным. К пластинам корпуса
применяют мелта-инструменты. Из
открытых грузовых люков
пристыкованного крейсера выдвигаются
громоподобные режущие головки.
Относительно Туеля крейсер находится
наверху, а выдвинутые резки свисают с
него, взрызаясь в корпус флагмана. С
режущих головок во тьму срываются струи
раскаленных добела искр.

Туель стреляет из болтера, и заряды
уносятся прочь, оставляя за собой

подрагивающие хвосты огня, как паяльная
лампа. Звук нет. Они разрывают
нагрудник Несущего Слово, который
охранял выход теплообменника, однако
смотрел не в ту сторону. Торс взрывается
огненным шаром, разбрасывая осколки и
шарики крови. От удара он согрогається и,
переворачиваясь, заваливается назад.
Цель проносится мимо вертящегося
трупа, снова стреляя. Третий выстрел
проходит мимо цели, бесшумно оставляя
на корпусе воронку. Четвертый попадает в
лицо Несущему Слово, разворачивая того в
фонтане искр и пламени. Из разбитого
черепа хлещет кровь, которая колеблется
и извивается в невесомости.

Остальная часть истребительной
команды открывает огонь. Они мчатся
через район цели, словно группа «Молний»
на бреющем полете, и Несущие Слово
гибнут, когда болтерный обстрел
толотит по ним, пробивая их насквозь.
Тела падают и подскакивают. Некоторые
распадаются на части, выпуская наружу
облака кровавых бусин, которые
колеблются, словно ртуть. Один из

Несущих Слово получает попадание такой силы, что его тело улетает прочь на огромной скорости, уменьшаясь в размерах. Еще одного задевает взрывной волной, из-за которой его собственный пустотный ранец дает сбой, и он взмывает вверх на раздвоенном столбе пламени, жестко сталкиваясь с бронированным корпусом находящегося над ним крейсера.

Четверо Несущих Слово утирают, не разоткнув магнитные захваты на своих подошвах, и просто остаются стоять на корпусе, безвольно опустив руки, будто изваяния или ушедшие на дно моря тела с привешенным к ногам грузом.

Окружающее пространство заполнено плывущими и кружащимися скоплениями крови. Они разбиваются о Тцеля, разлетаясь на более мелкие кровавые бусинки и разливаясь по его доспеху. На мгновение ему заливает визор, и он лишается обзора.

Он резко тормозит, отлетает назад и приземляется.

Он протирает визор как раз вовремя, чтобы увидеть, как к нему по корпусу

скачками движется Несущий Слово. Они оба находятся на борту причальной башни, и их «земля» расположена под углом девяносто градусов к плоскости корабля. Без Несущего Слово, которому способствует пониженная гравитация, кажется преувеличенным, почти что комичным. Он стреляет из своего оружия. Болт проносится мимо Тиеля. Тиель стреляет в ответ. Бесшумные стремительные заряды отрывают врагу правую ногу и разносят в клочья оба наплечника. Удары мгновенно меняют его курс, превращая прыжок вперед в жестокое падение назад и вращение. Его отбрасывает от ускорительной установки и ударяет о корпус под другим углом.

Тиель разворачивается. Он еле-еле разворачивается от силового толчка, рассекающего тьму. Он убивает его владельца одиночным выстрелом, который отбрасывает врага назад, из тени в свет. Но там еще двое. Оба приближаются с режущими инструментами: шинящей от нагрева корпускулярной горелкой и силовым резаком. Несущие Слово движутся

и немудрыми большими медленными прыжками.

У Тиеля при себе электромагнитный дуэльный меч. Он извлекает его из ножен и взгоняет два болтерных заряда в грудь Несущему Слово с резакотом, взрывая массу пляшущих кровавых бусинок. А затем встречает приближающуюся полыхающую горелку.

Она может рассекать пустотные корпуса. И уж точно может рассечь его.

Тиель использует всю глину и остроту меча для достижения максимального эффекта. Он разрубает обтекатель горелки и держащую ее руку. Из отсеченной руки льется кровь, а из разрубленной горелки рвется жгучая энергия. Попад в сферу белого пламени, Несущий Слово силится отойти назад, он бьется, плавится, сгорает. Тиель рискует один раз сильно ударить врага ногой в грудь, чтобы сбить того. Слишком яркий, чтобы на него глядеть, гибнущий Несущий Слово переворачивается, улета прочь. Выпущенная на свободу энергия добирается до блока питания горелки и воспламеняет его. По причальной башне, вдоль корпуса,

прокатываются ударная волна и свет — оба бесшумные. Огненный шар бьет в броню крейсера и отскакивает, выпуская свою ярость.

Тиеля толкает назад. Сенсоры его доспеха на секунду слепнут, выдывая ему всплеск помех и треска.

Он пытается прикрепиться к корпусу, заново пристыковаться.

Свечение от взрыва меркнет. Он быстро оценивает ход сражения. Насколько ему видно, он потерял двоих, однако отряд Несущих Слово разбит. Повсюду вокруг него плавают покалеченные тела в море подрагивающих кровавых капель. И при этом никаких признаков других истребительных команд.

Тиель перелетает к громогласным режущим головкам. Это огромные приспособления, каждое крупнее «Рино», которые выдвинуты из недр вражеского крейсера на гигантских суставчатых серворуках. Тиель подает сигнал Бормару — одному из тех, кого назначили нести магнитные мины. Они начинают прикреплять их к первой режущей головке.

Тиель оставляет Бормара трудиться и взлетает с серворуки на управляющую платформу, которая установлена на середине пути вверх. Если он сможет вытянуть механизм внутрь вражеского корабля...

Словно дождь комет, вокруг него нагнетает буря массреактивных зарядов. Некоторые попадают в платформу и поручни, разрываясь яркими вспышками. Колоссальный ливневый огонь. Там, где относительно него находится низ, гибнет полдюжины его людей. Рядом с телами в красной броне теперь плавают тела в синей. Все поблескивающие и подрагивающие кровавые бусины одного цвета.

Он смотрит «вверх».

Атака его истребительной команды не осталась незамеченной. Из открытых грузовых люков крейсера совершают выход основные силы Несущих Слово. Они появляются, стреляя. Их пустотные ранцы толкают.

Тиель и его люди уступают в численности в восемь раз.

[отметка: 12.40.22]

Олл Перссон делает шаг с ялика на платформу. При нем его лазерная винтовка.

Резкое движение заглубившего большого пальца правой руки отщелкивает предохранитель и приводит оружие в боевую готовность. Олл даже не смотрит на оружие. Он глядит прямо перед собой, вглубь платформы, на собравшиеся там фигуры. На лице мрачное выражение. От этого черты застывают. Хмурясь, он щурится так, словно вышло солнце и оно чересчур яркое.

Он не колеблется. Шаг, другой, затем он переходит на трюсцу, а потом бежит, бежит прямо по платформе, вскидывая винтовку к плечу, прижимая ее к щеке и целясь на бегу.

Первый выстрел. В Брата Ножа, в позвоночник между лопаток, прежде чем тот успевает ударить кричащего Кранка в шею. Второй и третий выстрелы. В Брата Ножа, в лицо, в человека, который прижимает Кранка к земле. Четвертый

выстрел. В Брата Ножа, в нижнюю челюсть, сбивает его в воду, когда он оборачивается. Пятый, шестой и седьмой выстрелы. В двух Братьев Ножа, которые разворачиваются с винтовками, кучная тройка пробивает обоих насквозь.

Еще двое начинают палить в ответ вдоль посадочной площадки.

Восьмой выстрел. В одного из стрелков, ранит его. Девятый выстрел. Убивает его. Десятый выстрел. В другого стрелка, в верхнюю часть головы.

Одиннадцатый выстрел. Осечка. Магазин пуст. Сегодня он много стрелял. Вынимает его, продолжая бежать по платформе, с глухим звуком роняет пустую ячейку на мостки. Загоняет на место новую.

Он добрался до них, он среди них. Ближний бой. Олл проводит блок и загоняет приклад ружья в лицо. Траншейный стиль боя, как их учили столько лет тому назад в грязи другого тира... Верген? Эх, штык бы! Придется справляться голым дулом. Оно раскалывает чей-то лоб.

Пиннок ногой вбок ломает лодыжку, еще один удар приклада добивает скелет. Он блокирует нож при помощи винтовки, как глубинкой, отводя его в сторону. Снова стреляет. В упор. Сквозь грудину. Из спины брызжет кровь.

Темному разрывают проходящие титановые лазеры. Он не уклоняется. Четверо Братьев Ножа карабкаются через перила на краю пристани, чтобы присоединиться к схватке. Добраться до него.

Олл разворачивается, лазерная винтовка у бедра, переключенная на автоматический огонь. Одна очередь, дульная вспышка дергается, как проблесковый маячок.

Позади хрустят кости. Олл резко оборачивается. В растекающейся луже крови лежит культист, которого он не заметил. Графт ударил его одной из подвижных конечностей.

--- Спасибо, --- произносит Олл.

--- Он собирался вам навредить, рядовой Перссон.

В такие моменты Олл жалеет, что не может научить старого рабочего

сервитора стрелять.

В такие моменты...

Сколько раз он молился, чтобы никогда больше не было таких моментов? Печальная правда состоит в том, что существует только война. Всегда нужно сражаться на очередной войне. Олл это знает. Знает лучше, чем кто бы то ни было.

Быть может, это она. Быть может, Грамлатикус на этот раз оказался прав. Быть может, это последняя война. Быть может, это будет последний бой.

Кранк пытается подняться. Он потрясен. Олл ищет Рейна. Он видит, как нечто утаскивает парня в тень.

--- Оно его схватило, оно его схватило! --- бормочет Кранк.

--- Все в порядке, --- говорит ему Олл, глядя не на него, а только на Рейна. --- Хватай воду. Лезь в ялик. Мы отправляется.

Может быть, мальчишка мертв. Может быть, просто упал в обморок. Теперь от лазгана не будет пользы. Та тварь, которая его схватила, вышла

прямоиком из варна. Олл не знает, что
видят Рейн и Кранк. Наверное, что-нибудь
из иллюстрированного бестиария. Олл
видит его, как оно есть. Грязная материя,
сплавленная в человекоподобную форму,
облаченная в мантию кошмара. Оно
достаточно реально --- достаточно
реально, чтобы убить, --- однако тем не
менее оно не реально. Это всего лишь
отражение в энергии этого мира чего-то
из Ум-материума. Чего-то голодного,
возбужденного, которому не терпится
нанести удар.

Если угодно, называйте это демоном.
На самом деле это излишне конкретное
слово, хотя, может быть, в нем
содержится все, что определяет демонов.

Олл бросает взгляд вниз, на тела
убитых ил оборванных воинов в черном.
Ум было известно о варн-магии. Не много,
но достаточно, чтобы заинтересоваться
ей. Достаточно, чтобы поверить, будто
они нашли невыносимую истину.
Достаточно, чтобы создать культ,
религию. Достаточно, чтобы лишиться
разума. Как эти идиоты --- Несущие Слово.

Все, связанное с варпом, губительно. Как только ты к нему прикасаешься, оно прилипает. От него нельзя избавиться.

Черные ножи их братства. Ритуальные ножи. Атамы. Он поднимает один из них, ближайший, и пригоняет ручку к стволу винтовки. На крайний случай сгодится — импровизированный отъемный штык. Он довольно неплохо использовался при Аустерлице.

Олл заклинивает его, затем делает шаг вперед и взгоняет черный клинок в существо, которое вцепилось в Рейна. Во все стороны бьет черный свет. Облако дыма, вонь тухлых яиц и гнилого мяса.

Демоническая тварь кричит, словно живая женщина, и утирает. Материя, из которой она состоит, распадается на черную слизь. Она полностью покрывает Рейна, и мальчишка отключается. Но у него все еще есть пульс.

Олл озирается. Позади него, глядя на Рейна, стоит девочка Кэмм.

— Помоги мне его тащить, — произносит Олл.

Она ничего не отвечает, но берет

Рейна за ноги. Появляется Зибес, в глазах которого ужас, и помогает ей.

Олл выдерживает из ружья то, что осталось от ножа, и швыряет его в грязную воду. Он касается символа, который находится возле его горла, и шепотом благодарит своего бога за избавление. В конечностях старого тела покалывает адреналин. Он ненавидит спешку, ее жжение. Он думал, что оставил эту чушь позади.

Он поворачивается к ялику. Стрельба привлекает внимание, однако, по его подсчетам, у них есть время отчалить и двинуться по каналу.

Он видит Брата Ножа, которого свалил Графт. Командир, офицер, вожак стаи. Магжир. Лицом вниз. Повсюду кровь из раны в голове. Возле него на мостках лежат нож, еще один атат.

Но у предводителя он хорош. Мастерски сделан. Специально, чтобы отметить его власть и значимость. Эта вещь лучше, чем грубые ритуальные шипы, которыми вооружены остальные, если нечто столь испорченное и злое по своей

природе вообще можно назвать хорошим.

Возможно, это не в точности то, что ищет Олл, но оно самое близкое из того, что он видел, и он будет глупцом, если оставит его.

Он подбирает нож, заворачивает его в тряпку и запихивает в набедренный подсук.

Через три минуты двигатель ялика с грохотом оживает, и лодка выходит на темную воду, прочь от платформы.

Криол Фоуст резко приходит в себя. Он садится, оторвав лицо от прохладного и сырого настила. Повсюду кровь, он весь в крови. Он ощупывает пальцами скальп и находит участок черепа, который болит действительно ужасно и который не должен вот так сам по себе двигаться.

Его несколько раз тошнит.

Он знает, что у него кое-что забрали, нечто особенное и драгоценное, данное ему Аруном Ксеном. От этого зависело будущее Фоуста. Он нуждался в этом, чтобы обрести могущество и власть, о которых грезил.

Кто-то утрет за то, что взял это.

Нет, куда хуже, чем упрет.

[отметка: 12.41.11]

Приглушенные удары. Как будто уши заложены. Как будто все в тумане. Похоже на стук крови в висках.

Шум. Пронзительный скрипящий шум. Это вокс. Вокс в шлеме. Передача. Что там говорят?

Вентан пытается ответить. Рот оцепенел, не слушается. Он перевернут вверх ногами. Он чувствует запах крови. Своей.

Он силится услышать. Оно становится громче, громче, проходит сквозь глушащие его слои, словно звук через воду, пока не становится отчетливым, громким и понятным.

--- Самус. Это единственное имя, которое ты услышишь. Оно означает конец и смерть. Самус. Меня зовут Самус. Самус повсюду вокруг тебя. Самус --- человек рядом с тобой. Самус будет глотать твою кровь. Оглянись! Самус здесь.

--- Кто говорит? Кто это? --- запинаясь, спрашивает Вентан. --- Кто на

канале? Назовитесь.

Он лежит на спине на земле, на склоне из щебня и перемолотого герна. Он в парке двorca Лептия Нүтина.

Он поднимается. Рядом двое мертвых Ультратаринов --- один раздавлен, другой разорван пополам.

Вентан вспоминает. Вспоминает, как менялся Ксир.

Он озирается.

Демон огромен. У него неизмеримо длинные, тонкие и костистые руки, он перемещается на них, как летучая мышь на сложенных крыльях. Два рога на голове громадны.

Он атакует дворец. Ломает фасады. Рүшающиеся секции падают наружу огромными, насыщенными пылью пластинами каменной кладки и гипса.

Перед ним отступает Армия и боевые братья, которые поливают его при помощи всего, что у них есть: болтеров, лазеров, плазмы, твердых снарядов. Выстрелы решают и пробивают гротескную черную громаду твари, однако похоже, что это не причиняет ей вреда.

Вентан слышит в ухе ее голос,
бормочущий в воксе:

--- Самус. Это означает конец и
смерть. Самус. Меня зовут Самус. Самус
будет глотать твои кости. Оглянись!
Самус здесь.

Вентан видит Сүлла. Сүлл подобрал
свой меч --- тот меч, который он
использовал против Ксира. Вентан знает,
просто знает, что Сүлл пытается
искупить зло, причиненное его ошибкой.
Сүлл атакует демона, рубя его.

Вентан двигается вперед. Он
переходит на без.

--- Сүлл! --- кричит он.

Сүлл не слушает. Его покрывают
брызги ихора, он врывается в протухшую
плоть твари.

Похоже, что демон наконец замечает
кобальтово-синюю фигурку, которая рубит
основание его позвоночника.

И наступает на нее.

А затем продолжает движение, не
обращая внимания на несущиеся в его
плоть массреактивные заряды. Рүшится
очередная часть фасада двorca.

Вентан добегает до Сулла. Тело того вдавлено в газон в парящей выжженной ложбине, которая сочится слезью. Он пытается вытащить его. Сулла жив. Его спас успех, хотя он серьезно ранен. Кости переломаны.

Вентан слышит треск и шум колес. Во дворцовый парк прорывается огни из «Теневых мечей». Он пересек мост и обрушил привратные укрепления, чтобы попасть внутрь периметра. Он снес ворота, в попытках уничтожить которые Несущие Слово потеряли сотни людей.

Сверхтяжелый танк с грохотом движется через изуродованные газоны, сшибая огневые точки Спарзи. Он наводит свое вулканоподобное оружие. Вентан слышит характерный стонущий вздох конденсаторов, накапливающих энергию для выстрела.

Выстрел беспощаден. Вспышка света. Жгучий луч. Он попадает в тело демона. Кажется, что ослепительно-яркое сияние теряется во тьме демона, гасится им. От тела существа струится темный пар, но не видно никаких признаков

повреждений.

Оно поворачивается к танку.

Вентан снова бежит через изогранный газон, мимо тел убитых демонами людей, к стене дворца. У него есть теория. Это немного, однако это все, чем он располагает. Демон невосприимчив к повреждениям тела, но голова может быть уязвимой. Раны в мозг или череп могут затормозить его или нарушить управление. Быть может, даже изгнать проклятую тварь.

Она поймала «Теневой меч». Сверхтяжелая машина пытается перезарядить пушку, но этот ее знаменитый медленный темп стрельбы...

Демон хватается за переднюю часть корпуса, сгибая фальшборта и отрывая броню гусениц. Он толкает трехсоттонный танк назад, сдвигая дерн, словно скатерть. Танк газует, выбрасывая сугубо выхлопов и пытаясь ехать на проклятую тварь, гусеницы скользят и прокручиваются. Брызжет грязь. Разлетаются куски дерна. «Теневой меч» старается развернуться, чтобы

нацелиться на демона в упор. Демон бьет по дулу массивного орудия, и установка вырывается и выворачивается, как челюсть от удара. Вентан слышит, как рвутся и взрываются внутренние приводы вращения и сцепления. Разболтанный и разбитый лафет орудия опадает, покачиваясь на могучем шасси, пушка шлепается набок.

Демон наклоняется, пригнувшись, и откусывает кусок от корпуса. А затем снова толкает танк, пуская его заголом через узорчатую клумбу с фруктовыми деревьями, и расшибает его о стену с террасами.

Вентан разбегается по склону из щебня, прыгает, широко расставив руки, и приземляется на плоскую крышу садовой колоннады. Он бежит по ней, перескочив через обрушенную атакой демона секцию, и снова прыгает, на сей раз — на трапезный паранет крыши самого дворца. Он бежит по ней, на одном уровне с демоном, почти нагнал. Тот приканчивает танк, словно гончая кролика.

Вентан видит заднюю часть его шеи

--- торщину и бледную, почти человеческую. Вигит пучки и пряди терзительных черных волос, которые покрывают ее, будто веревки. Вигит затылок черепа, где нежная кожа дряблосвисает позади узловатых шипов нелепых рогов.

Вентан ускоряется. Он тянется к мечу, но ножны пусты.

Все, что у него есть, --- ритуальный нож Ксира.

Он выдергивает его, сжимает обеими руками острием вниз и с разбега прыгает с крыши, занеся руки над головой.

[отметка: 12.42.16]

Деваться некуда. Несущие Слово потоком вырываются из грузовых трюмов, заполняя пространство огнем.

Тиель приседает и уворачивается, болты проносятся мимо него, оставляя за собой бесшумные пламенные хвосты.

С его истребительной командой покончено. Миссия завершена. Перевес слишком велик.

— Отбой! — передает он по воксу и активирует пустотный ранец на полную тягу.

Мощное ускорение поднимает его вверх по широкой дуге с наклоном назад, стремительно унося прочь с поля боя. С ним поднимаются четверо, может быть, пятеро из его отряда. Зариг, последний из них, подбит обстрелом снизу, его обтянутое тело уносится к звездам, подергиваясь и поворачиваясь, когда сопла ранца кашляют и дают сбои.

Их преследует огонь. Делая вираж, Циель видит, как вспышки бесшумного света возникают на корпусе флагмана внизу и искрятся на бойницах и опорах.

Он приземляется, надеясь, что у него приличное укрытие. Нужно перезарядиться. Он пытается подсчитать угол рассеивания противника и направления, с которых тот будет приближаться. Он выкрикивает организующие приказы уцелевшим членам команды.

Как бы то ни было, Несущие Слово рядом. Двое появляются над верхушкой

тепловентилятора, еще двое — из-за
буфера обшивки. Он делает два выстрела.
Что-то попадает ему в плечо.

Нет, это рука. Рука, которая тянет
его назад.

Жиллитан оттаскивает Туеля в
сторону и бросается в направлении
Несущих Слово. Когда он находит
сцепление, бронированные подошвы
вгрызаются в обшивку корпуса. Он кажется
громадным, словно титан. Не марсианская
машина. Титан из мифов.

Его голова непокрыта. Невероятно.
Плоть побелела от холода. Его рот
распахивается в беззвучном крике, и он
врезается в них.

Убивает первого. Потом вдавливают
голову легионера в грудь ударом кулака. В
стороны брызжут колеблющиеся и
сталкивающиеся друг с другом шарики
крови. Тело медленно заваливается назад.

Жиллитан разворачивается, находит
еще одного, пробивает торс легионера
гигантским кулаком и выдергивает его
назад, вырывая позвоночник. Приближается
третий, нетерпеливо жаждающий

прославиться убийством примарха. Тиель
разрывает его на части огнем
перезаряженного болтера, держа оружие
обеими руками и упершись ногами.

На них тчится четвертый.

Жиллиман изгибается и сносит ему
голову. Начисто. Голова и шлем, как
единое целое, падают прочь, будто мяч,
оставляя кровавый след.

Начинается прикрывающий обстрел.
Другой истребительный отряд наконец
добрался до секции корпуса. Со всех сторон
в каньоне теплообменника бьются
яростная и бесшумная битва на болтерах.
Устекающие кровью тела погибших,
собираясь в неустойчивые группы, кружась,
улетают в ледяную тьму.

Тиель проводит триангуляцию своего
местоположения. Он подает на мостик
сигнал открыть шлюзовое отверстие
номер 88.

Он смотрит на Жиллимана.
Указывает на шлюз.

Примарх хочет сражаться. Тиель
знает этот взгляд. Эту жажду.
Жиллиман хочет продолжать драться.

Вокруг него похожая на красные лепестки
кровь, и он хочет, чтобы ее стало больше.

Как бы то ни было, пора прекратить
этот бой и начать другой, более важный.

[отметка: 12.53.09]

Эреб стоит в окружении демонов.

Он все еще на дальнем севере, на ныне проклятом плато Самрик. Небо кроваво-красное, цвета доспехов его легиона. На горизонте кольцо огня. Земля — гряда тлеющих углей. Образующие ритуальный круг черные камни, взятые с мира-кладбища Устваан-V, пульсируют горячей силой. Завывает ветер. В его заунывных нотах, похожих на пение, содержится истина. Изначальная Истина.

Истина Лоргара.

Истина слова, которое они несут.

Уцелевшие из Ценвар Каул уже давно отошли на безопасное расстояние, примерно на пятнадцать километров ниже по долине. Остались лишь воины Гала. Ворбак под предводительством Зота, их непоколебимые фигуры устояли на смертельном ветру и в неестественном огне.

Эреб утомлен, однако ликует. Почти

что настало время второго восхода.
Второго, еще более великого Ушкүл Тү.

Он подает сигнал Эссемберү Зотү.

На обгоревших склонах и почерневших скалах вокруг Эреба скользят и тараторят потревоженные ил демоны. Они нежатся в светоносном сиянии, поблескивая, сверкая и стрекоча. Некоторые из них вялы, прочим не терпится получить свободу.

Он успокаивает их тихими словами. Их бесчисленные тела протянулись вокруг него, насколько хватает глаз, будто колония ластоногих, греющихся на проклятом берегу. Они кружат вокруг друг друга, тела сплетаются, обнимаются, соединяются. Они корчатся и визжат, плают и шепчут, поднимая головы, чтобы послать надтирные вопли в утирающее небо. Жужжат жирные мясные мухи, от которых чернеет зараженный воздух. Роза и грибы раскачиваются в жутковатом ритме. Крылья летучих мышей расправляются и трепещут. Суставчатые лапы шевелятся и трещат.

Эреб поет ил. Ему известны их

Имена. Алголат. Сургофа. Этелелуг.
Мубоник. Балкарах. Уунн. Ярабаэль.
Федробаэль. Н'Кари. Энигемий. Сем Аш,
воплощающий перемены. Орман.
Перерожденный Тарик, тот-кто-теперь-
Тортагеддон. Лацерат. Протаэль. Голгоф.
Азмогех. И еще сто тысяч.

Только что вернулся Самус, который
нырнул в круг, чтобы облечься новой
плотью. Враг еще в силах сражаться, раз
подобные Самусу возвращаются назад.

Этого не хватит. Это не спасет их
от того, что грядет.

Реальность деформируется. Эреб
слышит, как она трещит и рвется,
сгибаясь. Калт едва выдерживает такое
сильное напряжение.

А затем, словно буря, прорвется
разрушение.

Зот подносит варп-склянку.

Эреб настраивает ее, чтобы
связаться со станцией «Зетсун Вериг», с
Кор Фаэроном.

Эреб осознает, что у него изо рта
идет кровь. Он вытирает ее.

— Начинай, — произносит он.

[отметка: 12.59.45]

Сорот Чур наблюдает за лицом Кор Фазэрона, когда тот получает сообщение с поверхности. На нем ликование. Близок час!

Основная часть координат уже задана. После простого кивка Кор Фазэрона Чур раздает указания магосам и консолям управления. Вся планетарная оружейная сеть перенаправлена на новую одиночную цель.

Нетерпение Кор Фазэрона очевидно. Он играл с сетью, уничтожая линкоры, орбитальные сооружения и луны, однако забава быстро ему прискучила. Подлинная цель ждет.

Несущие Слово поклоняются звездам. Небесные солнца обладают для них глубоким смыслом. Подразделения их легиона названы в честь солярных символов. Путем сверхчеловеческого усилия Эреб и Кор Фазэрон превратили всю планету Калт в солнечный храм — алтарь, на котором надлежит принести последнюю жертву.

Эреб истончил покров реальности и раскрыл оболочку, которая окружает ультимативный. Алтарь освящен.

Кор Фаэрон делает шаг вперед и возлагает левую руку на пульт управления.

Нажимает.

Оружейная сеть начинает стрелять. Концентрированной и когерентной энергией. Множеством ракет. Уничтожающими лучами. Боеголовками с антиматерией, окруженной тяжелыми металлами. Лучам и пучкам потребуются почти восемь минут, чтобы достичь цели. Твердым снарядам понадобится заметно больше. Но все они в свой черед нанесут удар и будут бить снова, снова и снова, пока продолжается безжалостная бомбардировка.

Цель -- сине-белая звезда Веригийской системы.

Кор Фаэрон начинает убивать солнце.

[отметка: 13.10.05]

-- Мы опасались, что вы погибли, -- произносит Марий Гейдж.

Жиллиман только что вошел на вспомогательный мостик «Чести Макразге» в сопровождении потрепанной истребительной команды.

--- То, что меня не убивает, --- отзывается Жиллиман, --- просто не старается как следует.

Он вызывает у них улыбку. Ему это хорошо удается. Но все они видят произошедшую с ним перемену. Он никогда не был человеком, к которому можно ощущать симпатию. Он был слишком жестким, слишком целеустремленным, слишком суровым. Теперь он ранен. Ранен, как может быть ранено животное. Ранен таким образом, от которого животное становится опасным.

--- Выброшен наружу без шлема, --- говорит Жиллиман. --- Помогла биология примарха, однако моим истинным спасением стала атмосферная оболочка.

--- Что... --- начинает Гейдж.

--- Что это была за тварь? --- заканчивает Жиллиман.

Все пристально глядят и слушают.

--- Следует ли нам завершить эту

беседа наедине? — спрашивает Гейдж.

Жиллиман качает головой.

— Как я понял со слов Тиеля, — произносит он, указывая на стоящего рядом сержанта, — вы все часами пробивали себе дорогу по кораблю среди демонов, подобных этому. Это вам дорого обошлось. Я вижу, что это дорого тебе обошлось, Марий.

Гейдж внезапно болезненно ощущает изувеченную руку.

— Я не вижу смысла в том, чтобы скрывать истину от кого-либо из присутствующих здесь, — говорит Жиллиман. — Сегодня все вы послужили Ультратару в большей мере, чем мог того требовать долг. И день не закончен. Непохоже, что мы что-то выиграем или даже останемся в живых, но я очень хочу ранить нашего вероломного врага прежде, чем мы погибнем.

Примарх озирает помещение. Его доспех лоснится от липкой грязи. Лицо испачкано, в волосах кровь.

— Давайте обменяется тем, что знаем, и выстроим какую-то стратегию.

На этом этапе я буду рад чьим угодно теориям. Все будет рассмотрено.

Он переходит к стратегии.

--- Думаю, мы можем пользоваться словом «демон». Одна сущность варна появилась и уничтожила мостик. Выбились с другими. Слово «демон» не хуже других. Это был Лоргар или, как минимум...

Он прерывается и снова смотрит на них.

--- Я не знаю, где Лоргар. Я не знаю, был ли вообще мой брат в этой системе во плоти, однако мне нанесли визит его облик и его голос, и это он преобразился. Это был не фокус. Лоргар и его легион связались с силами варна. Они заключили нечестивое соглашение. Оно извратило их. Оно начало войну.

Жиллитан вздыхает.

--- Мне неизвестно, как с ними сражаться. Я знаю, как сражаться с большинством существ. Я даже в состоянии определить, как сражаться с воинами Легионес Астартес, хотя эта идея кажется еретической. Как и

присутствующий здесь Тиель, я могу думать о нелогичном и строить теории на кощунственном. Но демоны? Мне представляется, что посредством Никейского Совета мы добровольно избавились от единственного оружия против варна, которым обладали. Сейчас мы могли бы воспользоваться Либрариумом.

Воины кивают в молчаливом согласии.

— Нам следует подать петицию о его восстановлении, — добавляет он, — если у нас будет такая возможность. Мы не можем сделать этого сейчас. Нет времени, нет средств. Но если кто-либо из нас останется в живых, знайте, что эдикт должен быть отменен.

Он задумчиво делает паузу.

— Все практически так, словно кто-то знал. Никейя разоружила нас. Как будто наш враг знал, что грядет, и организовал события таким образом, что мы сознательно отбросили единственное практическое оружие до того, как в нем возникла нужда.

Раздается тихое тревожное

перешептывание.

--- Нас всех используют, --- произносит Жиллиман, поднимая глаза и глядя на Гейджа. --- Всех нас. Даже Лоргара. Когда он пытался убить меня, выбросить в космос, я ощущал боль внутри его. Я никогда не был близок с ним, однако существует братская связь. Я чувствовал его ужас. Его муку из-за того, как разыгралась наша судьба.

--- Он сказал, что Хорус... --- начинает Гейдж.

--- Я знаю, что он сказал, --- отвечает Жиллиман.

--- Он сказал, что прочие уже мертвы. На Исстваане, --- настаивает Гейдж. --- Манус. Вулкан. Коракс.

--- Если это правда, --- говорит Эмпион, --- то это трагедия, в которую невозможно поверить.

--- Трое сыновей. Три приарха, ужасающая потеря, --- соглашается Жиллиман. --- Четыре, если считать Лоргара. Пять, если то, что он говорил о Хорусе, правда. И, как он сказал, обратились и другие...

Жиллиман делает глубокий вдох.

— Я буду чрезвычайно скорбеть о Кораксе и Вулкане. Мануса мне будет не хватать больше, чем кого бы то ни было.

Гейдж знает, что имеет в виду его примарх. Во всех тактических моделях Жиллиман проявляет особенное расположение к некоторым из своих братьев. Он говорит о них, как о немногих бесстрашных, тех, на кого он в наибольшей степени может рассчитывать, чтобы сделать то, ради чего они были созданы. Один — Дорн и его легион. Другой — раздражительный спорщик Русс. Третий — Сангвиний. Жиллиман чрезвычайно восхищается Ханом, однако Белые Шрамы непредсказуемы и ненадежны. Четвертым из немногих бесстрашных всегда был Феррус Манус со своими Железными Руками. Жиллиман постоянно утверждал, что вместе с любым из этой ключевой четверки — Дорном, Руссом, Манусом или Сангвинием — он в состоянии выиграть любую войну. Абсолютно. С любым врагом. Даже в чрезвычайной ситуации. Ультратарин мог объединиться с одним

из этих четырех союзников и повергнуть
любого врага. Такова была основная
теория. В сценарии любого сугного дня,
который встал бы перед Императором,
Жиллиман мог добиться практической
победы при условии, что смог бы опереться
на одного из этих четверых. И Манус был
ключевым среди них. Неумолимый.
Непоколебимый. Если он был на твоей
стороне, то никогда бы не дрогнул.

И похоже, что теперь его больше нет.
Сгинул. Мертв. Брат. Друг. Воин. Лидер.
Самый стойкий из союзников Ультратара.

Жиллиман нарушает мрачное
молчание.

--- Покажите мне тактические
данные. Бой в окрестном пространстве.
Кто-то говорил, что с поверхности
наконец поступил вокс-сигнал?

--- Из Лептия Нумина, повелитель, ---
говорит вокс-мастер.

--- Кто это был?

--- Капитан Вентан, --- произносит
Гейдж. --- Какое-то время у нас был
стабильный сигнал, и мы получали
жизненно важную информацию, однако

около часа назад вокс внезапно отключился. Насильственное прерывание.

--- Мне нет нужды спрашивать, пытаетесь ли вы восстановить связь? --- интересуется Жиллитан.

--- Конечно, повелитель, --- отзывается вокс-мастер.

Жиллитан оборачивается к Эмпиону.

--- Соберите все силы, какие у нас есть на борту этого корабля. Устремительные команды. Все тяжелое вооружение, которое мы сможем найти. Забудьте про уровни орден и рот, просто разделите и сгруппируйте имеющихся у нас людей в подходящие боевые группы. Пусть командиры отрядов покрасят шлемы в красный цвет.

--- В красный, сэр? --- переспрашивает Эмпион.

--- Клорг, у нас нет надежного вокса, поэтому нам нужны простые и постоянные обозначения для цепи командования.

Жиллитан переводит взгляд на Туеля.

--- Кроме того, --- произносит он, --- я полагаю, что после сегодняшних стараний

Сиела сейчас самое время, чтобы красный цвет перестал быть отметкой о дисциплинарном взыскании.

--- Да, сэр, --- отзывается Эмпион.

--- Мой повелитель! --- восклицает капитан корабля Готмед.

--- В чем дело?

--- Оружейная сеть, повелитель. Она стреляет.

--- По кому?

--- По... солнцу.

[отметка: 13.30.31]

В пасмурном небе над дворцом
Лептия Нулина грохочет гром.
Начинается обильный дождь. Атмосфера
измученной планеты бьется в новых
судорогах.

Какое-то мгновение Вентан стоит
на месте, позволяя струящемуся ливню
стирать с доспехов черный ихор. Он
ощущает, как вода бьет по лицу. Он
открывает глаза и смотрит, как
огнеметные отделения Спарзи выжигают
слизь, жирную черную плоть и ядовитые
чернильные внутренности, оставшиеся от
демона после взрыва. Струи пламени
яростно шипят и свистят под дождем.

Он заходит в то, что осталось от
атриума дворца. Его ждет Селатон.

--- Ты его убил, --- замечает сержант.

--- Я не согласен с таким
определением.

--- В таком случае, ты его прогнал.
Как ты это сделал?

--- Удача. Очень плохая удача.

Вентан бросает взгляд назад, на разрушенные сады, изувеченные стены и оставшийся от ворот щебень.

--- Мы не можем оставаться здесь, --- произносит он. --- Ксир говорил, что наступают новые силы. Это место было трудно оборонять и раньше. Продолжать оборону невозможно. Дворец никогда не был крепостью.

--- Согласен, но что с информационной машиной? --- спрашивает Селатон.

--- Хороший вопрос.

Вентан замечает, что сержант держит мешок. Он забирает его и заглядывает внутрь.

Тот полон черных кинжалов. Ритуальных ножей. Некоторые из черного металла, некоторые из стекла, некоторые высечены из кремня. Часть рукояток из проволоки, часть из кожи, часть из змеиной шкуры. Селатон собрал их с мертвых воинов братств.

--- Ты воспользовался оружием Ксира против демона, --- просто говорит Селатон. --- С точки зрения теории: эти

ножи работают. Их собственное оружие работает.

--- Быть может, ты и прав, --- произносит Вентан. Он смотрит внутрь мешка. Клинки поблескивают в темноте.

--- Однако боюсь, что эти предметы настолько же опасны и ядовиты, как те чудовища, против которых мы хотим их использовать. Выбрось их, Селатон. Скинь в колодец. Положи в мешок гранату и швырни в ров. Мы не можем начинать пользоваться ими.

--- Но...

Вентан смотрит на него.

--- Теоретически: вот так это и началось с Семнадцатым, --- говорит он. --- Целесообразное использование экзотического оружия, чтобы победить неожиданно стойкого противника. Странные кинжалы, найденные в какой-то гробнице или храме ксеносов. Какой от них может быть вред? Они режут демоническую плоть. Это оправдывает риск.

На лице Селатона проступает выражение предельного отвращения.

--- Я избавляюсь от них, сэр, --- говорит он.

Вентан идет к стекловому залу. Он проходит мимо помещения, где Сиданс наблюдает, как магосы пытаются восстановить вокс-связь.

--- Славный бой, --- произносит Сиданс, сжимая его руку.

--- На этот раз я был тринадцатым эльдаром, --- отзывается Вентан, --- но второй такой передышки мы не получили. Вокс готов?

--- Они работают над этим. Информационный канал все еще активен. Сервер хочет тебя видеть.

--- Хорошо. Я тоже хочу видеть ее.

Вентан входит в стекловый зал. Таурен отключилась от трещащей информационной машины. Одна из ее магосов, Улдорт, заняла ее место на канале ММУ, чтобы вести обработку.

--- Капитан, --- произносит Таурен.

--- Сервер.

--- Эта информационная машина недостаточно мощна, чтобы взять сеть под контроль, --- без обиняков говорит она.

— Более того, она недостаточно мощная, чтобы управлять сетью.

— Вот, значит, как? — произносит Вентан. — Теперь наш вклад состоит в том, чтобы... подбирать и поставлять данные для флота, пока нас не уничтожат?

— Такова будет участь Лептия Нутина, — соглашается она. — Впрочем, прошу вас рассматривать этот вклад в общем контексте. Это единственная информационная машина лоялистов, которая работает на Калме. Это не просто жизненно важный источник данных. Это единственный источник данных.

Она демонстрирует ему дисплей инфопланишетов.

— Мы создали схему сопротивления по всей поверхности планеты. Оно слабое и разрозненное, однако ожесточенное. Разбросанные по сотням точек, все еще активны около тридцати тысяч ваших боевых братьев и двести тысяч воинов Армии и Механикум. При наличии координации они в состоянии достичь большего, чем без нее.

--- Этот гворец сложет
предоставлять координацию лишь малое
время, --- говорит Вентан. --- Враг
приближается.

--- Картина не так мрачна, капитан.
Примерно пятнадцать минут назад я
сделала принципиальное открытие.

Воспоминание об откровении
вызывает у Таурен улыбку. О нем
горьковато-славно, почти мучительно
думать, но в то же время оно
воодушевляет. Она нашла подарок Хесста.
Нашла, над чем он трудился, когда погиб,
и что спрятал столь тщательно. Оно
было в безопасности, пока она не
обнаружила его.

--- Мой предшественник, --- говорит
она, --- сумел настроить код-убийцу, чтобы
бороться с мусорным кодом врага. Он
сделал этот шедевр незадолго перед
смертью. Это был акт отчаяния и
гениальности. Грандиозное и интуитивное
произведение кодирования, которое смог бы
исполнить лишь Хесст.

--- Мы можем использовать его для
очистки? --- спрашивает Вентан.

--- Хесст спрятал ког-убийцу в безопасной информационной машине, которую он затем блокировал и изолировал. Эта машина --- декларативный когитатор гильдии погрузочных работ в космопорте. Она находится в безопасном бункере в промышленной зоне между космопортом Нутина и аэродромом Ланшира. Она выполняет грузовые операции для обоих портов, а следовательно --- ее мощности более чем достаточно, чтобы справиться с объемом данных планетарной оружейной сети. Поскольку это гражданская машина, она не была первоочередной военной целью. Хесст очистил ее при помощи кога-убийцы, а затем запер.

Вот почему он держался до последнего момента, понимает Таурен. Вот почему не покинул свой пост, даже когда мусорный ког искалечил его разум. Он должен был закончить. Он был полон решимости закончить. Он держался, сколько мог, чтобы закончить.

--- Вы можете контролировать эту машину удаленно? --- интересуется

Вентан.

--- Нет, капитан. Чтобы запустить ког-убийцу, мне нужно прямое подключение к модулю мышлеуправления. Как только я очищу путь в систему, то смогу создать новую сеть манифольда и принять командование сетью.

--- Попасть в портовую зону будет нелегко.

--- Разумеется, --- соглашается она. --- Есть еще один момент.

--- Продолжайте, --- говорит Вентан.

--- Враз контролирует сеть при помощи захваченной информационной машины на одной из уцелевших орбитальных платформ. Я могу очистить систему, но не в состоянии перехватить управление. Нам нужно, чтобы флот помог, сделав платформу своей целью.

Он кивает.

--- А что со здешней машиной? --- спрашивает он.

--- Она должна оставаться работающей максимально возможный промежуток времени, --- отвечает Таурен. --- Магос Улдорт вызвалась

остаться у машины и поддерживать ее работу, сколько сможет.

--- Это смертный приговор, --- говорит Вентан, глядя на молодого мага у модуля мышлеуправления. --- Несущие Слово приближаются.

--- Весь Калт --- смертный приговор, капитан, --- отзывается сервер. --- Важно лишь то, как мы его встречаем.

Мгновение он молчит.

--- Готовьте свой персонал к путешествию, сервер, --- произносит он. --- Посмотрите, что вам удастся сделать при помощи канала передачи данных, чтобы скоординировать силовой ответ для поддержки нашей атаки на портовую зону.

Он выходит обратно в помещение с воксом. Стоя в дверном проеме, он велит Сидансу, Селатону и Греву мобилизовывать силы.

--- Мы эвакуируем это место, --- говорит он. --- Возвращается в порт. Собирайте столько ударной силы, сколько сможете. В особенности --- боевые машины. Нам придется пробивать себе путь внутрь.

--- Звучит не слишком
привлекательно, --- замечает Сиданс.

--- Звучит так, как звучит, ---
отзывается Вентан. --- Это единственный
практический вариант, который у нас
остался. Мне нужен этот канал. Нужен
вокс. Без координирования флота мы
будем тратить время впустую. Скажите
магосам, что мне нужен вокс.

Они спешно уходят. Он ждет.
Размышляет.

Появляется Арук.

--- Я остаюсь, --- произносит скитарий.

--- Ты мог бы мне пригодиться.

--- У меня долг перед Механикум,
Вентан. Этой информационной машине
нужно действовать максимально долго. Ты
понимаешь, что такое долг.

Вентан кивает. Он протягивает
руку.

Арук мгновение глядит на нее,
озадаченный незнакомым ему типом
социального взаимодействия.

Он сжимает руку Вентана.

--- Мы маршируем во имя Макрагге, ---
произносит Вентан.

— Мы стоим за Марс, — откликается
Арук. — Это означает то же самое.

Они оборачиваются при приближении
Суллы. Доспех капитана сильно помят и
исцарапан. Он хромает. Чтобы срастись,
его костям потребуется много времени.

— Я тоже останусь здесь, Вентан, —
говорит он. — Скитариям могут
пригодиться несколько пушек легиона.
Прямо сейчас я не гоюсь для дальнего
перехода. Однако я в состоянии стоять и
стрелять.

Вентан смотрит Суллу в глаза.

— Тей, это была не твоя вина, —
произносит он. — Это...

— Это не искупление, Рем, —
отвечает Сулл. — Мне не стыдно за себя.
В этом не было ничьей вины, однако в
конце все мы заплатим, сколько
потребуется. Захвати порт, отбей сеть,
уничтожь их флот. Вспомни мое имя,
когда будешь делать это.

— Есть вокс! — кричит Сиданс.

Вентан берет переговорный рожок,
который ему протягивает лагос.

— Говорит Вентан, командующий

Лептием Нутинот. Вентан, Вентан.
Запрашиваю канал первостепенной
шифровки с флотом Тринадцатого.
Ответьте.

--- Говорит флагман флота
Тринадцатого, --- трещит вокс. --- Ваши
авторизационные коды приняты. Ждите.

На канале раздается новый голос:

--- Рем.

--- Мой примарх, --- произносит
Вентан.

--- В твоем голосе удивление.

--- Я полагал, что для работы с вокс-
сетями у вас есть офицеры, сэр.

--- Так и есть. Кроме этой. Я
обеспокоен тем, что твое удивление могло
быть обусловлено слухами о твоей смерти.

--- И этим тоже, мой примарх.
Известие, что вы здоровы, поднимет нашу
боевой дух.

Вокс шипит и визжит.

--- Я сказал, что ты хорошо
потрудился сегодня, капитан, ---
произносит вокс. --- Отправляемые вами
данные бесценны. Гейдж координирует
наши силы.

--- Это плохой день, сэр.

--- Не могу вспомнить дня хуже, Рем.

--- Этот канал не сможет долго сохранять функциональность, сэр. В течение нескольких ближайших часов ожидайте потери передачи данных. Но мы собираемся захватить сеть, сэр. Мы собираемся отбить сеть.

--- Хорошие вести. Сеть -- она убивает нас. И солнце тоже. Думаю, Семнадцатый хочет прикончить все живое.

--- Отсюда снизу это тоже так выглядит, сэр. Сэр, это важно. Мы...

Вокс снова захлебывается и трещит.

--- ...повторите, Лентий. Повторите. Вентан, ты принимаешь?

--- Вентан, сэр. Я на приеме. Перебои становятся сильнее. Сэр, мы не в состоянии полностью взять сеть под контроль, если только флот не сможет сбить орбитальное сооружение, с которого враг управляет ею. Когда мы окажемся внутри, то сможем вычистить их код, однако мы не можем его взломать. Необходимо, чтобы флот в первую очередь

выявил и уничтожил их пункт
командования сетью.

--- Я понял, Рем. Первоочередная
задача. Ты можешь определить цель?

Вентан смотрит на Сиданса. Тот
вручает ему инфопланишет.

--- Могү, сэр, --- произносит Вентан.

[отметка: 14.01.01]

--- Рем? Повтори! --- требует
Жиллиман. --- Вентан, ответь! Ответь!
Какова цель? Какова цель?

Он смотрит на вокс-мастера.

--- Связь потеряна, сэр, --- говорит вокс-
мастер. Из динамиков раздается
электромагнитный хрип.

--- Канал передачи данных из Лептия
тоже только что отключился, ---
произносит Гейдж.

--- Мы их потеряли? --- спрашивает
Жиллиман. --- Проклятье, мы только что
потеряли Вентана и его силы?

--- Нет, сэр, --- отвечает вокс-мастер. ---
Это перебой. Сильный перебой.

--- Это солнце, --- произносит Этнион.

Они все смотрят на основной экран.

Бомбардируемая концентрированной энергией и бичуемая ядовитыми реактивными тяжелыми металлами, Веригийская звезда обнаруживает явную неустойчивость своего солнечного метаболизма. Естественные внутренние цепные реакции и энергетические процессы искажены. Радиация возрастает. Излучение заметно увеличивается, звезда начинает сжигать свои топливные ресурсы в неестественно высоком темпе.

Ее сине-белый гнев становится более яростным, словно злобный свет. Демонический свет. По всей истерзанной поверхности бурлят очаги черных солнечных пятен. С нее срываются ужасающие смертоносные вспышки в виде языков пламени и хлещущих вольтовых дуг шириной в миллионы километров.

Она перерождается.

[отметка: 14.01.59]

Гремит гром.

В мрачном тумане канала Олл ведет ялик по черной воде, тиную ползатонувшие горящие суда, тиную

бледные раздутые трупы, которые
плавают в бурой пене.

Ему кажется, что позади них есть
лодка. Еще один ялик или баркас. Однако
это может быть просто эхом их
собственного двигателя в тумане.

Кранк спит. Зибес сидит, пристально
глядя с носа. Кэйт и Графт где-то там,
где блуждают их мысли.

Рейн подергивается в когтях
кошмара. Они замотали его в одеяла.
Вероятно, он не оправится от сурового
испытания.

Олл вынимает свой компас и
проверяет направление, насколько это в
его силах.

Фраскиада. Похоже, что все еще
Фраскиада. Этим словом называли ветер
с северо-северо-запада до того, как стороны
света на шкале компаса были использованы
для других целей и получили
эзотерическое значение. Фраскиада. Так
это называли грекане. Так они называли
это, когда он плавал через обласканные
солнцем воды в Фессалию в составе
экипажа Язона с ведьмой и овечьей шкурой.

чтобы добыть ее как доказательство своих прав. Романин называли это Цирциус. На весельных палубах галер его не слишком заботили имена ветров, против которых они гребли. Франки называли это Нордвестрони.

Олл смотрит вверх. Внезапно появилась звезда, которую видно даже через черный туман и загрязненную атмосферу. Она резкая, яркая, сине-белая. Злая. Звезда дурного предзнаменования.

Она означает, что конец грядет, и грядет быстро.

Но по крайней мере, теперь у него есть звезда, за которой можно следовать.

ГУБЕЛЬНЫЙ ШТОРМ

Всё --- враг.

Жиллиман.

Примечания

к

Воинской

кодификации,

645.93.VJ

[отметка: 19.22.22]

Над землей идет дождь. Дождь идет без перерыва около семи часов. Испарившиеся южные океаны, выброшенные в верхние слои атмосферы в виде пара, вернулись сперва ядовитым туманом, а затем -- апокалиптическим потоком.

Горящие жилые центры шипят и дымятся, их пламя не потушить. Расплавленные ядра городов-могил светятся воронками шириной в десятки километров. Вода заполняет кратеры и выбоины от ударов, от самой большой разветвленной воронки до крошечной отметины от пули. Равнины превращаются в трясину, грязь, темную, словно кровь. Бассейны рек разливаются. Лесистые просторы нагорий долин Калта трещат и режут, сгорая в тысячекилометровых лесных пожарах.

Дождь образует столь же плотную завесу, как предшествовавший ему туман.

Калейдоскоп радуг. Ливень в

сочетании с нарастающим сине-белым сиянием смертельной звезды украшает каждый проспект, каждую разрушенную улицу, каждый пылающий жилой блок и почерневший от огня лес своей сверкающей радугой.

Четвертая рота движется по землей.

Боевая группировка, созданная на основе частей Четвертой роты, возвращается по следам Вентана в катакомбы аркологии по секретным коммуникациям, построенным первыми губернаторами в колониальные времена.

Некоторые туннели завалены осевшей землей, но главная магистраль цела и достаточно просторна даже для крупных боевых машины.

Многие ответвления системы туннелей частично затоплены, все больше воды льется из поврежденных труб и стоков или проникает через расщелины и трещины в перекрытиях. Дождь забирается повсюду. Люди идут вброд, по пояс в воде. Танки и транспорты скользят, проталкиваясь через илистую черную воду.

словно рептилии. Медленно движущиеся
корпуса вздымают небольшие текучие
волны.

Вентан идет впереди, вместе с
Ваттианом и разведчиками. Он
указывает дорогу, держа в руке штандарт.

Через два часа после того, как они
покинули дворец, канал передачи данных и
вокс наконец были восстановлены
благодаря героическим усилиям магоса
Улдорт. По каналу передачи данных
Вентан узнает, что для соединения с ним
в портовой зоне направлены несколько
ударных отрядов, в том числе крупная
группировка, пробивающаяся из провинции
Шаруг, -- собранные вместе остатки Сто
одиннадцатой и Сто двенадцатой под
командованием сержанта по имени Анхиза.
В другой день другой истории работа
Анхиза по сбору, фортированию,
разворачиванию и перенаправлению своих
сил стала бы материалом для учебников и
легенд.

Сегодня на Калте это всего лишь
очередная история последних часов
человеческой жизни.

Вентан надеется, что силы Анхиза придут вовремя, пока поддержка еще будет нужна. Он сомневается, что так и будет. Четвертая движется быстро, она не может позволить себе ждуть или мешкать. Даже если Анхиз или любое другое из запланированных подразделений поддержки пробьется, все равно надежды мало. Портовая зона в руках врага. Нутинский порт — пылающие развалины, а Ланиш и литейные заводы разорены хищными войсками Хол Велофа.

Велоф окружает с юга. С северо-запада приближается Федрал Фелл. Вентан загадает, сколько еще проработает последний канал передачи данных Улдорт.

Они прошли под Щитовой стеной и приближаются к служебному выходу, где им придется подняться на поверхность и продвигаться в открытую.

Вентан делает краткую остановку, чтобы поговорить с предводителями подразделений: Кираликой, которая командует силами скитариев; полковником Спарзи из Армии; Сидансом и сержантами его роты; Ваттианом из

отряда разведки.

Разговаривая с ними, он держит в руках потрепанный золотой штандарт. Никаких приказов, никаких жалких ораторских потуг. Он говорит ил, как обстоит дело и что нужно сделать. Сообщает ил практический план и то, чего он от них ожидает.

Они ничего не говорят. Они кивают. Это все, что ему нужно.

[отметка: 19.29.37]

У них есть то, что ил необходимо. У них есть цель. Есть практический план.

Они готовы.

Примарху потребовалось около десяти минут, чтобы определить цель. Десять минут. Тиель наблюдал, как тот высчитывал ее. Жиллитан делал это на глаз, по наблюдениям, сверяясь со стопками записок и обрывков, а также с разбросанными по стратегиуму набросками стилусом.

Решение появилось у него задолго до того, как был восстановлен канал передачи данных из Лептия.

— Это должно быть работающее сооружение, — рассуждал он. — Оно должно обладать информационной машиной мощностью, как минимум... Сколько? 46 нКог? У него должен быть активный канал передачи данных, который мы, возможно, сумеем обнаружить посредством обратного отслеживания. Несущие Слова так хорошо потрудились, уничтожая сооружения на платформах, что становится легче заметить те, которые они сознательно оставили в покое.

Станция «Зетсун Вериг».

Потом нужно определиться с практикой. Капитан корабля Готмед рекомендовал дистанционный обстрел: основные хребтовые орудия, лэнсы. Разумеется, у «Чести Макрагге» достаточно огневой мощи. Гейдж поддержал это предложение. Но если бы они не добились прямого попадания первым залпом, существовала реальная угроза, что враг ответил бы всей мощью сети и прикончил флагман.

Этпион выступал за атаку с ближней дистанции: запустить питание

флагмана, поднять щиты, сбросить
присосавшиеся вражеские крейсеры и
двигаться к станции. Выбить ее из
околопланетного пространства.

Протаранить, если это будет необходимо.

Вот только в то мгновение, как они
двинутся, как только хотя бы обнаружат
энергетическую готовность, «Честь
Макрагге» станет целью. Флагман в
состоянии быстро перемещаться с
опустошительным эффектом, но не
быстрее, чем можно перенацелить и
разрядить оружейную сеть. Даже если
предположить, что их не задержат
проблемы с двигателем или случайный
вражеский корабль.

Таким образом, план Эмпииона также
был отвергнут и рассмотрена
альтернатива от Гейджа: направить всю
энергию на систему телепортации.
Перенести истребительную команду ---
может, две, если хватит мощности
--- прямо на «Зетсун Вериг». Сделать все
по старинке.

--- Разумеется, я ее возглавлю, ---
сказал Жиллитан.

--- Я так не думаю, --- возразил Гейдж.

Почти все присутствующие буквально отшатнулись от взгляда, который припарх метнул на магистра оргена.

--- Ну допустим, --- произнес Гейдж.

--- Проклятье, Марий, --- прорычал Жиллиман. --- Если не сейчас, то когда?

В телепортационном терминале флагамена собирается первая истребительная команда из пятидесяти Ультратаринов, которых возглавляют Жиллиман, Гевтоник и Тиель. Если останется достаточно мощности, за ними последует вторая группа под предводительством Эмпиона.

Шлемы Гевтоника и командиров отделений выкрашены в красный цвет, как у Тиеля.

Начищенная и отполированная боевая экипировка Жиллимана делает его похожим на мстящего бога войны больше, чем когда бы то ни было. На лицевой щитке его шлема раскинулись золотые крылья. Вместо левого кулака массивный силовой коготь, в правом великопалец.

болтер, разукрашенный под цвет доспеха.

В помещении пахнет озоном, от тяжелой матово-серой платформы телепортационной системы поднимается легкое металлическое зловоние. В желтом освещении, словно туман, клубятся пары охлаждающего. Жиллиман получает подтверждения от командиров отделений, а затем подает сигнал магосам переноса, которые находятся за освинцованными экранами.

Мощность нарастает. Нарастает до стучательной кульминации.

Словно шторм, который вот-вот грянет и даст выход своей ярости.

[отметка: 19.39.12]

Сулл слышит, как дождь стучит по крыше. Он наблюдает за магосом Улдорт, которая трудится в контакте с информационной машиной. Она как будто в трансе. Машина жужжит и трещит. Ее руки совершают гаптические движения по невидимым сенсорным панелям.

Суллу больно. Он ни разу не сказал Вентану или кому-то другому, насколько

сильные повреждения получил. Он ощущает, как кости трются, отказываясь срастаться, невзирая на пульсирующий в его теле лихорадочный жар биологического восстановления.

Боль, смерть — ничего такого он не боится. Только неудачи.

Связь в шлеме подает звуковой сигнал. Он поднимается, подбирает меч с болтером и хромает по галерее к западному входу.

Под дождем разрушенные сады и обвалившийся фасад дворца выглядят еще более угнетающе. Вода струится и барабанит с разбитой крыши, капая на величественные изразцы и мозаику, каскадом стекая по инкрустированным лестницам, превращая упавшие портьеры и гобелены в рыхлые саваны.

Он ковыляет наружу по щебню. Дождь стучит по броне. Сквозь покров облаков ярко пылает ядовитой синевой звезда.

Его ожидает Арүк Серотид.

— Они здесь, — произносит мастер-скитарий.

Сүлл глядит в дождь. За рухнувшими

стенами, за земляным рвом, за
выкрошенным мостом собрался враг. Они
тихо вышли из ливня. Они не поют. Ров
окайтлен сотнями рядов черного строя
братств, однако позади них очертания
боевых машин и злобещий блеск красной
брони.

За этой массой есть еще более
крупные фигуры. Громадные существа,
скрытые дождем, рогатые и сутулые.

Их даже больше, чем представлял
Сулл. Штурмовые силы федрала фелла
исчисляются десятками тысяч.

--- Вот и конец, --- говорит Арүк.

Сулл обнажает меч.

--- Я тебя утоляю, скитарий, ---
произносит он, поднимая голову. --- Это
только начало.

[отметка: 19.50.23]

Четвертая рота наносит удар.

Первым, что слышат Несущие Слово, становится жестокий последовательный обстрел из легких пушек и полевых орудий при поддержке колоссальной огневой мощи «Теневого меча» и нескольких других крупных машин.

Несущие Слово расположили силы вдоль Кетарского проезда — основной подъездной дороги, соединявшей контейнерные склады с северными сооружениями Ланширского порта. Предполагаюсь, что эти силы уберегут основную армию Хол Велофа от любой контратаки, направленной из-за восточного изгиба Щитовой стены на территорию Нүтина.

Эти бойцы не могут знать, что, заняв зону вокруг Кетарского проезда, они одновременно охраняют информационную машину гильдии погрузочных работ, находящуюся в системе бункеров под

местом собрания гильдии.

Это была величественная панорама. Успешное дымит от снарядов, здание гильдии остается вдохновляющим сооружением, увенчанным изваяниями трудящихся докеров гильдии и гордым символом Ультимы.

Эта область не была целиком разорена. Она не военная, а торговая. Сервер Хесст сделал правильный выбор.

Артиллерия бьет по дороге, сравнивает с землей три жилых блока и рассеивает вражеский строй. Артиллерийский огонь убивает сотни Братьев Ножа и десятки Несущих Слово. Бронемашины гибнут, и их бросают догорать под дождем. Машина предателей «Нес войны», которая внезапно встревожилась и зашагала вперед, будто рассерженный тоа, отслеживает важную цель. Поток пушечного огня встречает ее, обрушивается на нее и безжалостно сбивает пустотные щиты. Затем подает голос «Теневой меч», и копье белого света приканчивает «Нса войны», словно молния какого-то мстительного божества.

Осколки разлетаются на сотни метров, поражая некоторых из отступающих культистов. Другие же, подгоняемые своими разъяренными алыми повелителями, окапываются за стенами и барьерами из обломков и начинают стрелять в ответ.

Повсюду звенят и визжат сообщения варп-склянок --- отчаянные вызовы подкреплений.

«Лэндрейдеры», с корпусов которых струится дождевая вода, летят вперед, поднимая брызги на залитой ливнем дороге. Они сносят стены, перекашиваются по щебню, с хрустом переезжая Братьев Ножа, оказавшихся в ловушке и убитых в собственном укрытии. Бортовые лазышки скрежещут в синевелых сумерках, испаряя потоки дождя на лету. Тяжелые болтеры рвут воздух и обрушивают смерть на вражеские позиции.

Вентан возглавляет наступление пехоты за «Лэндрейдерами», пересекая разбомбленные улицы безлым шагом. Слева подразделения под командованием Сиданса, Лорхаса и Селатона. Справа ---

подразделения Трева, Архо и Барки. Скитарии Киратики образуют широкий правый фланг, блокируя и пресекая попытки Джехаварната перегруппироваться и контратаковать. Нехота Спарзи следует позади и слева от атаки легионеров, выбивая Братьев Ножа из опорных точек и стрелковых окопов вдоль северо-западного края огромной проезжей части.

Чтобы блокировать основной натиск, поднимаются Несущие Слово — багряная линия под дождем. Ракеты обездвиживают первый из «Лэндрейдеров» Вентана, поджигая его гусеницы. Шквальный огонь из автомашек, вееры массреактивных зарядов опрокидывают атакующие кобальтово-синие фигуры.

У Несущих Слово развился вкус к резне, жадность до работы клинка. Возможно, это пришло из их рабских воинств Братьев Ножа. Возможно, это просто связано с жертвенным символизмом заточенного лезвия.

Концентрированная и хорошо направленная огневая мощь могла бы

слотить или повернуть натиск Вентана, однако ее не применяют. Несущие Слово просто ждут столкновения, предвкушая Битву. Они обнажают клинки. Они хотят испытать собственное мужество против хваленного Тринадцатого в стычке, исход которой может повлиять на финальный исход Битвы за Калт.

Предатели хотят проявить себя против тех, с кем их так часто сравнивали.

Сокрушительный гиперкинетический удар. Атакующие кобальтово-синие достигают твердого красного строя. Они врезаются в него. Прорываются сквозь него, коверкают его, синее вместе с красным, размытая картина. Удет обмен ударами. Огромная энергия, огромная мощь, огромная трансчеловеческая сила. Под проливным дождем брызжет кровь. Тела падают наземь, разбрызгивая воду. Рукояти клинков становятся скользкими от дождя, стазки и крови. Щиты крошатся и ломаются. Броня дробится. Ускры озона и энергетической механики, треск электрических разрядов.

Вентан в самой гуще. Болтер. Силовой меч. Штандарт за спиной. Он отстреливает голову в облаке кровавого дыма. Пронзает. Отрубает руку и раскалывает шлем нагвое по диагонали.

Он никогда не ощущал себя настолько сильным. Настолько целеустремленным.

Настолько правым.

Он никогда не испытывал столько полного бесстрашия.

Несущие Слово больше ничего не смогут с ним сделать. Они сделали наилучшее, что было в их силах. Сожгли его мир, его флот, его братьев, пролили его кровь и выпустили на волю своих демонов.

Они могут стрелять в него. Могут колоть его. Могут схватить и повалить. Могут убить.

Это не имеет значения.

Его очередь. Теперь его очередь.

Вот что случается, когда оставляешь Ультрамарина в живых. Когда делаешь своим оружием отвратительнейшее предательство. Вот так оно возвращается к тебе. Так

Ультратар платит по счетам.

Р е з н я . Резня. Абсолютное и тотальное избиение. Смерть, явившаяся бурей золота и кобальтовой синевы. Несущий Слово отшатывается, раскинувшись, его панцирь рассечен до самой сердцевины, из раны бьет фонтан крови. Еще один, лишившийся рук, обрубленные тлеют, он медленно оседает на колени сквозным отверстием от разрыва болтерного заряда в теле. Еще один, вмятина на красном шлеме по всей левой стороне, след силового меча. Еще один, подергивается и бьется в конвульсиях, массреактивные заряды разрывают тело, пересиливая трансчеловеческие резервы. Еще один, разрублен силовым топором. Еще один, расчленен пушками «Лэндрейгера». Еще один, со следами зубьев ценного меча.

Еще один.

Еще один.

Еще. Ворчат, шипят, проклиная, задыхаются, истекают кровью, бьют, разворачиваются, убивают и утирают.

Вентан добирается до здания

ильдиги, перескакивает через баррикады и
приземляется среди Братьев Ножа,
которые верещат и разбегаются от него.
К нему приближается красный доспех,
сержант Семнадцатого с громовым
молотом. Вентан уклоняется от взмаха,
молот крушит рокрыт стены. Он делает
выпад и прокалывает мечом насквозь
визор, лицо, череп, мозг и заднюю
пластину шлема.

Он выдерживает клинок. Сержант
падает, переворачивается, кровь хлещет
из продырявленного визора, словно нефть
из свеженробуренной скважины.

Кровь бежит по сточному желобу.
Вентан сносит двоих из Ценвар Каул,
показавшихся достаточно глупыми, чтобы
напасть на него, а затем стреляет в
Несущего Слово, который обрушивается на
него с истерзанного выстрелами парадного
крыльца. Взрыв разносит бедро дикаря,
роняя его набок. Прежде чем он
поднимается снова, Вентан приканчивает
его силовым мечом.

Вверх по лестнице мимо Вентана
проносится Сиданс. Он палит перед собой

из болтера, целясь в Несущих Слово
наверху, возле главного входа в здание
гильдии. Его встречают ответные
выстрелы. Находящийся рядом с ним
Ультратарин, брат Таэкс, завершает
здесь свою службу, его мозги разлетаются.
Заряды болтера Сиданса отбрасывают
убийцу Таэкса назад через панельные
двери.

Первые из Тринадцатого внутри
здания. Вентан в их числе. Кровь и
дождевая вода каплют с них на трапезный
пол.

--- Назад, --- предостерегает Грев.

Они освобождают место.

«Лэндрейдер» въезжает через двери,
обрушивая их и раскалывая деревянный
массив.

Вентан и его люди прикрывают
боковой люк, тот открывается, и
скитари выводят наружу Таурен.

--- Скорее, --- говорит сервер Вентану.

--- Об этом можно не напоминать,
сервер, --- отзывается тот.

Штурмовым командиром Хол
Велофа не понадобится много времени.

чтобы понять, что это не контрприоры в
Ланшир. Здание гильдии и есть цель.

С верхних галерей огромного атриума
щелкает огонь ручного оружия. Сержант
Архо подает знак истребительной
команде и уходит защищать Братьев
Ножа.

Снаружи продолжает греметь
артиллерия. Подвесные светильники
атриума раскачиваются, свет колеблется.
Сверху, с поврежденной оконной галереи,
падают куски стекла и черепицы.

Селатон обнаруживает
бронированный лифт, ведущий на
подземные этажи здания гильдии. Они
могут использовать питание
«Лэндрейдера», чтобы запустить и
использовать систему, однако нужен
перекрывающий код.

Таурен вводит его.

--- Дата моего рождения, --- говорит
она, заметив, что Вентан наблюдает за
ней.

--- Там было два кода, --- произносит
Вентан.

--- У меня два дня рождения. Мое

органическое начало и дата модификации
полного подключения. Хесст знал и то и
другое.

--- Вы были близки, --- замечает
Вентан.

--- Да, --- отвечает она. --- Думаю, он
был моим мужем. Спутником жизни.
Механикум не мыслит подобными
старомодными терминами, наши
социальные связи менее реальны. Но да,
капитан, мы были близки. Бинарная
форма. Мне его не хватает. Я делаю это
ради него.

Заслонки лифта открываются.
Какую-то секунду Вентан заводит ее
утраче. Насколько бы ни отличались ее
отношения с Хесстом от обычных
человеческих, все равно это было чем-то.
Почти настоящим.

Он трансчеловек. Ему неведом страх,
и существует много прочих простых
эмоций, которых он также никогда не
испытает.

Снаружи по стенам бьют выстрелы, и
промокший под дождем полковник Спарзи
оборачивается.

--- Проклятье, твою ж мать, ---
стонет он.

Его люди тоже это видят.

На них надвигается Хол Велоф.

Он несет отлучение на здание
гильдии. Несет кару. С ним титаны,
катафрактии и Гал Ворбак.

[отметка: 20.01.23]

Телепортационный импульс обжигает и встряхивает каждую молекулу их тел.

Это чрезвычайно рискованная операция. Существенная дистанция в околопланетном пространстве. Громадный расход энергии. Массовый перенос — целая истребительная команда в успехах. Сравнительно небольшая зона приземления.

Цель ненавидит телепорты. Такое ощущение, словно тебя проталкивают сквозь ячейку наэлектризованного сита. В мозгу всегда удар, как от термоядерной бомбы. Во рту устойчивое послевкусие, как от желчи и жженой бутаги.

Они материализуются.

Он спотыкается, теряет на секунду равновесие. Он на палубе. Слышит вопль.

Принимая во внимание фактор риска и ужасные погрешности, телепортацию можно считать успешной. Вместе с

Жиллиманом на поперечной сборочной палубе станции «Зетсун Вериг» возникло сорок шесть человек из отряда. Они потеряли всего лишь четверых.

Двое вплавлены в переборку позади них, из серого агатантия выступают части визоров, латных перчаток и коленей. Еще от одного из-за сбоя переформирования осталась поблескивающая красная грязь. Он распределен по поверхности палубы.

Четвертый, брат Берк, материализовался, ниже пояса спаявшись с пластинами палубы. Это он кричит. Его нельзя вытащить. Теперь он — это палуба, а палуба — это он.

Тревожно слышать, как легионер кричит, настолько не сдерживая себя, однако говорят, что переналожение при телепортации — невообразимая боль.

Жиллиман бережно поддерживает его голову и быстро убивает, чтобы прекратить мучения.

--- Двигается! --- командует он отряду.

Нет времени на раздумья, нет времени передохнуть. Нет времени

преодолевать жгучий дискомфорт перемещения. Отряд проверяет место прибытия по схеме станции и расходится. Они осторожны, но не сбавляют шага. Они — транслюги, которые действуют с максимальной возможной скоростью и эффективностью.

Была выбрана именно поперечная сборочная палуба, поскольку это самое крупное внутреннее помещение и это допускало максимальную погрешность переноса. Цель штурма — зал центрального управления станцией двинуть палубами выше.

Несущие Слово засекут вспышку телепортации. Невозможно замаскировать подобный энергетический скачок.

Гевтоник по воксу подтверждает переход «Чести Макрагге». Гейдж отвечает, что для второго перемещения недостаточно энергии. Устремительная команда Этпиона не последует за ними, по крайней мере сразу.

Они поднимаются по палубным лестницам, мимо огромного шлюза и

ивартовочных комплексов, где стоят корабли. Верхняя часть внутреннего пространства ярко освещена и заполнена системой хромированных труб, рычагов и кабельной проводки.

Сверху по ним открывают огонь Несущие Слово. Заряды мчатся тимо, разрываясь о голый металл и керамитовый остов станции. Взрывы и удары наполняют помещение грохочущим шумом.

Под первым градом снарядов гибнут двое Ультратаринов, Нелий и Диракт. Продолжительный обстрел рассекает их на части. Затем брат Лусигор переваливается через перила, получив попадание в голову. Его кобальтово-синяя фигура, раскинув руки, падает в сборочную зону внизу.

Ультратарины палят в ответ, накрывая сооружения наверху облаком взрывающихся болтов. Несущие Слово падают, однако их место занимают новые. Много новых.

Жиллитан рычит, бросая им вызов. Он приговаривает их к смерти.

Приговаривает их властителя к еще худшей участи.

И бросается на них.

Тиель осознает, что примарх, безусловно, является их главнейшим ресурсом. Не из-за своего физического превосходства, хотя его сложно переоценить.

Потому что он -- примарх. Потому что он -- Роберт Жиллиман. Потому что он просто один из величайших воителей Империи. Сколько существ могло бы сравниться с ним? Честно? Все сорок его братьев? Не все сорок. Далеко не все сорок. Четверо или пятеро, в лучшем случае. В лучшем случае.

Находящиеся на верхних сооружениях Несущие Слово видят, как он приближается. Они не уступают по силе истребительному отряду, их почти полная рота. Как минимум некоторые из них -- превозносимая элита Гал Ворбак.

Однако они видят, как он приближается, и знают, что это означает. Не имеет значения, какое

костическое потешательство осквернило
их разумы и души. Не имеет значения,
какие коварные обещания нашенывают
им в уши Темные Боги. Не имеет
значения, какую новую храбрость варн влил
в их вены вместе с безумием.

Жиллитан Ультратарский идет
прямо на них. Чтобы убить их. Убить их
всех.

Даже если у них и есть шанс
причинить ему вред, они упускают его.
Они теряются. На мгновение их
извращенным сердцам ведом страх.
Подлинный страх.

А затем он добирается до них.

А затем — убивает их.

— За ним! За ним! — кричит Тиель.

Они рвутся вперед. Изуродованные
Несущие Слово пролетают над головой,
бьются о палубы вокруг. Когда Тиель
показывается возле примарха, Жиллитан
уже убил самое меньшее дюжину. Его
болтер ревет. На силовом кулаке
шкварчит кипящая кровь.

Это жестокий ближний бой. При
Тиеле экзотический дуэльный меч.

который так хорошо послужил ему в этом худший из дней. Держа оружие обеими руками, он орудует им, рассекая алый кератит, словно шелк. Кровь Несущих Слово кажется черной, как будто она прокисла и загрязнилась. Тиель прикрывает примарха с фланга, уверенно продвигаясь вместе с ним в направлении основного люка.

Они теряют восьмерых. Восемь Ультратаринов. Но они прорываются в зал центрального управления, оставляя за собой ковер из мертвых врагов.

Там их ждет настоящая схватка.

Их встречает ошелотляющий шквал огня болтеров, который убивает Стеция, Аскретиса и Гевтоника.

Кор Фазрон, магистр темной веры, магистр непроницаемого слова, посылает своих людей вперед.

А затем летит к Жиллиману, оставляя за собой шлейф темного тумана, сверкая черными молниями, вырванными из бездн варна.

--- Ублюдок! --- выкрикивает

Жиллиман.

Он не отступает.

Ни на шаг.

[отметка: 20.06.23]

Здание гильдии сотрясается. Но нету
стреляют титаны.

--- Мне нужны свежие данные, ---
кричит Вентан в вокс, вокруг него
кружится вьюга из стеклянной и каменной
пыли.

Он остался на поверхности, чтобы
руководить обороной. Селатон спустился в
бронированный бункер вместе с Таурен.
Около пяти минут назад отключились все
каналы вокс-связи и передачи данных из
Лептия Нүтина. Дворец пал. У Вентана
есть только связь с его ротой через
коммуникаторы ближнего радиуса
действия.

--- Сервер активировала машину, ---
отвечает по воксу Селатон. --- Она
подключается. Подключается к ММУ.

--- Работает? --- требовательно
спрашивает Вентан.

--- Я не знаю, как это выглядит, если
работает, --- отвечает Селатон.

--- Могу гарантировать, что
выглядит лучше, чем это! --- отзывается
Вентан.

По проезду неуклонно пробивается
бронетехника Несущих Слово, которая
накрывает их позиции градом снарядов и
россыпью лазеров. Дым и ливень сократили
видимость почти до нуля. Здания
фабрикаториев на другой стороне дороги
рухнули мешаниной камня и пламени.
Через дым полным ходом приближаются
два титана «Налетчик», оружейные
установки которых светятся от
непрерывных разрядов.

Киратика мертва. Лорхас мертв.
Вероятно, Спарзи тоже мертв. Вентан не
может найти Грева или Сиданса. Строй
роты нарушен. Четвертая сделала все,
что могла.

Но этого недостаточно, чтобы
справиться с подавляющей мощью атаки
Хол Велофа.

--- Сервер запустила код-убийцу, ---
докладывает Селатон. --- Она запускает
его в систему сети. Готовится к очистке.

Вентан пригибается, когда в

нескольких дюжинах метров впереди огонь капитана подбрасывает в воздух «Лэндрейдер». Смятый и полыхающий, тот приземляется, так громко ударяясь о перепаханную землю, что кажется, будто небо прогибается.

Разумеется, небо действительно прогибается. Над ливнем трещит синее-белое пламя. Солнечные вспышки выжигают верхние слои атмосферы Калта, озаряя израненный мир и вызывая огромные неестественные полярные сияния, когда заряженные энергочастицы бьют по термосфере. Вокруг Вентана скачут и крутятся свет и цвет: свет взрывов, свечение измученного неба.

— Это хорошо, да? — передает Вентан по воксу в ответ. — Это хорошо?

— Да, капитан, — отзывается Селатон, — но это бесполезно без контроля. Она не может получить контроль над сетью, пока не снят контроль врага. А этого не произошло. Она говорит мне, что этого не произошло.

Из темноты к Вентану приближается зверь из Гал Ворбак.

затахивающийся силовым топором. На нем нет шлема. У него... не человеческое лицо.

Вентан встречает атаку, выставляя клинок поперек рукояти топора и блокируя замахи. Они борются. Сокрушительная сила убийцы отталкивает Вентана назад. Сцепленное оружие разрывается, и Вентан резко приседает, чтобы избежать последующего косящего удара.

Вентан быстро выпрямляется, взгоняя клинок вверх. Острое мече задевает топор воина Гал Ворбак, отклоняется врагу в рот и пронзает голову.

Гал Ворбак не умирает. Умирает не сразу. Он стелется над проткнувшим его рот клинком. Черная кровь толчками льется на эфес мече, кисть и руку Вентана. Воин Гал Ворбак глубоко взгоняет свой топор в бок Вентана.

И только тогда умирает.

Вентан оседает на одно колено.

--- Есть что-нибудь?

--- Капитан? Вы в порядке? ---

откликается Селатон.

--- Есть что-нибудь новое?

--- У вас странный голос.

--- Селатон, она его получила? ---
рычит Вентан.

--- Нет, сэр. Вражеский контроль все
еще на месте.

Титаны рядом. Последний
оставшийся у Четвертой «Теневой меч»
стреляет и повреждает одного из
шагающих гигантов, но те отвечают
залпом и превращают сверхтяжелый танк
в огромный костер высотой с жилые дома
позади него.

Больше никто не придёт. Никакой
поддержки, которая, как они надеялись,
стоит встать рядом. Никаких
подкреплений.

У них была хорошая надежда, но
недостаточно крепкая.

Семнадцатый легион одержал верх в
Битве за Калт.

[отметка: 20.09.41]

Плато Сатрик купается в свете
полярного сияния. Местная звезда
извергает энергию по всей Веридийской
системе.

Эреб наблюдает.

Цдет дождь. Дождь — это кровь.
Демоны вопят.

Разражается буря.

[отметка: 20.10.04]

Кор Фаэрон встречает Жиллимана
лучом гытного света, колонной
проклятого трака, которая срывается с
ладони его правой руки и впечатывает
примарха Тринадцатого легиона в стену
помещения.

Жиллиман вновь встает, но он
потрясен. Стена слаялась в том месте, где
он врезался в нее.

Кор Фаэрон издает резкий вопль от
напряжения и творит еще один луч
гытного свечения. Жиллиман атакует, но
луч отшвыривает его обратно на
переборку с настолько мощным
кинетическим хлопком, что тот
разносится по залу оглушительным
рокотом.

Жиллиман поднимается,
пошатываясь, падает, вновь привстает,
сжата силовой кулак. Кератит на его
нагруднике треснул. Жиллиман кашляет.

и у него из рта сочится кровь.

Кор Фаэрон снова поражает его, на сей раз — странным отрицательным электричеством, которое потряскивает вокруг Жиллимана и заставляет того застыть в жесточайших судорогах.

Жиллиман остается стоять на четвереньках, кобальтово-синяя броня обожжена, голова опущена, все тело тлеет от сжигающего кожу перегретого досада.

Несущий Слово вынимает атам и делает шаг вперед.

Кор Фаэрон может выбирать, и это доставляет ему наслаждение. Он может оборвать жизнь великого Жиллимана. Единоличное убийство настолько ценнее далекого или массового.

Он может убить Робаута Жиллимана собственными руками.

Или же собственными руками обратить его.

Как обратили магистра войны.

Эреб это сделал. Стало быть, и Кор Фаэрон может.

Жиллиман ранен, слаб, уязвим. Укус атам вынут из Жиллимана здоровый

стысл и, пока он в подобном состоянии, снимет все запреты. Болезненное жжение нанесенной атамом раны будет изводить его и в конечном итоге сквозь линзу бреда откроет Изначальную Истину во всем ее ужасном великолении.

Они прибыли на Калт, чтобы убить Жиллимана и его совершенных воинов. Насколько большее значение будет иметь возвращение ко двору Лорзара и Хоруса Луперкала с Жиллиманом в качестве добровольного и уступчивого союзника?

Жиллиманом, увенчанным розами. Жиллиманом, облаченным в радужный плащ демона.

Кор Фазрон склоняется над рхнувшим притархом. Дыхание Жиллимана быстрое и неровное. Его доспех дымится, утратив цвет, под ним образуется лужа крови.

— Ты столь многого не понимаешь, — произносит Кор Фазрон. — Истина потрясет тебя, Роберт. Мне жаль, но так будет. Однако ты научишься приспособливаться к ней. Я счастлив разделить с тобой мое знание. Помочь

тебе понять. Расширить восприятие.

--- Убирайся от меня, --- тяжело выдыхает Жиллитан.

--- Слишком поздно. Прими это.

Тиель слишком далеко, чтобы помешать. Застрав в упорной схватке, которая бьётся на другом краю зала управления, Тиель бросает взгляд на то, что, как ему кажется, скорее всего, станет последними мгновениями Робаута Жиллитана.

Он пытается пробиться, крича от ярости и разочарования. Несущие Слово оттеснили истребительный отряд Жиллитана назад, перебив большую его часть. Тиель и остальные бьются, чтобы оказаться рядом с примархом, но не могут этого сделать. Врагов слишком много. У это элита.

Эонида Тиелю преграждают путь трое воинов. Один из них --- Сорот Чур. Чур блокирует все удары и выпады, которые делает Тиель, столь же уверенно, как тренировочная клетка, которая выставлена на максимальный уровень сложности.

Кор Фазрон приставляет клинок
атама к горлу Жиллимана.

[отметка: 20.11.39]

Верхние этажи здания гильдии рушатся. Вентан находит Сиданса, Греваса и остатки их отделений и отступает через внешний вестибюль. Из-за серьезности раны он шаркает ногами, походка неровная.

Повсюду враги. На востоке только что возникли из пара еще два титана. Еще два. Это смешно. Академично. Силы врагов давно перешли точку перелома. Хол Велоф использовал максимальную избыточную мощность.

По крайней мере, думает Вентан, они убили многих. Многие. Несущим Слово пришлось дорого заплатить, чтобы достичь конца этого мира.

К сожалению, похоже, что их это не волнует.

Здание гильдии падет следующим, и не имеет значения, насколько хорошо защищен бункер на подземных этажах. Семнадцатый раскопает его, убьет Таурен

и разнесет информационную машину.

Один из титанов открывает огонь.

Другой титан взрывается выше пояса. Из верхней секции вздымается огромный огненный шар, который пожирает его, взвихряя в небе желтое и белое пламя.

Бункер в трехстах метрах под воздействием гильдии содрогается. Шум идущей наверху последней войны --- приглушенное ворчание, вибрация, которую скрывают треск и жужжание мощной информационной машины.

Подключенная к общности машин через ММУ Таурен хмурится.

Селатон видит, как меняется выражение ее лица. Ультратарин никогда не испытывал подобного раздражения. Он вне боя, бесполезен, обречен ничего не сделать, просто наблюдать и докладывать о безмолвных гантических операциях загадочного магоса Механикум.

--- Что? --- спрашивает он. --- Что такое?

--- В схватку направились два титана, --- тихо произносит она, изучая невидимые для него потоки движущихся

данных. -- И это не машины предателей.

-- Что?

-- Это орудия лоялистов, -- говорит она. -- «Пылающее облако» и «Смертельный удар Каскардуса». Один из них только что совершил уничтожение титана Несущих Слово «Мортис Максор».

-- Нас поддерживают? -- спрашивает Селатон.

-- Похоже...

-- Сервер, вы говорите, что на подмогу к Четвертой прибывают подкрепления?

-- Да, сержант. Данные подтверждают это предположение. Судя по данным, дело обстоит именно так.

Таурен остается абсолютно спокойной. Она не проявляет радости. Она изучает быстро обновляющийся поток информации, просеивая его.

-- Силы капитана Вентана стояли перед перспективой уничтожения через три минуты и шестнадцать секунд. Этот предел изменен до шести минут и двенадцати секунд. До восьми мин... до десяти минут и пятидесяти одной

секунды.

Таурен наблюдает за поступающими данными. Они идут с тысячи различных источников изображения и информации: вводов визоров легионеров Ультратарина, оптических каналов скитариев, аусников техники лоялистов, сенсоров зоны здания гильдии, все еще работающих фрагментов городской когитационной сети. Она наблюдает сразу за всем.

Быстрые и маневренные, силы подкрепления врываются в Ланширский пояс с востока. Они движутся вдоль Таркисской горизонтали, проезжая Малоник, откоса Бедрус и Ланширских магистралей. Пробиваются через пригородные строения за грузовыми хранилищами и кольцо готов к востоку от портового дока 18. Колонна «Лэндрейдеров» поддерживает трех титанов: двух «Налетчиков» и «Полководца». За ними следует быстро движущаяся пехота. Она опознает их по символам, геральдике, регистрационным кодам и маякам обозначения подразделений. Силы в основном состоят из частей

Сринадцатого и Механикум со сборов в Баррморе и Шарүде, однако там также двадцать тысяч солдат Армии, с которыми легкая бронетехника и орудия поддержки.

Она быстро переключается между экранами, чтобы отслеживать продвижение. Деблокирующая группа образует два острия атаки. Одно — силы легиона, которые ведут сержант Стогвенадцатой Анхиз и капитан Девятнадцатой Эфон. Другое — главным образом Армия под командованием полковника Сорок первого Неридского по имени Бартол, однако фактически ее возглавляют Эйкос Латиас и тяжело двигающийся гредноут Ультратарина.

Перед тем как погибнуть, верная Таурен Улдорт выполнила свои обязанности с необычайным усердием и скоординировала всю силу и огневую мощь, с какой могла связаться.

Латиас. Эйкос Латиас, тетрарх Ультратара, чемпион примарха. Он ведет потрепанное воинство солдат, собранное в пустыне и пылающих холмах вокруг

Голофүзикона. Он поднимает меч
единственной здоровой рукой и направляет
своих воинов в уличную схватку.

Возле него вышагивает
«Контеллитор» Телетехр, который
расходует боеприпасы, раскалывая
вражеские порядки. На его счету два
убийства старших командующих Хол
Велофа. Штурмовая пушка. Самое
эффективное.

Таурен снова переключает картинки.
Она следует за другими кодовыми
обозначениями.

С отделениями Эфона идет
почтенный Юстарий. Второй гредноут,
введенный в бой. А в тени титанов и
второй тетрарх — Таврон Никодим,
который провел весь день, пробиваясь с юга,
с полей бойни в Комеше.

Стена обзора. Стена обзора. Таурен
наблюдает за данными, почти напуганная
скоростью обновления, быстрым
смещением баланса сражения.

Наконец она ощущает отчаяние
Селатона и начинает сообщать ему, что
vigit.

Силы Хол Велофа отступают перед необузданной мощью атаки. Дело не только в огневой мощи, а в ее скоординированной силе. Раздробленные выжившие из Тринадцатого не должны были быть в силах организовать с такой точностью и эффективностью. Посреди хаоса, смятении и пылающего мира они не могли собраться и сконцентрироваться вокруг одного стратегически важного пункта.

Таурен проверяет прогноз по уничтожению.

Теперь он составляет сорок семь минут и тридцать одну секунду.

На этот раз уцелевшие в Калтском Побойще проявят свою ярость и жажду мести, нанесут врагу громадный ущерб. Возможно, они даже временно выбьют Несущих Слово из Ланширского пояса.

Однако это всего лишь последняя приятная возможность побуждать перед лицом смерти.

Она просто добавит Хол Велофу час другой сражения. Во многом она послужит тому, чтобы собрать всех жертв в одно

место. Браз может подтягивать дивизию
поддержки со всех сторон.

Тринадцатый этого не может.

Если они надеялись пасть со славой,
то это желание скоро исполнится.

У Таурен нет контроля над сетью,
чтобы с ее помощью изменить динамику
боя. У нее есть ког-убийца, но нет
проклятого контроля.

[отметка: 20.13.29]

Атам жалит. Вокруг рассеченной
плоти растекается кровь Жиллимана. Он
рычит сквозь стиснутые зубы.

--- Пусть течет, --- шепчет Кор
фаэрон. --- Так начинается мудрость.

Жиллиман что-то бормочет в
ответ.

--- Что? --- переспрашивает Кор
фаэрон, издевательски прикладывая
ладонь к уху. --- Что ты сказал, Робаум?

Каждое слово требует усилия.

--- Ты совершил ошибку, ---
выдавливает Жиллиман.

--- Ошибку?

--- Ты выбрал неверный практический

вариант. У тебя был выбор. Узреть со-
тной. Убить меня. Ты выбрал не то.

— В самом деле? — улыбается Кор
Фаэрон.

— Тебе не следовало оставлять меня в
живых.

— Я сохраняю тебе жизнь, чтобы
разделить с тобой истину, Робаут.

— Да, — произносит Жиллиман,
втягивая воздух на каждом неровном
вдохе. — Но пока я жив, я могу сделать вот
так.

Резкий звук. Внезапный влажный
треск. Бурный всплеск крови, как будто
тежду нити лопнул бурдюк красного вина.
Кор Фаэрон издает слабый шут: тонкий
керамический звук, словно влажный палец
скользит по стеклу.

Жиллиман поднимается. Хотя
питание давно закоротилось и
отключилось, он погрузил в грудь Кор
Фаэрона руку доспеха. Он пробил броню,
мышцы и усиленные ребра. Пронзенный
кулаком Жиллимана Кор Фаэрон
подергивается. Его ноги оторвались от
палубы, локти врезались в бока. Он

трасется, голова колотится на шее.

Атам вынагает из его пальцев и
отскакивает от пола.

Сорот Чүр слышит звук, который
издает его господин. Он сконцентрирован
на бою с участниками рейда
Ультратарина, однако он не в силах
удержаться от того, чтобы на секунду
отвести глаза. Меньше чем на секунду. На
микросекунду.

Тиель видит, как он открывается.
Это его единственный шанс. Бесконечно
малый крошечный просвет в защите
Несущего Слово. Он существует
микросекунду и более не повторится.

Он наносит удар мечом.

Дуэльный меч отсекает правую
сторону шлема Чүра. Вместе с ней
отделяются щека, ухо и часть черепа. Чүр
оступается, ошарашенный болью, шоком и
дизориентацией.

На мгновение Чүру кажется, что это
Люциель. Кажется, что это Люциель,
который восстал из мертвых, чтобы
покарать его за преданное доверие.

Тиель ударом плеча отшвыривает

Его вбоек на грудного Несущего Слово, забрызгивая обоих кровью. Он подныривает под рубящий удар третьего и обезглавливает его.

Он первый, кто прорывается и несется к Жиллиману.

Жиллиман смотрит Кор Фаэрону в глаза. Губы Кор Фаэрона дрожат. Он часто моргает, вокруг уголков трясущегося рта пузырится слюна.

Жиллиман выдергивает руку. В ней сжато сердце Кор Фаэрона.

Кор Фаэрон падает на палубу, из-под него во все стороны растекается едкая черная кровь. Его тошнит, пол покрывается отбратительными молочными брызгами.

Жиллиман отшвыривает изуродованное сердце прочь.

Тиель поддерживает припарха, чтобы не дать тому упасть.

--- Не волнуйся обо мне, сержант, --- со скрежетом произносит Жиллиман. --- Уничтожь проклятые системы. Делай то, ради чего мы пришли.

Тиель тчится к консолям системы.

Перед ним лязгают и щелкают латунные
когитационные блоки информационной
машины.

--- Во имя Терры, --- рычит
Жиллиман. --- Туель, стреляй в эту
хреновину!

У Туеля нет боеприпасов. Но есть
меч. И есть работа для этого меча.

[отметка: 20.20.19]

Управляющие коды разблокируются.
Таурен выдут, как это происходит.
Выдут, как по всей ноосфере внезапно
меняется цифровая последовательность.
Контроль приостановлен (сбой машины).
Контроль приостановлен (сбой машины).
Контроль приостановлен (сбой машины).
Контроль приостановлен (сбой машины)...

Это похоже на миг информационного
откровения. Абсолютное изменение
последовательности данных. Все
параметры меняются. Все настройки
сбрасываются.

Она не колеблется. Хесст бы не стал.
Она запускает код-убийцу прямо во
внезапно открывшуюся систему и

наблюдает, как тот прожигает себе
дорогу сквозь испорченные числовые данные
мусорного кода Октема.

Код-убийца --- ее авангард. Ее
преторианцы. Ее истребительная команда
Ультратарина. Ее Вентан. Она следует
за ним при помощи своих авторизационных
кодов.

Она перехватывает управление.
Выбирает дискреционный режим.
Мгновенно появляются тысячи
автоматически сгенерированных огневых
расчетов. Она сортирует их, пользуясь
едва заметной гантикой, кодовыми
форматами и бинарным кантированием.

--- Сервер? --- обращается к ней
Селатон. --- Сервер?

Таурен не обращает на него
внимания. Она открывает вокс-канал.

--- Сервер Таурен Тринадцатому
легиону Ультратарина и всем силам,
объединенным под их знаменем.
Приготовьтесь к удару. Повторяю,
приготовьтесь к удару.

На Ланишир обрушиваются первые удары лучевых орудий. Они исходят прямо с неба --- колонны ослепительного вертикального света. Они льются с орбитальных оружейных платформ, тех платформ, которые Несущие Слово оставили нетронутыми для своих целей.

Лучи, созданные лэнс-батареями, корпускулярными туннелями и мезонными орудиями, бьют с хирургической точностью. Они выжигают городскую зону вокруг здания гильдии в северной складской области. Уничтожают титанов, растворяют бронетехнику и превращают порядки братств и Несущих Слово в пепел.

Укрывшиеся --- порой менее чем в полукилometре от мест попадания --- Ультратарины и силы Армии не задеваются. У них рвутся барабанные перепонки. Горит кожа. Они наполовину ослепли от света, оглушены контузией, электромагнитным импульсом и жестокой ударной волной, но они держатся.

Отрицательное давление заставляет дождь кружиться вокруг зоны вихрей, вдоворотом дыта и разрушенной

атмосферы.

Ошеломленный взрывом Вентан смотрит вверх. К их мокрой броне прилипли пепел, который покрывает их всех, --- пепел, который всего несколько секунд назад был Несущими Слово.

Окружающие его Ультрамаринны цвета серой пелззы, цвета оружейной стали, цвета старого облачения Семнадцатого.

[отметка: 20.21.25]

Таурен не закончила. Она разворачивает доступные ей элементы сети и поражает другие наземные цели. В это же время она захватывает орбитальные платформы и перенацеливает лэнс-станции. Она начинает систематически уничтожать флот Несущих Слово.

Впервые с момента разрушительного орбитального удара в околопланетном пространстве взрываются и гибнут боевые корабли с алыми корпусами. Крейсеры и баржи детонируют многомегатонными взрывами или приходят в негодность от

опустошительных ударов.

Это активная перемена в сражении.
Перемена игры. Хесст бы одобрил.
Жиллиман бы одобрил.

[отметка: 20.21.30]

На вспомогательном мостике «Чести
Макрагге» Марий Гейдж смотрит, как
стрежат и вспыхивают первые вражеские
корабли. Он наблюдает за тем, как с
орбитальной сети срываются
фосфоресцирующие зеленые и белые лучи,
которые поражают корабли Несущих
Слово.

Он смотрит на Гоммега.

— Скажите, пожалуйста, в каком
состоянии выходная мощность?

— Сейчас у нас пятьдесят семь
процентов, магистр ордена, — отвечает
Гоммег. — Достаточно для переноса
истребительного отряда Этпиона.

— Я намерен предпринять более
прямые действия. Запустите двигатель и
направляйтесь к станции. Поднять щиты.

— Сэр, к нашему корпусу
пристыковано три вражеских крейсера.

— В таком случае, полагаю, они пострадают, капитан. Поднять пустотные щиты. После этого сбейте их с нашей кормы.

Титанический флагман запускает щиты. Один из крейсеров сминается, его захватывает пустотное поле, он разрывается по центральной линии и опустошает в космос главные отсеки. Разрушенный остов остается пристыкованным к «Чести Макрагге», а флагман рвется вперед, его раскаленные обломки двигатели светятся.

Второй крейсер отваливается, захватыв взорваны и рассечены. Прежде чем он оказывается в состоянии стабилизировать свое движение, его начинают разносить на части батареи флагмана.

По третьему раз за разом бьют с близкого расстояния орудия правого борта флагмана. Гейдж отказывается отдать приказ о прекращении огня, пока обращенный к нему бок крейсера не становится пылающей расплавленной преисподней и не обнажаются внутренние

палубы.

Казненный крейсер отделяется, светясь, словно уголь, и выпадает из плоскости эклиптики.

[отметка: 20.24.10]

Зал центрального управления горит. Пламя и дым быстро заполняют жилые помещения станции «Зетсун Вериг». Тиель и оставшаяся часть истребительной команды поспешно отступают к поперечной сборочной палубе. Они плотно группируются вокруг хромающего раненого примарха.

--- Флагман приближается, ---
произносит Тиель.

Жиллиман кивает. Похоже, к нему возвращаются силы.

--- Солнце, --- бормочет один из отряда.

Они глядят вверх через огромные кристалфлексовые смотровые окна и видят Веригийскую звезду. Она поражена, ее свет нездоров и неприятен. Поверхность покрыта бубонной сынью солнечных пятен.

--- Думаю, мы кое-что выиграли как

раз вовремя, чтобы все потерять, ---
говорит Жиллиман.

Тиель спрашивает у него, что ил
следует делать, однако примарх не
слушает. Он перевел внимание вниз, на
что-то, что он видит на промежуточной
палубе под сборочным уровнем.

--- Ублюдки! --- шипит он. --- Они что ---
не могут просто сгореть?

Тиель смотрит туда.

Он видит полдюжины уцелевших
Несущих Слово. Те несут окровавленное
тело Кор Фазрона. Похоже, что
проклятый магистр веры каким-то
образом все еще жив, несмотря на то что
Жиллиман вырвал ему основное сердце. Он
подергивается и корчится.

Во главе отряда Тиель видит
Несущего Слово, которому он рассек шлем
и череп.

Почувствовав их, Чур оборачивается,
чтобы посмотреть. Вместо одной
стороны лица кровь, зубы и обнажившаяся
кость.

Тиель вытаскивает болтер,
перезаряженный боеприпасами навшего

брата. Другие Ультратарины также начинают стрелять.

Несущие Слово мерцают. У них под ногами с треском самопроизвольно образуется круг инея, и их окружает коронный разряд. Они исчезают во вспышке телепортационной энергии.

--- Гейдж! Гейдж! --- кричит Жиллиман.

--- Мой примарх! --- отзывается Гейдж по воксу.

--- Кор Фазрон бежит. Он скрылся отсюда, телепортировался! Он побежит на свой корабль.

--- Да, сэр.

--- Просто останови его, Марий. Убей его и отправь в преисподнюю.

--- Мой примарх...

--- Марий Гейдж, это приказ.

--- А что с вами, сэр? Мы заходим на станцию, чтобы забрать вас.

--- Здесь пришвартованы корабли, --- отвечает Жиллиман. --- «Самофракия», пара эскортов. Мы сядем на один из них и будем в безопасности. Просто отправляйся за ним, Марий. Отправляйся за

проклятым «Унфигус Умператор».

[отметка: 20.27.17]

Боевой катер Несущих Слово «Унфигус Умператор» разворачивается в насыщенном обломками ближнем космосе. Калта, позади него в огне гибнут корабли. Он запускает двигатель и начинает долгий и трудный прорыв за пределы системы.

Пока он ускоряется, наращивая тягу до максимума, «Честь Макразге» устремляется в погоню, ее основные двигатели светятся столь же яростной мощью.

Так начинается одна из наиболее печально известных дуэлей кораблей в умперской истории.

[отметка: 20.59.10]

Судьба исказилась, сбившись с курса. Эреб отчетливо это видит. Его это не волнует, и он не удивлен. Пути меняются. Ему это известно. Это одна из первых истин, которые ему преподала тьма.

Калт мертв. Тринадцатый выведен

из строя и прикончен. Ритмал завершен и
полностью удался. Поднимается Гибельный
Шторм --- варп-шторм, превосходящий все,
что странствующее к звездам
человечество видело с Эры Раздора. Он
расколет пустоту на части. Разделит
Галактику надвое. Сделает широкие пути
Империи непроходимыми на века.

Он изолирует и затанит в ловушку
верные Императору силы. Разделит их, не
позволит им объединиться и поддержать
друг друга. Нарушит коммуникации и
цепи связи. Не даст им даже предупредить
друг друга о разворачивающейся в их
царстве еретической войне. Гибельный
Шторм обездвижит лоялистов и оставит
Терру беззащитной и одинокой, бесконечно
уязвимой перед надвигающейся тенью
Хоруса.

Однако... каким-то образом враг кое-
что спас. Они были побеждены с самого
начала, оставались побежденными все
время, и Несущие Слово могут посыпать
солью разбросанные кости Тринадцатого.
И все же те что-то отвоевали. Какую-то
долю возмездия. Какую-то степень

гордости. Они не сдались и заставили
дорого заплатить за их жизни.

Эребу жаль оставлять кого-то из них
в живых. Они говорят, что их всегда нужно
убивать. Ультратаринов. Если делаешь
одного из них своим врагом, не позволяй
ему жить. Не щади его. Оставь
Ультратарина в живых — и оставишь
лазейку возмездия. Лишь когда он мертв,
тебе не угрожает месть. Так они говорят.

Хорошие слова. Гордая похвальба
неизменно высокомерного легиона. Они
мало что значат. С Ультратаринами
покончено. Калт выпустил и кишки. Они
никогда уже не будут силой, с которой
приходится считаться.

Хорусу более нет нужды беспокоиться
об угрозе Тринадцатого.

На плато Сатрик падает ядовитый
свет солнца. Эреб греется в нем. Он
воздевает руки вверх. Демоны поют,
преклоняясь.

Темный Апостол чувствует, как
поднимающиеся ветры Гибельного
Шторма колеблют его плащ. Он закончил
здесь. Уполнил долг, доверенный ему

Лоргаром. Пришло время уходить.

На краю круга из темных камней реальность стала тонкой --- тонкой, словно выбеленная древняя тряпица. Эреб вынимает собственный изукрашенный атал и прорезает щель в материальной ткани вселенной.

Он шагает в нее.

[отметка: 23.43.16]

Жиллиман наблюдает за поднимающимся штормом с мостика «Самофракии», у постов управления находится запасной командный состав. Все надежные источники утверждают, что буря будет худшей на памяти живущих.

--- Мой примарх, мы должны выбраться из системы, --- говорит капитан корабля. --- Флот должен уйти, пока нас не стело прочь.

Жиллиман кивает. Он понимает эту необходимость. По крайней мере, нужно донести до центральных секторов Империи и Пятисот Миров Ультратара ясные и четкие предостережения о демонической угрозе.

--- Там внизу все еще не спасены сотни тысяч, --- говорит он Тиелю, глядя на сканы разоренной планеты.

--- Мы вытащили, сколько смогли, при помощи всех бывших у нас кораблей, сэр, --- отвечает Тиель. --- Дальнейшая эвакуация

теперь невозможна.

--- А что с остальными? ---
спрашивает Жиллиман.

--- Они отходят в аркологии, ---
произносит Тиель. --- Есть некоторая
вероятность, что подземные жилые
системы и катакомбы уберегут их от
воздействия солнечной радиации.
Возможно, они смогут переждать шторм,
пока мы не окажется в состоянии
вернуться с флотом легиона, чтобы
эвакуировать их.

--- На это могут уйти годы.

--- Могут, --- соглашается Тиель.

--- Если это вообще произойдет.

--- В худшем случае --- годы, --- говорит
Тиель. --- Мы вернемся. Они будут спасены.
Жиллиман кивает.

--- Прости мне мой настрой, Тиель. Я
потерял мир Ультратара. Потерял...
слишком многое. Ты видишь меня не в
лучшей форме.

--- С точки зрения теории, ---
откликается Тиель, --- верно обратное
утверждение.

Жиллиман фыркает. Его лицо серое

от неутихающей боли.

--- Есть что-нибудь от Гейджа?

--- Ничего, сэр.

--- А среди спасенных нами был Вентан?

--- Нет, сэр, --- отвечает Туель. --- Его не было.

[отметка: 23.49.20]

Вентан берет рожок вокса.

--- Говорит Вентан, капитан, Четвертая рота, --- начинает он. --- Я веду аварийную передачу по глобальной вокс-трансляции. Поверхность Калта более не является пригодной для жизни. Из-за повреждений местная звезда пульсирует вспышками и вскоре облучит Калт до смертельного для человека уровня. Эвакуировать планету более невозможно. Поэтому, если вы гражданин, член Имперской Армии, легионер Тринадцатого или любой другой верный слугитель Империи, спешно направляйтесь к ближайшей аркологии или аркологической системе. Аркологические системы могут предоставить достаточную защиту.

которая позволит нам пережить
солнечную катастрофу. Мы укрыемся в них
до дальнейшего уведомления. Не
мешкайте. Направляйтесь прямо к
ближайшей аркологии. Информация по
местонахождению аркологий и доступу в
них будет присоединена к этой
циклической передаче в виде кодированного
файла. Во имя Империи, торопитесь.
Конец сообщения.

Он опускает устройство и смотрит
на Таурен.

--- Я поставила его на непрерывную
передачу, --- говорит она.

--- Тогда мы должны идти. Времени
очень мало, сервер. Отключайтесь от
информационной машины.

--- Мне ничего не известно об этих
пещерах, --- произносит она. --- Думаю, там
внизу будет неприятно.

--- Не настолько неприятно, как будет
на поверхности, --- отзывается Селатон.

--- Это не дискуссия, --- говорит
Вентан. --- Выбора нет. Мы уходим в
аркологии. Там мы продержимся. Конец
обсуждения.

--- Ясно, --- говорит она. --- Вы понимаете, что оставшиеся на планете силы врага тоже отступят под землю?

--- Да, --- отвечает Вентан.

--- И что мы будем делать? --- спрашивает Таурен.

--- Мы продолжаем сражаться, --- говорит ей Вентан. --- Это то, что мы всегда делаем.

[отметка: 23.59.01]

Мир никогда еще не казался настолько темным. Невозможно сказать, где кончается качающаяся чернота моря и начинается отравленная тьма неба.

Остается только звезда, ядовитая и яростная, она светится в дыму и тумане, как злобещее око.

Они причаливают ялик к покрытому галькой пляжу и сходят на берег. Олл сверяется с компасом. Они начинают пробираться по берегу, двигаясь вглубь суши.

--- Где ты? --- спрашивает Бейл Рейн.

--- На севере, --- отвечает Олл. --- Побережье Сатрик. В той стороне огромное плато.

Он указывает в темноту.

--- Хорошее место, --- говорит Олл. --- Бывал здесь когда-нибудь? Вигел его?

Рейн качает головой.

--- Что мы тут делаем? --- интересуется Зибес.

Вдалеке ухают и тараторят странные демонические голоса, которые разносятся по бухте.

Зибес повторяет вопрос с большей настойчивостью.

— Я ничего не понимаю, — говорит он. — Мы столько проплыли на этой проклятой лодке! Зачем? Разве здесь безопаснее? Судя по звукам, тут даже хуже, если это вообще возможно.

Он измотан и нетерпелив. Олл бросает на него взгляд.

— Мы пришли сюда, — произносит он, — поскольку здесь единственное место, где мы можем выйти наружу. Единственное. Наш единственный шанс выжить и кое-что сделать.

— Что сделать? — спрашивает Кранк.

— Кое-что важное, — отзывается Олл, толком не слушая. Он что-то увидел. Что-то на берегу, возле лодки.

— Кто это, рядовой Перссон? — спрашивает Графт.

На берегу позади них находится человек. Он идет за ними. Быстро двигаясь, проходит мимо вытащенного на

сущу ялика. Удаляясь от берега, на черной воде медленно кружится брошенная другая небольшая шлюпка --- предположительно, та, на которой он прибыл.

--- Вот дерьмо, --- бормочет Олл. --- Держитесь за лной, вы все. Продолжайте двигаться.

Он разворачивается, сдергивая с плеча винтовку.

Криол Фоуст --- черное на черном, тень тени. Светлеет только его лицо, натянутая кожа белого цвета с коркой засохшей крови из раны в голове. Он приближается, под ногами хрустит галька. В правой руке свисает пистолет. Олл встает перед ним, держа оружие наготове.

--- Не подходи ближе! --- окликает его Олл.

--- Отдай его! --- кричит Фоуст. --- Отдай его мне!

--- Я не хочу стрелять или проливать кровь в этом месте, --- предостерегает Олл, --- но я это сделаю, если ты меня вынудишь. Возвращайся обратно и оставь нас в покое.

--- Отдай мне мой клинок. Мой клинок.

--- Убирайся.

Фоуст делает шаг вперед.

--- Знаешь, они его чуют, --- шипит он. --- Чуют.

--- Пусть чуют, --- отзывается Олл.

--- Они придут. Ты не хочешь, чтобы они пришли.

--- Пусть приходят.

--- Ты не хочешь этого, старик. Отдай его мне. Он мне нужен.

--- Мне он нужен больше, --- говорит Олл. --- Нужен для одного дела. Поэтому я сюда и прибыл. Он мне нужен для дела, которое так важно, что ты и представить себе не можешь.

--- Ничто не может быть важнее того, что я способен представить, --- отвечает Фоуст.

--- Последний шанс, --- произносит Олл.

Фоуст кричит. Кричит во весь голос:

--- Он здесь! Здесь! Прямо здесь! Удите и возьмите его! Удите и полакомьтесь им! Сюда! Сюда!

Винтовка издает треск. Утолкнув,

Фоуст заваливается назад, на береговые
камни.

Существа начинают шевелиться.
Существа, которых потревожил и привлек
воплъ Фюста и шум выстрела. Олл
слышит их. Слышит, как во тьме
хлопают крылья летучих мышей, скребут
по камню копыта и скользят чешуйки.
Голоса бормочут и рычат, издавая
нечеловеческие звуки.

--- Эй! --- кричит Олл своим
спутникам, которые прячутся во мраке. ---
Возвращайтесь ко мне! Назад. Соберитесь
вокруг.

Они спешат к нему. Кранк и Рейн.
Зибес. Девочка. Графт самый
медлительный.

--- Что это? --- спрашивает Кранк,
услышав звуки, которые издают существа,
приближаясь из темноты. --- Что
производит этот шум?

--- Не думай об этом, --- произносит
Олл, напрягая память и пытаясь
восстановить простую
последовательность жестов. --- Просто
оставайся рядом со мной. Здесь может

быть хорошо. Может быть достаточно тонко.

--- Что может быть достаточно тонко? --- спрашивает Рейн.

--- Откуда этот шум? --- взволнованно повторяет Кранк.

--- Что-то приближается, --- говорит Зибес.

--- Все в порядке, --- произносит Олл. --- В любом случае, мы скоро уйдем.

У него в руке кинжал. Обнаженный лезвием. Он шепчет, прося у своего бога защиты и прощения. А затем делает надрез.

--- Как ты это делаешь? --- спрашивает Кэтт.

Они все глядят на нее.

Олл улыбается.

--- Доверьтесь мне, --- говорит он. Он сильнее нажимает на нож, углубляя порез. Делает вертикальную щель высотой в человеческий рост. Делает щель в воздухе, и реальность расстунается.

Демонические звуки приближаются.

Олл оттягивает край разреза, словно занавес. Они открывают рты от

изумления, увидев, что находится с другою
стороны. Не это место. Не Калм. Не
разоренный черный как смоль берег.

Олл смотрит на них.

--- Не стану врать, что будет легко, ---
говорит он, --- поскольку так не будет. Но
это лучше, чем оставаться тут.

Они таращатся на него.

--- Следуйте за мной, --- произносит он.

УНИЧТОЖЕНИЕ

Мы продолжаем
сражаться.

Вентан, на Калте,
перед началом
Подземной Войны

[отметка: 219,479.25.03]

Колхиды, которую постиг горький и ужасный конец. Спустился все эти проклятые годы отсчет Калма все еще не закончен. В сущности, это бесполезное измучение, которое имеет лишь символическое значение, однако порой символизм — это все, что остается. Ритм. По крайней мере, уж это-то колхидские подгонки поймут.

Опустошенный мир пылает. Мир за мир. Почти не осталось платы, которую можно получить, и мало удовлетворения от кары, которой можно насладиться. Но дело должно быть закончено, чтобы отсчет можно было прервать, и это огромный шаг к завершению.

Вентан, потрепанный судьбой и службой капитан-ветеран, стоит на скальном выходе, глядя на погруженный во тьму ландшафт. В его полированной броне и зловещем визоре отражаются огненные бури, на кобальтовой синеве и золоте

пляшут яркие оранжевые узоры. Так много
прошло с тех пор, как это началось.
Галактика изменилась, а затем
изменилась вновь. Перемены,
ошеломлявшие его разум на Калте,
кажутся незначительными рядом с тем,
чему он стал свидетелем с тех пор. Конец.
Падение. Начало. Утрата.

Он не изведал страха, но познал боль.
Крушение порядка вещей. Он видел, как его
род обнаружил, что сам является
величайшим из врагов.

Годы Подземной Войны кажутся
столь далекими. Они блекнут, почти
забытые, как и та Империя, которая
воцарилась потом, и Ересь, которой все
завершилось.

Его офицеры ждут. Сержанты в
красных шлемах, младшие капитаны с
плюмажами и мечами. Вентан еще
полнит время, когда красный шлем
означал...

Времена меняются. Вещи меняются.
Пути меняются. Они ждут его,
нетерпеливо желая продолжения, гадая, о
чем думает старый ублюдок, что

занимает его так долго.

Наверху, на низкой орбите ожидает баржа «Октавиус», приготовившая циклонные торпеды.

Вентан оборачивается. Он думает об утраченных братьях и глядит на братьев, которые находятся с ним. Он протягивает закованную в броню руку.

Сержант-знаменосец передает ему штандарт. Тот самый, старый и потрепанный, помятый, древко слегка погнуто в нескольких местах. Разумеется, сержант думает, что проклятую штучковину можно было бы почистить и заламать.

Вентан принимает его, чтя каждую отметину на нем.

Он ставит его вертикально на пылающей скале Колхиды. Мерцающий свет пламени падает на золотистый плюмаж штандарта.

--- Мы маршируем во имя Макрагге! --- провозглашает сержант.

--- Нет, не сегодня, --- отвечает Вентан. --- Сегодня мы маршируем во имя Калта.

[отметка: неизвестно]

Пока Несущие Слово еще живы в
безумии Мальстрема или в безднах варна,
отсчет Калта будет продолжаться.

Он идет и сейчас.